

П.Ф. Николаев

Полёт орла

**Хроника “100 дней”
Наполеона Бонапарта**

П.Ф. Николаев

Полёт Орла

*Хроника «Ста дней»
Наполеона Бонапарта*

Москва
Экслибрис-Пресс
2009

Николаев П.Ф.

Полёт Орла. Хроника «Ста дней» Наполеона Бонапарта. –
М.: Экслибрис-Пресс, 2009. – 400 с.

ISBN 978-5-88161-266-5

Книга «Полёт Орла» – это фактически дневник императора Наполеона I за период с 1 марта по 22 июня 1815 года, то есть за время его знаменитых «Ста дней». Правда, написан дневник не лично Наполеоном Бонапартом, а его ближайшим окружением, его соратниками и противниками. Но от этого материал, собранный в книге, приобретает еще большую ценность, так как фиксирует деяния великого государственного деятеля, сына Молоха, с разных точек зрения и позиций. Словом, книга, предлагаемая на суд читателей, безусловно, интересна для людей, стремящихся заглянуть в быль и легенды веков, притягательных для нас своей неповторимостью. Судьба человека, которому посвящен труд П.Ф.Николаева, уникальна и поучительна.

ISBN 978-5-88161-266-5

© Николаев П.Ф., 2009
© Экслибрис-Пресс, 2009

**Сыну моему архитектору
Николаеву Андрею Павловичу,
достойному представителю са-
мой мирной и созидательной
профессии на Земле, – с любо-
вью сей труд посвящаю.**

Автор

От автора

Находясь на острове Святой Елены и спокойно анализируя минувшее, Наполеон часто вспоминал последний период своего правления. В очерке, посвященном этому времени, он утверждал, что сделал все, что было в человеческих силах, но ему не хватило того, что всегда ускользает неведомо куда и как – времени. «Даже Богу потребовалось семь дней, чтобы создать Вселенную», – писал узник европейских монархий.

Эпопея, связанная с фантастически дерзким предприятием великого завоевателя, буквально ошеломила современников. Его знаменитые «Сто дней» стали эталоном колоссальных возможностей индивида. В Западной Европе и США этот срок взяли на вооружение государственные деятели высшего ранга. До сего дня там принято судить о потенциальных возможностях главы государства по первым ста дням его правления. Тем самым, вольно или невольно, Запад во многом ориентируется на личность великого завоевателя. Далеко не случайно А.С. Пушкин говорил:

– Мы все глядим в Наполеоны.

Фигура французского императора представлялась его современникам полумифической. Его злейший враг корсиканец Поццо ди Борго утверждал:

– Наполеона еще не описали. Ему суждено остаться под покровом необъятной и несравненной тайны. Он – глубочайшая и почти необъяснимая загадка.

С тех пор, когда это было сказано, о Наполеоне Бонапарте написаны тысячи книг, и тем не менее покров таинственности не снят с императора до сего дня*. Поэтому особенно интересно проследить за повседневностью будней последнего периода правления этого необыкновенного человека, его «Ста дней».

* Смотрите, например, работу С.Ю. Никитина «Подлинная история Наполеона». М.: Изд-во «Вече», 2005.

Впрочем, название это не совсем точно, так как с 20 марта, когда Наполеон вновь захватил власть, по 22 июня, когда он вторично отрекся от престола, только 95 суток:

март – 12, апрель – 30, май – 31, июнь – 22.

Многие историки присоединяют к этому периоду время движения Наполеона к Парижу (1 – 19 марта). Тогда получается 114 дней. То есть, сто никак не «вытанцовывается». Но такова история: в ней многое держится на традициях, а традиция – это свято.

Кстати, поход за властью и последующее 95-дневное правление Францией неразрывно связаны между собой – второго не было бы без первого. Поэтому в предлагаемой читателям книге освещены оба периода (и даже несколько больше) наполеоновской эпопеи.

ТРИСТА ДНЕЙ ИЗГНАНИЯ

3 мая 1814 – 26 февраля 1815

Падение. Все пятнадцать лет своего единоличного правления Францией Наполеон вел непрерывные войны в Европе и все они, как правило, были победоносны. Народы и их правители трепетали перед новым Аттилой. Но 31 марта 1814 года случилось нечто невероятное в феерической карьере удачливого завоевателя – перед войсками союзных держав (Англии, Австрии, Пруссии и России) капитулировал Париж. Это был дерзкий и точно рассчитанный удар, нанесенный в спину Наполеона.

Французы, уставшие от бесконечных войн, восторженно встречали войска коалиции. Жорж Санд, бывшая тогда подростком, вспоминала:

– Парижане радовались, что их завоевали.

Франция не хотела больше сражаться, и маршалы потребовали отречения Наполеона от престола, что он и сделал 11 апреля. Так повелитель Европы в одночасье стал правителем крошечного острова Эльба, презентованного ему победителями, тем самым, утвердив собственным примером некогда высказанную мысль о смешном и великом*.

Дорога к морю шла через Прованс, провинцию с населением в большинстве своем сочувствовавшим Бурбонам. Карету Наполеона встречали проклятиями: «Долой тирана! Смерть негодю! Смерть убийце!»

На одной из почтовых станций на виселицу вздернули соломенное чучело с лицом императора, вымазанным кровью и калом. А когда меняли лошадей, к дверцам кареты прорвались раз-

* Покидая в декабре 1812 года армию, разгромленную в России, император сказал своему единственному спутнику генералу А. Коленкуру: «От великого до смешного только шаг».

ярные женщины, крича проклятия прямо в лицо вчерашнему властелину. В карету полетели камни.

Наполеон был еще под впечатлением трогательного прощания с гвардией. Поэтому ярость южан была особенно тяжела и оскорбительна для него. В обстановке враждебности и отчужденности провансальцев Эльба чудилась ему чуть – ли не землей обетованной.

– Нет, хватит! – говорил император своим спутникам. – На Эльбе я буду счастливее, чем когда – либо раньше. Только науки. Никакой короны Европы я бы теперь не принял. Я увидел, что такое народ. Разве я был не прав, презирая людей?

4 мая низложенный властелин прибыл в свое новое владение площадью в 211 квадратных километров и населением в 12 тысяч человек. Генералу Далесму, временно исполнявшему обязанности губернатора острова, Наполеон отправил следующее послание: «Генерал, я принес в жертву свои права в интересах Отечества, и я резервировал за собой суверенитет и владение островом Эльба, на что было получено согласие всех держав. Соблаговолите поставить в известность население острова об их новом статусе и о сделанном мной выборе, который я остановил на их острове для своего дальнейшего пребывания, памятуя о мягкости их нравов и мягком климате. Сообщите им, что все они станут предметом моего постоянного внимания и сосредоточения моих самых насущных интересов».

Высокопарный слог теперь уже бывшего властелина европейских держав не должен вводить нас в заблуждение. По договору, заключенному в Фонтенбло, Наполеон считался императором Эльбы, но он никогда не пользовался этим титулом, справедливо видя в нем насмешку над своим недавним прошлым.

Судьбу развенчанного императора разделяли 607 человек Старой гвардии. Вскоре к ним прибавились: отряд из 118 поляков, корсиканский батальон в 400 человек, батальон ополченцев Эльбы, тоже состоявший из 400 человек, и 119 моряков. Итого, более полутора тысяч. С этими силами Наполеон развернул на острове бурную деятельность.

Труды и дни императора. За короткое время был укреплен Портоферрайо, главный город острова. Соорудив несколько

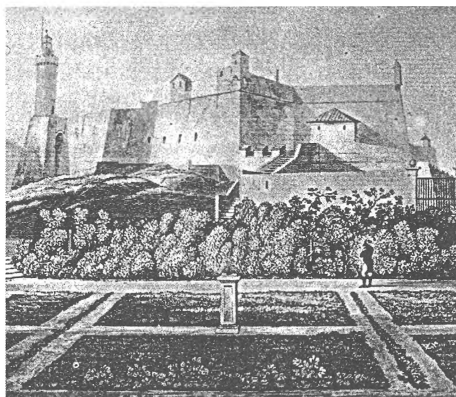
резервуаров, Наполеон улучшил снабжение города питьевой водой. В нем построили театр, лазарет и новую больницу. Каждый дом оснастили отхожим местом. Полностью привели в порядок сеть дорог. Построили новые дороги между основными поселениями: Портоферрайо, Марчиану, Порто-Лонгоне и Сан-Мартино. На острове ввели культуру картофеля, посадили оливковые деревья и шелковицы. Была значительно повышена производительность шахт и карьеров.

Все это требовало немалых средств. Сначала Наполеон тратил свои накопления, но довольно быстро они истощились. Вот тогда эльбианцы и почувствовали, что действительно стали объектом «внимания и сосредоточения самых насущных интересов» нового правителя. В каждом из перечисленных выше пунктов Наполеон выстроил для себя по дому. Здание в Сан-Мартино очень напоминало его пенаты в Аяччо – дом был таким же непритязательным и практичным. Правда, гораздо меньше родительского. Да и сам остров уступал Корсике по размерам в сорок раз, а по числу жителей – в десять. Но природные условия были схожи: скалы, пинии, смоквы, виноградники. Паруса небольших судов, рыболовецкие сети, плоские крыши домов, – все напоминало далекое детство.

Император довольно быстро освоился с новым для него положением и писал на континент: «Совсем не трудно привыкнуть к спокойной, созерцательной жизни, если имеешь резервы в самом себе. Я много работаю, сидя в кабинете, а когда выхожу из дома, испытываю мгновения счастья при виде моих старых гренадеров. Урожденные короли наверняка очень страдают, лишившись трона, их существование невымыслимо без помпезности и этикета. Для меня же, который всегда был солдатом, а королем стал случайно, эти вещи всегда были в тягость, война и полевой лагерь мне больше подходят. Из моего великого прошлого мне жаль только моих солдат. А из моих сокровищ и корон для меня самым ценным представляются те несколько мундиров французской армии, которые мне оставили».

Главной резиденцией императора стала усадьба «Мулини». Грубоватое строение главного здания возвышалось над Портоферрайо. Описание этой усадьбы сохранилось в воспоминаниях мамелюка Али: «Вдоль всего дома со стороны сада тянулся вал, защи-

щенный от лучей солнца навесом такой же длины. По утрам, когда бывала хорошая погода, навес разворачивали, чтобы император мог прогуливаться в тени. Преимущество навеса состояло также в том, чтобы в утренние часы он одновременно защищал от слишком сильной жары комнаты Его Величества. В восточной части сада на тумбах, обрамлявших вход в маленький цветник, стояли две довольно большие алебастровые вазы, в которые с наступлением ночи ставили лампы. Этот мягкий свет нравился императору».

Портоферрайо – усадьба «Мулини»

Дни изгнанника протекали по раз заведенному порядку. Вставал он, как правило, глубокой ночью. Спал мало и тревожно. Маршан, главный камердинер императора, утверждал:

– Он просыпался много раз за ночь. Мог спать, когда хотел. Шести часов сна ему хватало, спал ли он подряд или с перерывами. Вставал он в веселом настроении. «Открой окна, чтобы я вдохнул воздух, созданный Богом», – такой часто была его первая фраза.

Сразу после пробуждения Наполеон диктовал письма и приказы по острову. Из дома выходил на заре. В семь часов он завтракал, затем совершал прогулку и принимал любопытствующих, специально приезжавших на остров посмотреть на того, кто два десятилетия будоражил Европу. Каждую встречу хозяин острова использовал для получения свежих новостей.

В эти же часы император принимал официальных лиц – чиновников острова и представителей держав-победительниц,

наблюдавших за его деятельностью. На встречах с последними Наполеон нередко бывал довольно откровенен. Вот, например, что поведал он австрийскому барону Францу Коллеру:

– Упрямство мое возвело меня на престол. Я полагал, что мне не следовало переменять характера. Маршалы мои – свиньи, они имели в виду, как бы сохранить имущества свои, а я рисковал престолом, который я презирал. Мармону давал я чины по капризу моему. Все мне говорили, что он человек неспособный; я сам знал, что он никуда не годится, но я его возводил выше и выше, потому что мне сего хотелось. Я предполагал, что Талейран, воспитанный в революциях, воспользуется первым случаем, чтобы сделать против меня заговор. Я пошел на Сен-Дизие потому, что я знал из двадцатилетней опытности, что вы приходили в чрезвычайное замешательство, лишь только я отряжал несколько гусар на ваши сообщения. Этот же раз я стал на них со всею армиею, но вы обо мне мало заботились.

Свидетельство Коллера недвусмысленно говорит об одном: низвергнутый исполин жил прошлым, тщетно стараясь заглушить воспоминания о нем бурной хозяйственной деятельностью на маленьком клочке суши, окруженным водами Тирренского моря. Но вернемся к распорядку дня императора.

В полдень Наполеон обедал, один или с генералом Друо, назначенным им губернатором Эльбы. Обед бывал, как правило, весьма непритязателен.

– Блюда он предпочитал самые простые, – рассказывает Маршан, – чечевицу, фасоль белую и зеленую, которую очень любил, картофель, приготовленный различными способами, даже просто отварной или запеченный в золе, очень ему нравился. За столом он пил обычно шамбертен, сильно разведенный водой, очень редко употреблял вина наивысшего качества или ликеры. После обеда выпивал обычно чашку черного кофе. Удалившись в свои апартаменты, он надевал халат, проходил в кабинет и ждал там принятия ванны, на которую уходило обычно час или два. Он принимал ванну с соленой водой. Ему это шло весьма на пользу. Он там читал, порою диктовал, но редко.

После этого Наполеон проверял ход строительных работ и инспектировал маленькие гарнизоны, которые разместил во всех уголках острова. Во время одной из таких поездок императору

приглянулся необитаемый островок Пьяноза, находящийся в трех лье от Эльбы, и он немедленно приказал занять его, пошутив по этому поводу:

– Когда об этом узнают в Европе, то скажут: «Наполеон, одладеаеваемый страстью к завоеваниям, занял чужую провинцию».

В шесть часов подавался ужин. На нем обычно присутствовало десяток – полтора близких людей, в их числе сестра Полина и мать (Летиция), разделявшие отвержение Наполеона Европой. Вечер проходил в оживленной беседе. Иногда играли в карты, при этом император частенько плутовал. Мать ласково выговаривала ему:

– Наполеон, вы ошиблись.

– Вы, мадам, можете проиграть, – парировал император, – а я беден и должен выиграть.

Действительно, Летиция была женщиной состоятельной и прижимистой. На насмешки детей в отношении ее чрезмерной бережливости отвечала:

– Вы не знаете, что говорите; положение дел может измениться, и если однажды вы снова окажетесь на моем попечении, то будете благодарны мне за то, что я делаю сегодня.

Как в воду смотрела.

На долю этой женщины выпало немало горя и испытаний, что окончательно закалило железный характер прекрасной корсиканки. Летиция была достаточно умна, чтобы с сомнением относиться к суетности и непрочности всего происходившего вокруг ее великого сына. Герцогиня д’Абрантес говорила о ней:

– Она прекрасно разбиралась в людях и обладала большим тактом. Стоило ей взглянуть на человека, как она разгадывала его, и тот еще не успевал выйти из комнаты, как она уже знала, чего он стоит, делая при этом вид, что не обращает на него внимания.

Наполеон очень любил мать, и ее пребывание на Эльбе, безусловно, скрашивало его оторванность от мира политических страстей и амбиций. Характерна в этом плане такая деталь: каждый вечер император заканчивал наигрыванием на фортепиано указательным пальцем мелодии незатейливой народной песенки «Ах, скажу ли вам, матушка».

Рабочий день императора заканчивался в десять часов вечера. Под бой часов он прощался с присутствующими и уходил на покой. Но если в ходе вечерней дискуссии у него возникала размолвка с кем-либо, он обязательно подходил к нему и говорил:

– Ну что ж, мы поступили как влюбленные, мы поссорились! Но влюбленные мирятся, а примирившись, любят друг друга еще сильнее. Прощайте, доброй ночи, помиримся!

Понс де л'Эро, донесший до нас этот эпизод, заключает:

– Император удалялся с выражением столь явного удовольствия, что все бывали этим тронуты. Он не притворялся и показывал себя таким, как он есть. Он не мог отправиться ночевать, поссорившись с кем-нибудь: размолвка тяготила его словно кошмар.

Перед сном Наполеон выходил на террасу дома, чтобы подышать освежающим ночным воздухом и полюбоваться видом, открывавшимся с тридцатиметровой скалы: неоглядный горизонт воды и дымчатые очертания берегов Италии, где начиналась его громкая слава полководца. Тишина этих упоительных ночей нарушалась лишь волнами, которые разбивались о скалы там, внизу, в двухстах шагах от террасы, по которой он прогуливался, да криком часового: «Стой, кто идет!»

Лачужка в море. Осенью на остров прибыл Маршан, камердинер императора, который привез из Вены письмо своей матери, приставленной к сыну Наполеона, Римскому королю. Конечно, желанный посланник был тотчас введен в покои хозяина Эльбы.

«Я проследовал в апартаменты императора с моим письмом, – вспоминал Маршан. – Император разрешил мне вскрыть письмо и попросил меня прочитать его ему. В конверте я обнаружил тщательно сложенный клочок бумаги, на котором было написано: «Волосы Римского короля»; на другом куске бумаги было написано: «Моему сыну».

– Это принадлежит тебе, – сказал император, – а это мне.

Раскрыв клочок бумаги и увидев красивые светлые волосы своего сына, император сказал, чтобы я положил его в походный саквояж. Я положил волосы Римского короля рядом с локоном императрицы Жозефины, высланным императору на остров Эльба после ее кончины».

Наполеон тяжело принял весть о смерти первой жены: Жозефина занимала особое место в сердце этого железного человека. Угнетала и мысль о сыне, которого оторвали от него и воспитывали в немецком духе. Император с внутренним удовлетворением повторял слова Римского короля, сказанные ребенком после представления его дедушке:

– Я видел императора Австрии. Он некрасивый.

В непосредственности ребенка бывший властелин уловил истину, о которой говорил в своем окружении:

– Эти суверены, посылавшие ко мне торжественные посольства, называвшие меня братом и положившие в мою постель одну из своих дочерей, нынче проклинают меня как узурпатора и плюют на мои изображения, так как им не доступен оригинал. Они покрыли грязью величие королей!

В оценке своих противников Наполеон был не так уж и пристрастен. Вот портрет Людовика XVIII, данный в одной из немецких газет: «Он очень толст и, так сказать, лишен возможности пользоваться ногами. Засунутый в черные замшевые сапоги и поддерживаемый с двух сторон, он мог бы споткнуться и о соломинку».

В противовес своему сопернику император был здоров и бодр. Но через несколько месяцев бурной деятельности, развернутой на Эльбе, активность Наполеона стала спадать. И это неудивительно. Вчитайтесь в записи журнала распоряжений императора, который велся на острове:

«22 июня. При сильной жаре форейторы на службе должны носить рубаху и штаны из нанкина. Маленькой корсиканской лошадке выдавать ежедневно полрациона.

2 июля. Прошу проверить, может ли небольшая крестьянская повозка, запряженная мулом, возить груз кирпичей или капусты.

14 июля. Одобряю вычеты из жалованья слуг, которые проходят в больнице курс лечения против венерических болезней.

15 октября, великому маршалу Бертрану. Попеньяйте садовнику на то, что он нанял себе трех помощников (и это для сада размером с мою руку), чтобы сделать газон на склоне с использованием различного транспорта – тридцать фран-

ков; подстричь газон – пять франков; вырыть кусты – шесть франков».

Согласитесь, для человека, манипулировавшего десятками миллионов жизней, тасовавшего монархов Европы как карточную колоду, распорядившегося сокровищами многих стран, не с руки следить за одеяниями слуг, действиями садовника и учетом денежных расходов от тридцати до пяти франков. Все это Наполеону быстро надоело, и как-то с грустью он признал:

– Наш остров Эльба всего лишь маленькая лачужка.

Конечно, император мог бы сменить сферу деятельности – посвятить остаток своих дней воспоминаниям. Кстати, именно об этом говорил он со своим верным Коленкуртом, отправляясь в изгнание:

– Я буду жить, ибо я не нужен смерти – ни в постели, ни на поле боя. Мне достанет мужества переносить жизнь. Я напишу историю храбрых.

Мог бы написать, что и сделал впоследствии, но на исходе 1814 года решил: рано! Подспудная мысль о том, что Эльба еще не конец, зрела и укреплялась с каждым днем все больше и больше.

Находясь на острове в положении изгнанника, Наполеон был стеснен в своих внешних связях, но ограничение их не было абсолютным. Император получал английские и французские газеты. В его распоряжении было четыре небольших судна, которые совершали регулярные рейсы на континент и капитаны которых выполняли отдельные поручения правителя Эльбы. Остров осаждали многочисленные туристы, жаждавшие взглянуть на поверженного колосса и поговорить с ним. А с умными людьми император любил встречаться, порасспросить их, излить перед ними душу. Лорда Эбрингтона, приехавшего 6 декабря прямо из Франции, он попросил:

– Скажите мне откровенно, доволен ли народ?

– Не очень, – смущенно ответил англичанин. И тогда Наполеон разразился филиппикой против союзных держав, отдавших его трон Бурбонам.

– Вы оставили Франции, – говорил он, – все возможности вновь стать грозной державой и вместе с тем ранили самолюбие французов и породили чувство ожесточения, которое, если не

найдет выхода в борьбе против внешнего врага, рано или поздно приведет либо к революции, либо к гражданской войне. Я слишком хорошо знаю характер французов. Француз не так горд, как англичанин, но куда больше любит бахвалиться. Тщеславие руководит в нем во всем, оно делает его способным на любые действия. Солдаты были преданы мне безраздельно, я был им товарищем. Я одержал вместе с ними немало побед, и они знали, что будут мною вознаграждены, теперь же они чувствуют, что стали ничем. Во Франции насчитывается сейчас 700 тысяч человек, когда-то носивших оружие. Они отдают должное храбрости наших войск, все остальное презирают.

Император говорил горячо, переходя от одной темы к другой, но весь смысл монолога сводился к одному: без него стране лучше не стало.

— Франции нужна была аристократия. Я сделал принцев и герцогов, дал им крупные состояния, но из-за низкого происхождения создать настоящую знать не смог. Я пытался исправить положение, соединяя их брачными узами со старинными фамилиями. Королю* следовало поступить так же, вместо того, чтобы покровительствовать лишь тем, кто двадцать лет отсиживался в Лондоне.

На Эльбу рвались даже те, кому по их статусу делать это было вроде бы не совсем к месту. Мы имеем в виду принцессу Уэльскую. Узнав о ее намерении, Наполеон очень удивился, о чем и поведал позднее доктору О'Мира:

— Я, в ее же интересах, послал ей ответ с просьбой отложить ее визит на более поздний срок, в зависимости от того, как сложатся мои дела. В моем ответе я добавил, что по прошествии нескольких месяцев я буду иметь удовольствие принять ее. Я знал, что в то время мой ответ не мог обидеть принцессу, и поэтому я отложил ее визит. Удивителен был сам факт, что она хотела навесить меня, ибо у нее не было причины, чтобы быть расположенной ко мне. Ее отец и брат были убиты, сражаясь против меня.

Удивительны были не только намерения принцессы Уэльской, но и вообще частные посещения отверженного властелина именно англичанами. Любопытствующие путешественники ин-

* Людовику XVIII.

тересовались буквально всем: чем занимается великий человек? Как он относится к той или иной политической фигуре? Почему поступал в недалеком прошлом так, а не иначе? Почему, например, не пошел на заключение мира с союзными державами в Шатильоне?

— Я не мог заключить мир, пятнающий честь Франции, — ответил император. — Ведь Бельгия входила в ее состав, когда я пришел к власти. Другие страны, завоеванные мной, я имел право вернуть, но чтобы отдать собственно французские земли? Никогда. Я родился солдатом. И неожиданно оказался в гуще революции. Трон был свободен. Я просто занял его и удерживал, покуда мог. А теперь, теперь я вновь стал тем, кем был с самого начала: простым солдатом.

Интересовались посетители и планами императора. Наполеон вполне искренне говорил, что не помышляет ни о каких государственных переворотах, а подумывает о том, не стать ли ему в Англии мировым судьей. И спрашивал:

— Что предприняли бы против меня, если бы я поехал в Англию? Будут ли побивать меня камнями? Лондонская чернь весьма опасна.

Представители туманного Альбиона уверяли императора в обратном, ссылаясь на традиционное английское гостеприимство.

Оригинальной формой информации о настроении простых людей Франции были солдатские письма, которые гвардейцы императора получали с континента. Вот, например, что писал из Вердена отец сыну, служившему на Эльбе: «Я стал тебя любить куда больше, когда узнал, что ты сохранил верность императору. Я охотно верю тебе, что к нему приезжают со всех концов света, только чтобы посмотреть на него. А у нас здесь собираются люди отовсюду, чтобы прочитат твоё письмо и сказать, что ты — человек чести. Никакого почёта к Бурбонам нет, и нам не нравятся эти господа... Больше мне нечего тебе сообщить, кроме того, что я постоянно молюсь и заставляю молиться твою сестру за здоровье императора».

Вести, приходившие с родины, бодрили и вселяли надежду: нация была недовольна Бурбонами. Крестьяне, основная часть населения, боялись, что у них отнимут земли, приобретен-

ные во время революции. Армия волновалась из-за массовых сокращений. Промышленники и купечество были недовольны конкуренцией английских товаров, хлынувших на французский рынок. Негодовало многочисленное чиновничество бывшей империи, вытесняемое со своих постов ставленниками Людовика XVIII. Всеобщее недовольство вызывали наглость и жадность эмигрантов, вернувшихся во Францию в «обозе союзников».

Первые неприятности для Бурбонов последовали через два месяца после возвращения во Францию. Английский писатель В. Скотт, современник Наполеона, отмечал в своей работе, посвященной жизни императора: «Уже с июля 1814 года началось волнение в Италии, куда благодаря близкому соседству Эльбы, пребыванию там родственников Наполеона и правлению Мюрата, стали активно съезжаться многочисленные приверженцы и друзья свергнутого императора. Их деятельность постоянно расширялась и вскоре распространился упорный слух, что Наполеон в недалеком будущем вновь вернется к власти».

Да что Италия! В самой Франции все держалось только на силе штыков союзников. Наполеон еще только-только прибыл на Эльбу, а комиссар по внутренним делам граф Беньо уже получил следующее сообщение председателя контрольной коллегии: «По меньшей мере половина всего населения против восстановления Бурбонов и не хочет отказаться от Бонапарта. Она не верит в происходящее, а еще менее в то, что нынешнее положение прочно».

Особенно негодовали сменой режима армия и простой трудящийся люд, для которых свергнутый император сразу приобрел ореол мученика. «В двух этих сословиях, – читаем в полицейском донесении, составленном 24 июня в Нанси, – никто не обвиняет Бонапарта: его жалеют как человека, которого предали, который сумел бы выпутаться из всех трудностей, если бы его не обманули. Сдается, что его невзгоды и ошибки послужили только смягчению суждений общества на его счет. Его безумства, приступы ярости и некоторые странности поведения лишь в слабой степени повлияли на слепую веру солдат и народа в его гений. Прямых заговоров в его пользу нет, но это глупое поклонение ему есть своего рода заговор, которого следует опасаться, ибо он может решиться воспользоваться им».

«Свободная» печать королевской Франции частила бывшего императора узурпатором, деспотом, тираном, Аттилой и Нероном, а в казармах ветераны наполеоновских войн 15 августа шумно праздновали 45-летие своего кумира. Безработные, собравшись на набережной Жевр в Париже, скандировали его имя. Владельцы некогда национализированных земель готовились силой отстаивать их от посягательств вернувшихся эмигрантов. Словом, подспудно во Франции тлел огонь всеобщего недовольства. Требовались лишь небольшие усилия и колоссальная воля, чтобы направить стихию слепого гнева в нужное русло.

Нация интуитивно ждала вождя, взывала к нему. На горе Франции он был, и, как говорится, не за горами.

Колебания. Знал ли обо всем этом Наполеон? Безусловно, ибо не только читал газеты и воспринимал информацию от многочисленных посетителей Эльбы, но и активно выискивал интересовавшие его новости. На континенте у императора оставалась небольшая сеть агентов, которой руководил его метрдотель Сиприани. Сирота с рождения, он являлся доверенным лицом будущего императора с детства. Маршан так рассказывал о его миссии:

– Сиприани было поручено узнавать с помощью указанных ему людей о том, что происходило в дипломатических кругах столицы и на самом конгрессе, следить за отъездом собравшихся там монархов и сразу же предупреждать об этом императора: установить переписку с друзьями в Генуе, с тем, чтобы каждую неделю отправлять императору бюллетень о происходящем в Вене.

Осенью 1814 года в столице Австрии собрались: два императора (австрийский и русский), четыре короля германских государств, два наследных принца, три великих герцогини и 215 глав княжеских домов.

Сюда приехали 450 дипломатов и официальных лиц с их многочисленными помощниками, секретарями и обслуживающим персоналом.

Основной проблемой, которая решалась в Вене, был передел европейских границ. Народы континента тасовались как карты в колоде. Сотни тысяч человек, бывшие гражданами одно-

го государства, назавтра оказывались в другом. Конечно, действия вчерашних полувассальных правителей Европы чрезвычайно занимали ум их фактического повелителя, правда, уже бывшего, но английскому представителю на Эльбе полковнику Кемпбеллу Наполеон говорил:

– Все мои планы теперь ограничиваются пределами моего небольшого островка. Я ушел на покой. Я занят сегодня лишь моей семьей, моим одиночеством, моим домом, моими коровами и моим скотным двором.

А между тем «столица» острова кишела подозрительными личностями. «Порт-Феррайо, – писал В. Скотт, – отныне соответствовал данному ему названию Космополис. Он походил на большой двор казармы, в которой смешались военные, жандармы, полицейские, беженцы из разных стран, придворные, слуги, прохожие. Причем все они были как-то связаны с Наполеоном, получали или ждали от него милостей. Появлялись и исчезали самые подозрительные типы, неизвестно, как и зачем здесь оказавшиеся. В порту теснились суда из всех прибрежных городов Италии. Четыре вооруженных корабля Наполеона и семнадцать рудовозов постоянно были в пути, доставляя на Эльбу, а оттуда в Италию итальянцев, сицилийцев, французов и греков, несомненно имевших важные дела на острове, о которых они предпочитали не распространяться».

Чем же была вызвана эта скрытая деятельность отторгнутой Европой властелина? Что двигало его тайными помыслами? Что томило эту необузданную натуру: тщеславие? Обида? Жажда реванша или гнев патриота за поруганную Францию? По-видимому, не будет большой натяжкой, если сказать, что все это вместе переполняло душу необузданного воителя, все клокотало внутри него и рвалось наружу. Действительно, вспомним хотя бы о некоторых эпизодах жизни императора, начиная с его отречения, которое произошло 11 апреля 1814 года.

Выступая через несколько дней перед представителями стран-победительниц, император как бы мимоходом обронил:

– Я не вижу никакого величия в том, чтобы кончить свою жизнь, как потерявший все состояние игрок.

Многозначительное заявление! И нельзя сказать, что оно осталось незамеченным: переживая эйфорию, противники Бога

войны все еще боялись его, а потому ко всякому слову поверженного по-прежнему внимательно прислушивались.

20 апреля Наполеон вообще взбунтовался. Австрийского полковника Коллера, который должен был сопровождать его на Эльбу, он вдруг ошеломил следующими претензиями:

– Я решил уезжать. Союзники не верны данным мне обязательствам, поэтому я могу отозвать свое отречение, которое пока что условно. Нынешней ночью я получил более тысячи писем: меня заклинают снова взять бразды правления в свои руки. Я отказался от всех прав на корону только для того, чтобы избавить Францию от ужасов гражданской войны, ибо у меня никогда не было иных целей, кроме ее славы и процветания. Но, зная, какое недовольство вызывают принятые меры, теперь я могу объяснить моим гвардейцам, каковы причины, побуждающие меня отозвать отречение, и посмотрим, сумеют ли враги вырвать у меня из сердца моих старых вояк.

Коллеру удалось потушить эту внезапную вспышку. Но тем не менее, император пригрозил:

– Ну что ж, я, пожалуй, еще останусь верен своему обещанию, но если у меня появятся новые основания для жалоб, я буду считать себя свободным от всего, что пообещал.

Именно после этого разговора произошло знаменитое прощание Наполеона с гвардией. И весьма симптоматично его обращение к своим товарищам по оружию:

– Офицеры, младшие офицеры, солдаты моей Старой гвардии, я ныне прощаюсь с вами. Двадцать лет я неизменно вел вас по дорогам чести и славы. С такими как вы, нельзя считать наше дело проигранным. **Война никак не кончилась...**

Да, он не был бы Наполеоном, если бы смирился с поражением! Отречение было для него всего лишь тактическим ходом, временным отступлением; о чем император открыто сказал перед отъездом на Эльбу своему верному Коленкуру.

– Бурбоны – люди миролюбивые, они вполне устраивают иностранные державы, политике которых они никогда не будут мешать. Во Франции у них будет немало забот, ибо нация свыкнется с ними лишь при условии, что эти рутинеры отойдут от дел и откажутся от всех старых претензий, но требовать этого – значит просить невозможного. Через год они смертельно всем на-

доедят. Те, кто их окружает, движимы лишь страстями или ненавистью. С такими соратниками они вызовут лишь отторжение и погубят себя. Во Франции все умеют рассуждать, и хотя нас считают легкомысленными и ветреными, мы ничего не забываем. Эта страна нуждается в том, чтобы ею управляла твердая рука. Нужна сильная воля, но силу надо черпать в общественном мнении, а для этого надо объединить людей разных взглядов и обеспечить единство всех партий, чтобы нация была заинтересована в успехе правительства, стоящего на его защите.

Сильная рука во Франции была одна, и потому Наполеон логично заключил свой монолог:

– Сейчас все устали и хотят мира любой ценой. Через год всем станет стыдно, что они уступили не сражаясь и что их отдали на поругание русским и Бурбонам. И тогда все перебегут в мой лагерь.

Говоря о своем лагере, император явно имел в виду не остров, куда лежал его путь. Как всегда, он мыслил масштабно. И хотя через две недели после отречения конкретных планов у него не могло быть, мысль о том, что еще не все потеряно, что еще все можно вернуть, уже будоражила его ум, о чем он и высказался с присущей ему афористичностью:

– Пока написан только первый том моего жизнеописания, скоро последует второй.

Опасен, пока жив. Заняв престол Франции, освобожденный иностранными армиями для Людовика XVIII, Бурбоны успокоились, полагая, что обратный ход истории невозможен. Многочисленные предупреждения полиции о недовольстве народных масс просто игнорировались. Ид де Невиль, один из приближенных короля, предупреждал его:

– Бонапарт опасен всегда – бездействует он или нет. Память о его славе и удивительной судьбе по-прежнему жива в Европе и, прежде всего во Франции. Было бы неверно полагать, что его прежние сторонники, даже встав под другие знамена, потеряли сердечную привязанность к этому человеку, имеющему над ними магическую власть. Власть эту он сохранит, пока будет жив. До той поры пока он будет находиться вблизи от Италии или Франции, следует отдавать себе отчет в том, что даже в его отсутствие с именем его

всегда будут связаны интриги, честолюбивые помыслы, политическая борьба, восторг. Поэтому замышляет он заговоры или нет, напуган он своим положением или нет, он всегда будет представлять собой огромную опасность. Он будет опасен даже мертвый.

А бывший (и будущий) министр полиции Жозеф Фуше, ухитрявшийся процветать при всех режимах и правительствах, пытался провоцировать Людовика XVIII, прямо указывая ему на пути избавления от поверженного соперника. Как всегда, этот непревзойденный интриган действовал не прямо, а через посредника. Вот что рассказывает об этом Вальтер Скотт:

«Стремясь любым путем показать свою преданность Бурбонам, Фуше обратился к Наполеону со странным посланием, в котором доказывал, что для государя огромной империи неприлично стать правителем маленького островка. Он напоминал Наполеону, что его пребывание на Эльбе не отвечает его намерению удалиться из политической жизни, так как этот остров слишком близко расположен от некоторых взрывоопасных мест в Европе. В связи с этим Наполеон мог оказаться без вины виноватым и без всякого желания с его стороны возбудить волнения, вызвать тревогу».

А раз так, намекал Фуше, король Франции может поддаться на уговоры придворных и изменить положение экс-императора. Лицемер и ханжа, Фуше корил Наполеона за сохранение им своего титула, который служит лишь горьким напоминанием о былом могуществе, но в новых обстоятельствах может стать источником опасений его врагов, так как свидетельствует в пользу того, что император не отказался от своих притязаний. Фуше убеждал своего адресата объявить себя частным лицом и уехать в Соединенные Штаты Америки.

Конечно, интриган пекся не о благе бывшего повелителя – этим письмом, копию которого послал брату Людовика, он хотел приблизиться ко двору, войти в окружение нового правителя*.

* Фуше не ограничился отсылкой копии своего послания, но сделал к нему еще ряд пояснений, в которых указывал, что европейским народам и монархам не будет покоя, пока Наполеон находится так близко, и что пребывание его на Эльбе для Франции столь же опасно, как извержение Везувия в Италии.

К счастью, это грубое науськивание на поверженного владыку не дошло до короля, да и не до Наполеона ему было. Людовик XVIII, получивший власть после двух десятилетий скитаний по задворкам европейских столиц, наслаждался своим новым положением и не хотел ничего слышать о свергнутом предшественнике по престолу. Александр I говорил по этому поводу:

– Они (Бурбоны) ничего не поняли, ничему не научились*.

Улавливая настроение монарха, ближайшее окружение подлаживалось к нему. Граф Блакас, министр двора Людовика, услаждал слух короля байками такого рода:

– Что до Бонапарта, то это живой труп, не обладающий никаким влиянием и погребенный на клочке земли, отдаленном от континента.

Одному министру подпевал другой – директор полиции Бенью с видимым удовольствием докладывал о материальных затруднениях бывшего императора:

– По письмам людей из его (Наполеона) окружения видно, сколь несчастно и унижено это некогда столь знаменитое семейство: мать и сын впадают в такую мелочность, что о ней стыдно говорить. Бонапарт заменяет свечи маслом: он требует, чтобы в неделю использовали не более пяти фунтов свечей. Он экономит на всем, даже на стирке, даже на самых мелких статьях расходов.

Король злорадствовал. А между тем, по договору, заключенному в Фонтенбло, семье Наполеона ежегодно полагалось выплачивать два с половиной миллиона франков. И обязанность эта возлагалась на королевскую казну.

Союзники, продолжавшие опасаться Наполеона, не раз советовали Людовику не раздражать его. Британский представитель на Эльбе сэр Кемпбелл предупреждал 31 октября свое правительство: «Если и впредь Бонапарт будет испытывать нужду, не позволяющую ему поддерживать даже внешний вид своего двора, то он способен совершить со своими войсками высадку в Пьембино или решиться на какой-либо другой безрассудный поступок».

* Именно тогда в русский язык вошло понятие «бурбон» – синоним грубости, неповоротливости, неадекватности причины и действия.

Министерство иностранных дел Англии направило по этому поводу протест французскому правительству, но он не возымел никакого действия, хотя солидарность с Великобританией выразили и Австрия, и Россия. Александр I говорил, например, Талейрану, представлявшему Францию на Венском конгрессе:

– Договор не соблюдается, мы должны требовать его исполнения, ибо для нас это дело чести. Мы никоим образом не должны отказываться от своих обязательств. Австрийский император столь же привержен этому, как и я, будьте уверены, что его ранит подобное положение дел.

К сожалению, договор с поверженным властелином нарушался и по более существенным пунктам: Франц II удерживал около себя дочь, бывшую женой Наполеона, и его сына, что изгнанник переживал особенно остро.

Впрочем, хороши были обе стороны – и двор Людовика XVIII, и союзники: Бурбоны взяли курс на физическое устранение бывшего владыки Европы, а союзники ломали головы над тем, как бы еще подальше от цивилизованного мира запрятать своего фактического пленника.

Уже в апреле 1814 года, сразу после отречения Наполеона, некий авантюрист Мобрей покушался на императора. По его собственному признанию, поручение на убийство он получил от Талейрана, имевшего весьма веские основания для устранения одного из свидетелей его черных дел*.

Уже будучи министром иностранных дел Людовика XVIII, Талейран повторил свою попытку тайной расправы с повергнутым противником. По плану, разработанному генерал-адъютантом Мариотти, Наполеона хотели захватить во время его поездки на соседний островок Пьяноза, где его охраняли не так тщательно. Об этом заговоре стало известно благодаря госпоже де Сталь, немало претерпевшей в свое время от императора.

Постоянное опасение Наполеона вызывало также назначение комендантом его родной Корсики Брюлара. В начале столе-

* Шарль Морис Талейран-Перигор боялся Наполеона из-за той неприглядной роли, которую сыграл в расстреле герцога Энгисенского, последнего представителя боковой ветви Бурбонов-Конде.

тия он был правой рукой главаря шуанов Луи де Фротте, казнённого по приказу первого консула. Брюлар поклялся отомстить за смерть друга, и это тревожило императора, который не терпел неопределённости, предпочитая самому быть хозяином своей судьбы.

Кстати, о неблагоприятных действиях французского правительства узнали союзники: австрийцы перехватили одно из писем Мариотти. Франц II и Меттерних крайне неодобрительно отнеслись к мстительным замыслам двора Людовика XVIII. Неприятное для союзных монархов открытие стало одним из поводов для рассмотрения вопроса о перемещении Наполеона на периферию цивилизованного мира. Талейран, прибывший на Венский конгресс, докладывал Людовику XVIII: «Здесь чувствуется явное намерение убрать Наполеона с острова Эльба куда-нибудь подальше. Но куда ни у кого нет созревшей идеи, куда его девать. Я предложил один из Азорских островов. Там на пятьсот лье нет никакой суши».

Но другие участники конгресса были ещё более радикальны в своих намерениях. 7 ноября баварский король, ставший королём по воле Наполеона, предложил отправить своего благодетеля на остров Святой Елены. Через полторы недели о замыслах европейских монархов уже знали широкие круги населения. «В Италии арестовано несколько агентов или эмиссаров Бонапарта, в результате он вскоре будет переведён на остров Святой Елены» – сообщал «Журналь де Деба».

В декабре император узнал о намерениях союзников от своего бывшего секретаря Меневаля, регулярно сообщавшего обо всём, что происходило в Вене. Вскоре он прочитал об этом в английских газетах. Фактический пленник союзников был возмущён.

– Я солдат, – кричал он. – Пусть меня убьют, я подставлю свою грудь под пули, но ссылки я не хочу.

Несколько поостыв, Наполеон попытался понять, насколько реальна нависшая над ним угроза.

– Меня хотят перевести на Святую Елену или на Мальту. Я не советую им пытаться это сделать. У меня есть на полгода продовольствия, у меня есть пушки и храбрцы, готовые защитить меня. Бурбоны дорого заплатили бы за эту постыдную по-

пытку. Я не могу поверить, что Европа хочет обесчестить себя, вооружившись против одного человека, который вовсе не желает и не может причинить ей зла.

К сожалению, довольно скоро императору представилась возможность убедиться именно в этом – Европа в едином порыве негодования и страха двинулась именно на одного человека, видя только в нём источник всех кровопролитий первых полутора десятилетий XIX столетия.

Без права выбора. И личные обстоятельства (удержание в Вене жены и сына, лишение средств к приемлемому образу жизни, преследование родственников), и угроза сделаться не номинальным, а фактическим узником Европы, – всё это концентрировало мысли Наполеона в одном направлении: как вновь обрести свободу действий. Поводов к тому, чтобы отринуть соглашение, подписанное монархами Европы в Фонтенбло, было достаточно. На острове Святой Елены Наполеон подробно перечислил их:

– Было обусловлено и согласовано, что всем членам моей семьи будет разрешено последовать за мной на Эльбу. Но в нарушение этой договоренности моя жена и мой ребенок были схвачены, их удерживали, и им никогда не разрешили присоединиться ко мне. Им также должны были быть пожалованы герцогства Пармы, Плацентци Гуасталлы, но они были лишены этого. В соответствии с договором принц Евгений должен был получить княжество в Италии, которое ему так и не было пожаловано. Моя мать и братья должны были получить пенсии, но им также было отказано в этом. Моя личная собственность и все мои сбережения, накопленные мною на основании гражданского листа, должны были быть сохранены для меня. Вместо этого они были отобраны у Лабуйери, моего казначея, вопреки договору, и все мои требования возратить их были отвергнуты. Личная собственность моей семьи должна была оставаться неприкосновенной – она была конфискована. Вклады, предназначенные для армии, должны были сохраняться – они были изъяты. Также не были выплачены пенсии в размере ста тысяч франков лицам, указанным мною. Более того, на Эльбу были подсланы наемные убийцы, чтобы уничтожить меня. Никогда условия договора не были так беспардонно нарушены и, факти-

чески, открыто осмеяны, как это сделали союзники с условиями договора в Фонтенбло.

Конечно, Наполеон был возмущен бесцеремонностью тех, кто совсем недавно унижался и лебезил перед ним. Но решающим стимулом в его попытке восстановить свою власть были не личные мотивы, а благоприятная ситуация, которая складывалась во Франции. Об этом говорят многие свидетельства современников.

Постоянно и весьма не беспристрастно наблюдал за повергнутым противником Нейл Кемпбелл, английский представитель на Эльбе. Так, 16 сентября он имел трёхчасовую аудиенцию, во время которой Наполеон, не терпевший статического состояния, безостановочно ходил из угла в угол своего кабинета и всё время говорил. Император был возмущён тем, что Франция уступила союзникам Бельгию и Антверпен.

– Я говорю как посторонний зритель, – подчёркивал Наполеон, – не ожидающий здесь никаких личных выгод, но кто оскорбляет таким образом Францию, плохо знает характер её народа. Его главными чертами являются гордость и слава, и союзникам не надо надеяться, что французы останутся довольными и спокойными при теперешнем положении их родины. Французский народ побеждён только численным превосходством, но не покорён. Франция сохранила ещё значительные резервы, ибо я всегда берёг жизнь французов, посылая в наиболее опасные места итальянцев, немцев и других иностранцев.

Из дальнейшего разговора с англичанином выяснилось, что французы недовольны не только внешним положением страны, но и внутренним. Кемпбелл признал, что много недовольных внутренней политикой правительства Людовика XVIII: засильем бывших эмигрантов, притеснением рядового и офицерского состава старой армии, заискиванием перед иностранцами. По поводу последнего Наполеон заметил, что признательность Людовика XVIII к завоевателям оскорбительна для Франции, и его в насмешку называют вице-королём Британского государя. В отношении же себя император счёл нужным сказать:

– Все мои планы теперь ограничиваются пределами моего небольшого островка. Я мог бы продолжать войну ещё хоть двадцать лет, если бы захотел. Но я ушёл на покой.

Весьма симптоматичная оговорка, если при этом учесть, что императора никто за язык не тянул и его планами не интересовался, особенно такая посредственность как Кемпбелл, который говорил ошарашенному лорду Холланду:

– Таланты Наполеона не выше тех, которые требуются от простого супрефекта!

Следующий обстоятельный разговор императора с оком Британской империи состоялся 30 октября. Наполеон вновь говорил об унижении Франции отнятием у неё Бельгии и Антверпена. Французы, по его словам, всегда считали Рейн своей естественной границей, и это убеждение ничто не сможет поколебать.

– Во Франции, – подчёркивал император, – вполне достаточно людей, способных встать на защиту её чести и достоинства, а по своим боевым качествам французы не уступят ни одному народу Европы.

В связи со своей характеристикой французского народа Наполеон коснулся его истории, но вскоре вернулся к реальности настоящего дня, оценка которого была весьма негативной: пребывание в Париже лорда Веллингтона оскорбительно для Франции; в стране нарастает недовольство и у короля мало сторонников, как в армии, так и в народе. Но затем император резко переменяет тему разговора, стремясь подчеркнуть свою личную незаинтересованность в событиях дня:

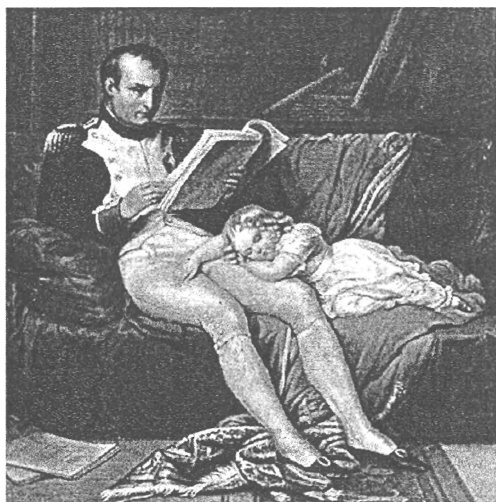
– Я человек конченный. Я родился солдатом, достиг престола, вынужден был оставить его и теперь готов ко всему. Меня можно сослать в далёкую страну или здесь уничтожить, я с радостью подставлю мою грудь кинжалу убийцы.

Последняя реплика должна была показать собеседнику как смирение бывшего воителя, так и осведомлённость о планах союзников и двора Людовика XVIII в отношении его, Наполеона, личности. Но тут же забыв о своей «отстранённости» от текущих событий император заявил, что во Франции складывается положение, чреватое новой вспышкой революции, что потребует его возвращения к политической жизни.

– Тогда, – заключил Наполеон, – европейским государям в их собственных интересах придётся призвать меня для восстановления порядка.

И после такого заявления Кемпбелл сделал, мягко говоря, парадоксальный вывод, который поспешил довести до своего правительства: «Я начинаю верить, что он (Наполеон) целиком смирился со своей отставкой и, кажется, вполне ею доволен».

Чтобы сделать такое умозаключение человеку, специально поставленному для наблюдения за фактическим пленником, нужно было не только не знать своего «подопечного», но вообще не иметь в голове серого вещества. Присутствие на Эльбе надсмотрщика именно такого уровня во многом способствовало осуществлению плана императора, крепнувшего с каждым днём. И смутные мысли о свободе всё больше обретали конкретное содержание.

Наполеон с сыном. Худ. Прудон

Император не спешил делиться своими планами с ближайшим окружением, но из его намёков и оговорок можно было сделать вполне определённые выводы. Поэтому 1815-й год начался для него с весьма многозначительного пожелания слуги.

– Ну, какой новогодний подарок ты мне приготовил? – шуточно спросил Наполеон камердинера.

– В качестве подарка вашему величеству, – ответил Маршан, – я могу лишь пожелать быстреего воссоединения с императрицей и королём Рима.

– Несчастное дитя! – тяжело вздохнул император.

Своим «ворчунам» (так Наполеон называл воинов Старой гвардии), изнывавшим на острове от безделья, он делал весьма прозрачные намёки:

– Наберитесь терпения! Постараемся прожить последние зимние деньки как можно лучше. А потом подумаем, как провести весну, может, не так как обычно.

Будучи в хорошем настроении, напевал: «Если бы только король отдал мне Париж, этот свой большой город...» За этой перефразировкой народной песни («Я так люблю свою милочку, отдайте ж мне Париж!») уже угадывалась некая определенность в планах великого человека.

К последнему шагу императора подтолкнуло решение Венского конгресса от 10 февраля о депортации его с острова Эльба. Чтобы соблюсти видимость законности своих действий, союзники решили обвинить Наполеона в сговоре с неаполитанским королем Мюратом. Мысль эта пришлась по душе абсолютно всем. Принципиальное согласие было достигнуто, дело оставалось за малым: окончательно определиться с новым местом фактического заточения императора.

Решающий день. По утверждению Наполеона, за время его пребывания на Эльбе, там побывало более ста офицеров из Франции, Италии и с Корсики.

Его посетила масса любопытствующих туристов. И каждый человек, вольно или невольно, приносил императору сведения о положении дел на континенте, о настроении масс и их правителей. Кроме того, на Эльбу поступали газеты из Англии, Франции и Италии; имел император и собственных информаторов.

Все это позволяло изгнаннику быть в курсе событий, волновавших Европу. Конечно, о закулисных переговорах победителей он знал далеко не все, но обладая недюжинным умом и

* Данный сюжет очень напоминает анекдот из прошлого нашего Отечества. В 1965 году Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев был лишен всех своих постов и отправлен на пенсию. На это событие народ откликнулся анекдотом: Л.И.Брежнев, занявший освободившееся место, собрался в отпуск. Хрущев тотчас написал заявление в ЦК КПСС с просьбой «поругать» страной на время отсутствия на своем посту ее главы.

богате́йшим опытом политической жизни, о многом догадывался. А главное понимал, что старые режимы Европы панически боятся его, безоружного и отвергнутого, и не остановятся ни перед чем, чтобы окончательно погубить.

И тем не менее, обдумывая в уединении непрошеного владения свой великий и дерзкий план, Наполеон долго колебался. Решительный перелом в его сознании, по мнению многих историков, произошел около середины февраля, когда его посетил тайный посланец Маре, его бывшего министра иностранных дел. Это был Флери Шабуллон, мелкий, а потому незаметный для соглядатаев, чиновник Государственного совета.

Ничего нового, чтобы император не знал, Шабуллон не рассказал. Но в этом визите важно другое – намек бывшего министра (а посланец говорил от его имени) на то, что время Наполеона пришло, что именно сегодня его день и час. Изгнанник понял это, а потому доверительно и долго разговаривал с маленьким человеком, как бы оправдываясь перед ним. Прежде всего Наполеон рассказал о причинах, побудивших отказаться от власти:

– Когда я отрекался от престола, я верил, что Бурбоны, исправившись и чему-то научившись в несчастье, не повторят вновь ошибок, погубивших их в 1789 году. Я надеялся, что король станет править вами по-доброму, это был единственный способ заслужить ваше прощение за то, что он был навязан вам иностранцами. Но с тех пор как Бурбоны вернулись во Францию, они наделали одни только глупости.

Особенно задевала императора внешняя политика новой власти, её безоговорочная капитуляция перед союзниками.

– Их договор от 23 апреля, – говорил Наполеон, – меня глубоко возмутил. Одним росчерком пера они отняли у Франции Бельгию и другие владения, завоёванные ею после революции. Из-за них она потеряла арсеналы, флот, верфи, артиллерию и огромное количество боеприпасов, накопленных мною в крепостях и фортах, которые они сдали. Эту низость их заставил совершить Талейран. Заключить мир на таких условиях было просто.

Не сумев (а вернее, не пожелав) добиться от союзных держав более достойных условий мира, Бурбоны сразу скомпрометировали себя в глазах простых людей Франции. Ещё менее ус-

пешной оказалась их внутренняя политика, связанная с большими злоупотреблениями вернувшегося из эмиграции дворянского охвостья.

– Порода Бурбонов более не в состоянии править. Их правительство устраивает лишь священников, знать и престарелых старорежимных графинь. Нынешнее поколение видит всю его никчёмность. Революция приучила народ к тому, что государство считается с ним: он никогда не согласится впасть в прежнее ничтожное состояние, вновь стать жертвой знати и церкви. Армия никогда не будет принадлежать Бурбонам. Наши победы и наши несчастья связали нас неразрывно: только со мной армия сможет отомстить и вновь обрести мощь и славу. От Бурбонов ей приходится ждать одни лишь оскорбления и пинки. Короли держатся на троне либо страхом, либо любовью своего народа. Бурбонов не боятся и не любят. Они сами рухнут с трона.

Критикуя Бурбонов, Наполеон обратил внимание своего благоговейного слушателя на тот факт, что Людовик XVIII ради трона пожертвовал интересами родины, тогда как он сам действовал исключительно в интересах своего народа. Измена отчизне (даже в мыслях) претила натуре воина.

– Я бы скорее позволил отрубить себе руку! – с негодованием воскликнул император и продолжал уже в более спокойном тоне: – Если бы, подобно им, я хотел разорения Франции, они не сидели бы сейчас на моём троне. Но я предпочёл отказаться от престола, нежели сохранить его в ущерб моей славе и чести Франции. Обесчещенная корона – это страшный груз. Всё, что я делал, я делал для Франции. Ради неё, а не ради себя я хотел сделать её величайшей страной в мире.

Филиппики Наполеона в адрес Бурбонов не были новостью для тех, кто повидал его на Эльбе. Но тут прозвучало нечто другое, неожиданное – обещание возмездия:

– Мои враги писали повсюду, что я упорно отказывался заключить мир. Они представляли меня жалким безумцем, алчущим крови и резни. Подобные речи в их духе: когда хотят убить пса, надо заставить поверить, что он взбесился. Но Европа узнает правду. Я со всей решительностью разоблачу англичан, русских и австрийцев. Европа скажет своё слово. Она увидит, кто лукавил и

хотел кровопролития. Если бы я жаждал войны, то мог отступить с армией за Луару и вволю наслаждаться войной в горах. Я вовсе этого не хотел, я устал от резни.

Разоблачая противников, Наполеон рассказал Шабулону даже о том, какие торги за его трон шли в апреле прошлого года:

– За моё отречение они предложили мне Италию, но я от неё отказался. Тот, кто царствовал во Франции, не должен править никой другой страной. Я выбрал остров Эльба, и они были безмерно счастливы отдать его мне. Подобное положение меня устраивало. Оттуда я мог следить за Францией и Бурбонами.

У собеседника императора естественно просился с языка вопрос: а зачем эта слежка, ваше величество, если вы ушли в частную жизнь? Но, не дав Шабулону опомниться, Наполеон сам огорошил его вопросом:

– Что бы вы сделали, будь Бурбоны изгнаны? Восстановили бы республику?

– Республику, сир! Об этом никто и не думает. Может быть, установили бы регентство.

– Регентство? – искренне удивился император. – Чего ради? Разве я умер?

– Но, сир, ваше отсутствие...

– Моё отсутствие ни при чём: через два дня я был бы во Франции, если бы нация позвала меня.

Допустив такую возможность, император поинтересовался:

– Вы думаете, я поступил бы правильно, вернувшись?

– Сир, лично я не осмелюсь принять подобное решение, – смутился Шабулон.

– Я не об этом вас спрашиваю, – резко поправил его Наполеон. – Отвечайте: да или нет.

– О да, сир.

– Вы так думаете? – не смог сдержать император волнения.

– Да, сир, – продолжал Шабулон. – Я убеждён, так же как и господин Маре, что народ и армия примут вас как освободителя и с воодушевлением поддержат вас.

Конечно, мнения такого рода Наполеон уже выслушивал не раз, тем не менее, по уверениям Шабуллона, император был

заметно возбуждён. Но в тот вечер он ничего не сказал Флери, назначив встречу на следующий день, когда объявил, что решение его принято. Правда, он ничего не сообщил о намеченных сроках бегства с Эльбы, а Шабулон, разумеется, не посмел об этом спросить. Прощаясь с посланцем Маре, Наполеон разразился очередным монологом, в котором клеймил монархическую Европу, полтора десятилетия пресмыкавшуюся перед ним:

– Монархи, после того как почтительно посылали мне посольства, после того как уложили в мою постель девицу своей породы, после того как величали меня братом, стали звать меня узурпатором и плюнули в себя, желая плюнуть в меня. Они унизили величие королей, изваяв его в грязи.

Коснувшись большой для него темы (царствование не по наследству), Наполеон высказал несколько блестящих мыслей по этому поводу:

– Да и что такое звание императора? Всего лишь слово, такое же, как и все прочие. Если бы я предстал перед потомками с одним только этим титулом, они рассмеялись бы мне в лицо. Созданные мною общественные институты, мои благодеяния, мои победы – вот подлинные титулы моей славы. Пусть меня зовут корсиканцем, капралом, узурпатором, мне всё равно. Тем не менее я буду вызывать удивление, а то и восхищение будущих поколений. Имя моё, пусть и не древнее, будет жить в веках, тогда как потомственных королей забудут раньше, чем черви успеют пожрать их трупы.

Итак, решение было принято! Сумбурные мысли и благие желания, будоражившие ум императора на протяжении нескольких месяцев, наконец-то оформились в твёрдое намерение и начали воплощаться в конкретный план. О том, что это было именно так, поведал потомкам Понс де л'Эро, управлявший на Эльбе шахтами:

– Я готов спорить с любым, кем бы он ни был, что за первые шесть или семь месяцев своего пребывания на острове Эльба император не сделал ничего, ни малейшего шага, могущего убедить в том, что он уже вынашивал свой тайный план, который с таким блеском впоследствии выполнил.

То есть, неясные ощущения и волнующие мысли об изменении своей судьбы начали складываться у Наполеона в его дерз-

кий план где-то на исходе осени 1814 года. Последний же толчок к приведению плана в действие дало решение Венского конгресса о депортации императора в отдалённые места цивилизованного мира. Это трусливое решение стало поистине фатальным не только для Наполеона, но и для народов Европы, втянув их в мясорубку Ватерлоо.

Лишь смелость и отвага. Многолетний правитель Франции и удачливый полководец был человеком энергичным и решительным – задумав что-либо, он не откладывал его осуществление в долгий ящик. Поэтому после отъезда с Эльбы Флери Шабуллона события на острове развивались стремительно.

Первым делом Наполеон постарался связаться с Мюратом, женатым на его сестре Каролине. В 1814 году этот маршал предал императора, сохранив тем самым неаполитанскую корону. Теперь ситуация изменилась: трон под Мюратом зашатался (союзники решили от него отделаться), и он был не прочь переметнуться от венских «благодетелей» в лагерь им враждебный. Император писал своему шурина: «Дорогой мой Мюрат, благодарю вас за всё, что вы сделали для графини Валевской. Хочу вам её рекомендовать и прежде всего её сына, который мне очень дорог. Колонна передаст вам нечто великое и очень важное; надеюсь на вас и на быстроту исполнения. Время не ждёт. Мои наилучшие пожелания королеве и всем вашим детям. Всегда к вашим услугам.»

Мария Валевская была на Эльбе с 1 по 3 сентября. Приведённое выше письмо датировано 17 февраля. То есть заботу о любимой женщине и своём сыне Наполеон проявил через полгода после свидания с ними! Конечно, это был всего лишь легальный повод для того, чтобы отправить в Неаполь своего человека, который должен был передать Мюрату «нечто великое и очень важное». Что именно, думаем, читатель уже понял.

Следующий день (18 февраля) запомнился окружению императора его кратким разговором с Понсом де л'Эро:

- У вас есть наготове корабли?
- Да, сир, они скоро будут готовы.
- К какому числу?
- К двадцатому.
- Хорошо. Я рассчитываю на вас. Я благодарен вам за молчание.

Подготовить несколько судов к плаванию требует немало времени. То есть приказ об этом был отдан никак не позже того дня, когда император принял решение оставить надоевший ему остров. Первым, кому Наполеон открыто сказал об этом, был граф Друо, назначенный им губернатором Эльбы.

– Меня ждет вся Франция, – заявил император, – вся Франция требует меня. Через несколько дней я покину остров, чтобы исполнить пожелание народа.

20 февраля Наполеон вновь встречался с Друо. На этот раз он распорядился перевести шестнадцать человек из корсиканского батальона в гвардию:

– Выдать им меховые шапки, если они есть на складе, если их нет, пусть прицепят к своим киверам какой-нибудь знак отличия.

21 февраля началась загрузка судов. Ночью на бриг «Непостоянный» и парусно-весельное судно «Звезда» перевезли артиллерийские орудия, ружья и ящики с патронами.

22 февраля генерал Друо получил очередной приказ императора:

– Пусть первые три роты батальона стрелков, расквартированного в Портоферрайо, все поголовно переоденутся в зелёные мундиры.

В тот же день с островка Пьяноза переправили на Эльбу польских улан с их лошадьми. Тогда же состоялся весьма многозначительный разговор Наполеона с казначеем Пейрюсом.

– Ну, Пейрюс, какие новости? – прервал император его болтовню с интендантом Бальбиани. – Что тебе сказал интендант?

– Сир, в ту минуту, когда ваше величество соблаговолили навестить меня, мы с Бальбиани беседовали по поводу слухов, которые циркулируют в городе, что ваше величество намерены присоединиться к неаполитанскому королю.

– Ах, вы два болвана... – удивился Наполеон как быстро его сокровенное стало достоянием пересудов. И, по-видимому, немало порадовался тому, что на острове нет английского соглядатая: Кемпбелл отплыл 17 февраля в Ливорно.

Пожутив сплетников, император спросил казначея:

– Сколько весит миллион золотом? Сколько весит чемодан с книгами?

Книги и золото вместе не укладывались в голове казначея, и он тупо молчал, дивясь заданным вопросам. Понимая замешательство Пейрюса, Наполеон распорядился:

– Так вот, месье казначей, – берите чемоданы, заполняйте их золотом, сверху кладите книги из моей библиотеки, их вам выдаст Маршан. Все вещи упакуйте сами.

23 февраля на суда «Непостоянный» и «Звезда» погрузили провиант. Слухи о готовящемся отъезде императора уже широко циркулировали на острове. Один торговец растительным маслом писал приятелю на континент: «Солдаты с важным видом красуются в своих мундирах и говорят о предстоящих боях, из которых они выйдут, по крайней мере, сержантами».

Вечером император приказал Маршану приготовить ему две формы – стрелка и гренадёра. Кроме того, предусмотрительный камердинер запасся на всякий случай трёхцветной кокардой.

В этот же день у Наполеона состоялся конфиденциальный разговор с матерью. Выйдя с ней в свой небольшой сад, он без предисловий заявил:

– Мама, я должен вам кое-что сказать, но запрещаю передавать кому-либо мои слова. Сегодня ночью я уезжаю.

– Куда же?

– В Париж. – И, не давая матери опомниться, продолжал: – Я не могу умереть на этом острове, кончить своё поприще в покое, который был бы недостоин меня. Армия меня желает. Всё заставляет меня надеяться, что, увидев меня, армия поспешит ко мне. Конечно, я могу встретить на дороге непредвиденное препятствие, я могу встретиться с офицером, который верен Бурбонам, который остановит порыв войска, и тогда я буду кончен в несколько часов. Этот конец лучше, чем пребывание на этом острове... Я хочу отправиться и ещё раз попытать счастья. Каково ваше мнение, мать?

Летиция была потрясена – все рушилось: тишина и безопасность, полученные на этом небольшом клочке суши; спокойствие за сына, побывавшего за двадцать лет в шестидесяти сражениях; надежды на изменения к лучшему положения всей семьи. Но умная женщина понимала, что ничто не способно остановить ее любимца, уже принявшего решение, и, подавляя свои материнские чувства, сказала:

– Подчинитесь своей судьбе, сын мой. Господь не допустит, чтобы вы умерли от яда или от дряхлости, скорее всего он захочет, чтобы вы погибли с мечом в руке. Станем же полагаться на защиту Мадонны!

Летиция Бонапарт – мать Наполеона

Это был ответ женщины огромного мужества и великого честолюбия. Именно она дала первый импульс фантастической карьере Наполеона, убедив его в своё время поменять любимую Корсику на чуждую (в то время) Францию.

– Корсика – всего лишь бесплодный остров, незаметный клочок земли, – говорила Летиция в 1793 году. – Франция же, напротив, велика, богата, густо населена. Она охвачена пожаром: это, сын мой, благородный огонь, он стоит того чтобы рискнуть и сгореть в нём.

Теперь Летиция благословляла сына на предприятие дерзкое, не поддающееся трезвым расчётам и логическим объяснениям. Но инстинктом матери она поняла: Эльба – не предел возможностей её великого сына.

Говоря об отплытии с острова «сегодня ночью», Наполеон несколько поспешил: 24 и 25 февраля он ещё оставался на Эльбе и работал.

– Все эти последние дни, – вспоминал Маршан, – на ковре в салоне императора была расстелена большая карта Франции, он, ползая на коленях, намечал маршрут.

В канун отплытия с острова император трудился над воззваниями к французскому народу и армии. Маршан, единственный свидетель работы своего кумира, свидетельствует:

– Он диктовал с жаром: на лице его отображался весь пыл его души. Говоря о родине, о бедах Франции, он воодушевлялся. Гений воспарял ввысь. Я видел императора в разных обстоятельствах, но никогда не видел его прекраснее.

Современный французский историк Доминик де Вильпен так характеризует эти документы: «Сила слова поднимается до высот стоящей перед Наполеоном задачи. Для каждого из тех, к кому он обращается, он находит свои слова. В воззвании к армии он затрагивает струнку поруганной чести, в воззвании к народу делает упор на нарушении национального суверенитета. Но аргументация остаётся прежней: он противопоставляет свою законную власть – он избран народом – власти, узурпированной Бурбонами, которые навязаны Франции за границей.»

26 февраля 1815 года было воскресным днём. Наполеон встал в шесть утра. Когда он брился, вошел врач и император сразу озадачил его:

– Послушайте-ка, Форо, вы приготовили вешалку? Мы едем во Францию.

Приняв слова повелителя за обычный розыгрыш, врач ответил с улыбкой:

– Мне бы этого очень хотелось, но я не вижу никакого повода, чтобы в это поверить.

– Как так! – рассердился император. – Если это говорю я, значит, так оно и есть! Будьте, во всяком случае, готовы к вечеру.

День выдался прекрасный. Жители Портоферрайо бежали к порту, чтобы посмотреть на небольшую флотилию Наполеона: бриг «Непостоянный», шлюп «Каролина», весельно-парусные суда «Звезда» и «Сен-Жозеф». В это время в порт вошел барк «Сент-Эспри». Император приказал казначею арендовать его. Капитан запросил две с половиной тысячи франков. Казначей решил, что это много.

– Пейрюс, – набросился на него Наполеон, – вы настоящий волокитчик! Заплатите капитану столько, сколько он просит!

С пяти до семи вечера шла погрузка миниатюрной армии: 600 гвардейцев, 300 человек из корсиканского батальона, 60–80

пассажиров. Флотилией командовал капитан Шотар, его заместителем был лейтенант Жарри.

Император в это время принимал знать острова. Он представил нотаблям доктора Лапи и объявил, что оставляет его на Эльбе в качестве губернатора.

– Я вам доверяю защиту города, – говорил Наполеон. – Я оставляю на вас мать и сестру. Могу ли я проявить большее доказательство доверия к вам?

Отпустив нотаблей, император побыл несколько минут наедине с матерью и сестрой. Маршан находился в соседнем помещении. Неожиданно в него вбежала рыдающая Полина. Протянув руку с бриллиантовым ожерельем, она вымолвила:

– Вот, берите, император велел отдать его вам. Оно может ему понадобиться.

Около семи вечера Наполеон сел в карету и направился в порт. На нём был знаменитый зелёный мундир с красными обшлагами, серый редингот и черная бобровая шляпа с широкими полями – одеяние, в котором армия привыкла видеть своего вождя.

Дорогу освещало множество ламп. Слышались крики толпы: «Да здравствует Наполеон!» На площади перед Морскими воротами император попрощался с обитателями острова:

– Эльбийцы! Я хвалю вас за ваше поведение. Тогда, когда было в порядке вещей поливать меня грязью, повергая сердце моё в печаль, вы окружили меня любовью и продемонстрировали мне преданность. За это я выражаю вам свою благодарность. Эльбийцы! Я не умею оставаться неблагодарным, так что можете рассчитывать на мою признательность. Я всегда буду хранить о вас самые добрые воспоминания. Прощайте! Я вас очень люблю, вы самые добрые люди Тосканы!

С трудом вырвавшись из окружавшей его толпы, император под восторженные крики островитян проследовал к шлюпу «Жаролина». Входя на корабль, он вспомнил знаменитую фразу своего далёкого предшественника по военному ремеслу: «Жребий брошен!»* Шлюп быстро доставил Наполеона на бриг «Непосто-

* Слова Ю.Цезаря, сказанные им при переходе пограничной реки Римской республики Рубикон.

янный», с которого раздался пушечный выстрел – сигнал к отплытию флотилии. Но из-за отсутствия попутного ветра корабли ещё пять часов, долгих и мучительных, простояли на рейде, рискуя быть обнаруженными английскими сторожевыми судами.

Только в полночь маленькая армада направилась к желанным берегам прекрасной Франции. Трехсотдневная эпопея государя, отринутого Европой, закончилась. Предприятие, дерзкое и безрассудное, по мнению многих историков, началось. Сам Наполеон, объясняя мотивы своих действий, говорил позднее:

– Предварительные расчеты хороши, если у вас есть выбор средств; если же его нет, то лишь смелость и отвага дают результат.

60 часов в море. Морской стихии великий полководец не любил, так как чувствовал себя в ней беспомощным, но на удивление историков ему в ней везло.

27 февраля с борта «Непостоянного» увидели вдалеке корабль. Это был фрегат «Партридж», на котором Кемпбелл возвращался на Эльбу. Солнце, поднимавшееся над горизонтом, не позволило англичанам заметить маленькую флотилию, несшую Наполеона в неведомое.

После этой встречи, чтобы не рисковать, суда флотилии разделились. Кроме того, чтобы облегчить бриг, пришлось пожертвовать двумя орудиями.

К вечеру с левого борта «Непостоянного» заметили еще два фрегата, ведшими наблюдение за островом Эльба. Опять помогло солнце: оно, клонясь к горизонту, слепило королевских стражников.

Следующая нежелательная встреча произошла у небольшого каменистого островка Горгона. Корабли сблизились настолько, что их капитаны могли переговариваться. Королевским судном «Зефир» командовал Андрие, которого хорошо знал лейтенант Тайлад. Между ними произошел следующий диалог:

– Куда следуете? – спросил первый.

– В Ливорно. А вы?

– В Геную. Будут ли какие просьбы?

– Никаких, – ответил Андрие и поинтересовался: – Как там поживает великий человек?

– Превосходно!

А на палубе «Непостоянного» в это время лежало около 500 гвардейцев, снявших по приказу императора свои медвежьи шапки. К счастью, с французского корабля их не заметили.

На рассвете 28 февраля на горизонте появился корабль с восьмидесятью четырьмя пушками на борту. И на этот раз на нем никто не обратил внимания на бриг «Непостоянный». Наполеон, как всегда, внешне был невозмутим, но переживания и внутреннее напряжение императора выдало восклицание, невольно вырвавшееся у него:

– Этот день как тогда, при Аустерлице!

В полдень на горизонте начали вырисовываться берега Франции – мыс Антиб и Леринские острова. Двухсуточное напряжение стало спадать.

Время, проведенное на воде, Наполеон не бездействовал. Для ободрения солдат, в большинстве своем не знавших о цели плавания, распространялись прокламации, написанные императором на Эльбе. Все гвардейцы, не имевшие еще ордена Почетного легиона, были награждены им. Вечерами Наполеон беседовал с теми, кто еще держался на ногах, не поддавшись морской качке. Чувствовал он себя превосходно.

Накануне возвращения во Францию императору было сорок пять с половиной лет. По наблюдению людей, близко соприкасавшихся с ним, это был здоровый и сильный мужчина. Вот запись о Наполеоне, сделанная Нейлом Кемпбеллом на Эльбе: «Я увидел невысокого подвижного человека, который быстрыми шагами мерил комнату из угла в угол, словно дикий зверь в клетке. На нем был старый зеленый мундир с золотыми эполетами, голубые панталоны, сапоги с красными отворотами. Бороды нет, волосы не причесаны. Жевательный табак желтил его верхнюю губу, запачкал жилетку. Когда ему объявили обо мне, он быстро повернулся ко мне с вежливой, даже куртуазной улыбкой, пытаюсь, видимо, скрыть под внешним умиротворенным видом беспокойство и агитацию».

Это – зарисовка противника, одураченного императором. А вот его портрет в обобщении американского историка В. Слоона: «Малорослый, с толстой шеей и наклоном к дородности, он производил впечатление крепкого, сильного мужчины».

Слегка отвислые щеки и полная нижняя губа выказывали присутствие чувственности, но впечатление это ступеньвалось высоким челом, открытым на висках. Сложение у него было вообще могучее, но руки и ноги отличались изяществом очертаний и были сравнительно малы. Движения его, при всей нервности, казались хорошо соразмеренными. Глаза оставались по-прежнему ясными и пронизательными. Несмотря на страстную натуру, он превосходно владел собой и умел как нельзя лучше сосредотачивать все силы на разрешении задачи, которую себе ставил».

...1 марта, в среду, флотилия Наполеона вошла в бухту Жюан. Император появился на палубе брига с трехцветной кокардой на треуголке.

– Ажитаж был такой, – вспоминал Маршан, – что император, хотевший обратиться ко всем с речью, не мог произнести ни слова. Трудно описать этот гвалт, этот всеобщий энтузиазм, эту радость, эти восторженные чувства, которые охватили всех. Громкие возгласы «Виват!», рукоплескания, топот тысяч ног подняли такой грохот, словно все орудия на борту выпалили одновременно. Это было настоящее безумие.

Солдаты срывали белые кокарды, символ власти Бурбонов, и нацепляли республиканские. Все столпились около бизань-мачты, где стоял Наполеон. Постепенно шум стих, и император обратился к своим «ворчунам» с речью:

– В любой ситуации надо думать долго, но действовать быстро. Я долго все взвешивал, решение вызревало во мне постепенно. Нет нужды говорить вам о славе и наградах, которые нам достанутся, если мы добьемся успеха. А если потерпим поражение, то нас, солдат, с юности приученных к зрелищу смерти во всех обличьях, уготованная участь не страшит: к смерти мы привыкли и презираем ее. Тысячи раз мы смотрели в лицо той, которая поджидает нас в случае неудачи.

Итак, невозможное случилось: изгнанник Европы бросил ей вызов, располагая горсткой солдат и четырьмя артиллерийскими орудиями. Это было настолько невероятно, что первое время никто не воспринимал происходящее с достаточным чувством серьезности, руководствуясь при этом ходячей формулой: этого не может быть, поскольку не может быть никогда!

ОТ АВАНТЮРЫ К ЭПОПЕЕ

1 марта

Дождаясь подхода других судов своей флотилии, Наполеон приказал Ламурету, самому старому капитану гвардии, высадиться на берег и захватить батарею Габель, которая находилась у дороги из Антиба в Канн. Взяв два десятка гренадер, Ламурет без труда выполнил приказ императора.

После этого капитан направился к Антибу и потребовал впустить его в форт. Гарнизон города состоял из солдат 87-го полка. Без особого энтузиазма они все-таки подчинились приказу коменданта Кунсо д'Орнано и арестовали отчаянных храбрецов. Но выйти из города гарнизон не решился, предоставив тем самым свободу рук императору, который осудил его пассивность:

– Я предпочел бы немножко подрасться, пожертвовать пятьюдесятью гвардейцами, убить человек двести роялистов. Это вызвало бы гораздо более энергичные ответные меры.

В час дня началась высадка всей «армии» Наполеона. Император сошел на берег примерно в половине пятого. Приподняв свою шляпу, он величественно произнес:

– Да обеспечит мое возвращение мир, счастье и славу отечеству!

Но первое известие, ждавшее императора, оказалось не из лучших: он узнал о пленении Ламурета. Все ожидали, что последует приказ на штурм Антиба, но полководец рассудил иначе:

– Время слишком драгоценно. Лучший способ сгладить дурное впечатление, произведенное нашим появлением, – идти вперед быстрее, чем распространяется новость.

Приняв такое решение, Наполеон никогда не раскаивался в нем и говорил позднее:

– Если бы половина наших солдат была взята в плен в Антибе, я бы и их оставил. Если бы они попались все, я бы пошел вперед один.

А тогда (1 марта), вызвав генерала Камбронна, направил его в Канн за продовольствием, в обмен на лошадей и мулов:

Возвращение Наполеона с острова Эльбы

– Камбронн, я вам доверяю начало моей самой замечательной кампании. Вы не произведете ни одного ружейного выстрела. Помните, я должен вернуть себе корону, не пролив ни капли крови.

Император расположился в дюнах возле часовни Нотр-Дам ду Бон-Вояж, недалеко от перекрестка дорог на Валлорис и Антиб. Завернувшись в старое синее пальто времен Маренго, он сидел в кресле. Его «ворчуны» развели костер, и временами кто-нибудь из них подходил к нему перекинуться парой фраз. Были и посторонние люди. Мэр соседней коммуны смело заявил бывшему властелину:

– Мы уже начали успокаиваться, и вот вы теперь все испортите.

– Не могу даже выразить, как глубоко меня задели его слова, как мне стало от них не по себе, – признавался Наполеон позднее.

Зато курьер князя Монако, перехваченный солдатами, подтвердил ему враждебное отношение простого народа к Бур-

бонам и страстный бонапартизм жителей провинции Дофине, через которую императору предстояло идти.

Через некоторое время после курьера Наполеон разговаривал уже с его господином. Князь Монакский был удивлен малочисленностью «армии» императора и выразил сомнение, что тот сможет обойтись без помощи иностранцев. Наполеон возмутился:

– Ваше мнение удивляет меня, ведь вы служили под моим началом. Неужели вы думаете, что я замараю землю отечества чужеземными войсками?

Князь не верил в успех императора, и тот сказал, что он выражает мнение посетителей салонов. Затем, смеясь, спросил:

– Пойдете с нами, князь?

– Но я возвращаюсь домой, сир.

– Я тоже, – невозмутимо парировал собеседник.

2 марта

Весьма прохладное (если не откровенно враждебное) отношение к посланцам Наполеона в Канне, подтвердило его мысли о том, что для успеха похода на Париж, лучше начинать его в местах малодоступных и малонаселенных, а главное – лояльно настроенных к нему.

Император не хотел кровопролития, категорически не желал ужасов внутренних усобиц. Еще находясь на острове Эльба, он говорил Понсу де л'Эро:

– Любовь к родине, которая заставила меня сойти с трона, чтобы избежать гражданской войны, является гарантией того, что я не развяжу междоусобицу, чтобы вновь взойти на престол.

Добиться бескровной победы можно было только одним – привлечь на свою сторону армию и народ, а для этого требовалось действовать решительно и быстро.

– Надо торопиться. Успех операции во многом зависит от неожиданности, – неоднократно повторял император в своем окружении.

Бескровный и быстрый переворот должен был убедительно продемонстрировать противникам и колеблющимся, с кем население Франции. Он должен был показать всем (а особенно мо-

нархической Европе), что для народа Наполеон был и остался единственным законным правителем. По словам современного историка Доминика де Вильпена, император понимал, «сколь велико символическое воздействие такого ненасильственного возвращения на коллективное сознание и грядущие поколения. Эффектное взятие власти, совершенное одной только магией его появления, будет неопровержимым доказательством его превосходства и покажет, что реставрированная династия не пользуется народной поддержкой».

Чтобы страна успела прийти на помощь к нему, Наполеон должен был дать ей время, но при этом не быть уже разбитым королевскими войсками. Поэтому он не пошел по большой дороге Экс – Ницца, а повернул на горную тропу, начинавшуюся справа от часовни Нотр-Дам ду Бон-Вояж.

Поход начался в ночь на 2 марта. Был он стремительным (по 40–60 километров в сутки) и трудным. Мамелюк Али вспоминал:

– Только авангард шел в хоть каком-то порядке. Маленькая же армия рассыпалась в пути на небольшие, но довольно слабые отряды. В течение четырех дней нам было очень тяжело: мы были не приучены переносить усталость. Самыми трудными были первые два дня: нам постоянно приходилось взбираться на горы или пробираться по узким ущельям. Снег и грязь мешали нам идти так быстро, как хотелось бы.

Впереди своих храбрецов, опираясь на палку, шел Жан Шпага*. Между Сен-Валье и Сераноном, окончательно окоченев, император остановился на короткое время в шале, где жила одинокая старуха. Верный своей привычке, он засыпал ее вопросами о новостях из Парижа. Женщина, конечно, ни о чем не слышала.

– Стало быть, – уточнил Наполеон, – вы не знаете, что поделявает король?

– Король! – фыркнула старуха. – Король! Вы хотите сказать – император? Так он все там же.

Многозначительно посмотрев на Друу, Наполеон молвил:

– Ну вот! Стоит после этого сеять смуту в мире, чтобы прославить свое имя?

* Одно из прозвищ Наполеона.

3 марта

На пути маленькой «армии» императора был небольшой городок Грасс. В начале шестого утра туда направился Камбронн, возглавлявший авангард.

Мэром Грасса был маркиз де Гурдон, ярый роялист.

– От имени какого монарха вы производите реквизиции? – поинтересовался он.

– От имени императора Наполеона, – последовало в ответ.

– У нас уже есть монарх, и мы его любим, – возроптал Гурдон.

– Господин мэр, – взорвался Камбронн, – я прибыл сюда не для разговора с вами о политике, а чтобы потребовать от вас продовольствия и фуража, и не забывайте, очень скоро сюда подойдет вся моя колонна.

Мэр подчинился. Кроме продовольствия и фуража отряд доставили еще несколько бочек вина. Но опасаясь все-таки нежелательных инцидентов, император приказал обойти Грасс стороной. Для отдыха он расположился на высоком плато Рок-кавиньон. Сидя под развесистым каштаном, император любовался открывшейся перед ним панорамой – от Ниццы до Мон-Винэр.

На плато шли любопытствующие. Кто-то поднес Наполеону букетик фиалок. Один слепой ветеран, которого вела супруга, отделился от толпы и попросил разрешения поцеловать руку бывшему командиру. Наполеон обнял его и впервые услышал здесь восторженный крик толпы:

– Да здравствует император!

Порадовал Наполеона и кюре Эскраньола: он принес Наполеону два яйца и произнес такую изысканную речь, что император воскликнул:

– Этому кюре вполне подошла бы епископская митра!

Следующим городком, лежавшим на пути эльбийцев, был Каstellане. Он располагался в узком ущелье, над которым нависла скала, увенчанная старой часовней. Камбронн, по своему обыкновению, послал туда записочку «местным властям»: «Месье! Прошу вас распорядиться и немедленно предоставить пять тысяч ежедневного хлебного рациона, пять тысяч мясного, пять

тысяч винного, сорок четырехколесных повозок или двести тягловых мулов. Барон Камбронн, бригадный генерал, главный интендант императорской гвардии».

Супрефект и мэр Каstellане тут же выполнил приказ, и колонна двинулась дальше. Дорога была – сплошные камни.

Ночь Наполеон провел в Барреме, в доме мирового судьи Тартансона. Супруга судьи, узнав, что их постоялец император, упала в обморок. Несколько иная реакция на явление Наполеона будет в Париже, но об этом ниже.

4 марта

В этот день Наполеон достиг Диня. За двадцать часов его отряд прошел пятьдесят верст по горной тропе, преодолев хребет высотой в 12000 футов над уровнем моря. Один из участников этого похода вспоминал позднее:

– Мы шли по краю пропасти, по заснеженным крутым тропинкам, где можно было идти только по одному. Уланы, спешившись, продвигались вперед с трудом и были крайне измучены, кожаные штаны, шпory, тяжелые сабли и копыя стесняли их движения, на плечах, кроме того, они несли седла и сбрую. Небольшому количеству всадников, которых удалось снабдить в Каннах реквизированными лошадьми, а в Грассе – артиллерийскими повозками, завидовать тоже не приходилось, ибо во время этого опасного пути они вынуждены были спешиться.

Люди шли по колено в снегу. Дорога оказалась настолько трудной, что пришлось бросить четыре пушки, вывезенные с Эльбы.

В Дине располагался небольшой гарнизон королевских войск, весьма сочувствовавших императору. Но все-таки он не решился перейти на его сторону и заранее покинул город. Наполеон остановился в гостинице «Маленький Париж», на современной площади Освобождения. Тотчас собралась большая толпа. Один заметно подвыпивший крестьянин выкрикнул здравицу:

– Да здравствует император! Долой Наполеона!

Последний, облегченно вздохнув, сказал графу Бертрону:

– Наконец-то мы действительно во Франции!

С приходом в Дин отряд эльбского изгнанника удалился на приличное расстояние от южных гарнизонов, которыми командовал маршал Массена, перешедший на сторону Бурбонов. Он тщетно посылал из Марселя отряды королевских войск с приказом изловить «врага». Наполеон ускользнул от них.

Здесь, в Дине, были отпечатаны воззвания, написанные императором на Эльбе. Вот одно из них – к народу: «Французы! Я возведен на престол вашим выбором. Все, что совершено без вас, противозаконно.

За последние двадцать лет у Франции появились новые интересы, новые институты, новая слава, гарантировать их могут только национальное правительство и династия, родившаяся в этих новых обстоятельствах.

Государь, который вздумал бы править вами и который был бы посажен на трон силою тех же армий, что опустошили нашу землю, напрасно попытался бы опереться на принципы феодального права. Этим он сумел бы обеспечить честь и права лишь малого числа людей, врагов народа, который в течение двадцати пяти лет осуждал их во всех национальных собраниях. Ваше внутреннее спокойствие и уважение к вам извне были бы утрачены навсегда.

Французы! После падения Парижа сердце мое было разбито, но дух не был сломлен. Моя жизнь принадлежала вам и еще вам послужит. Находясь в изгнании, я слышал ваши жалобы и призывы. Вы были недовольны, что я так долго сплю и жертвую интересами отчизны ради собственного покоя. В кольце опасностей я приплыл по морю. И теперь пойду вперед вместе с вами, чтобы вернуть себе свои права – они ведь и ваши тоже».

В этом обращении Наполеон упирал на насильственное внедрение иностранцами Людовика XVIII на престол Франции. Император подчеркивал, что вернулся из изгнания, чтобы восстановить право народа на свободный выбор. Все, что противоречит этому праву – незаконно, но он прощает заблудших: «Все сказанное, написанное или сделанное со взятием Парижа останется мне навсегда неизвестным и не будет иметь влияния на важные услуги, мне оказанные».

Это был сильный ход. Он привел в лагерь Наполеона многих колеблющихся, а частично и открытых его противников (Фуше, например).

5 марта

Передовой отряд колонны Наполеона вступил на территорию провинции Дофине в час ночи. Император остановился в замке маркиза де Малиджая. Острые башни этого строения до сего дня возвышаются у слияния рек Блеоны и Дюране. Позавтракав в Волонне в отеле «Золотая рыбка»*, Наполеон пошел в деревню Систерон, расположившуюся у подножия крепости. Крестьяне радушно встретили неожиданных пришельцев. Узнав Наполеона, радовались его возвращению, жаловались:

– Дворяне хотели заставить нас тянуть лямку, вы – наш спаситель.

В два часа пополудни эльбийцы покинули эту деревню. Их выход на хорошую дорогу, начинавшуюся там, сопровождался криками крестьян «Да здравствует император!»

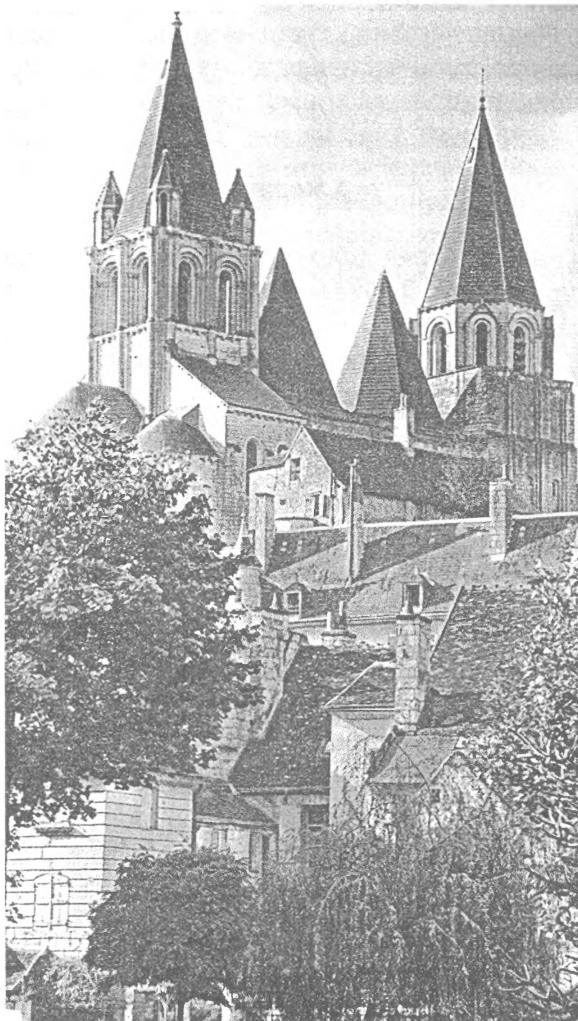
Довольно скоро авангард колонны достиг Гапа. Мэр города Жозеф Лоран де Комбер отказался выполнить требование Камбронна об обеспечении отряда продовольствием. Перед Наполеоном мэр демонстративно предстал с орденом Белой лилии на груди.

– Снимите это, пока я здесь, – посоветовал ему император. – Мои солдаты могут за это вас оскорбить.

Ночевал Наполеон в гостинице «Золотая рука» на улице Сонери, 20. Ему отвели однокомнатный номер с видом на реку Дюране и величественные скалы ущелья. Там состоялся его разговор с супрефектом города.

– Как вы думаете, – спросил император, – какое впечатление произведет мое возвращение во Францию?

* Какой-то шутник пребывание императора в Валонне отметил каменной табличкой с надписью на провансальском языке: «Здесь 5 марта Наполеон I П и П» (пришел и пописал).

– Сюрприз, и это чувство заслоняет все остальное.

– Люди, конечно, с удовольствием увидят меня вновь на троне?

– Думаю, да, если бы они только не опасались, что вместе с вами вернутся рекрутские наборы и все эти несчастья.

– Я знаю, – согласился император, – что было допущено множество глупостей, ошибок. Я берусь все исправить. Мой народ, думаю, будет счастлив.

Мнение супрефекта маленького городка, затерянного в горах, говорило о многом, но ничего не определяло: выражаясь фигурально, Франция всегда смотрела в рот Парижу, а столица была еще в полном неведении о ждущем ее потрясении. Как это могло случиться, если в то время уже существовала телеграфная связь?*

Южные границы страны охранял маршал А.Массена, человек вполне порядочный и исполнительный. Наполеон говорил о нем:

– Исключительно благороден и прекрасен среди огня и хаоса битвы.

Массена никак не мог попустительствовать вторжению на подведомственную ему территорию никаких вооруженных сил. Но его ввели в заблуждение, доложив о высадке пятидесяти (!) гренадеров с Эльбы, прибывших в отпуск. Только 3 марта маршал разобрался в сути случившегося и направил курьера в Лион, где начиналась телеграфная линия. Дешеша Массены легла на стол Людовика XVIII лишь через день, вечером.

Король никак не мог вскрыть конверт своими подагрическими пальцами. Наконец надорвал его и вынул депешу. Долго смотрел на сообщение Массены. Затем, отбросив листок, спросил министра иностранных дел Витроля:

– Что все это означает?

– Сир, я не имею чести знать...

Людовик, поняв, что министр не осведомлен о содержании депеши, пояснил:

– На побережье Прованса высадился Бонапарт, – и приказал: – Передайте эту депешу военному министру, пусть посмотрит, что с этим можно сделать.

Военным министром в это время был маршал Сульт, получивший от Наполеона титул герцога Долматского. В 1814 году он дольше всех сопротивлялся иностранному вторжению во Францию. Но затем, как и другие маршалы, перешел на службу

* Через каждые десять километров стояли четырехметровые башни с двумя перекладинами на них. На перекладинах выставляли буквы передаваемого текста. Эти буквы были видны в подзорную трубу. Текст из ста знаков доходил из Лиона до Парижа за два с небольшим часа.

Бурбонам. Искушая свою вину перед королевской властью, предложил возвести монумент «раскаяния».

Возбужденному донельзя Витролю Сульт спокойно заявил, что Бонапарт с его тысячью солдат – ничто, «грязь под ногами», что его бегство с Эльбы и высадка на юге Франции – сумасшествие, и «сельские полицейские найдут на него управу».

Заявление военного министра еще больше растревожило Витроля, и он помчался к брату короля графу д'Артуа. Тот отнесся к случившемуся более серьезно и заявил ошарашенному вестнику:

– Кажется, пора смазывать сапоги.

Задохнувшись от возмущения, министр иностранных дел все-таки возразил:

– Нет, монсеньор, сапоги смазывать еще рано, но вам нужно ехать.

В графе д'Артуа видели единственного члена семейства Бурбонов, который способен мобилизовать армию на борьбу с бывшим владыкой Франции. Поэтому вечером д'Артуа выехал в Лион. В королевском ордонансе графу предписывалось: «Гнаться за Бонапартом, этим предателем и мятежником, который с оружием в руках осмелился вторгнуться в департамент Вар».

И это писалось в то время, когда Наполеон уже прошел около трехсот верст от места своей высадки. Преодолев наиболее трудную часть пути по горным тропам, отряд императора вышел на хорошую дорогу провинции Дофине.

6 марта

Утром, покидая Гап, Наполеон заявил жителям, толпившимся около гостиницы:

– Король-феодал более не годится Франции, ей нужен государь, рожденный Революцией, и этот государь – я.

Около двух часов пополудня император был уже у подножия перевала Байар. Эльбийцам предстояло подняться на высоту в 1200 метров над уровнем моря, но это уже не смущало храбрецов, преодолевших более трудные перевалы. Солдаты заметно повеселели. Стали обращать внимание на то, что ранее совершенно не затрагивало их.

Так всех занимала обезьянка, вывезенная генералом Друо с Эльбы. Весь путь от бухты Жуан до Парижа она проделала пешком, но когда уставала, вскакивала кому-нибудь на плечи. Иногда это был император, который терпеливо сносил шалости животного. Спутники Наполеона не могли скрыть своего восхищения любимицей отряда, когда она закатывала оплеухи Наполеону.

В Барак-де Сен-Бонне сделали привал. Был базарный день и в поселке собралось много крестьян. Некоторые хотели присоединиться к отряду императора. Он отказался от их помощи, сославшись на то, что скоро на его сторону перейдет вся регулярная армия. Это была правда, но не вся правда – Наполеон боялся народных низов, настроенных, по его мнению, слишком радикально.

– Более всего, – говорил позднее император министру юстиции Моле, – меня удивила ненависть к священникам и знати, столь же сильная и повсеместная, как и в начале Революции.

В Наполеоне крестьяне видели защитника от наглевшей с каждым днем аристократии, вернувшейся из-за рубежа, о чем прямо говорили ему на всем пути эльбийцев до столицы Франции. О настроении народных низов ранней весной 1815 года хорошо сказал в «Страстной неделе» Луи Арагон:

«А люди, забыв обо всем, помнят лишь знамена, императорских орлов, солнце Аустерлица. И они радостно встречают этого человека, который идет почти один, ибо видят в нем как – бы живое отрицание всего, что обрушилось на них в 1814 году, вместе со знатью, вернувшейся из изгнания, с владельцами замков с их псовой охотой, которые вновь вынырнули из мрака и предаются охотничьим забавам, – чудовищный паразитизм в пудренных буклях, дурацкий реванш и целые потоки унижений.»

...6 марта весть о высадке Наполеона стала достоянием гласности в Париже. «Журналь де Деба» клеймил императора, который покрыл «себя кровью целых поколений» и выражал желание, «чтобы этот трусливый воин Фонтенбло умер так, как положено любому предателю».

К хору продажных писак поспешили присоединиться те, кого возвысил Наполеон, сделал маршалами, графами и князья-

Маршал Сульт

ми. Общий тон отступникам от императора задал Сульт, воззвание которого было выпущено как приказ армии и отличалось показной резкостью.

«Этот человек, — вещал министр, — некогда перед всей Европой отрекшийся от узурпированной власти, которой он воспользовался столь роковым образом, вновь вступил на французскую землю, хотя никогда более не должен был ее видеть. Чего он хочет? Гражданской войны. Чего он ищет? Предателей. Где же он найдет их? Среди солдат, которых он столько раз обманывал и приносил в жертву? В лоне семей,

которых одно его имя наполняет ужасом? Бонапарт презирает нас, полагая, что мы сможем отречься от законного и любимого государя ради того, чтобы разделить судьбу человека, который всего лишь авантюрист. Безумец, он верит в это, о чем свидетельствует его последний, безрассудный поступок. Солдаты, французская армия — храбрейшая в Европе, да будет она и самой верной».

Словом, вчерашние сподвижники императора не были в восхищении от его отчаянного шага. Ней говорил:

— Это большое несчастье.

Маршала беспокоила судьба страны, и он с тревогой спрашивал:

— Что же намерены предпринять власти? Кого они собираются отправить против этого человека?

В аристократических салонах Парижа весть о появлении Наполеона на юге страны вызвала шок. Настроение, царившее в этой среде, хорошо передала позднее герцогиня де Абрантес:

— Я хорошо помню, что когда первое известие о высадке Наполеона пришло в Париж, мы глядели друг на друга с каким-то

изумлением, похожим на безумие, не верили и опять глядели во-круг себя, желая удостовериться, что мы не бредим.

Да, возвращение из небытия жесткого властелина и искусного воителя не вызвало восторга в высших кругах тогдашней Франции, и это не лучшим образом сказалось на его дальнейшей судьбе.

7 марта

Нас не победили. Ночь император провел в деревне Кор. Утром он получил записку от Камброна, который извещал его о том, что момент которого все ждали, но опасались, наступил: войскам генерала Маршана, расположенным в Гренобле, приказано остановить продвижение «бандитов Бонапарта».

В Гренобле с населением в 25 тысяч человек находился пятитысячный гарнизон. Но от своих агентов Наполеон знал, что ремесленники и рабочие, возбуждаемые военными, вышедшими из их рядов, не скрывали своего желания видеть во главе Франции не Бурбонов, а ее прежнего владыку. Об этом же судачили и солдаты гарнизона. Ознакомившись с приказом коменданта города, требовавшего преградить путь императору, многие говорили:

– Мы будем муд., если причиним зло человеку, от которого видели только добро.

Особенно разгорелись страсти в городе, когда там появились воззвания Наполеона. Одно из них (к народу) мы приводили выше. Вот другое – к армии:

«Солдаты! Нас не победили: два человека, вышедшие из наших рядов, предали наши лавры и Отечество*».

Разве могут те, кто в течение двадцати пяти лет колесил по всей Европе, подымая против нас врагов, кто всю жизнь сражался против нас в рядах чужеземных армий, проклиная нашу прекрасную Францию, претендовать на то, чтобы командовать нами, и посадить на цепь наших орлов**», даже взгляда которых

* Имеются в виду маршалы Мармон и Ожеро.

** Древки знамен наполеоновской армии венчали орлы, вырезанные из дерева

они никогда не могли выдержать? Потерпим ли мы, чтобы они воспользовались плодами наших славных трудов и присвоили себе наши почести и наше имущество? Чтобы они клеветали на нашу славу? Если правление их продлится, то все будет потеряно, даже память об этих бессмертных днях! С каким ожесточением пытаются они извратить наше славное прошлое! И если остались еще защитники нашей славы, они – среди тех самых врагов, против которых мы сражались на поле боя.

Солдаты! Нас не разбили в бою! Измена Мармона сдала врагам нашу столицу и подорвала мощь армии. Теперь я, ваш генерал, которого народ избрал на трон, а вы подняли на щит, вернулся к вам. Сплотитесь вокруг меня! И нацепите вновь трехцветные кокарды, видевшие наши победные дни! И вновь возьмите в руки древки знамен, реявших над вашими головами под Ульмом и Аустерлицем, под Иеной, Эйлау. Фридландом, Экмюлем и Ваграмом, под Смоленском и на Москве-реке, под Люценом и Монмираем!

У собственности, чести и славы вашей и ваших детей нет злейших врагов, чем те правители, которых вам навязала заграница! В бою нас поведет вперед победа.

Мы должны забыть о том, что были властелинами мира, но позволять, чтобы кто-то вмешивался в наши дела, мы совсем не должны. Кто посмеет считать себя вправе быть у нас хозяином, у кого хватит на это сил?

Солдаты, вставайте под знамена вашего вождя. Он существует только благодаря вам; его права – это права народа, ваши права; его честь и слава – не что иное, как ваше благо, ваша честь и слава. Победа ждет вас.

Перелетая с колокольни на колокольню, Орел с трехцветной кокардой долетит до башен собора Парижской Богоматери. Тогда вы сможете с честью показать ваши раны. Тогда вы сможете гордиться тем, что совершили. Вы станете освободителями Отечества!»

Правительство Людовика XVIII сократило армию вдвое, отправив на сильно урезанную пенсию десятки тысяч наполеоновских солдат и офицеров, что вызвало недовольство не только уволенных, но и оставшихся на службе. Наполеон это знал и закончил воззвание следующим образом:

«В старости вы будете пользоваться заботой и уважением сограждан, с почтением они станут слушать ваши рассказы о великих подвигах. Вы сможете с гордостью сказать:

– Я тоже сражался в рядах этой Великой армии, которая дважды вошла в Вену, побывала в Риме, Берлине, Мадриде, Москве и очистила Париж от грязи, которой его запятнали предательство и присутствие неприятеля».

Император умел говорить с солдатами: воздать им должное, польстить, ободрить, вселить уверенность в правоте общего с ними дела, вдохновить на подвиг и жертву. Его воззвание, безусловно, сыграло предназначенную ему роль. Это признавали даже враги. Писатель Бенжамен Констан говорил, что в воззвании чувствуется язык Конвента, язык Великой французской революции.

Вот он! Огонь! Встреча с королевскими войсками произошла у деревни Ла-Мюр, в сорока километрах к югу от Гренобля. Майор Делессар, имея в своем подчинении пятьсот человек, расположил их в ущелье, заняв высоту Понтин. Вскоре он заметил вдали коляску Наполеона и сразу узнал его по знаменитому сюртуку. Император вылез из экипажа и пошел к высокому мысу над озером. Оттуда через подзорную трубу он стал разглядывать «неприятеля». Затем что-то сказал. Из группы офицеров, стоявших несколько в стороне, отделился один и поскакал к королевскому воинству. Это был полковник Рауль. Приблизившись к «противнику», он объявил майору:

– Император идет на вас. Если откроете огонь, то первая пуля его сразит. За это придется отвечать перед Францией.

– Я намерен исполнить свой долг, – сухо ответил Делессар.

– Но скажите, вы откроете стрельбу? – настаивал Рауль.

– Я исполню свой долг.

Вслед за первым парламентаром явился второй – посредник при военных операциях Вотье. Ответ был тот же.

Солдаты 5-го линейного полка слушали посланцев императора в мертвой тишине и с напускным равнодушием. И вдруг на них кинулись в атаку польские уланы. За всадниками виднелись медвежьи шапки и длинные голубые шинели гвардейцев. А что такое гвардия Наполеона каждый солдат знал не

понаслышке. Волнение подчиненных передалось и их командиру. Майор заорал:

– Батальон, слушай мою команду! Повернуть назад! Направо шагом марш!

Солдаты Людовика XVIII, скрипнув зубами, выполнили приказ. Смертельно побледнев, они отступили в боевом порядке. Делессар тем временем говорил капитану Рандону, племяннику коменданта Гренобля:

– Ну как можно вступать в дело с людьми, которые дрожат от страха всеми членами тела, а рожи у всех белые, как у мертвецов!

Польские уланы, между тем, были уже близко. Тогда майор громко закричал:

– Стойте! Атаку отбить!

Батальон подчинился, но уланы неожиданно повернули назад. И тогда произошла знаменитая сцена, навечно вписавшаяся в анналы истории. Наполеон, оказавшись в поле видимости королевских войск, приказал каждому переложить оружие из правой руки в левую и опустить его дулом вниз. Его солдаты приближались к батальону королевских войск в сущности безоружными.

Полковник Малле, один из ближайших помощников императора, был в отчаянии от этой меры и пытался отговорить Наполеона от этого безумного, по его мнению, шага. Но этот человек умел рисковать и знал, когда это делать.

Под музыку небольшого оркестра, игравшего «Марсельезу», с развернутыми знаменами когорты императора неумолимо приближалась к королевским войскам. Наполеон – впереди, значительно оторвавшись от своей «армии». За ним – Друо, Камбронн и Бертран.

– Вот он! Огонь! – заорал Рандон.

Стрелять? В кого? В своего «маленького капрала», который два десятка лет водил их на славные битвы, перед которым трепетали все народы и правители континента? И все эти долгие годы он всегда был рядом с ними – на бивуаках и на поле боя. Ел с ними из одного котелка, пил из одной кружки; заботился о них, когда они были ранены или больны; дергал за уши, когда был ими доволен. Сейчас, волею случая, они в королевской армии, но

он по-прежнему остается их командиром, братом и отцом, который водил их от победы к победе, от успеха к успеху; осыпал их почестями и наградами, дарил им почет и бессмертие.

И стрелять в этого человека? В это олицетворение славы и неповторимости? Ружья в руках солдат дрожали, и ни один из них не осмелился выстрелить. Подойдя на расстояние пистолетного выстрела, Наполеон крикнул:

– Солдаты 5-го линейного полка! Я – ваш император! Вы меня признаете?

Сделав еще несколько шагов вперед, он распахнул свой серый сюртук на груди и предложил:

– Если среди вас есть хоть один солдат, который хочет убить своего императора, то вот его грудь! Стреляйте.

При этих словах стройные ряды батальона, мгновенно превратились в толпу растроганных, плачущих людей, которые с восторгом приветствовали Наполеона и старались хоть прикоснуться к полам его походной одежды. Обступив своего кумира со всех сторон, они не находили слов, чтобы выразить свою преданность.

– Солдаты! – обратился к ним император. – Я пришел с горсткой храбрецов, потому что рассчитываю на народ и на вас. Правление Бурбонов незаконно, ибо они не были избраны нацией. Власть их противоречит воле народа, ибо она противоречит интересам нашей страны и защищает интересы только нескольких семейств. Спросите у ваших отцов, расспросите обитателей окрестностей стекающих сюда. Из их собственных уст вы узнаете об истинном положении вещей. Им угрожает возвращение десятины, феодальных прав и привилегий и всех тех злоупотреблений, от которых они избавились благодаря вашим победам.

– Да, да, – соглашались воины, приветствуя императора. – Нас хотели оторвать от земли. Вы явились, словно ангел Господень, чтобы спасти нас.

Солдаты тут же начали извлекать из своих ранцев трехцветные кокарды, которые бережно хранили, и цеплять их на кивера. Когда они уходили с «поля битвы», вся земля вокруг была усеяна белыми королевскими кокардами. Глядя на удаляющийся батальон, Наполеон сказал Друо:

– Все кончено, через десять дней мы будем в Тюильри.

Он был удовлетворен исходом противостояния с одной из королевских частей. Получилось прямо-таки по любимому им Корнелю:

Кто хочет победить, тот редко побежден,
Коль за победу жизнь отдать согласен он.

Население Ла Мюра с энтузиазмом встретило передовые части эльбийцев. Солдатам вынесли ведро местного вина (кстати, плохого), чтобы те могли освежиться. Император тоже попросил чарку и под радостные крики выпил ее содержимое. Все присутствовавшие при этом были вне себя от восторга.

Тут Наполеону доложили о прибытии странного просителя в мундире национального гвардейца, но с большой трехцветной кокардой на шляпе. Император захотел видеть его. Незнакомец представился:

– Государь, я перчаточник Жан Дюмулен. Приношу на службу вашего величества сто тысяч франков и себя самого!

Наполеон обнял жертвователя, ибо сразу вспомнил его. Осенью прошлого года тот тайно побывал на Эльбе с твердым намерением помочь императору вернуться во Францию. Дюмулен заверил тогда изгнанника в добром расположении к нему гренобльцев и помог ему наметить наиболее удобный и безопасный маршрут до столицы Дофине. После этого он вел регулярную переписку с Портоферрайо, пряча свои послания в перчатки, которые поставлял в Геную.

Как говорил Наполеон, он не умел быть неблагодарным – в тот же вечер Жан Дюмулен получил орден Почетного легиона.

Подвиг полковника. В три часа пополудни из Гренобля вышел 7-й линейный полк под командованием Шарля де Ла Бедуайера. Это был один из самых блестящих офицеров наполеоновской армии. Республиканец по натуре, он осуждал многие поступки Наполеона, но приход к власти Бурбонов резко изменил его отношение к императору. Товарищам по оружию Ла Бедуайер говорил:

– Вы полагаете, что вам вернули Бурбонов во имя счастья Франции! Вы заблуждаетесь! Враги не столь глупы. Они разожгли очаг раздора на века. Обольщаясь иллюзиями свободы, вы

вновь наденете на себя ярмо. Вас снова ждет десятина; крестьян больше не станут учить читать из страха, как бы они вновь не дерзнули стать маршалами Франции.

Натура необузданная и страстная, Ла Бедуайер, выведя свой полк из города, приказал прекратить барабанный бой, разбил один барабан и вынудив из него орла, насадил его на ивовый прут и, показывая солдатам, воскликнул:

– Вот славное знамя, за которое вы шли в дни бессмертия! Тот, кто так часто водил вас к победе, идет к нам, желая отомстить за наши бедствия! Пора лететь под его знамена, которые не переставали быть нашими. Кто меня любит, тот да идет за мною! Да здравствует император!

– Да здравствует император! – в восторге повторял полк.

Через несколько часов Наполеон принял первое пополнение в ряды эльбийцев. Численность его отряда сразу увеличилась в два раза. К тому же это были не крестьяне, жаждавшие расправы с «дворянчиками» и попами, а солдаты и офицеры регулярной армии, его армии, хорошо обученной и познавшей немало побед. Обнимая Ла Бедуайера, император сказал:

– Полковник, я никогда не забуду, что вы сделали для Франции и для меня.

В свое время Ла Бедуайер был адъютантом Ланна, одного из лучших маршалов Франции, которого очень ценил Наполеон. От своего рано погибшего командира Ла Бедуайер унаследовал отвагу, прямодушие и резкость, привычку говорить в глаза, что думаешь. Поэтому в первой беседе с императором он заявил:

– Более никакого честолюбия, никакого деспотизма. Мы хотим жить свободно и счастливо. Вашему Величеству следует отказаться от завоеваний и стремления к чрезмерному могуществу, составившему несчастье Франции и Ваше собственное.

Наполеон сам уже пришел к такому же мнению, поэтому ответил без раздражения и недовольства тем, что его «учат»:

– Неужто вы думаете, что нужды и желания народа не были для меня высшим законом? Разве я мог бы все это совершить, если бы меня не поддерживал народ? Если он желает свободы, только я один могу ее дать, ибо только я один не боюсь его. Я сделаю все, чтобы добиться мира. Унизительные договоры – не

для меня, но я сумею удовольствоваться ими, если это нужно Франции*.

Отказ от завоеваний, признание договоров, ограничивших границы и суверенитет Франции, демократические преобразования внутри страны, – такова была программа беглеца с острова Эльба. И все эти уступки – ради одной цели: Бурбоны, долой с престола прекрасной Франции! Конечно, в случае удачи Наполеон едва ли удовлетворился бы этой программой. Но так ли это – нам уже не дано знать.

Табакерка императора. В девять часов вечера император подошел к воротам де Бонн. Этот момент запечатлел один из участников тех далеких событий: «Мы услышали глухой шум и крики, похожие на вой. Это более двух тысяч крестьян с соломенными факелами шли во главе колонны узурпатора, крича «Да здравствует император!» По мере того как они приближались, наши солдаты с крепостных стен стали выкрикивать то же самое. Вскоре они прибыли к городским воротам, и тогда сверху и снизу стали раздаваться крики, не умолкавшие до самого конца осады. Немало моих солдат спустилось с укреплений, чтобы присоединиться к мятежникам». Комендант Гренобля дивизионный генерал Маршан обратился с зажигательной речью к гарнизону крепости. Ни один из двух тысяч пехотинцев не пожелал поднять оружия на императора. Оставалась слабая надежда на артиллеристов. Маршан спросил:

– Если солдаты отказываются стрелять, то и офицеры стрелять не будут?

– Мой генерал, – ответил лейтенант Сен-Жени, – канониры сказали, что изрубят нас на куски возле орудий.

Маршан приказал закрыть городские ворота, чтобы помешать массовому дезертирству, но солдаты убегали сквозь бреши в стенах. По выражению одного капрала, «они улепетывали, задрав штаны». Тем не менее, Гренобль был недоступен.

* Тем не менее, неприятный осадок от этого разговора у Наполеона остался, и он с недоверием относился к офицеру, оказавшему ему столь своевременную и важную услугу. На острове Святой Елены император говорил:

– Ла Бедуайер действовал как человек без чести, он предал короля, хотя и давал ему клятву на верность.

Император, раздраженный оказываемым сопротивлением, подошел к воротам с Ла Бедуайером и обратился к полковнику Руссилю:

– Приказываю вам открыть ворота.

– Я исполняю приказы только своего генерала, – последовало в ответ.

– Я разжаловал его!

– Я выполняю свой долг и подчиняюсь только генералу.

Задетый упрямством Руссиля Ла Бедуайер крикнул, обращаясь к солдатам:

– Сорвите с него эполеты!

Вопрос с южными воротами Гренобля разрешили тележки из предместья, выбившие их принесенными с собой брусками. Около одиннадцати ночи император въехал в главную цитадель Дофине.

– Ни в какой битве не предстояло Наполеону такой опасности, как при вступлении в Гренобль, – свидетельствует Лас-Каз. – Солдаты бросились на него с бешенством; думали, что его разорвут; но это было упоение любви и радости; его подняли на воздух вместе с лошадью.

Так оправдалось предсказание хитроумного Фуше, который еще за несколько месяцев до этого события писал Меттерниху: «Все будет зависеть от поведения первого полка, высланного ему навстречу. Если солдаты перейдут на его сторону, их примеру последует вся армия».

Император остановился в гостинице «Три дофина». Сюда ему приволокли створки злополучных ворот (так как ключей от них не нашли), на что он произнес свою знаменитую фразу:

– Если до Гренобля я был авантюристом, то после него стал принцем!

Столь же образно выразился император о перипетиях, связанных с занятием Гренобля:

– Мне достаточно было постучать в ворота своей табакеркой.

Прерванный танец. В тот же день события в столице развивались следующим образом. Из донесения парижской полиции: «Все имели возможность убедиться, как далеко позади мы

оставили наши революционные привычки; ведь нами уже были бы сформированы тысячи групп, выдвинуты резолюции с обеих сторон, звучали бы призывы к насилию. Ныне же люди озабоченно расспрашивали друг друга при встрече, обвиняли Бонапарта в желании смутить их покой, свергнуть в гражданскую войну и в войну с иностранными державами, чтобы в очередной раз, если бы ему это удалось, пожертвовать Францией в угоду своему ненасытному честолюбию».

Словом, все хорошо, прекрасная маркиза!

Людовик XVIII имел, конечно, много недостатков, но он не был так наивен, чтобы поверить в прекраснодушные писания своей полиции. Король понимал: Наполеон – это сила. Значит, против него надо выдвинуть противника, хоть в какой – то мере способного противостоять императору.

Другого военного гения во Франции не было, но почти все маршалы, взращенные им, оказались в наличии. Вызвали Нея. Объяснили ситуацию. Маршал, не избалованный новой властью, под влиянием тех дифирамбов, которые ему пели придворные, той лести, которой его осыпал король, воскликнул:

– Я привезу его (Наполеона) пленником в железной клетке.

Людовик XVIII был восхищен решительностью Нея и после его ухода сказал окружающим:

– Вот храбрец, который совершит доброе дело. Но, Боже мой, какой энтузиазм! Мы от него этого и не просили.

В тот же день в газете «Монитор» появилось торжественное обращение короля к нации. Составленное в напыщенном стиле, оно не соответствовало серьезности ситуации, складывавшейся в стране, и безнадежно проигрывало с воззваниями Наполеона. Блестящий полководец и выдающийся государственный деятель представлен в этом документе обыкновенным бандитом, предателем и мятежником, которого надо гнать и гнать из прекрасной Франции. В таком же духе было выдержано обращение Людовика к главам посольств, аккредитованным в Париже:

– Господа, я прошу вас известить ваши дворы, что я в добром здравии и не страдаю от подагры и что я ничуть не обеспокоен случившимся. Покой Франции и Европы потревожен не будет.

В Париже власти приободрились, в Вене напротив – впали в транс. Весть о бегстве Наполеона с Эльбы застала участников конгресса на балу, который давал министр иностранных дел Австрии князь Меттерних. Новость поразила всех присутствовавших в огромном зале. Вот как вспоминал об этом Ла Гард-Шамбон, автор хроники Венского конгресса: «В доме Меттерниха эта новость изменила картину как по мановению волшебной палочки или по свисту театрального постановщика, превращающего сад Армиды в пустыню. Было впечатление, что разом погасли тысячи свечей, все до единой. Царь подошел к Талейрану:

– Я же говорил Вам, что долго это не продлится.

Князь остался бесстрастным и молча поклонился. Король Прусский сделал знак герцогу Веллингтону, и оба вышли из бального зала. Александр, император Франц и господин Меттерних сразу же ушли. Большинство приглашенных скрылось, исчезло. В гостиных остались лишь несколько испуганных говорунов»^{*}.

Впрочем, это была реакция хоть избранного, но достаточно широкого круга высшего общества Вены. Главные же действующие лица конгресса восприняли неприятное для них известие внешне спокойно, с подобающим государственным мужам стоицизмом.

Князь Меттерних получил срочную депешу в шесть утра. Она была от генерального консула в Генуе и в ней сообщалось: «Английский комиссар Кемпбэл только что вошел в порт, чтобы узнать, не видел ли кто в Генуе Наполеона после его исчезновения с острова Эльба. Не получив утвердительного ответа, английский фрегат вновь вышел в море».

После этой новости министру было не до сна, и в восемь утра он разговаривал уже с императором.

– Кажется, Наполеону нравится рисковать, – довольно спокойно заметил Франц II. – Ну, это его личное дело! Наша с вами задача – обеспечить миру спокойствие. Немедленно найдите русского императора и прусского короля, сообщите им, что я го-

^{*} Символично название дивертисмента, дававшегося в тот вечер, – «Прерванный танец».

тов приказать своим армиям вновь направиться к границам Франции. Не сомневаюсь, что оба монарха присоединятся ко мне.

Царя и короля долго искать было не надо — оба были тут же, в Вене, и оба поддержали австрийского монарха. В десять часов в кабинете Меттерниха собрались министры иностранных дел Англии, Пруссии, России и Франции. Меттерних сообщил им новость. Все были потрясены. Алексис де Ноаллис (коллега Талейрана) кричал:

— Теперь, когда он бежал, его нужно повесить!

Фридрих-Вильгельм III, не раз битый Наполеоном, резонно заметил:

— Прежде чем повесить, его нужно поймать, а это будет не так просто сделать!

Что знаменательно в реакции монархов (и конгресса в целом) на весьма неопределенное сообщение об исчезновении с острова Эльба человека, который по их же решению считался суверенным правителем: животный страх перед ним и желание расправиться окончательно и бесповоротно. А ведь никто еще ничего не знал толком: ни куда бежал отвергнутый континентом государь, ни с какой целью; представляет ли он в настоящий момент угрозу для Европы или нет и вообще, каковы его планы и намерения. Сразу, априори, решили: бежал враг, который подлежит немедленному и безусловному уничтожению! Сразу же забыли, что Франция самостоятельное государство, что у нее есть свой монарх, свое правительство, свои средства защиты. Единным выдохом глав основных государств Европы было: ату его! Ату!

8 марта

Не ради себя. После тяжелой недели перехода по горным тропам французских Альп Наполеон решил отдохнуть в Гренобле полтора дня. Здесь ему представились местные власти и начальствующие лица всех ведомств, кроме немногих, бежавших из города. Здесь император принимал первые поздравления духовенства и академий. И всем говорил, что окончательно решил дать народу свободу и мир, что прежде он действительно «слишком любил величие и завоевания», но теперь пришло время другой политике.

Впрочем, Наполеон не раскаивался в свершенном, подчеркивая, что в прошлом «ему нужно извинить искушение сделать Францию владычицей над всеми народами». Очень настойчиво император проводил мысль о том, что он вернулся, чтобы спасти крестьян от грозящего им восстановления Бурбонами феодального строя, чтобы защитить крестьянские земли от покушений со стороны дворян-эмигрантов. Наполеон твердо заявил, что хочет установить в стране конституционную монархию.

Детальное описание приема у императора оставил Беранже, помощник генерального прокурора Гренобля. Очередную делегацию Наполеон встретил шуткой:

– Вы не ждали меня так скоро?

Под общий смех император позволил себе еще несколько вольностей:

– У французского зверя лучше всего хвост и тело, голова же ничего не стоит. В Англии все наоборот, там все величие нации в голове, тогда как все остальное стоит немногого.

Посмеявшись вместе с собравшейся знатью своей остроумием, Наполеон заговорил о серьезном:

– Я совершал ошибки, а кто их не совершал? Самый ловкий адвокат ошибается в своих советах. За это я был наказан. Хотя меня считают очень искусным в ведении войны, это не всегда было так. Меня упрекают в том, что я потерял много солдат; где же видано, чтобы можно было приготовить яичницу, не разбив яиц? Мне говорят, что я брошу свои жертвы в тюрьмы; кто же те, кого я держал в застенках? Я хочу все забыть – и пасквили, и обвинительные речи, цель которых была в том, чтобы сбить нацию с толка.

Так полупокаявшись в своих ошибках и промахах, император перешел в наступление, обвиняя правящую династию и противопоставляя ей себя:

– Я никогда не покинул бы мой остров, если бы думал, что Франция может быть счастлива. Но стоило мне услышать, как Людовик XVIII говорит «в год девятнадцатый моего царствования», я сказал себе: он обречен. Девятнадцатый год его царствования! Кем же я был все это время? Он называет себя законным королем, но это король, навязанный стране силой. Я один – законный правитель, ибо возведен на трон волей народа.

– Все, что сделано в течение истекшего года, – продолжал император, – противозаконно. Король – славный человек, он добрый государь, но он слаб, у него дурные советчики. Ему следовало избавиться от своих старых идей. Сев на покинутый мною трон, он не должен был ничего менять. Он должен был называться Людовиком I, начать свое царствование с 1-го года, основать третью династию. Он должен был бы заключить с нацией договор. Но для этого надо было иметь мужество, великодушие и много энергии.

Нотабли, разбогатевшие в основном на распродаже национальных имуществ, внимательно слушали Наполеона. Когда же он заговорил о их возможной судьбе, в зале протестующее зашумели.

– Незаметно прежние законы, прежняя несправедливость и феодальные порядки были бы восстановлены, – пугал император представителей нарождавшейся буржуазии. – Готовилась страшная реакция. Не прошло бы и года, как большинство из вас, господа, были бы повешены, да, повешены! Когда я понял это, я решил вернуться во Францию, спасти этот славный народ, который не заслуживает того, чтобы его уничтожали. Повторяю, я сделал это не ради себя, у меня славы довольно.

Были и другие встречи с нотаблями, и смысл всех речений императора сводился к одной мысли: Наполеон – любимец народа, и напрасно вы боитесь его, так как он самый надежный гарант буржуазного порядка, покоящегося на праве собственности и обеспечении личной безопасности. Эти основы – предмет его гордости, и он ни в коей мере не собирается посягать на них.

Горожане радостно приветствовали императора, но не скрывали того, что пресытились войнами и деспотизмом. При всяком появлении Наполеона раздавались крики:

– Не надо рекрутского набора, этого мы не хотим больше, нам нужна конституция!

Молодой судья из Рюмильи Жозеф Рей выразил чувства народа в адресе, который представил императору. Он сказал Наполеону, что Франция любит его как великого человека, восхищается им как полководцем, но не желает иметь в его лице диктатора, который создает новое дворянство и возрождает забытые злоупотребления.

Эта речь была в тот же день отпечатана тиражом в двадцать тысяч экземпляров, и вечером обитатели Гренобля ожив-

ленно обсуждали ее. Население провинции Дофине слишком многое связывало с возвращением императора. Уже в Визилле, под Греноблем, ему говорили:

– Здесь родилась Революция. Мы первые потребовали прав человека. Здесь же воскресают свобода и честь Франции.

Соответствовать таким ожиданиям было весьма непросто.

Настоящие победы. При всей своей занятости и напряженности ритма, в котором проходили первые дни похода, Наполеон нашел время, чтобы встретиться в Гренобле с учеными-братьями Шампольон. Представляя старшего (Жака Жозефа), мэра Гренобля умышленно искажил его фамилию – «Шамполеон».

– Какое хорошее предзнаменование! Он носит половину моего имени! – воскликнул император.

Жак Жозеф Шампольон – лингвист и антиквар, был автором сочинения о Египте и страстным почитателем Наполеона. Упоминание о Египте всегда волновало императора, возбуждало его. Конечно, он заинтересовался этим человеком.

Понравился Наполеону и младший из братьев, Жан Франсуа, ставший членом Гренобльской академии в семнадцать лет. Императора заинтересовала его работа над дешифровкой древней письменности Египта, и он заверил молодого ученого в своей поддержке. И это не были пустые слова – Наполеон с пиететом относился к людям науки. Вот что писал он в мае 1796 года итальянскому астроному Ориани:

«Науки, которые доставляют честь человеческому уму, искусства, которые украшают жизнь и передают потомству великие деяния, должны быть особо чтимы свободными правительствами. Французский народ придает большую цену приобретению ученого математика, известного живописца, всякого выдающегося человека, в какой бы области он ни работал, нежели богатого и многолюдного города».

При приеме его во Французскую академию Наполеон говорил:

– Истинные торжества, которые не влекут за собою никаких сожалений, суть торжества над невежеством. Самое благородное, равно как и самое полезное народное занятие, есть содействовать распространению человеческих знаний и идей.

И это не были пустые слова. В наполеоновской Франции насчитывалось 37 академий, 46 лицеев, 1200 средних школ и 370 колледжей*. Император много сделал как для развития науки, так и для просвещения широких народных масс.

Но Шампольону-младшему помочь не успел. Тот сделал свое великое открытие (расшифровал иероглифы Древнего Египта) только в 1822 году. Символичен один из текстов, представленных Ж.Ф. Шампольоном на суд ученых:

Тот, кто бездействует после нападения,

Укрепляет сердце противника.

Нападение означает храбрость,

Отступление означает трусость.

Настоящий трус тот, кого отбрасывают от его границ...

Нет сомнения, что мысли древних египтян порадовали бы воителя, обращавшегося в одной из своих речей к свидетельству седых пирамид.

Волнение в умах. А в столичной прессе начиналась грязная и неумная кампания против недавнего владыки страны. Основную линию пропагандистской шумихи, направленной против Наполеона, выработал Талейран, который 7 марта писал Жокуру, одному из министров Людовика XVIII: «Было бы желательно направлять газеты в том, что они будут говорить о предприятии Бонапарта, какова бы ни была при этом их цель. Говорить о нем как о чем-то важном значило бы придать ему значительность, каковой событие это, без сомнения, не отличается, и усугубить беспокойство тех, кто имеет свойство легко впадать в панику».

Первым на призыв правящей элиты откликнулся «Журналь де Деба». Вот образчик откровений этого официоза: «Наполеон бежал с острова Эльба, который великодушные и опрометчивые монархи – союзники отдали ему во владение, невзирая на то, что он столько раз разорял их государства. После года ссылки человек этот, запятнавший себя кровью целых поколений, при кажущемся всеобщем равнодушии готов устроить резню, пытаться

* Сравните с Россией, где ничего подобного (кроме Петербургской академии наук) не существовало.

Наполеон, между тем, уже вступив в Гренобль, уверенно сказал в своем окружении:

– Мы можем не сомневаться, что дойдем до Парижа.

А там в этот день была опубликована прокламация, обращенная к национальной гвардии, и в ней официально заявлялось, что на Венском конгрессе принципиально решено отправить Наполеона куда-нибудь подальше от центров цивилизации.

В Вене, конечно, жаждали это сделать, но 8 марта там было не до этого. Русский офицер (позднее – военный историк) А.Михайловский-Даниловский, находившийся в свите царя, писал в дневнике: «Наполеон бежал с острова Эльбы. Это происшествие составляет предмет общих, или лучше, единственных разговоров на гуляньях, в собраниях, в частных, и в кофейных домах: все спрашивают, встречаясь друг с другом, нет ли дальнейших о сем известий».

И с присущей будущему историку склонностью к обобщению заключал: «Ничто не доказывает сколь много уважают дарования Наполеона, как волнение, произведенное в умах сим поступком его, которое чрезвычайно сильно в Вене, где в течение пяти месяцев жили посреди беспрестанных веселостей и предавались совершенной беспечности, а теперь все как в некотором оцепенении. Баварский король лишился от испуга аппетита, несколько дней ходит как помешанный».

Помутнение разума баварского короля было напрямую связано с его «смелой» идеей, высказанной 7 ноября – отправить Наполеона на остров Святой Елены. Теперь этот «герой» праздновал труса – знала кошка, чье мясо съела.

В этот же день российский самодержец, разыгрывавший в Европе роль завязтого либерала, писал Людовику XVIII:

«Государь, брат мой.

Мы только что узнали об отъезде Бонапарта и высадке его в южных провинциях Франции. Первым результатом впечатления, произведенного этим событием на собравшихся в Вене государей, явилось упрочнение уз, благодаря которым Европа обрела мир, а во Франции стало восстанавливаться спокойствие под властью ее законного короля.

* Максимилиан I Иосиф.

Сознавая всю важность последствий, которые может повлечь за собой это происшествие, мы решили приложить самые энергичные усилия для противодействия любому предприятию, направленному на то, чтобы вновь ввергнуть французский народ в бедственное и угнетенное состояние, от которого он недавно был избавлен после двадцатилетних страданий.

Генералу Поццо-ди-Борго поручается официально заверить ваше величество в этой решимости держав, собравшихся на конгресс, и согласовать с Вами меры, которые подлежат принять в столь серьезных обстоятельствах. Я особо поручил ему выразить все чувства, которые я питаю к вашему величеству. Мои войска тотчас же получили приказ быть готовыми к выступлению. Вновь заверяю ваше величество в моей искренней привязанности и высоком уважении, с каковым пребываю...»

Александр I («византиец», как называл его Наполеон) был искренен в своем послании к французскому королю, так как всеми фибрами души ненавидел императора: завидовал его воинской славе, не забывал позора Аустерлица и оскорбления, нанесенного ему в связи с нотой по поводу расстрела герцога Энгиенского. Были и другие моменты в отношениях двух монархов, которые постоянно бередили самолюбие российского самодержца.

9 марта

«Люблю всех вас.» В Гренобле отряд Наполеона достиг численности в 7500 человек. И в этом немалую роль сыграл Ла Бедуайер, обратившийся к армии от имени простых воинов:

«Солдаты 7-го линейного полка своим братьям по оружию.

Солдаты всех полков, внимлите нашему зову, нами движет честь Отечества. Встаньте под свои старые знамена, присоединяйтесь к нам. Нас возглавляет император Наполеон. Он вернул нам кокарду. Этот символ свободы свидетельствует о том, что слава ваша более не будет забыта.

Товарищи! Вашими подвигами пренебрегали, памятники должны были поведать грядущим поколениям о ваших победах,

но их перестали воздвигать. Что стало с вашим орденом Почетного легиона? Он превратился в низшую награду государства. Император Наполеон не смог перенести вашего унижения. Он явился во второй раз, чтобы переустроить нашу прекрасную родину, он пришел вернуть ей славу.

Товарищи! Разве вы смогли бы забыть его? Вы, кого он так часто вел к победе? Присоединяйтесь к нам, пусть дети вернутся к своему отцу. Он знает ваши нужды, он умеет ценить ваши заслуги. Солдаты! С ним вы обретете все – уважение, честь, славу. Спешите, присоединяйтесь к вашим братьям, и пусть большая семья объединится вновь!»

Наполеон произвел первый смотр маленькой армии. Он был в своем знаменитом сером сюртуке. Обходя колонны, выстроившиеся на площади, император задержался около артиллеристов четвертого полка. Это был «его» полк, и Наполеон напомнил об этом молодым солдатам:

– Между вами начал я учиться военному делу. Люблю всех вас, как старых товарищей. Следил за вами на полях битвы и всегда был вами доволен, но надеюсь, что не будем нуждаться в ваших пушках.

Последняя оговорка относилась, конечно, не к внутренней ситуации в стране, так как император уже не сомневался: гражданской войны не будет. Маршал Макдональд, прибывший в этот день в Лион, второй по значению город Франции, с ужасом убедился, что армия ненадежна. На свои расспросы о настроении гарнизона получил откровенный ответ:

– Солдаты настроены решительным образом, и переменить их мнение ничто не сможет: как только они завидят серую шинель, так сразу перейдут на сторону Наполеона и будут стрелять в нас.

А роялисты между тем пребывали в благостной надежде на чудо. «Журнал де Деба» опубликовал в этот день текст песенки, иронически названной «Возвращение храбреца». Упор в ней делался на неудачи Наполеона в России и Египте:

*Он Карлом мнит себя никак?
О том частенько говорит.
Да ладно, Бог ему простит!*

*В Мадриде смог, не будь дурак,
А там Египет, там Москва,
Взять ноги в руки и айда.
От церкви к церкви*,
Как пить дать,
Талантлив он поворовать.
Но страшно стало мародеру:
Спасая зад, он задал деру.*

Неаполитанский король. Первым, с кем связался Наполеон при высадке на южном побережье Франции, был Иоахим Мюрат. Будучи сыном владельца постоянного двора, он прошел путь от рядового конно-егерского полка до маршала Франции. Иоахим всем был обязан Наполеону: женитьбой (на сестре императора Каролине); огромным состоянием и королевским венцом. Понимая это, он убеждал шурина:

И. Мюрат

* Намек на фразу из воззвания Наполеона к армии: «Перелетая с колокольни на колокольню, Орел с трехцветной кокардой долетит до башен собора Парижской Богоматери».

– Сир, не позволяйте другим усомниться в Вашем доверии ко мне, равно как и в моей преданности Вам и Франции. Я знаю, и всегда во всеуслышание заявлял, что мое политическое существование держится лишь мощью империи. Я не хотел бы существовать без подобной поддержки.

Ветераны Наполеона уважали Мюрата за необычайную храбрость, но с иронией относились к его возможностям вне поля брани. О его стремительном возвышении говорили с оттенком пренебрежения: «Прошел в короли».

Самовлюбленный красавчик, Иоахим быстро освоился в новом качестве (короля). Стремясь вырваться из-под тяжелой десницы императора, он делал одну ошибку за другой. Наполеон не щадил самолюбия неаполитанского короля. «Королевский титул вскружил вам голову, – предостерегал император шурина и предупреждал: – Если вы хотите сохранить его (титул), ведите себя прилично». Но ни король, ни королева не вняли этому предостережению.

Честолюбивая и властная, Каролина воспринимала королевский титул не как подарок судьбы, а как должное. Циничная и корыстная, она без колебаний отринула брата, когда фортуна отвернулась от него. Под давлением жены Мюрат 6–11 января 1814 года подписал англо-австро-неаполитанскую конвенцию, по которой обязался начать вооруженную борьбу против Наполеона.

Предательство помогло удержаться на троне, но авторитета неаполитанскому королю не прибавило – ему не доверяли. Характерно в этом смысле послание Ф.В. Тейль-фан-Сероскеркена (от 21 сентября), находившегося с особой миссией в Неаполе. Барон писал в Вену, где решалась судьба Мюрата и его владения: «Какое бы решение ни приняли относительно участи этого королевства, я считаю нужным выразить мое глубочайшее убеждение: пока Наполеон остается на острове Эльба, пока его не перевели куда-нибудь подальше от Италии и Франции, всегда будут основания опасаться за спокойствие в этих двух странах, особенно в Италии».

Барон оказался провидцем. Вечером 4 марта в Неаполь прискакал на взмыленном коне генерал Колонна и объявил Мюрату об оставлении Наполеоном Эльбы.

Утром следующего дня в королевском дворце был созван чрезвычайный совет. Мюрат находился в крайне возбужденном состоянии. Он метался по огромному залу, размахивая руками, и говорил о величии Наполеона, о верности присяге, о долге каждого француза. Речь его была сумбурной и неубедительной, ибо именно он изменил и императору, и Франции. Советники короля молчали и отводили глаза в сторону, встречаясь с его вдохновенным взглядом.

Промучившись несколько дней, Мюрат направил Наполеону следующее послание: «С невыразимой радостью узнал я об отплытии Вашего Величества к берегам империи. В связи с этим мне хотелось бы получить некоторые инструкции относительно сочетания моих передвижений в Италии с вашими во Франции. Невозможно, чтобы я не получил их тотчас же».

Мюрат сообщал императору о своем намерении начать боевые действия против Австрии, и заверял его в том, что к концу марта выйдет к пограничной реке По (И это вопреки ясному указанию Наполеона не тревожить союзные державы, не давать им повода к развязыванию войны против Франции! Поистине, этот блестящий кавалерист был слаб головой).

Каролина

Каролина не разделяла планов супруга и оставалась лояльной по отношению к Австрии. Граф де Миер писал 9 марта в Вену: «Я имел продолжительный разговор с королевой. Она, как всегда, была умна в суждениях и показала характер предвидения. Она не меняет свои взгляды при первом же изменении обстановки. Прямой и лояльной – вот как она себя показала. По ее лицу было видно, как все произошедшее ее потрясло».

Она была взволнована за судьбу брата, который, как она сказала, пошел навстречу не-

избежной катастрофе. Как сестра, она не могла желать ему гибели, но она предпочла бы, чтобы он спокойно сидел на Эльбе. Она сказала, что не верит, что он сможет вернуть трон во Франции. Но она боится, что он выгонит ее из Неаполя, что он снова перевернет всю Европу».

Каролина предала брата, но это не повредило ему. Мюрат жаждал реабилитировать себя пред Наполеоном и помочь ему. Это привело к результатам обратным тем, на которые он рассчитывал. Поистине: старательный дурак опаснее врага.

10 марта

«Не остается ничего другого». Ночь с 9-го на 10-е Наполеон провел в Бургиене, в старом отеле «Цезарь возле парка». Покидая предгорья Альп, он велел распространить среди селений прокламацию следующего содержания:

«Граждане, вы были правы, назвав меня своим отцом – я живу только ради чести и счастья Франции. Мое возвращение рассеет вашу тревогу: оно гарантирует сохранность вашей собственности. Равенство всех сословий и права, которыми вы пользуетесь в течение двадцати пяти лет и о которых мечтали наши отцы, являются ныне частью вашего существования».

От одного поселения к другому, Наполеон передвигался сопровождаемый толпами крестьян и горожан, жаждавших немедленной расправы над священниками, ставленниками Бурбонов и их прихвостнями. Императору требовалось немало усилий, чтобы приглушить эмоции престоноародья, грозившие вылиться в стихийные вспышки насилия. В популярной песенке той поры выразилось крайне враждебное отношение народных масс к церкви и королю:

*Шире, шире котильон,
С короной наш Наполеон!
Босьяк! Ты думаешь, что поп
Народ сегодня поведет?
Король безумцев, беглецов
Для императора слабак.*

*На троне с помощью штыков
Не усидеть ему никак.*

Но роялисты продолжали тешить себя надеждой на верноподданных горожан и «добрых крестьян», любящих своего короля. Одна из них (роялистка) газет предрекала Наполеону неминуемую гибель: «Если год тому назад он предпочел бесчестье ссылки опасностям и славной смерти, то лишь для того, чтобы вернуться и с горсткой разбойников разжечь пламя гражданской войны. Но крестьяне повсюду уничтожают сопровождающих его бандитов. Ему не остается иного выхода, кроме бегства. Пусть же Провидение, устав от его преступлений, восторжествует над его подлыми и трусливыми расчетами и предаст его мщению закона».

10 марта стало решающим днем в неординарном предприятии Наполеона: на его сторону перешел крупнейший, после Парижа, город Франции – Лион. За два дня до этого в него прибыл граф д'Артуа (будущий король Карл X). К своему немалому удивлению, он не обнаружил в городе обещанных Сультом 30 тысяч солдат, и быстро понял, что здесь ему ничего не светит.

– Все это, на мой взгляд, долго тянуться не будет, – без обиняков заявил граф. – Думаю, нам не остается ничего другого, кроме как увести войска и отступить.

Маршал Макдональд

Но тут в городе появился маршал Макдональд, который убедил д'Артуа не спешить и пообещал поговорить с солдатами и офицерами гарнизона. Герой Ваграма пользовался авторитетом в армии и надеялся на успех. Но первый же контакт с лионцами разочаровал его.

– Офицеры ожесточены, так же как и солдаты, – говорил маршалу генерал

Брейер. – О благе армии заботились так мало, по отношению к ней допущено столько несправедливости, столько шуанов и эмигрантов повысили в звании! Я выполню свой долг до конца, но думаю я так же, как мои товарищи по оружию.

Такая откровенность одного из высших офицеров не внушала бодрости, но Макдональд еще надеялся на добродушие и простоту низших чинов. На заре 10 марта под проливным дождем начался смотр воинских подразделений города. Маршала встретили с симпатией, но по мере того, как он говорил, лица солдат становились сумрачными. Граф д'Артуа попытался помочь Макдональду. Обходя с маршалом воинские ряды, он остановился напротив одного солдата и игриво предложил:

– Ну, старина, давай-ка кричи: «Да здравствует король!»

– Нет, монсеньер, не могу. Против отца нашего мы сражаться не будем, – как пощечина прозвучало в ответ.

Граф стоически проглотил обиду. Молчали и солдаты, приученные к дисциплине. Но в их стройных рядах уже складывались слова веселой песенки, скоро облетевшей всю Францию:

*Наш д'Артуа спесивым львом
Шел из Парижа на Лион,
Но лишь завидев тень Орла,
В Париж вернулся д'Артуа.
Наш друг, коль скоро день не мил,
На ногу легок как Ахилл.*

Граф д'Артуа бежал. Наполеон позднее так объяснял неудачу брата Людовика XVIII:

– Когда граф д'Артуа прибыл в Лион для того, чтобы уговорить войска выступить против меня, он хотя и бросился ради этого на колени перед солдатами, но и не подумал прицепить на себя кокарду Почетного легиона. При этом ему было хорошо известно, что только один вид этой кокарды склонит солдат на его сторону, так как для многих из них было в порядке вещей с гордостью носить ее на своей груди, ибо, чтобы заслужить ее, ничего не требовалось, кроме храбрости и мужества. Но нет, он украсил себя орденом Святого Духа. Чтобы иметь право носить этот

орден, вы должны доказать свою принадлежность к аристократическому роду, насчитывавшему, по крайней мере, сто пятьдесят лет. Этот орден был преднамеренно учрежден для того, чтобы исключить заслуги награжденного, и именно такой орден вызвал возмущение в груди старых солдат: «Мы не будем сражаться ради орденов, подобных этому, и не будем сражаться ради эмигрантов, таких, как эти люди». Дело в том, что граф д'Артуа привел с собой десять или одиннадцать глупцов, бывших его адъютантами. Вместо того, чтобы представить войскам тех генералов, которые так часто приводили старых солдат к славе, он взял с собой кучку ничтожеств, которые добились лишь того, что вызвали в памяти ветеранов их прошлые страдания под пятой аристократов и священников.

... После бегства д'Артуа Макдональд еще пытался оказать сопротивление, послав в разведку несколько драгун. Они скоро вернулись.

– Ну, что они увидели? – осведомился маршал.

– Авангард Наполеона.

– Он отошел?

– Нет, он вошел в пригород Гийотьер.

– А где наши?

– Там же.

– Что они там делают?

– Вместе пьют!

Но и после этого Макдональд пытался уговорить гарнизон Лиона сопротивляться. На что солдаты отвечали:

– Все это прекрасно, господин маршал, но вы, такой храбрец, должны попросту бросить Бурбонов и присоединиться к нам. Мы отведем вас к императору, он будет рад снова вас увидеть.

Макдональд не внял совету солдат и последовал за братом короля.

Тревожная ночь. Авангард Наполеона вступил на мост Гийотьер около двух часов дня. Его сопровождали тысячи крестьян из окрестных поселений. В девять вечера в городе появился император. Весь Лион высыпал на улицы. Воодушевление горожан превосходило всякую меру. Современник вспоминал:

– Толпы людей оставили свои дома, бросили работу и мастерские и заполнили улицы на пути его следования. Они окружают его, стараются до него дотронуться, поздравляют со счастливым возвращением, взирают на него с восторгом, всячески выражая свою безудержную радость. Мужчины, женщины, старики, дети – доведенные до ужасающей нищеты, большей частью полуголые или одетые в лохмотья, черные от грязи, отвратительно потные, покрытые пылью – с воспаленными глазами и искаженными лицами, с гневом на устах и яростью в сердце образуют кортеж тирана.

Вступление императора во вторую столицу Франции не обошлось без эксцессов: лионцы забрасывали дома роялистов камнями, оскорбляли хорошо одетых прохожих, распевали «Марсельезу», на площади Белькур разгромили кафе «Бурбон». Адвокат и член Лионской академии Ж.Герр писал в своих «Мемуарах»: «Это были вопли разнузданной толпы, слепой как в своих пристрастиях, так и в своей ярости, толпы которую столь неудачно называют «народом», тогда как это всего лишь подонки и отребье. Раздавались безумные крики:

– Да здравствует император, да здравствует смерть! Бурбонов на эшафот! Долой попов! Да здравствует свобода! Да здравствует ад! Смерть роялистам!

Вскоре город был похож на крепость, взятую штурмом: повсюду разгуливали пьяные солдаты, подозрительные личности, какие-то неизвестные, санкюлоты, короче, вся революционная нечисть, которая грязными потоками растекалась по улицам, площадям, набережным, барабана в двери или вышибая их именем Наполеона. Они призывали освещать дома и разбивали окна, если им не повиновались достаточно быстро: ломали мебель, оскорбляли горожан, сея повсюду ужас».

Всю ночь с 10 на 11 марта улицы Лиона оглашались восторженными криками и приветствиями в честь императора, которые перемежались прямо противоположными:

– Долой попов! Смерть роялистам! Бурбонов на эшафот!

Конечно, у сторонников Людовика XVIII от этих «здравниц» не могло остаться приятных воспоминаний, а оба процитированных выше автора не только являлись сторонниками короля, но и писали свои воспоминания при его власти. Тем не ме-

нее, они верно передают энтузиазм народных масс и их ненависть к Бурбонам. Действительно, по замечанию историка Анри Уссэ, казалось, что для Франции наступил канун еще одного 93-го года*.

«Твердо и бесповоротно решили». В Вене в это время еще были в полном неведении о проделанном императором маршруте. Русский офицер А.Михайловский – Даниловский отмечал в своем дневнике:

«Два дня прошли в догадках, где Наполеон выйдет на берег: иные полагали в Неаполе, другие – в Америке, а большая часть – во Франции, основываясь на негодованиях, происшедших там от слабого правительства Бурбонов. Любопытство было неограниченное, и наконец сего дня узнали, что он пристал в Антибе.

Бумажные деньги, сей барометр общественного мнения государств, повсюду изменяются в своем достоинстве. Австрийские ассигнации в каждый день по несколько раз переменяют свою цену. В Вене червонный возвысился в две недели с одиннадцати гульденов до двадцати одного гульдена.

Теперь с величайшим нетерпением ожидают известий из Парижа. Предвидится кровопролитная война, потому что, не имея верных сообщников, Наполеон не решился бы на столь отважное предприятие, не имеющее подобного в истории, и Государь наш, занимавший первое место между освободителями Европы, конечно, примет и ныне живейшее участие в жребии ее. Да и что могут сделать теперь все усилия Европы без помощи России?»

Весьма показательная запись для участника войн с Наполеоном: узник Эльбы – враг, и он должен быть добит полностью и окончательно! При этом никаких сомнений в праве России и других государств вмешиваться в дело, которое является внутренней проблемой Франции. И так мыслила вся Европа, враж-

* Вступление Наполеона в Лион современники сравнивали с огненным следом метеора в ночи. Восторг простых людей и преклонение перед императором не знали предела. Так, два крестьянина Лионского департамента, купили у хозяина гостиницы, в которой останавливался их кумир, кости съеденного им цыпленка, чтобы хранить их, как святыню.

дебная Наполеону: права – для нее, для несогласных с этим – удавка.

Союзники были крайне обеспокоены появлением Наполеона на континенте, в его отчаянном предприятии сразу заподозрили широкий международный заговор. Поэтому, например, известие о инциденте местного значения, случившемся в Швейцарии, сразу насторожило всех. 10 марта статс-секретарь И.А. Каподистрия писал поверенному России в этой стране П.А. Крюденеру:

«Господин барон!

Спешу подтвердить получение Вашей последней депеши. Сообщаемые в ней сведения приобрели сейчас еще больший интерес в связи с отъездом Буонапарте с острова Эльбы и возможным воздействием этого известия на возбужденные умы. Впечатление, которое произведет это событие, должно быть предметом пристального внимания.

Правительства новых кантонов совершили бы очень серьезную ошибку, если бы пренебрегли принятием энергичных мер к поддержанию у себя полнейшего спокойствия и благоразумному предотвращению всяких, даже незначительных, инцидентов, которые могут проистекать от безрассудного непостоянства некоторых лиц в момент, когда за такими инцидентами будут особенно следить, подозревая возможность существования тайных сношений между швейцарцами и Буонапарте.»

Чтобы российский поверенный не сомневался в том, что союзники придают весьма большое значение местной драчке, Каподистрия предупреждал Крюденера: «Великие державы, представленные собравшимися в Вене монархами, твердо и бесповоротно решили постоянно поддерживать дело законности и незыблемость европейской системы, создаваемой конгрессом. Наш августейший государь император объявил в связи с указанным обстоятельством о своей непоколебимой решимости на этот счет.»

Словом, выходило прямо по пословице: пуганая ворона куста боится. Европа по-прежнему трепетала перед именем великого воителя, хотя и знала уже пределы его возможностей.

Вхождение во власть. В том, что столица Галлии с энтузиазмом встретила императора не было ничего неожиданного – Лион славился своим бонапартизмом. Наполеон немало сделал для этого города: после трагедии революции принес туда мир и гражданское согласие; способствовал быстрому росту Лиона, необычайному подъему его промышленности. Последняя (производство шелка) стала угасать при Бурбонах, что, конечно, не способствовало консолидации с ними не только ремесленников и рабочих, но и крупных буржуа.

В Лионе Наполеон оставался три дня. Здесь он, как обычно, принимал городские власти, устроил смотр войскам, которые пополнились новыми батальонами. Полки, посылаемые против императора, при соприкосновении с его частями, тотчас переходили на сторону своего бывшего командующего. В Лионе численность армии Наполеона достигла 20 тысяч человек.

По замечанию В.Слоона, в восточной столице Франции Наполеон сделался императором не только по имени, но и фактически. На одиннадцатый день после своего неожиданного появления во Франции Наполеон уже не довольствовался тем, что снимал и назначал чиновников и офицеров, щедро награждал или бранил их; он начал издавать декреты, которые недвусмысленно говорили о его официальном возвращении на пост главы государства. Одному из своих сподвижников император заявил:

– Я хочу сразу уничтожить королевскую власть, распустить палаты. Раз я снова взял бразды правления в свои руки, никакая другая власть, кроме моей, не должна существовать. Уже сейчас все должны знать, что повиноваться следует только мне.

При этом Наполеон сразу заявил, что Бурбоны для него не главное. Его целью является консолидация нации, всех ее социальных слоев и политических партий. Но основой единения должны оставаться буржуазные свободы, доставшиеся стране в ее нелегкой борьбе со старым королевским режимом.

– Я пришел, – говорил император, – чтобы защитить и отстоять ценности, рожденные Революцией. Я вернулся, чтобы вместе с представителями нации способствовать созданию семейного союза, который навсегда обеспечит свободу и права французов.

Впредь все мои стремления, всю мою славу я посвящаю счастью этого великого народа, которому я обязан всем. В отличие от Людовика XVIII я не хочу даровать хартию, которую можно отнять, я хочу дать Франции нерушимую конституцию, которая была бы деянием народа и моим.

Прекрасные слова! Достойные намерения! Но их мало кто слышал. О них мало кто знал. Зато подавляющая часть нации твердо верила в то, что Бурбоны – проклятое прошлое страны, отброшенное революцией и вновь навязанное Франции силой иноземных штыков, а Наполеон – порождение новой эпохи, свободной от феодальных уз и «этих» дворян, опять свалившихся на плечи крестьян. И напрасно «Журналь де Пари» именно в этот день напоминал французам, что император отнюдь не светоч гражданских вольностей: «Сегодня он говорит о свободе, но именно он в течение четырнадцати лет подтачивал и разрушал свободу. Война внутренняя, война внешняя – вот принесенные им дары».

...В первый день пребывания Наполеона в Лионе маршал Ней выступил навстречу его войскам. Князь Московский (титул дан Нею за отличие в Бородинском сражении) горел желанием выполнить обещание, данное королю, часто повторял свою фразу о императоре в железной клетке. Супрефект Полиньи заметил на это:

– Лучше привезти его труп на тачке.

– Нет, – решительно возразил Ней, – вы не знаете парижан. Они должны увидеть его живым.

Тем не менее, этот бойцовский настрой не мешал маршалу с пиететом относиться к своему прежнему командиру и благодетелю. Характерный пример: 11 марта ему принесли воззвание Наполеона к армии. Прочитав его, Ней воскликнул:

– Теперь никто так не пишет! Пусть король у него поучится! Вот как нужно разговаривать с солдатами! – Расхаживая взад – вперед, он громко зачитал: – «Виктория последует со скоростью броска в атаку. Орел с национальными цветами будет перелетать с одной звонницы на другую и долетит до башен Нотр-Дама!»

Давая свое обещание королю, маршал и сам не подозревал, как опрометчиво и невыполнимо оно для человека два десятилетия спустя.

тителетия связанного кровью и славой с одним из самых выдающихся людей его (и не только!) времени.

Взять за бока идею. Наполеон обладал удивительным даром чеканить ясные, резкие и мощные фразы:

– Солдаты, вы раздеты и плохо накормлены.

– Солдаты, я доволен вами.

– Солдаты Итальянской армии, разве вам не хватает мужества?

В конце каждого обращения к армии всегда содержалось обещание победы, спасения, отдыха и личной славы:

– Вы вернетесь к себе домой, и ваши сограждане будут говорить: «Он воевал в Итальянской армии». Вам достаточно будет сказать: «Я был под Аустерлицем», чтобы вам ответили: «Вот храбрец!»; или же о вас скажут: «Он принимал участие в великой битве под стенами Москвы».

Наряду со способностью сразу «взять за рога» привлекшую его идею, Наполеон владел искусством точных образов и мастерством формулировок, без промаха бивших в цель. Образцами умения императора донести до каждого свои мысли и чувства являются его бюллетени, которые Шатобриан называл «красноречием победы».

Лаконичны и весьма значимы записки императора по поводу тех или иных событий. Вот одна из них: «Павел I умер в ночь на 24 марта. Английская эскадра прошла через Зундский пролив 31-го. История поведаст нам о связи, какая может существовать между этими двумя событиями».

1 января 1814 года Наполеон заявил членам Законодательного собрания:

– Франция в опасности, в нее вот-вот вторгнется враг, а депутаты наглеют. – И пояснил этим зарвавшимся «представителям народа»: – Я из породы людей, которых могут убить, но не обесчестить. В конечном счете, что такое трон? – Четыре куска дерева, обтянутые бархатом. Все зависит от того, кто на нем сидит.

И, наконец, этот необыкновенный человек был неподражаемым мастером эпистолярного искусства. Вчитайтесь в его послание вдове адмирала Брюэса, погибшего в сражении при Абукире: «Ваш муж был убит попаданием ядра, сражаясь на борту сво-

его корабля. Он умер без страданий, самой щадящей и самой желаемой всеми военными смертью. Я остро чувствую ваше горе.

Мгновение, разделяющее нас с предметом нашей любви, ужасно; оно отрывает нас от земли, оно насыплет на наше тело конвульсии агонии. Свойства души разрушаются: она остается связанной с внешним миром лишь через ощущение искажающего реальность кошмара. В такой ситуации чувствуешь, что гораздо лучше было бы умереть, если ничто не заставляет жить. Но когда, поддавшись было этой первой мысли, прижмешь к сердцу детей, слезы и чувство нежности возрождают наше естество.

Да, мадам, вы будете плакать вместе с ними, вы будете воспитывать их в детстве, обучать в юности. Вы будете рассказывать им об их отце, о вашем горе, о потере, которую они понесли, о потере, которую понесла Республика. И после того как с помощью сыновей и материнской любви вы вновь восстановите связь между вашей душой и окружающим миром, не побрезгуйте дружбой и живым интересом, какой я всегда буду испытывать к родным моего погибшего друга. Поверьте, есть люди, хотя их и немного, но ваш муж среди них, способные внушать надежду в горе, ибо они горячо ощущают страдания души».

Или – или. А в Вене монархи продолжали пребывать в растерянности. А.Михайловский – Даниловский записывал в этот день: «Течение дел на конгрессе приостановилось от смятения, в которое союзные дворы приведены вновь наступающими опасностями, подобными тем, которые угрожали Европе с начала Французской революции».

К счастью для великих держав войска их не были распущены после кампании 1814 года, и это во многом облегчало задачу борьбы с Наполеоном.

Правда, на момент получения известия о его высадке на южном побережье Франции отношения между союзниками оставляли желать лучшего, и у сторонних наблюдателей возникали сомнения в их дееспособности. «Монархи положили единодушно, не теряя времени, приступить к приготовлениям к войне, но успех оной сомнителен, потому что связи дружбы, соединившие государей в походах 1813 и 1814 годов, ослаблены на конгрессе, где каждый из них имел в виду собственные выгоды, которые

иногда были противны тем правилам, на которых предположено было сначала решить участь народов» (А. Михайловский – Даниловский).

Державы – победительницы передрались между собой, перекраивая карту Европы. Забыты были уверения в дружбе и верности друг другу. Дело дошло даже до заключения тайного союза одной группы держав против другой. Но страх перед внезапно вернувшимся грозным противником заставил антагонистов поумерить свои страсти и вспомнить о прежней «дружбе».

День 11 марта завершился военным советом, на котором присутствовали: князь П.М.Волконский*, князь К.Шварценберг и барон Кнезибек. Не располагая достаточными данными ни о пути следования Наполеона, ни о целях его внезапной высадки, ни о ситуации, складывавшейся во Франции, военачальники союзных держав буквально гадали на кофейной гуще. А.Михайловский – Даниловский рассказывал о их муках «творчества»:

– Должно принять за основание три предположения: или Наполеон не имеет сообщников во Франции, почему он не будет в состоянии образовывать армию и неминуемо погибнет, что вероятно, судя по отказу коменданта города Антиб действовать с ним совокупно. Или он уверен в том, что найдет довольное число преданных себе людей, с которыми пойдет против роялистов. Или же, наконец, при появлении его произойдет всеобщий бунт, особенно в Париже, король, лишившись войск, не будет уверен в самой безопасности своей. Каждое из сих предположений должно иметь особенные последствия, почему не надлежит спешить сосредотачивать силы у границ Франции, ибо направление их зависит от обстоятельств и следование их затруднится бедностью жителей тех земель, чрез которые армиям должно проходить.

Словом, прозвучала команда: на войну! Но никакого конкретного плана принято не было. Позыв к военным действиям – это еще не сами действия, и история знает немало примеров, когда дело заканчивалось ничем.

* В марте 1814 года именно по совету князя П.М.Волконского союзники внезапным ударом захватили Париж, оставив Наполеона в своем глубоком тылу. Предприятие рискованное, но полностью оправдавшее себя.

12 марта

После Наполеона Ней был, пожалуй, самым прославленным и любимым военачальником Франции, пользовавшимся авторитетом в армии. Этим он был обязан как своим простым происхождением (сын бочара), так и легендарной храбрости. «Красномордый» звали его солдаты за огненную шевелюру и взрывной темперамент.

Современник маршала швейцарский историк Жан Симонди так характеризовал его: «Ней – человек исключительной храбрости. Никто лучше него не умеет воспламенить сердца солдат и заразить их своим пылом и упорством. Но с этими качествами соединяется характер, достойный всяческого презрения: ему неизвестно, что такое возвышенность и благородство души. Он движим одним только честолюбием, принося все ему в жертву».

Получив все свои громкие титулы и материальные блага от Наполеона, Ней был первым, кто настаивал на его отречении от престола, когда счастье изменило императору. Бурбоны оценили это. И когда Людовик XVIII возлагал на него миссию по борьбе с «узурпатором», Нею напомнили эту бесславную страницу его недавнего прошлого:

– Ах, господин маршал, однажды вы уже спасли Францию, заставив Наполеона отречься, теперь вы спасете ее во второй раз.

Ней с энтузиазмом воспринял высокое назначение. В три дня, которые предшествовали перелому в его взгляде на свою миссию, он наговорил немало того, о чем в дальнейшем сильно сожалел:

– Бонапарта я возьму на себя. Мы сразимся с хищным зверем.

Уверенный в абсолютном превосходстве вооруженных сил французского королевства над миниатюрной «армией» императора маршал заранее торжествовал:

– Весьма удачно, что узник с острова Эльба затеял это безумное предприятие, ибо оно явится последним актом его трагедии, развязкой Наполеонады.

Но бывший главнокомандующий знал своего подчиненного лучше его самого и умел использовать как сильные, так и

слабые стороны этой необузданной природы. Мастер на лаконичные характеристики, Наполеон говорил о Нее:

– С мозгами у него худо. Он столь же слаб, сколь и храбр, а его чрезмерное честолюбие позволяет вертеть им как угодно.

И им вертели. 12 марта Ней получил коротенькую записку от императора: «Я приму вас так же, как на другой день после сражения под Москвой».

На словах посланцы Наполеона сообщили маршалу, что Людовик XVIII уже приготовился к бегству из Парижа (это была неправда); что Англия поддерживает императора (заведомая ложь); что Австрия благожелательно относится к предприятию Наполеона и прочие «сведения» весьма желательные, но не соответствовавшие действительности. Постращали Ней и угрозой гражданской войны, которая неминуема, если он выступит против своего бывшего командующего. Об истинном отношении к Нему королевского двора говорить не потребовалось – маршал знал это по слезам своей жены.

Словом, император и поманил, и пригрозил одновременно, посеяв сумбур в слабой голове маршала. От прежней самоуверенности Ней не осталось и следа. Маршал в буквальном смысле оказался между огнем и полымем: Бурбонов не терпел, Наполеона боялся, на его снисходительность не рассчитывал, говорил:

– Этот сумасшедший никогда не простит мне своего отречения. Не пройдет и полугода, как он, пожалуй, отрубит мне голову!

И в этом предположении, как мы увидим дальше, Ней был не слишком далек от истины.

Сказки для народа. Парижская пресса, между тем, продолжала буйствовать. Луи Филипп*, бежавший из Лиона, прибыв в столицу, с изумлением узнал, что, оказывается, он одержал крупную победу над «корсиканцем».

Столичная печать возвращение Наполеона по – прежнему представляла как предприятие, обреченное на провал. Стремительное продвижение императора по стране и переход на его сторону воинских контингентов всячески замалчивались. Газеты пе-

* Луи Филипп, герцог Орлеанский, король Франции в 1830 – 48 годах.

стрели сообщениями о том, что войска беглеца с Эльбы рассеяны, а сам он, одинокий и брошенный своими соратниками, скрывается в горах; поимка его – дело нескольких дней.

Имя Наполеона склонялось на все лады – «Тиберий», «деспот», «бич поколений», «палач», «трус», «сын мещанина из Аяччо» и даже – «чужак». В употреблении последнего эпитета особенно преуспел знаменитый Шатобриан, гордость французской литературы. В памфлете «О Бонапарте и Бурбонах» он писал:

«Напрасно было бы утверждать, что Бонапарт не чужестранец. Он является таковым в глазах всей Европы, всех непредубежденных французов.

Таковым он пребудет и во мнении потомков. У Бонапарта нет ничего от француза – ни в поведении, ни в характере. Самые черты его лица выдают его натуру. Язык, который он выучил с колыбели, – не наш, а его акцент, равно как и его имя, указывают на его происхождение. Бонапарт убавил себе год. Он родился 5 февраля 1768 года, а Корсика присоединилась к Франции 15 мая того же года, так что, если судить по всей строгости, Бонапарт для французов – чужестранец».

Вот так! Ни больше – ни меньше! Словом, договорились.

Это – взгляд на Наполеона роялиста, его ярого противника, в своем неприятии императора смыкавшимся с внешними врагами родной страны. Герцог Веллингтон писал, кстати, 12 марта: «Если мы увидим, что король Франции недостаточно силен, чтобы в одиночку справиться с Бонапартом, мы приведем в движение силы всей Европы, даже если ему удастся закрепиться во Франции, без сомнения, сумеем свергнуть его».

Как в годы Великой французской революции монархическая Европа в едином порыве вздыбилась против всего, что было порождено ею (революцией) и закреплено в деяниях того, кто стал олицетворением буржуазного развития страны.

13 марта

Лионские декреты. За три дня пребывания в столице восточной Франции Наполеон много поработал над законода-

тельными актами. Их было восемь. Все они помечены 13 марта. По этому поводу В. Скотт желчно говорил:

– Число указов и скорость их появления на свет, показывают, чем Наполеон занимался на Эльбе, когда все думали, что он пишет воспоминания.

Первым своим указом император упразднял все изменения в административном и судебном управлении, проведенные Бурбонами.

Вторым – из армии увольнялись все офицеры-эмигранты. Третьим – отменялись орден Святого Людовика, белое знамя и другие знаки королевской власти, распускались швейцарская гвардия и дворцовая королевская стража. Этим же указом восстанавливались трехцветное знамя и другие символы бывшей империи.

Четвертым указом национализировались имения Бурбонов и отбирались поместья, возвращенные семьям эмигрантов. Следующим уничтожались дворянство и феодальные титулы, утверждались права владельцев имений, конфискованных Бурбонами. Шестым указом вернувшиеся в страну эмигранты вновь изгонялись из ее пределов, а их имущество переходило к государству. Седьмым восстанавливались звание Почетного Легиона и все права, связанные с ним.

Последний, восьмой указ, был самым важным – им объявлялся роспуск палаты пэров и палаты депутатов. Обосновывался этот шаг следующим образом: первая из палат состояла частично из тех, «кто воевал против Франции и кто заинтересован в восстановлении феодальных прав и в отмене продаж национального имущества». Полномочия второй истекли. К тому же большинство ее членов «оказались недостойными доверия нации, ибо они выступили за восстановление дворянства в его правах и заставили Францию платить долги, сделанные за границей для создания коалиций, нарушили права граждан, дав Бурбонам титул законных королей. Иначе говоря, весь народ и его армия объявлялись мятежниками, а настоящими французами – одни лишь эмигранты, на протяжении четверти века терзавшие грудь отечества, нарушались все права народа, утверждался принцип, согласно которому нация создана для трона, а не трон для нации».

Вместо распускаемых палат предлагалось провести (как у древних франков) народное собрание – Майское поле. Декрет об этом гласил: «Избирательные коллегии империи соберутся на чрезвычайную ассамблею на Майском поле для усовершенствования конституции в интересах нации».

Предписание о выборе делегатов на Майское поле разошлось по всем городам и селениям Франции. В нем указывалось, что во время этого чрезвычайного собрания будет произведена коронация Марии Луизы и «нашего дорогого и горячо любимого сына». Этим актом Наполеон хотел показать, что Австрия вполне дружественно относится к нему*. О «благогосклонном» отношении Англии свидетельствовал тот факт, что ее флот беспрепятственно выпустил императора с Эльбы. Очень лоялен к семье Наполеона был царь Александр I, а это тоже говорило о многом.

Словом, серьезных противников вне Франции не предвиделось, и это гарантировало стране мир и покой под скипетром вернувшегося владыки, который, кстати, был не прочь поделиться своей властью с народом.

После непрерывных войн, длившихся уже четверть века, нация смертельно устала. Наполеон видел это, и поэтому одним из важнейших пунктов его новой программы являлось утверждение мира и спокойствия в стране. Конечно, это прельщало всех, но немногие верили в это (особенно противники императора). Министр Людовика XVIII Жокур говорил по этому поводу:

– Он (Наполеон) нежничает. Но если оставить его на троне, ему понадобится всего года два-три, чтобы восстановить силы, вновь поставить континент на дыбы и перейти в наступление.

Ему вторил Женеваз, секретарь фаворита короля герцога Э.Деказа:

* В действительности как раз в эти дни Мария Луиза начисто отказалась от своего супруга, и все французы, состоявшие при Римском короле, сыне Наполеона, были выдворены из Вены.

– Наполеон мог сколько угодно провозглашать: «Новая империя – это мир!» – никто в это не верил, никто не мог в это поверить.

Могли и верили простые люди Франции, помнившие о главном завоевании революции (уничтожение феодализма) и ненавидевшие Бурбонов как олицетворение прошлого и смертельных врагов нового. Здесь действовал принцип, сформулированный позднее нашим гениальным поэтом: «Ах, обмануть того не трудно кто сам обманываться рад».

Да, очень значительная часть простых людей Франции с восторгом приветствовала возвращение к политической жизни ее великого сына и верила, что он наведет порядок в стране, даст народу радость мирной и счастливой жизни. Увы, мир живет надеждой на лучшее.

В Лионе Наполеон начал восстанавливать имперский порядок. Это был его ответ на декларацию Людовика XVIII, на его призыв «гнать» возвратившегося изгнанника*. Лионскими декретами были отменены законы Бурбонов, покушавшиеся на завоевания революции, все законодательства в пользу эмигрантов и старого дворянства. Была подтверждена незыблемость перераспределения собственности за годы революции и империи. Объявлена общая амнистия, из которой исключались Талейран, Мармон, Ожеро, Дальберг, Паскье и еще несколько заядлых роялистов.

Паскье был у Людовика префектом полиции. Герцог Дальберг – активный участник реставрации Бурбонов. Талейран, человек абсолютно беспринципный, обслуживал на ниве внешней политики только тех, за кем была сила, и в конечном счете предавал своих вчерашних господ. 31 марта 1814 года он встретил с распростертыми объятиями союзных монархов, и на следующий день стал главой временного правительства Франции, которое тут же (через раболепный Сенат) объявило о низложении Наполеона.

* Выражение «гнать его» возмутило даже такого правоверного роялиста, как Шатобриан, который писал по этому поводу: «Обезноженный Людовик XVIII гонит завоевателя, покорившего полмира! Гнать Наполеона, который не единожды гнал королей, захватывал их в плен и навеки метил их плечи своим несмываемым клеймом!»

Маршал Мармон

Маршалу Вьесс де Мармону в марте 1814 было поручено защищать Париж. Но он отвел вверенные ему войска от столицы, а затем отдал приказ о сдаче корпуса союзникам, за что после реставрации Бурбонов был осыпан всевозможными милостями. Прозвище Мармона Рагузер было для бонапартистов синонимом слов «предатель» и «Иуда». Наполеон говорил о нем:

– Мармон должен быть объектом отвращения со стороны потомков. Пока Франция будет существовать, имя Мармона не будет упоминаться без содрогания. Он чувствует это и в эту минуту он самый несчастный человек на свете. Он не может простить самого себя и он завершит свою жизнь как Иуада.

Одним словом, объявленная амнистия распространялась только на очень узкий и одиозный круг лиц, действительно запятнавших себя деяниями, нанесшими ущерб не только лично Наполеону, но всей стране. В данном случае император был объективен.

...Оставляя Лион, Наполеон обратился с воззванием к его жителям: «В эту минуту, когда я покидаю ваш город, чтобы направиться в столицу, я испытываю потребность поделиться с вами чувствами, которые вы внушили мне. Вы всегда занимали в моем сердце первое место. Где бы я ни был – на троне или в изгнании, – ваше отношение ко мне не менялось. Отличающие вас высокие чувства обеспечили вам мое глубокое уважение. Я вернусь в иное, более спокойное время, чтобы заняться вашими нуждами и содействовать преуспеванию мануфактур вашего города. Лионцы, я люблю вас».

Жене он в тот же день сообщал: «Мой авангард уже в Шалон-сюр-Сон, и сегодня ночью я выезжаю к нему. Передо мной бегут толпы людей; целые полки бросают все, чтобы присоединиться ко мне. Когда ты получишь письмо, я уже буду в Париже. Приезжай ко мне с сыном. Надеюсь обнять тебя еще до конца этого месяца».

Из Лиона Наполеон выехал в Макон, где остановился в гостинице «Соваж».

Вызвал ужас в Европе. Отправляя весточку жене, император еще не знал, что накануне Мария Луиза письменно объявила, что не принимала и не принимает никакого участия в замыслах супруга. Это был конец интриги, затеянной венским двором вокруг бывшей императрицы. Турнир (отнюдь не рыцарский) с ее мужем только начинался.

13 марта участники Венского конгресса приняли декларацию, направленную лично против Наполеона. Автором этого (весьма сомнительного с правовой точки зрения) документа был Талейран. Подписали декларацию восемь держав: Россия, Австрия, Великобритания, Испания, Португалия, Пруссия, Швеция, и Франция. Предприятие Наполеона рассматривалось в декларации как покушение на общественный порядок. Вот ее текст:

«Державы, которые подписали договор в Париже, воссоединившись на конгрессе в Вене и узнав о побеге Наполеона Бонапарта и о его насильственном вторжении во Францию, находясь в моральном долгу перед собственным достоинством и перед общественным порядком, обязаны провозгласить декларацию чувств, которые заставило их испытать это событие.

Нарушив таким образом конвенцию, которая определила Эльбу местом его пребывания, Бонапарт уничтожил единственное законное право, с которым было связано его существование. Появившись вновь во Франции с планами возрождения беспорядков и разрушений, он лишил себя защиты законов и ясно показал перед лицом всего света, что с ним не может быть ни мира, ни перемирия.

Вследствие этого державы объявляют, что Наполеон Бонапарт поставил себя вне гражданских и социальных отношений, и что, в качестве врага и нарушителя спокойствия в мире, он подлежит общественному возмездию! Они так же заявляют, что будут твердо соблюдать Парижский договор 30 мая 1814 года и позднее сделанные к нему дополнения. Они используют все средства, объединят все свои усилия, чтобы не допустить впредь нарушения всеобщего мира, столь желанного в Европе, и будут стремиться разрушить все замыслы, грозящие вновь погрузить мир в революционную смуту».

Конечно, в декларации умалчивалось о том, что сами великие державы, подписавшие соглашение с Наполеоном в апреле 1814 года, не выполняли его. По договору император провозглашался независимым владельцем острова Эльба, а оказался пленником на нем. Ему не выплачивались деньги на содержание. У него отняли жену и сына. И, наконец, открыто обсуждали вопрос о желательности перемещения фактического узника подальше от цивилизованного мира.

В декларации априори извращались цели Наполеона по возрождению величия Франции не путем войн, а созидательной деятельностью ее народа. Умалчивалось о прямом отказе императора от своих амбициозных планов мирового господства. Вместо этого монархическая Европа заявила о своей готовности оказать Франции «необходимую помощь для восстановления общественного спокойствия». То есть, открыто провозгласила свое право вмешательства во внутреннее дело другого государства.

Впрочем, мнение западноевропейских монархов разделяли и их подданные. Сильное ожесточение против Наполеона и Франции проявилось в германских государствах. Особенно неистовствовал «Рейнский Меркурий». В журнале утверждалось, что с французами нельзя обходиться как с обыкновенными врагами,

но как с бешеными собаками – бить их! «Надо вести войну с Наполеоном, но еще больше с французским народом, который двадцать пять лет мучит Европу. Нужно его разбить на несколько отдельных народностей: бургундов, шампанцев, овернцев, бретонцев, дав каждому особого короля. Эльзас, Лотарингию и Фландрию присоединить к Германии, которую усилить единством, давши императора».

Как ни странно, но некоторую поддержку Наполеон получил в Англии. Там, на очередном заседании парламента, виги характеризовали венскую декларацию как авторитетное подстрекательство к убийству отдельной личности и называли его позорным для англичан. Представители парламентского большинства вынуждены были оправдываться.

– Цель этого заявления, – поясняли они, – является показать народу Франции, что своим поступком Наполеон лишил себя гражданских прав и благодаря своим стремлениям и военным талантам вновь вызвал подозрения и ужас в Европе. Его непреклонная решимость, беспредельное честолюбие, его военный гений и власть над умами других людей стали главными причинами к заключению Парижского мира, важнейшим условием которого было лишение его престола. Нарушив этот мир, торжественно заключенный со всей Европой, Наполеон потерял свои политические права – вот в каком отношении он поставлен вне закона.

Сильные возражения встретило в парламенте Англии желание союзных держав вмешаться во внутренние дела Франции. Поэтому кабинет министров вынужден был заявить союзникам, что его британское величество не считает себя обязанным вести войну с целью навязать Франции какое-либо правительство. Но этот демарш имел лишь символическое значение и на решимость держав окончательно разделаться со своим многолетним противником не повлиял.

Да это и не удивительно. Как отмечал на заре прошлого века историк В.Слоон, «Венский конгресс был не представительством государств, а коалицией династий, решивших взаимно поддерживать друг друга. Возвращение Наполеона на французский престол, с точки зрения этой коалиции, не могло быть терпимо уже потому, что повлекло бы за собой признание за французским

народом права выбирать себе государя, и таким образом создало бы опасный прецедент, который не преминул бы нанести смертельный удар деспотической монархии Западной Европы».

Да, высокие слова монархов о борьбе с деспотизмом французского императора, о свободе народов, о мире и спокойствии на континенте прикрывали лишь одно весьма прозаическое желание: сохранить в незыблемости монархический режим главных держав Европы.

Король народа. Вечером 13 марта Наполеон был в Мако-не. Адъютант мэра этого городка так начал приветственную речь:

– Ваше величество, вы всегда творите чудеса, потому что, когда мы узнали, что вы вернулись, мы подумали, что вы сошли с ума.

Д.С. Мережковский по поводу этого бесхитростного признания писал: «С ума сошел» не только император, но и вся Франция».

Тысячные толпы крестьян и обитателей маленьких городков с неистовым восторгом встречали Наполеона, а затем десятки миль следовали за ним. Конечно, это радовало императора, и не столько потому, что тешило его самолюбие, сколько в силу того, что подтверждало его расчеты на поддержку народа. А в том, что он любим простыми людьми, Наполеон знал давно. Вот его рассказ, убедительно свидетельствующий об этом.

«Во время моего возвращения из Италии, когда моя карета с трудом поднималась по крутому холму Тараре, я вышел из нее и пошел вверх один без сопровождавших меня лиц, что я делал довольно часто. Я увидел старую хромую женщину, ковыляющую с помощью костыля, старающуюся добраться до вершины холма. На мне была большая шинель, и меня было трудно узнать. Я догнал ее и спросил:

– Ну. Ну, моя славная, и куда же вы идете с такой поспешностью, которая никак не к лицу вашим годам? Что случилось?

– По правде говоря, – ответила пожилая женщина, – мне сказали, что где-то здесь находится император, и я хочу увидеть его, прежде чем умру!

– Вот еще! – воскликнул я. – Ради чего вам потребовалось увидеть его? Что хорошего он вам сделал? Он же такой тиран,

как и все остальные. Вы только поменяли одного тирана на другого, Луи на Наполеона.

– Но, мсье, может быть и так, но, в конце концов, он все же король народа, а Бурбоны были королями знатных людей. Это мы выбрали его, и если нам суждено иметь тирана, то пусть это будет тот, кого избрали мы сами».

Здесь, как говорится, ни прибавить, ни убавить!

14 марта

Этот день Наполеон провел в Шалон-сюр-Сон. Здесь он выразил признательность жителям городка за то, что в 1814 году они храбро защищались от войск союзников.

Свои похвалы император хотел повторить в адрес жителей Сен-Жан-Делона, но не попал туда. Поэтому мэру этого городка был послан орден Почетного легиона. При этом Наполеон сказал крестьянам и рабочим, всюду следовавшим за ним:

– Для вас, добрые люди, упродил я Почетный легион, а не для эмигрантов, получающих пенсии от врагов наших!

А в это время маршал Ней все еще терзался сомнениями. День или два назад он еще уверял своего помощника Бурмона:

– Я возьму ружье, выстрелю первым, и все пойдут за мной.

Но теперь по угрюмым лицам солдат, по зловещей тишине, царившей в лагере, маршал видел – нет, не пойдут!

Ближайшие подчиненные пытались удержать своего командира от опрометчивого шага, напоминая ему о присяге, данной королю, о чести и верности. Ней взорвался в ярости:

– У меня есть честь! Именно поэтому я больше не хочу, чтобы меня унижали. Я больше не хочу, чтобы моя жена возвращалась домой, плача от перенесенного унижения. Королю мы не нужны, это ясно. Только с таким человеком, как Бонапарт, армия сможет добиться уважения.

Несколько успокоившись, маршал обреченно сказал:

– Я не могу остановить море руками. Я предпочту быть тысячу раз раздавленным Наполеоном, чем униженным людьми, которые никогда не воевали.

Объявив своему штабу о принятом им решении, Ней отправился к войскам, собравшимся на плацу. Зычным голосом он выкрикнул:

– Офицеры, унтер-офицеры и солдаты, дело Бурбонов проиграно навсегда!

Оглушительный вопль «Да здравствует император!» превалил его. Вздых облегчения вырвался у всех. Лица у воинов посветлели. А маршал продолжал:

– Солдаты! Прошли те времена, когда Францией правили, основываясь на глупых предрассудках, когда права народа игнорировали или подавляли. Законная династия, которую выбрала нация, вновь восходит на престол. Править нашей родиной надлежит лишь одному императору Наполеону. Солдаты, я часто вел вас к победе. Теперь я поведу вас к бессмертной фаланге, которую император ведет на Париж.

Свое лаконичное обращение к подчиненным ему воинам Ней произнес на одном дыхании. Маршал был чрезвычайно возбужден. Позднее он говорил об этом моменте:

– Я тогда переживал бурю эмоций.

Решение присоединиться к Наполеону далось Нею трудно. Но император настолько был уверен, что маршал не поднимет против него оружия, что вместе с упоминавшейся выше запиской послал приказ с указанием о ближайших действиях корпуса маршала. Что Ней и поспешил выполнить.

Наполеон остался доволен исполнительностью маршала, хотя и был не очень высокого мнения о его поступке. Несколько позднее, в разговоре со своей падчерицей Гортензией, император с заметным осуждением порицал колебания Нея:

– Он твердо намеревался напасть на меня. Но когда увидел, что войска, находившиеся под его командованием, этому сопротивляются, он был вынужден им подчиниться и попытался обратить себе в заслугу то, чему не мог воспротивиться.

От Шалона до Парижа оставалось расстояние в два раза меньшее, чем Наполеон прошел. А противники все еще не верили в его успех. Даже Талейран, человек изощренного ума, не понимал этого. 14 марта он писал в Париж своему коллеге по министерству иностранных дел Жокуру: «Депеши, которые ваш курьер доставляет мне, укрепляют меня во мнении, что эта высадка не

может иметь никаких серьезных последствий, они послужат тому, чтобы рассеять легкие опасения, которые отдельные особы могли бы иметь. Мне кажется даже весьма вероятным, что в данный момент все уже кончено».

На то, что «все уже кончено», надеялись и другие участники Венского конгресса. То есть свою декларацию от 13 марта они рассматривали на первых порах, выражаясь современным языком, как заявление о намерениях союзных держав.

15 марта

После Шалон-сюр-Сан Наполеон останавливался в Отене. Городок напомнил ему об одном из самых опасных недоброжелателей – Шарле Морисе Талейране – Перигоре. Перед революцией этот политический хамелеон был епископом Отена.

Здесь император встретил первую и единственную на всем пути попытку сопротивления. Мэр города поднял белый (королевский) флаг и призвал под ружье национальную гвардию. Конечно, ничего у него не получилось. Но это вызвало раздражение Наполеона.

– Кто вы такой, сударь, – выговаривал император неудавшемуся «герою», – чтобы позволять некоторым привилегированным лицам командовать вами? Разве вы сами не плебей? Как же вы можете отдать своих подопечных на поживу дворянской ненависти?

И здесь Наполеон произнес фразу, которая ободрила старых революционеров и повергла в смятение их извечных противников:

– Вы позволили верховодить священникам и дворянам, которые хотели восстановить оброк и феодальные права. Я же восстановлю справедливость. Я повешу их на фонарях.

Отен – это не далекий юг Франции, и угроза императора в тот же день стала известна в столице. Первый секретарь русской миссии в Париже П.С. Бутягин, обеспокоенный «призраком якобинства», поспешил уведомить графа К.В. Нессельроде в Вене о том, что Наполеон старается привлечь на свою сторону низшие слои населения; что целью своего возвращения во Францию он

объявил: «Обеспечить суверенитет народа и обуздать гордость духовенства и знати».

Возможное обращение эльбианского беглеца к опыту революционного террора очень беспокоило союзных монархов. Характерен в этом плане диалог, происшедший в Вене между лордом Кланкарти и Александром I. Англичанин заявил царю, что низвержение Бонапарта недостаточная мера, что нужно предупредить возрождение якобинцев, которые еще хуже него. На что Александр вполне логично ответил, что якобинцы опасны только как союзники Наполеона, и потому их надо отвлечь от него.

– В случае его падения, – заметил царь, – они ему не наследники.

Когда в Вене еще занимались теоретическими спорами, в Париже уже занервничали. Маршал Мармон каждый вечер приходил к королю с тем или иным планом. Предав Наполеона в 1814 году, он теперь боялся возмездия, а потому был готов сопротивляться до конца. Один из проектов защиты, предложенный им, состоял в том, чтобы превратить королевскую резиденцию в неприступный редут.

– Нужно так оборудовать дворец, – убеждал Мармон Людовика XVIII, – чтобы его могла разрушить лишь батарея орудий крупного калибра.

На это король резонно спросил, а что будет, если один из снарядов этой батареи попадет ему в голову? Маршал предусмотрел такой вариант:

– Сир, но ведь ваш брат, ваши племянники, ваши кузены находятся за пределами дворца. Если вы умрете, ваши права и высокие титулы перейдут к кому-то другому!

Вот этого-то Людовик XVIII категорически не хотел!

Как к последнему средству спасения решили прибегнуть к содействию вездесущего Фуше. С бывшим министром полиции, до этого тщетно добивавшимся внимания двора, встретился канцлер Дамбре. И, о чудо! К этой одиозной личности, запятнавшей себя кровью брата Людовика XVIII, посланец короля обратился с вопросом, кого бы он мог порекомендовать на должности министров? Фуше не сказал ничего достойного его острого ума и дьявольской хитрости. Раздраженный канцлер попытался урезонить зарвавшегося «якобинца»:

– Сударь, ваш король призывает вас дать ему совет в момент величайшей опасности, а вы отказываетесь его дать. Я считал вас лучшим французом.

Не моргнув глазом, этот политический перевертыш, предавший все режимы и правительства, ответил на сей раз более-менее искренне:

– Я больше предан королю, нежели большинство тех, кого он привез с собой из изгнания. Если бы я был министром полиции, Бонапарт никогда бы не ступил на землю Франции. Сегодня же никакая сила на свете не может помешать ему дойти до Парижа. Однако он не вошел бы туда, если бы вы могли противопоставить ему четыре надежных и верных полка, но у вас их нет.

В тот же день произошла встреча Фуше с братом короля графом д'Артуа. Ему был дан категорический совет: единственная возможность спасения его величества – отъезд из Парижа. Этот совет полностью соответствовал тайным помыслам короля, видевшего абсолютную беспомощность своего окружения.

16 марта

Наполеон продолжал стремительно продвигаться вперед. И с каждым новым переходом численность его войск росла. Позднее император так говорил об этом феноменальном явлении:

– Боялся только одного: как бы, вместо того чтобы послать солдат против него, их не отвели так далеко, что он не смог бы встретиться с ними.

На шестнадцатый день своего возвращения во Францию Наполеон был в ста с небольшим километрах от ее столицы – в Аваллоне.

В Париже в этот день в Бурбонском дворце состоялось заседание законодательных палат, на котором присутствовал король. Депутаты встретили Людовика неслыханной овацией. Шатобриан, присутствовавший на этом торжестве, вспоминал:

– Людовик XVIII медленно приблизился к трону. Принцы, маршалы, командиры гвардии выстроились по обеим сторонам. Крики смолкли, все стихло: в эту минуту присутствующие, казалось, различали вдалеке шаги Наполеона.

Именно этим «шагам» и посвятил свою речь (написанную, кстати, Жерменой де Сталь) король. Не заглядывая в текст, твердым голосом Людовик говорил:

– Я ревновал о счастье своего народа. Ежедневно я получал и получаю трогательнейшие доказательства его любви. Мне шестьдесят лет – могу ли я достойнее закончить свою жизнь, чем умереть, защищая его? Итак, я боюсь не за себя, а за Францию. Тот, кто желает разжечь в ее пределах гражданскую войну, отдаст ее на растерзание чужестранцам. Он желает обречь нашу родину на существование под своей железной пятой. Наконец, он желает уничтожить конституционную Хартию, которую даровал вам я, хартию, долженствующую прославить меня в глазах потомков, хартию, которой дорожат все французы и которую я клянусь чтить. Сплотимся же вокруг нее, да будет она нашим священным знаменем.

Речь Людовика зал встретил восторженным ревом. Раздались крики «Да здравствует король! Умереть за короля! За королем, жизнь или смерть!» Особенный энтузиазм депутатов вызвали слова Людовика о троне, который он получил после двадцати лет ожиданий:

– Чтобы ни случилось, я никогда не оставлю своего кресла! Такая жертва хуже топора палача!

Но восторженный прием, бурные аплодисменты, здравицы, – все это было фикцией, за которой скрывались физическая и нравственная немощ короля, беспомощность и полная некомпетентность его окружения. Призывая на борьбу с Наполеоном, Людовик, не понимая, что делает, дискредитировал сам себя: на заседание палат явился с орденом Почетного легиона, высшей наградой империи!

Сразу возникала масса вопросов: кто и за что наградил короля этим орденом? Если Людовик надел высший орден империи, значит он признает эту награду действительной и для своего режима? И, наконец, как можно главе государства носить награду врага, который стоит на пороге его столицы?

Конечно, объяснение поступку Людовика XVIII есть – это была уступка мнению десятков тысяч французов, заслуживших орден Почетного легиона при Наполеоне и гордившихся этим.

Но, как говорится, всему свое время. Король явно перестарался, о чем и не преминул заявить герцог Орлеанский:

– Было нелепо ждать чего-то от столь запоздалой уступки, в особенности когда нынешние обстоятельства заставляют рассматривать ее, скорее, как проявление слабости, нежели как изменение в системе.

Не помогли и другие ухищрения власти: перевод военных с половинного содержания на полное; производство всех солдат бывшей императорской гвардии в лейтенанты, О последней госсекретарь Королевского совета барон Витроль говорил:

– Эта подачка была брошена им в тот момент, когда восхищенные успехами императора, они уже разорвали узы дисциплины и не отозвались на призыв маршала Удино, их бывшего любимого военачальника, которого мы послали, дабы удержать их в повиновении. Эта запоздалая уступка вызвала, как того и следовало ожидать, только презрение у тех, кому она предназначалась. Она лишь показала бедственное положение правительства, которое ни само, ни с помощью своих сторонников не могло найти выход из положения.

Королевский режим Франции агонизировал, и его милости уже мало кого трогали. По образному выражению Доминика де Вильпена, «когда поражение близко, тот, кто становится на колени, – мертв».

17 марта

Из Аваллона Наполеон проследовал в Оссер. Население встретило его с исступленным восторгом. Мэру города, истовому роялисту, император с гордостью заявил:

– Моя власть законнее, нежели власть Бурбонов, ибо она вручена мне народом, крики которого вы слышите.

Здесь Наполеон встретился с Неем.

– Обнимите меня, дорогой генерал! – приветствовал он маршала. – Очень рад с вами свидеться.

Ней, желая показать, что его переход на сторону императора не является заурядной изменой королю, заявил:

– Если вы и впредь будете управлять как тиран, можете считать меня скорее своим пленником, чем сторонником.

– Храбрый Ней, кажется, сошел с ума! – опешил Наполеон, а маршал продолжал:

– Ваше величество, несомненно, слышали, что я обещал привезти ваше величество в железной клетке в Париж?

– Нет, я этому не верю!

– И все же это правда!

– Я не нуждаюсь ни в каких объяснениях и оправданиях! – закончил император неприятный разговор.

Маршал Ней

Из Оссера Наполеон отправил еще одну весточку жене: «К тому времени, как ты получишь это письмо, я буду в Париже. Приезжай и привози мне сына».

Навстречу Наполеону в Оссер вышел четырнадцатый линейный полк, который храбро дрался в Испании, но никаких наград, соразмерных с его заслугами, не получил. Исправляя эту оплошность, император раздал кресты офицерам и солдатам, признав их отличнейшими.

А в столице королевская власть, уже потерявшая недавний оптимизм, пыталась склонить парижан на свою сторону запугиванием. Одна из газет рисовала «ужасающее зрелище, которое будет представлять Франция, вновь обращенная в рабство и попавшая под позорное и жестокое иго Бонапарта. Война с заграницей, война гражданская, повсюду льющаяся кровь. Наше отечество истерзанное, возможно, расчлененное, истощенное и полностью разрушенное, тщетно пытающееся на протяжении жизни десятка поколений восстать после перенесенных чудовищных бедствий. Наконец, мрачный гнев тирана, ликующего при виде стольких несчастий и умножающего их своими гонениями».

Но легкомысленных парижан трудно было напугать и вывести из состояния радостного ожидания перемен. Как бы в насмешку над потугами королевской прессы в столице в этот день появился плакат следующего содержания: Наполеон обращается к Людовику XVIII: «Брат мой, не посылайте мне больше солдат. Их у меня довольно».

18 марта

Находясь уже в Жуане, Наполеон подвел итоги завершившегося похода:

– Единственная армия, на которую Людовик XVIII мог рассчитывать, теперь – моя. Ней присоединился к нам. Я пересек Прованс и Дофине, имея всего 900 человек, сегодня у меня их 30 тысяч. Три миллиона крестьян встречали меня на моем пути, осыпая благословениями. Почему? Потому что я чтил Францию, потому что я правил ею во имя ее блага. Бурбоны принесли с собой чужеземное иго и эмигрантский дух. Франция отвергает их. За Париж я не беспокоюсь. Людовик XVIII слишком умен, чтобы ждать меня в Тюильри.

Что верно, то верно: король, как говорится, сидел уже на чемоданах, хотя и делал еще слабые попытки к сопротивлению. В Тюильри собрался общий совет военных и гражданских лиц. Генералы, выступавшие на совете, единодушно заявили, что сопротивление Бонапарту невозможно.

Приближенные короля решительно возражали им. В зале поднялся такой бедлам, что Людовик вынужден был оставить споривших.

Но разногласия в элите не помешали депутатам принять в этот день «важный» проект закона: Наполеону объявляется война, а всем, кто выступит против него, обещались жалованье в тройном размере и специальная медаль.

Была предпринята попытка успокоить население столицы. В «Монитер» парижане в тот день читали следующие уверения: «Правительство не желает ничего скрывать. Оно считает своим долгом говорить только правду». А эта «правда» заключалась в убийственной лжи: «Королевские войска заняли Гренобль и Лион!»

Ни больше, ни меньше! Хотя до этого не сообщалось о их потере, а слух простолюдинов услаждали баснями о «бандите» Бонапарте, который, растеряв свою немногочисленную шайку, бежит от верных королю крестьян по отрогам французских Альп. От таких крутых поворотов прессы парижанам оставалось только смеяться, а войскам бежать к своему «маленькому капралу».

Вечером авангард 6-го эскадрона королевских улан, занимавших пост в Монтеро, объявил себя «авангардом императора». Об этом немедленно доложили Людовику.

– Теперь я вижу, что все кончено, – вздохнул король. – Не стоит оказывать бесполезного сопротивления. Я решил уехать!

О решении короля знал пока узкий круг лиц. Паники в столице пока не было, но не было в ней и единой воли. Первый секретарь русской миссии в Париже П.С. Бутягин отмечал в этот день, что Наполеон стоит у ворот города, а министры думают только о себе, полиция бездействует, работа повсюду прекращена. А Наполеон в это время «активен и дерзок, прекрасно чувствует настроение нации и обладает талантом привести ее в действие».

Надо признать, что Людовик XVIII знал цену своему окружению и не слишком полагался на него. Сразу же после получения первых известий о высадке своего заклятого врага и соперника, он обратился за помощью к Англии. Лондон выразил сочувствие королю, но от вмешательства в дела Франции отказался 18 марта российский посол Х.А. Ливен сообщал К.В.Нессельроду из британской столицы:

«Господин граф.

Полученные из Франции известия о высадке Наполеона породили здесь крайнее беспокойство, а поступающие каждый день сообщения о его успехах доводят до крайней степени всеобщее замешательство. Лорд Каслри отклонил от имени своего правительства просьбу о содействии английских вооруженных сил, заявив, что их недостаточно.

Английский министр добавил, что само положение во Франции еще не позволяет иностранной державе выступить в поддержку одной из партий, пока воля нации не проявится в ка

ком-либо акте, враждебном другой стороне, ибо для того, чтобы иностранная помощь стала законной и эффективной, необходимо содействие и сочувствие какой-то части нации».

Итак, в тот день, когда Людовик XVIII решил, что ему пора бежать из Парижа, в Лондоне еще надеялись на его поддержку частью нации. Конечно, сторонники у короля были, но они составляли столь малую часть народа, что противостоять ему не могли. Хорошо сказал об этой части нации маршал Ней:

– Я не могу остановить море руками!

19 марта

Наполеон был в двух переходах от Парижа, когда там вышла яростная статья Бенжамена Констана, направленная против императора : «Со стороны короля – конституционная свобода, безопасность, мир; со стороны Бонапарта – рабство, анархия и война, при нем нам угрожает мамелюкское управление.

Это Аттила, Чингис-хан, более страшный, более ненавидимый, ибо в его руках средства цивилизации.

Он является снова, этот человек, покрытый нашей кровью, преследуемый недавно всеобщими проклятиями. Мы будем презреннейшим из народов, если протянем к нему руки. Мы станем посмешищем Европы, быв прежде ее ужасом. Наше рабство не будет иметь извинения, наше унижение не будет иметь границ».

Будучи одним из главных теоретиков буржуазного либерализма, Констан так интерпретировал смысл великого слова «свобода»: «Под свободой я понимаю торжество индивидуальности – как над властью, желающей править с помощью деспотизма, так и над массами, требующими права подчинить меньшинство большинству. У деспотизма нет никаких прав.

Большинство вправе заставить меньшинство уважать порядок. Но все, что не нарушает порядок, все, что есть дело внутреннее, как мнение; все, что в выражении мнения не вредит другому, не вызывает материальных разрушений и не препятствует проявлению противоположной точки зрения; все, что в промышленной сфере позволяет соперничающей отрасли развиваться

свободно, – индивидуально и не может быть законным образом подчинено общественной власти.»

Такое толкование свободы было чуждо как Наполеону, так и королю, и выбирать между ними не приходилось. Что касается рассуждений о войне, то, конечно, здесь Людовик XVIII выглядит предпочтительнее, так как сам воин не вел (Но то, что за него их вели союзные державы, не украшало короля).

«Война, – писал Констан, – является ныне самым большим посягательством на свободу. Она расшатывает все социальные гарантии, ничего не давая взамен. Она соединяет и допускает все типы внутренней и внешней тирании. Она разделяет народы на две группы, одна из которых презирает другую, охотно переходя от презрения к несправедливости. Она подготавливает грядущие разрушения разрушениями прошлыми: бедами настоящего она платит за беды будущего».

Таким образом, свсѣду Констан напрямую связывал с войной, и здесь у него уже не было никаких сомнений в том, что Наполеон враг свободе, о которой вдруг вспомнил в своих прокламациях: «Сегодня он говорит о свободе, но именно он в течение четырнадцати лет подтачивал и разрушал свободу. Война внутренняя, война внешняя – вот принесенные им дары».

В статье, опубликованной в канун вступления императора а Париж, Констан был непримирим, принципиален и решителен. Журналист ни сном, ни духом не ведал о том, какой крутой поворот в своей карьере он сделает всего через три недели. Впрочем, Констан, по сравнению со своими коллегами, явно опаздывал. Другие развернулись на 180 градусов значительно проворнее. Вот отклики парижских газет на основные события двадцатидневной эпопеи Наполеона:

«Изверг рода человеческого улизнул из ссылки».

«Корсиканский оборотень высадился под Каннами. Ему навстречу посланы войска, он кончит свои дни в горах как жалкий авантюрист».

«Чудовище в самом деле благодаря предательству добралось до Гренобля».

«Тиран был в Лионе, ужас сковал всех и вся».

«Бонапарт шагает семимильными шагами, но никогда не дойдет до Парижа».

«Узурпатор решился приблизиться к столице на 60 часов марша».

«Завтра Наполеон будет у городских стен».

«Его величество император прибыл в Фонтенбло».

«Его императорское величество ожидается завтра в своем верном Париже».

И вся эта информационная гамма разместилась в одних и тех же газетах, при одних и тех же редакторах на протяжении двух недель (Первые публикации о высадке императора появились в Париже 7 марта).

...В восемь вечера Наполеон находился в По-сюр-Ионне, в 5 лье от Парижа. Здесь он отдал приказ батальону гренадеров занять посты охраны у Тюильри. Как бы догадываясь об этом распоряжении нового владыки Франции, Людовик XVIII заблаговременно освободил дворец от своего присутствия.

В половине двенадцатого ночи во дворе Тюильри выстроились королевские экипажи. Берлина Людовика XVIII стояла у павильона Флоры. Сюда же сбежались телохранители и национальные гвардейцы. Смешавшись с придворными, они заполнили всю лестницу и прихожую.

Стояла напряженная тишина. Все смотрели на дверь королевских апартаментов, и вот она отворилась, и все увидели гусара с факелами в руках. За ним шел король, которого с обеих сторон поддерживали придворные. Очевидец вспоминал:

– Словно по команде, мы упали перед ним на колени, все в слезах, одни хватали его за руки, другие цеплялись за одежду. Слышны были лишь стенания да рыдания вокруг, а где-то там, вдали, крики тех, кто не смог подойти поближе, – «Да здравствует король!»

– Дети мои, – заговорил король, – пожалейте меня, мне нужно сохранить силы. Скоро снова увидимся.

Но толпа не хотела отпускать Людовика. Теряя терпение, он зло прошептал своему фавориту Блака:

– Я же предупредал тебя, я не желаю их здесь всех видеть.

Не без труда короля провели к экипажу, который направился в сторону Варенна. Дворец опустел, дожидаясь другого хозяина.

20 марта

Прелестная Габриэль. Утро следующего дня парижане встретили новой песенкой, летевшей вслед бежавшему королю:

*Счастливо, господин Бурбон!
Ваш путь лежит на Альбион!
Прощайте, господин Бурбон,
Оставьте трон Наполеону.
Будь вы мудрее хоть чуть-чуть,
Тогда б все было по-другому.
Вы не отправились бы в путь,
Не уступили бы корону.*

Наполеон свой последний переход начал в час ночи, выехав из Пон-сюр-Ионна. В десять утра он достиг Фонтенбло – день в день через одиннадцать месяцев после трагического прощания здесь с армией.

20 марта во Франции – последний день зимы. Впереди весна и ее первые цветы – фиалки, ставшие символом для бонапартистов. Барон де Френий говорил по этому поводу:

– Его (Наполеона) ждали все фиалки Франции, ибо было предсказано, что он вернется в ту пору, когда вернутся фиалки. Фиалка давно уже стала символом для его друзей. В ожидании свежих цветов носили фиалки искусственные – на шарфах, поясах, в духах. Это означало: «Я – заговорщик».

В Фонтенбло император узнал о бегстве короля и решил идти на Париж, чтобы достигнуть его раньше полуночи. Для конкретной постановки вопроса у Наполеона были веские основания: 20 марта 1811 года родился его сын. А 21 марта 1804 года по его приказу был расстрелян герцог Энгинский, что в свое время возмутило всю Европу и что все монархи хорошо помнили. Выбирать поэтому между этими датами не приходилось.

Но на пути к Парижу еще стояли королевские войска под командованием Макдональда. Они занимали все подходы к Мелену. Вольготно расположившись на лоне природы, солдаты и офицеры слушали старинные марши «Да здравствует Генрих IV», «О, Ришар», «Прелестная Габриэль» и другие, которые исполняли полковые оркестры.

Около полудня вдали послышался конский топот, и вскоре показалась открытая коляска, запряженная четверкой лошадей. Ее сопровождали гусары. Коляска подъехала вплотную к королевским войскам и из нее вышел Наполеон, тотчас же оказавшийся в окружении тех, кого привели с ним сражаться.

Гусары спешили и тоже оказались среди старых товарищей, которых долго убеждать не пришлось. Вскоре раздались крики «Да здравствует император!», и последняя армия Людовика XVIII перешла на сторону его противника. Путь на Париж был открыт.

Почти сутки столица Франции оставалась без всякого правительства, но крупных инцидентов в городе не наблюдалось. Вот как вспоминал об этом дне генерал Александр де Лаборд:

– С семи часов утра народ начал собираться у ворот, заполнив всю площадь, окружавшую арку Карусель и террасы со стороны сада Тюильри. В это время со всех сторон прибывали новые люди – государственные советники, министры, камергеры в своих прежних одеждах. Дегустаторы, метрдотели, выездные лакеи в форме или в ливреях вновь спокойно заступили на службу, словно Бонапарт отсутствовал недолго или словно дом его сохранялся, пока он не вернется. По лестницам поднимались элегантные дамы, заполняя гостиные. Самое любопытное состояло в том, что те же самые секретари, встречавшие прежде гостей, уже стояли у дверей апартаментов, соблюдая императорский этикет.

В конце дня со стороны набережной Сены показался всадник с трехцветным знаменем в руках. Это был генерал Реми Эксельманс, вестник Наполеона. Через несколько минут все увидели на балконе маршальского зала Тюильри трехцветные знамена.

Тотчас национальные гвардейцы, стоявшие на посту вокруг дворца, сняли белые кокарды и извлекли из ранцев трехцветные. Офицеры и слуги возвращались во дворец, словно ничего особенного не случилось. Гусары приступили к несению обычной службы у ворот. Дамы в придворных платьях ползали по коврам, отпарывая украшавшие их лилии и заменяли их на золотистых наполеоновских пчел.

По всему городу спешно менялись вывески с королевскими коронами на другие – с изображением фиалок и орлов.

Над всеми административными зданиями появились трехцветные флаги.

Воскрешение Наполеон въехал в Париж около девяти вечера. Он проехал по Новому бульвару, переехал через мост Согласия и въехал в Тюильри через новые ворота, выходявшие на набережную. Это был его обычный маршрут после возвращения из Фонтенбло. И можно было подумать, что император возвратился в столицу после недолгого отсутствия в ней, если бы ни огромная толпа, встречавшая его у дворца. Красочные воспоминания об этом оставил адъютант Наполеона граф Лавалетт:

– Едва он ступил на землю, как раздался крик «Да здравствует император!» То был потрясающий крик, от него могли бы разверзнуться небеса: это кричали отставные офицеры, сгрудившиеся в давке в приемной и заполнившие лестницу до отказа. Император был одет в свой знаменитый серый сюртук. Я стал пробираться к нему, и герцог Виченский* крикнул мне: «Ради Бога! Встаньте перед ним, чтобы он мог пройти вперед». Глядя на него с глубоким волнением, я продвигался впереди императора, пятась и держась от него на расстоянии одной ступеньки. Глаза мои были полны слез, и я как в бреду повторял: «Как! Это вы! Это вы! Наконец-то это вы!» Он шел медленно, прикрыв глаза и протянув вперед руки.

Наконец Наполеон смог войти в свои комнаты. Двери за ним закрылись, но толпа не хотела уходить. И император вынужден был показаться возбужденным до крайности людям еще раз. Этот момент запечатлел в своих «Мемуарах» барон Тьебо:

– Вдруг появился Наполеон. Взрыв радости был внезапным и бурным. Мне казалось, что я присутствую при воскрешении Христа. В самом деле, после сыгранной им необыкновенной роли, после несчастий, в скорбное течение которых, казалось, вмешалось небо, чудесное его возвращение окончательно делало из этого человека почти что бога. При виде его разразились такие восторги, что, казалось, потолки рухнут. После вспышки неудержимой радости все трепетали от восторга и что-то бормотали, словно в опьянении. Всего три часа назад я, солдат Бурбонов, на-

* Арман Коленкур.

правлял на него мои пушки. Но теперь мне казалось, что я снова стал французом, и ничто не могло сравниться с моим восторгом. Радостными криками я пытался показать ему, что тоже принимаю участие в выражении всеобщего поклонения. Император узнал меня в толпе и назвал по имени, кивнув головой и приветливо улыбнувшись. На лице моем он мог прочесть волнение.

Да, это был волнующий день и для Наполеона, и для армии, и для простых людей Франции: Орел, воспаривший у побережья Антиба, на исходе двадцатого дня достиг Парижа, сердца Франции (а совсем недавно и Европы). Полностью все перипетии этого дня наблюдал Пьер Фонтен, любимый архитектор императора. Обширной выдержкой из его воспоминаний мы и заканчиваем обзор событий далекого 20 марта 1815 года.

«В один и тот же день, – вспоминал Фонтен, – я увидел больного, шестидесятилетнего короля, вынужденного оставить бразды правления государством, выпавшие из его рук. Я видел его в окружении стариков- придворных, видел, как тщетно пытаюсь уцепиться за прежние предрассудки, он сошел или, точнее, соскользнул с трона, который принадлежал ему по праву рождения, но не по праву завоеванной славы. Этот монарх, внешней добротой и радушными манерами завоевавший расположение многих подданных, принужден был покинуть свой дворец, сопровождаемый криками, рыданиями и слезами всех тех, кто встречался ему на пути. Он отвечал им благословениями и обещаниями скоро вернуться.

Затем я увидел, как человек, который после пятнадцати лет блестящих побед был всеми брошен, предан, побежден и вынужден сдаться Европе, вооружившейся и объединившейся против него; человек, которого оскорбляли и унижали клеветой; которого изгнали и приговорили провести остаток жизни на крохотном островке в несколько лье, как человек этот вернулся во главе немногих преданных ему соратников, как он снова завоевал расположение фортуны, было изменившей ему, проявив прежние дерзость и мужество, которым она столько раз благоприятствовала. Я видел, как он, пройдя триумфальным маршем 200 лье, оказался во дворце Тюильри, куда его внесли на руках соратники по его многочисленным победам, и вновь завоевал трон, который его предшественник не сумел удержать, как он без всякой под-

держки, одной только силою своего имени вновь обрел прежнее могущество.

Если сравнить энтузиазм, овладевший населением 20 марта 1815 года, с сумятицей и хаосом, царившими 3 мая 1814 года*, разница велика! Ныне я вижу, как мужчины в расцвете лет, полные сил, с кипучей энергией, в большинстве своем покрытые шрамами, вновь возводят на трон и провозглашают своим вождем того, кто столько раз водил их к победе. В прошлом же году, в противоположность нынешнему миролюбию, мы видели, как суетились старые придворные, стремясь вернуть себе утраченные титулы, как толпа прежних баловней режима с алчностью посягала на богатства государства, а король, казалось, был готов им уступить».

Только имя. Вся Европа, одни с ужасом, другие с восторгом и благоговением, следили за удивительным походом Наполеона с юга Франции на Париж. Даже в далекой «азиатской» столице, Москве, совсем недавно пережившей нашествие «двунадесяти языцев», интересовались перипетиями этого отчаянного предприятия. С большим опозданием «Московские ведомости» все же информировали читателей об основных этапах «Полета Орла».

Что касается государств Западной Европы, там реакция на то, что сначала именовалось «авантюрой Бонапарта», была, естественно, острее и, главное, ближе к самим событиям.

По получении первых известий о высадке Наполеона был иллюминирован Дрезден, столица Саксонии, а расквартированные в Льеже саксонские части восстали. С явным сочувствием к императору отнеслось население Брюсселя, Гента, Майнца, Ахена, Трира, Шпейера, Люксембурга и Пьемонта.

Но в целом голоса сторонников Наполеона терялись в общем протестующем вопле германских государств, немало претерпевших от завоевателя. При этом вину за недавние беды немцы возлагали на весь французский народ. Так «Венский Меркурий» утверждал, что с французами нельзя обходиться как с обыкновенными врагами, но как с бешеными собаками – бить! Войну надо вести с Наполеоном, но еще больше с французским народом, который вот уже четверть века мучит всю Европу.

* 3 мая 1814 года в Париж въехал Людовик XVIII.

Главы союзных держав, отдавая должное талантам своего противника, успехи его, тем не менее, объясняли одним – заговор. Заговор, который охватывал всю Европу и пронизывал все ее государственные структуры снизу доверху. Объяснение это было самым легким и безобидным, так как не затрагивало социальных причин необычных успехов Наполеона. Вот один из примеров его – дневниковая запись от 20 марта, сделанная в Вене адъютантом Александра I А. Михайловским-Даниловским:

«Наполеон действует с быстротой первоначальных походов своих, увековечивших имя его в военных летописях. Здесь узнали почти в одно время о марше его к Греноблю, о переходе войск на его сторону, о завладении им Лионом, о том, что трехцветное знамя развеивается почти во всех частях Франции и об отчаянном положении Бурбонов, оставленных всеми сословиями.

Теперь же известились о начатии наступательных действий со стороны неаполитанского короля без предварительного объявления и о покушении увезти Римского короля из Шенбруннского замка. Сии два обстоятельства удостоверили, что заговор Наполеона был давно приготовлен и что сообщники его находились во всех землях».

Император высмеивал эту точку зрения, считая, что заговор повлек бы за собой действия не только бесполезные, но и опасные:

– Бесполезные, потому, что французский народ – это народ, обладающий собственным мнением и общественным сознанием, и он не стал бы слепо следовать примеру властей. Опасные, потому что это великое деяние, будь оно замыслено как заговор, повлекло бы за собой утечку информации, насторожило бы правительство и, наконец, привело бы к появлению претензий у так называемых вождей различных партий, которые в действительности во Франции ничего не значат, когда свою волю изъясняет нация.

Мнения историков о том, был ли заговор или нет, разделились, хотя факты говорят в пользу точки зрения Наполеона. Действительно, трудно предположить, что в условиях фактического заключения и при тех средствах связи, которые существовали в его время, он мог создать дееспособную и разветвленную заговорщическую организацию. Поэтому мы присоединяемся к

точке зрения современного французского историка Доминика де Вильпена, утверждающего, что «Полет Орла воплощает мечту одного человека, это затея ясновидца или фантазера».

Ну, а чем были эти мартовские дни в социальном плане, ведь в конечном счете триумф одиночки состоялся благодаря поддержке определенных сил? Биография Наполеона – почти сплошь яркие страницы истории, но март 1815 года – самое дерзкое, самое рискованное приключение его жизни. Чтобы решиться на такое отчаянное предприятие надо было обладать смелостью и решительностью, умением дерзать и исключительным глазомером политика.

Предприятие Наполеона удалось потому, что его поддержала подавляющая часть нации, вставшая под его знамена, чтобы сбросить гнет феодальной реакции, олицетворявшейся Бурбонами. Поэтому Л. Понтекулан, А. Тибодо, А.Лавалетт и другие современники императора называли его поход на Париж «революцией 20 марта».

С этими видными политиками прошлого соглашался А. Манфред. «То, что произошло во Франции в марте 1815 года, – писал видный советский историк, – должно быть определено как своеобразная буржуазная революция. Подавляющее большинство нации, то есть крестьянство, городское плебейство и буржуазия, поднялись, чтобы сбросить гнет феодальной реакции, пытавшейся уничтожить материальные, социальные и политические завоевание революции».

Специфическая особенность марта 1815 года – поддержка народного движения армией, вопреки всем приказам и угрозам перешедшей на сторону Наполеона и народа, лишь подчеркивала общенациональный характер революции. То был не верхушечный переворот узкого круга военных заговорщиков, а широкое народное движение, захватившее все классы общества. И казавшийся почти фантастическим успех Наполеона в его безумно дерзком походе, в конечном счете объяснялся тем, что он своевременно возглавил уже назревшую революцию против попыток реставрации монархии Бурбонов, пытавшихся повернуть историю вспять».

Так же восприняли мартовские события во Франции за границей. Монархи, собравшиеся в Вене, в триумфальном шест-

вии Наполеона видели не столько его личный успех, сколько торжество революционного начала и ниспровержение принципов легитимизма*, провозглашенных ими.

Именно поэтому не могло быть примирения между Наполеоном и монархической Европой. Но уважение к противнику, удивление его возможностями было. Англичанин В. Скотт признавал:

– Ни в одной из его многочисленных битв блестящий генерал Наполеона не проявился так ярко, как в период его перехода от Канны до Парижа. Но блеск, озаряющий Наполеона, был похож не на свет движущейся по своей постоянной орбите планеты, а на зловещее сияние кометы, предвещающей мор, смерть и разрушение.

Но это еще впереди, а пока (20 марта) на смену «авантюристу» пришел государь, и Наполеон вновь обрел свои высокие prerogatives. Чудо! И это чудо сделало его императором. Сам император говорил об этих славных днях:

– Лучшее время всей моей жизни был поход из Канны в Париж.

* Этот принцип выдвинул Галейран, который призывал к тому, чтобы «каждая законная династия была или сохранена, или восстановлена, любое законное право – уважаемо».

УТВЕРЖДЕНИЕ НА ПРЕСТОЛЕ

«В Париже безопасно и радостно». В ночь с 20 на 21 марта 1815 года начался второй период правления Наполеона Бонапарта. В отличие от первого (1799-1814) он был весьма непродолжительным – 95 суток, которые вошли в анналы всемирной истории под названием «Ста дней».

Это было время, когда гений Наполеона тщетно метался в поисках компромисса с властью имущими, чтобы добиться единства страны на пороге жесточайшей схватки с Европой, решительно отвергнувшей какие-либо переговоры с «узурпатором» и «людоедом». В сложившихся условиях у императора был один выход – поднять на борьбу с коалицией народные массы Франции. Но это грозило развязыванием гражданской войны внутри собственной страны, это грозило «плебейской» революцией. И Наполеон дрогнул. О чем не без сожаления говорил на острове Святой Елены:

– Я чувствовал, что фортуна меня покидает. У меня не было ощущения успеха в итоге. Не смей – это ничего не предпринимать в благоприятный момент, и никогда не следует на что-то отваживаться, если не убежден в своей благоприятной судьбе.

Что характерно: первая беседа, которая состоялась у Наполеона в Париже с графом Моле, была о простом народе, крестьянстве. С некоторой долей удивления император говорил:

– Я нашел всюду ту же ненависть к попам и дворянству и притом такую же сильную, как в начале революции. Крестьяне кричали: «Да здравствует император! Долой дворян! Долой попов!» Они следовали за мной из города в город, а когда не могли идти дальше, то их заменяли другие экскортировать меня, и так – до Парижа. После провансальцев – дофинцы, после дофинцев – лионцы, после лионцев – бургиньонцы составляли мой кортеж, и истинными заговорщиками, которые приготовили мне всех этих друзей, были Бурбоны.

Некоторая отстраненность, которая чувствуется в рассказе императора, привела в конечном итоге к отчужденности от тех, кто хотел и мог поддержать человека, олицетворявшего славу и горе Франции.

...Императору не спалось – одолевали думы. Цель достигнута – Франция у его ног. А что дальше? Позднее Наполеон так вспоминал о своих раздумьях в ночь на 21 марта:

«Уже в первую ночь по прибытии в Париж Наполеон задумался над тем, можно ли с 35 или 36 тысячами солдат – единственными войсками, которые он в состоянии собрать на севере, начать 1 апреля военные действия, идти на Брюссель и поставить под свои знамена бельгийскую армию.

Английские и прусские войска, стоявшие на берегах Рейна, были слабы и разбросаны, не имели начальников и плана действий. Веллингтон находился в Вене, Блюхер в Берлине. Можно было полагать, что французская армия прибудет в Брюссель в первых числах апреля. Но была еще надежда на мир. Франция желала его».

Не только Франция, напомним мы, но и сам император, который буквально за день до вступления в Париж утверждал:

– Война окончена. Мир и свобода! Принципы революции нужно защитить от эмигрантов, договоры с Европой соблюдать. Франция вернет себе славу без войны. Нужно довольствоваться тем, что мы будем самой уважаемой нацией, не подчиня себе другие народы!

Но эти благие намерения диктовались не только желаниями Наполеона, но и той ситуацией, которая складывалась как внутри страны, так и за ее пределами. Император понимал, что «преждевременные наступательные действия подверглись бы открытому осуждению. Сверх того, для сосредоточения означенных 35 или 36 тысяч человек пришлось бы предоставить собственным силам 23 крепости между Калэ и Филиппвилем, образующие тройную линию обороны на севере.

Если бы настроение умов на этой границе было столь же благоприятным, как в Эльзасе, Вогезах, Арденах и в Альпах, такая мера не имела бы невыгодных последствий. Но во Фландрии общественное мнение не было единым, и потому нельзя было предоставить крепости местной национальной гвардии. Требовался целый месяц для формирования в соседних департаментах отборных батальонов национальной гвардии для замены линейных войск.

Герцог Ангулемский шел к Лиону, марсельцы к Греноблю. Первые известия об открытии военных действий обнадежили

бы их. Необходимо было прежде всего водрузить трехцветный флаг во всех пунктах империи».

Словом, бескровное возвращение престола побуждало Наполеона к стремительным боевым действиям, к быстрой расправе со слабым и еще не пришедшим в себя противником. Мысль эта была чрезвычайно соблазнительна, но император отринул ее во имя единства нации, которое мог дать только мир.

21 марта

Окна апартаментов Наполеона выходили в сад. Проснувшись утром, он увидел высокий каштан весь в цвету. Дерево походило на огромный букет будто бы специально приготовленный Парижем великому сыну Франции.

В саду уже толпились любопытные, шумно приветствуя императора. Граф Мольен, бывший управляющий казначейством, отпустил комплимент по этому поводу. Наполеон, уже отрезвевший от вчерашнего опьянения, воскликнул:

– Время комплиментов и лести прошло! Они позволили мне сюда приехать, как другим отсюда уехать!

Действительно, накануне парижане встретили императора с заметной прохладцей. Флери де Шабулон так вспоминал о вступлении его в столицу:

– Нас так избаловали по дороге, что прием, оказанный императору в Париже, никак не отвечал нашим ожиданиям. По пути его следования раздавались многочисленные крики «Да здравствует император!», но они не были такими единодушными и неистовыми, как те, что мы слышали по дороге от бухты Жуан до ворот Парижа. Вместо всеобщего восторга Наполеона встречали аплодисментами только в народных кварталах, через которые ему пришлось проезжать.

Шабулону вторит Луи Бурьен, бывший одно время секретарем императора:

– Не было ничего печальнее, чем вступление Бонапарта в Париж: оно произошло глубокой ночью, в густом тумане. Улицы были пустынные, а на лицах редких прохожих читалось выраже-

ние смутного страха. Белый флаг, сорванный утром над Тюильри и замененный на трехцветный, продолжал реять над большинством парижских памятников.

Восторженный прием, оказанный Наполеону во дворце, составлял резкий контраст с апатией, обнаружившейся на парижских улицах. Но и в Тюильри не все было гладко – императора насторожило отсутствие многих из тех, кого он сделал герцогами и графами, маршалами Франции. «Причиной этого была, – сообщает мадам д'Абрантес, – тайная работа сообщества, которым руководил Фуше. Оно смущало умы в Париже».

Зато столичная пресса за ночь полностью перестроилась. «Журналь де Деба», перекрестившийся в «Журналь де л'Ампир» с прежним заказным энтузиазмом писал: «В Париже сегодня безопасно и радостно. Бульвары заполнили толпы народа, которому не терпится увидеть возвращение армии и ее героя. Император преодолел расстояние в двести лье с молниеносной быстротой, в окружении населения, взиравшего на него с восхищением и уважением, переполненного счастьем сегодня и уверенного в своем счастливом завтра».

Первые встречи. Утром император принял Гортензию, недавнюю королеву Голландии. Разговор получился не из приятных. Наполеон упрекал падчерицу в том, что в период гонений на Бонапартов, она начала процесс против своего мужа Луи, брата его. Выговаривал ей за унижения перед Людовиком XVIII, от которого добилась некоторых привилегий*.

– Разве вы не знаете, – говорил Наполеон, – что в семье не всегда бывает только благоденствие и процветание? Случаются и несчастья, и нужно уметь противостоять превратностям судьбы.

– Разве я не должна заботиться о будущем своих детей? – возразила мать будущего императора Наполеона III.

– Ваших детей! – возмутился Наполеон. – Не забывайте, ваши дети еще и мои племянники. По какому праву вы лишили их того высокого положения, на которое я их возвел? Сын короля теперь всего лишь герцог Сен-Лё! Боже, какое унижение! Выходит, вы не читали мой кодекс? Не знаете, что закон запрещает

* Получила, например, титул герцогини де Сен-Лё.

менять их общественное положение и отказываться от чего-либо от их имени?

– Ах, сир, я сознаю свой промах. Но мне казалось, что выполняю свой долг перед ними, уберегая их от неприятностей на чужбине.

– Вы правы! – подвел император итог разговора.

Гортензия залилась слезами, зная, что Наполеон не выносит их. Император тут же простил ее, а чтобы падчерица успокоилась, вывел ее на балкон. В саду все еще стояла толпа парижан. Был там и корреспондент «Монитера», который так интерпретировал увиденное: «Вчера Его Величество император находился в своем кабинете с королевой Гортензией и своими племянниками, принцами. Непрерывные восторженные возгласы толпы под окнами Его Величества заставили его выйти на балкон. Королева Гортензия была настолько взволнована этими доказательствами привязанности парижан, что расплакалась и, не стесняясь слез демонстрировала их расчувствовавшейся толпе. Эти ее слезы были вызваны народной любовью к ее августейшему отцу».

По поводу этой заметки современный французский исследователь Андре Кастело тонко заметил:

– Так пишется История.

...В этот день в Париже были опубликованы декреты, принятые Наполеоном в Лионе 13 марта.

После полудня император принимал первый после своего возвращения парад войск. Англичанин Хобхаус, наблюдавший за этим действием, отмечал, что император был очень бледен и несколько полноват: «Его живот настолько выпирал вперед, что из-под жилетки виднелось нижнее белье. Сцепленные руки он держал перед собой или за спиной, но иногда он их расцеплял, чтобы потереть нос, взять понюшку табака или посмотреть на часы. Он часто вздыхал и глотал слюну, вероятно, его мучили боли в груди».

Выступая перед войсками, Наполеон говорил:

– Воины, я возвратился во Францию с девятьюстами человек, потому что надеялся на любовь народа и на воспоминания старых солдат. Я не обманулся в ожидании. Воины! Благодарю вас. Слава всего, что теперь свершилось, принад-

лежит народу и вам! Моя состоит только в том, что я вас узнал и оценил.

Трон Бурбонов был незаконен, ибо восстановлен не родными руками, ибо уничтожен народной волей, выраженной всеми нашими народными собраниями; наконец, он обеспечивал выгоды только малого числа людей гордых, требования коих противны нашим правам. Воины! Только императорский трон может обеспечить права народа, и особенно самое важное из благ – нашу славу!

Воины! Мы пойдем на князей, приведших к нам чужеземцев; народ не только поможет нам желаниями, но и последует нашему влечению. Народ французский и я надеюсь на вас. Не хотим вмешиваться в дела других наций; но беда тому, кто вмешается в наши!

В эту минуту показался батальон острова Эльбы под начальством Камбрана, который не мог прибыть в Париж в одно время с Наполеоном. Увидев его, император воскликнул:

– Вот офицер того батальона, который сопровождал меня в несчастье! Все они друзья мои. Они были драгоценны моему сердцу; когда я их видел, они представляли мне различные полки моей армии: между этими шестьюстами храбрецов есть воины всех полков. Все они напоминали мне о тех великих днях, память о которых так драгоценна; все они покрыты честными ранами, полученными в знаменитых битвах! Любя их, я любил всех вас, воины французской армии! Они несут к вам орлов! Да послужат они вам точкой соединения! Отдавая их гвардии, отдаю их всей армии.

Измена и несчастные обстоятельства покрыли их покровом печали; но, благодаря французскому народу и вам, они явятся в полном блеске своей славы. Клянитесь, что они будут везде, куда призовет их благо отечества! Изменники да не выдержат их взгляда!”

Днем Наполеон отправил первое послание тестю, австрийскому императору: «Ныне, когда божий промысел вновь привел меня в столицу моей страны, самое большое мое желание – вновь увидеть предмет моих нежнейших чувств – жену и сына». С последним император связывал будущее Франции, а потому писал: «Все мои устремления направлены на то, чтобы упрочить

этот трон, сохраненный и возвращенный мне любовью моего народа, чтобы однажды оставить его моему сыну, имея на то неопровержимые юридические основания».

Поскольку тесть находился в лагере противников Наполеона, свое послание император закончил уверением в изменении своего политического курса, в своем стремлении к процветанию Европы и Франции: «Для достижения этой святой цели необходим длительный мир, поэтому нет для меня ничего дороже, чем оставаться в мире со всеми державами».

Жозефина

Вспомнил император в этот день и о своей первой супруге. В Тюильри был вызван доктор Горо, присутствовавший при смерти Жозефины.

- От чего она умерла? – спросил Наполеон.
- От грусти.
- О чем? – не понял император.
- Обо всем происходившем, о положении Вашего величества.

– Добрая женщина! Добрая Жозефина! Она меня, в самом деле, любила! – расчувствовался император.

Свои чувства к прекрасной креолке Наполеон пронес через всю жизнь и еще не раз вспоминал о ней:

– Она была очаровательной женщиной – элегантной, привлекательной и приветливой. Она была самой милостивой дамой Франции. Она была богиней костюмов, законодательницей всех мод. И она была такой доброй, такой человечной – она была лучшей женщиной Франции.

Вечером Наполеон принимал своих прежних генералов и министров, которые с некоторым опозданием предстали перед ним. Примечателен разговор императора с генералом Раппом, только накануне оставившего командование 2-м корпусом королевской армии.

– И вы тут, месье! – удивился Наполеон, при виде своего старого товарища по оружию*. – Только вас мне и не хватало. Откуда вы?

* Жан де Рапп – дивизионный генерал, в войнах Наполеона участвовал с 1798 года. Император имел с ним продолжительную беседу в ночь перед Бородинским сражением, о чем Рапп вспоминал так: «Император спал очень мало. Я будил его несколько раз, чтобы передать ему рапорты с аванпостов, которые все доказывали, что русские ожидали атаки. В три часа ночи Наполеон позвал камердинера и приказал принести себе пунша; я удостоился чести пить его вместе с ним. Он сказал мне:

– Сегодня нам придется иметь дело с этим пресловутым Кутузовым. Вы, конечно, помните, что он командовал под Браунау. Он оставался в этом месте три недели, ни разу не выйдя из своей комнаты. Он даже не сел на лошадь, чтобы осмотреть укрепления. Генерал Беннигсен, хотя тоже старик, куда более подвижнее его. Я не знаю, почему Александр не послал этого гановерца заменить Баркляя... Ну, Рапп, как ты думаешь, хорошо у нас пойдут сегодня дела?

– Без сомнения, Ваше Величество, мы исчерпали все свои ресурсы и должны победить по необходимости.

Наполеон заметил:

– Счастье – самая настоящая куртизанка. Я часто говорил это, а теперь начинаю испытывать на себе.

– Как, Ваше Величество, помните, Вы сделали мне честь сказать под Смоленском, что дело начато и надо довести его до конца. Именно теперь это справедливо более, чем когда-либо. Теперь уже некуда отступить. Кроме того, армия знает свое положение: ей известно, что припасы она может найти только в Москве, до которой ей осталось всего лишь 120 верст.

– Бедная армия! Она сильно-таки поубавилась, но зато остались лишь хорошие солдаты. Кроме того, и гвардия моя осталась неприкосновенной.

Он послал за Бертье и работал до половины шестого.

– Из Экуэна, там я передал войска в подчинение военному министру.

– Вы что, на самом деле хотели со мной драться?

– Да, сир, непременно.

– Какого дьявола!

– Такое решение было обязательно для всех.

– Черт бы вас всех побрал! Я отлично знал, что вы впереди меня. Если бы мы сошлись, я нашел бы вас на поле боя, нашел бы непременно. Показал бы вам голову Медузы*. А что, вы осмелились бы стрелять в меня?

– Несомненно! Мой долг...

– Ничего себе! Но я знаю, ваши солдаты отказались бы вам подчиняться. Они еще слишком меня любят. К тому же стоило вам пальнуть по мне хотя бы разок, ваши эльзасские крестьяне забили бы вас камнями до смерти.

– Вы, конечно, понимаете, сир, – продолжал спокойно объяснять свою позицию Рапп, – что положение было таким запутанным, просто беда. Вы отрекаетесь, уезжаете, заставляете нас служить королю, возвращаетесь... Теперь мы не строим иллюзий по поводу могущества любого монарха.

– Как это так? Что вы хотите этим сказать? Неужели вы думаете, что я прибыл сюда, не заключив союз, должное соглашение? К тому же моя политическая система подверглась коренным изменениям. Больше никаких войн! Я намерен править в мирной обстановке!

– Говорить легко, – возразил Рапп. – Но в ваших приходах уже толпятся угодники, которые всегда лъстиво поощряли вашу склонность к войне.

– Да что вы, полноте! Судите по собственному опыту? Кстати, вы часто при короле бывали здесь, в Тюильри?

– Пару раз, сир.

– И как вас принимала эта публика?

– Грех жаловаться.

* То есть устроил бы, нагнал страху.

** Этой байкой Наполеон некоторое время морочил головы своего ближайшего окружения.

– Кажется, король благосклонно принял вас после вашего возвращения из России?*

– Превосходно, сир.

– Какие могут быть сомнения! Прежде приласкать, потом указать на дверь! И такой прием ожидал нас всех. Вы ведь не из их числа. Вы их никак не устраивали. Чтобы им понравиться, нужны другие титулы, другие привилегии.

– Король избавил Францию от союзников, – возразил Рапп.

– Да, конечно, – согласился Наполеон, – только вот какой ценой? А выполнил ли он свои обязательства? Наглая заносчивость нотаблей и священников заставила меня покинуть остров Эльба. Я мог бы вернуться в сопровождении трех миллионов крестьян, которые пришли бы ко мне, чтобы представить свои жалобы и предложить мне свои услуги. Но я был уверен: перед Парижем мне не будет оказано никакого сопротивления. Бурбоны должны быть только счастливы, что я пришел. Без меня все кончилось бы страшной, кровавой революцией. Вы читали памфлет Шатобриана, в котором он отказывает мне в смелости на поле боя? Сколько раз вы видели меня в сражении, в самой гуще перестрелки? Вы тоже считаете меня трусом?

– Я разделяю негодование всех честных людей, вызванное столь несправедливым обвинением.

– Вы встречались с герцогом Орлеанским?

– Только однажды.

– Только он умеет тактично себя вести. У всех остальных дурное окружение, плохие советчики. Они меня не любят. Теперь они взбешены! Еще бы! Я пришел сюда, никто не оказал мне сопротивления. Вновь поднимают они крик о моем непомерном тщеславии. Их вечный упрек, ничего другого они не знают.

– Но ведь не только они упрекают вас в амбициях!

– Что вы сказали? Амбиции! Могут ли быть амбиции у такого толстяка, как я?

* В 1813 году Рапп руководил обороной Данцига. После сдачи города был взят в плен и отправлен в Киев.

Довольный своей шуткой, император перешел на тон дружеского общения:

– Уж не боишься ли ты новой войны, ты, пятнадцать лет прослуживший моим адъютантом? Когда ты вернулся из Египта, ты был просто солдат. Я сделал из тебя человека. И сегодня можешь требовать у меня чего угодно! Я никогда не забуду, как стойко ты вел себя под Москвой. Да и под Данцингом ты совершал величайшие подвиги! Ней и ты – вы оба относитесь к немногочисленной категории людей с сильным характером.

И вдруг, игриво потянув Раппа за ус, спросил:

– Что? Один из первейших храбрецов Египта и Аустерлица – и хотел меня покинуть? Ты примешь Рейнскую армию, пока я буду вести переговоры с Пруссией и Россией. Надеюсь, месяца через два встретишь мою жену с сыном в Страсбурге. А с сегодняшнего дня будешь исполнять обязанности моего адъютанта.

– Слушаюсь, сир! – только и оставалось ответить крайне польщенному генералу.

Но не ко всем был так снисходителен император. Маршалу Удино, ревностно служившему бежавшему королю, в приеме на службу отказал резко и решительно:

– Видите ли, Удино, вы были божеством для Лотарингии. Двести тысяч крестьян пошли бы за вами в огонь и в воду еще в прошлом году. А теперь мне придется защищать вас от этих крестьян!*

...Первый из «Ста дней» императора оказался чрезвычайно насыщенным, но довольно спокойным. Впрочем, его несколько подпортили противники Наполеона. По иронии судьбы, именно в этот день роялисты распространили в столице Франции афиши с текстом декларации великих держав, принятой в Вене 13 марта. Напомним читателям, что один из ее пунктов гласил: «Наполеон Бонапарт поставил себя вне гражданских и общественных отношений и как враг мирового порядка подверг себя преследованию и наказанию».

* При Людовике XVIII Удино был губернатором 3-го военного округа. После высадки Наполеона во Франции восставшие солдаты прогнали его.

Свое возвращение на трон Франции Наполеон воспринял как стихийное народное волеизъявление, подтверждавшее законность его власти. Падение режима Людовика XVIII резко контрастировало с тем восторженным приемом, который всюду оказывали императору простые люди, а это настораживало буржуазию, пугало ее призраком новой революции.

Наполеон, эта живая легенда Франции, по-прежнему волновал сердца крестьян, рабочих, ремесленников и армии, но люди состоятельные были встревожены. Да и многим из простых людей уже осточертела частая смена режимов. За одно поколение прошли: Людовик XVI, Лафайет, Дантон, Робеспьер, Баррас, Сийес, Наполеон, Людовик XVIII и опять – Наполеон! Франция устала, смертельно истощилась и ощутило все это чувствовалось в Париже.

– Я пересек всю Францию и достиг столицы на волне народного энтузиазма и при всеобщем одобрении. Но едва я вошел в Париж, как по некоему волшебству и без всякой видимой причины, все пошло на попятную, все вокруг меня охладели, – признавался император позднее.

Наполеону предстояло объединить нацию, что было возможно только на основе обеспечения мира и свободы (хотя бы относительной). Для практического воплощения в жизнь того, что являлось пока лишь лозунгом дня, требовалось создать рабочий орган – правительство национального примирения. Этим и занимался император в первые дни после возвращения в Париж.

Не было ощущения успеха. Те государственные мужи, которые удостоивались приглашения в министерства Наполеона, понимали всю несоизмеримость возможностей Франции, истощенной двадцатипятилетними войнами, и союзных государств, противостоявших ей. Поэтому в надежность позиции императора они мало верили. Приходилось уговаривать, объяснять свои новые установки.

– Я мечтал для Франции о блестящей судьбе. После Маренго, Аустерлица, Иены и Фридланда мечты эти были прости-

тельны. Нет нужды говорить вам, что я от них отказался, – каялся Наполеон.

Своих собеседников император уверял также в том, что оставил навсегда тягу к диктатуре:

– Я хочу дать Франции не только мир, но и свободу. Наша роль состоит в том, чтобы решительно и успешно совершить все то, что Бурбоны не сумели сделать. Я любил безграничную власть, и она была нужна мне, когда я пытался преобразовать Францию и создать огромную империю. Сегодня я в ней более не нуждаюсь. Пусть мне позволят усмирить или победить за границу, а затем я удовольствуюсь властью конституционного монарха. Я уже немолод, скоро я уже не смогу заниматься делами, как прежде. Кроме того, власти, которой обладает английский король, моему сыну будет довольно! Постараемся только избежать оплошностей и не потерпеть неудачу в наших поисках свободы, не то мы вновь пробудим во Франции потребность в абсолютной власти. Единственное, к чему я стремлюсь, – спасти дело Революции, обеспечить нашу независимость военным и мирным путем, а затем подготовить трон для моего сына в рамках конституционной монархии.

С подкупающей искренностью Наполеон внушал собеседникам мысль о том, что прошедшие месяцы не прошли для него даром:

– Я только что провел целый год на острове Эльба, и там, как в могиле, я смог слышать голос потомков. Я знаю, что следует избегать, чего надо хотеть.

Первыми, кто согласился разделить его ответственность за судьбу Франции, были Годен и Мольен. Мартер Мишель Шарль Годен занимал пост министра финансов с 1800 года и очень ценился как специалист. Наполеон вновь призвал его на прежнюю должность. То же самое было с Мольеном, возглавлявшим казначейство с 1806 года.

Эти министерства являются ключевыми в любом правительстве. Особенно важны они были во Франции, разоренной многолетними войнами, связанными с Великой революцией и деятельностью Наполеона. Императору были нужны деньги, и министры получили их.

– После моего возвращения с острова Эльба, – рассказывал Наполеон Лас-Казу, – банки Лондона и Амстердама открыли мне тайный кредит от восьмидесяти до ста миллионов и всего за восемь процентов интереса. Для банкира прежде всего надежный сейф, а уж потом патриотизм!

Второй важной задачей министерства финансов и казначейства было получение национальных богатств страны. 18 марта по приказу Людовика из Тюильри вывезли наличные деньги и драгоценности. Общая сумма похищенного составляла около восемнадцати миллионов франков. Наполеон резонно считал, что эти средства принадлежат народу Франции.

С третьей кандидатурой получилась осечка – граф Луи Матье Моле категорически отказался занять пост министра юстиции. Между тем он всем был обязан императору. Принадлежал к одной из самых славных фамилий Франции, но разоренный и преследуемый при Терроре, Моле был тепло принят Наполеоном и сделал при нем за десять лет весьма успешную карьеру – государственный советник, префект, директор дорожного ведомства, министр юстиции.

После отставки Талейрана Моле являлся ближайшим доверенным лицом императора. Наполеон был равнодушен к известным фамилиям, любил людей молодых и умных. В Моле он ценил блестящего собеседника и покорного слугу. Граф сохранял верность императору и в 1814 году, когда империя начала разваливаться. По поручению Наполеона он сопровождал его жену в Блуа, спасая наследника престола от пленения союзниками. Император очень боялся этого и говорил, что предпочитает потерять сына, чем видеть его в руках торжествующего противника.

Но Реставрация все изменила – Моле был отвергнут новым владыкой, а он, тридцатилетний, полный сил и энергии, только-только познал вкус власти, хотел жить и действовать. Перед Наполеоном предстал осмотрительный и крайне осторожный царедворец, не желавший больше рисковать, связывая свою судьбу с императором. Но разговор начался в атмосфере доверия.

– Министерство иностранных дел подошло бы вам, – предложил император. – Оно в вашем духе, оно подходит вашему

положению. Оно наименее утомительное из всех, там все дело в умении вести беседы. Надо только говорить и уметь молчать. Оно не мешает вам ездить на воды, достаточно взять с собой трех чиновников, а курьеры сделают все остальное. Вы верите в партию республики?

– Да, сир. Я думаю даже, что эта партия весьма могущественна. С некоторых пор ряды ее пополняются за счет всех недовольных политикой Бурбонов, за счет среднего класса, ставшего влиятельным и возмущенного неуклюжим и высокомерным поведением дворянства.

– Мы снова начнем революцию, – категорически заявил император. – Невозможно представить, сколько зла причинили Франции эти несчастные принцы, сами того не подозревая. Они поставили под сомнение все, что было сделано. Я вижу, как возрождаются прежние партии, прежняя ненависть. Они вернули либерализму и идеям, господствовавшим в начале революции, всю силу, которую те было уже утратили. Поэтому, высадившись во Франции, я объявил, что дам конституцию более либеральную, чем Хартия Бурбонов, и что мнение всей нации будет учтено.

Но Моле не увлекали новые проекты недавнего властелина Европы, и он отклонил предложение императора, ссылаясь на здоровье. Понимая истинные причины его отказа, Наполеон пустил в ход обольщения и угрозы:

– Если бы я не вернулся, кончилось бы тем, что дворянство уничтожили бы. Я спас его.

Моле стоял на своем. Исчерпав все аргументы, император сухо заключил:

– Ну что ж, вы вернетесь в свое дорожное ведомство.

Неудача с назначением Моле сильно обеспокоила Наполеона – он понял, что поражение 1814 года подорвало к нему доверие крупных собственников и знати, возвращенной на ниве его побед, его славы. За тем, о чем умолчал Моле, Наполеон уловил неверие в его звезду и боязнь повторного падения. Открытие было не из приятных. Позднее император говорил об этом моменте своей жизни:

– Я чувствовал, что фортуна меня покидает. У меня не было ощущения успеха в итоге.

«Что будет решено в Вене?» Особенностью создаваемого кабинета министров было отсутствие его главы – премьера, так как Наполеон никому не хотел уступать своих полномочий. Это – фактически, а формально некоторые функции премьера лежали на государственном секретаре. Этот пост был учрежден после 18 брюмера 1799 года. В функции госсекретаря входило «быть в центре всех направлений деятельности правительства».

В силу особенностей своего положения государственный секретарь играл одновременно роль генерального секретаря правительства и генерального секретаря Елисейского дворца. Поэтому им мог быть только человек близкий Наполеону. Таковым оказался Юг-Бернар Маре, герцог Бассанский.

Маре был одним из немногих, кого император считал своими друзьями. Человек прямой и преданный, Маре во время встреч наедине, не стесняясь, высказывал Наполеону правду, часто весьма жесткую. Принимая министерство, он предупредил императора, что подаст в отставку, если тот не выполнит своего обещания дать стране конституцию.

Но за пределами кабинета своего друга и хозяина Маре отличался абсолютной преданностью и умением хранить государственные и личные тайны. Поэтому многие считали его слепым и неумным придворным. Талейран издевался над своим противником:

– Глупее господина Маре только один человек, это герцог де Бассано.

Но император дорожил Маре и так оценивал его деятельность на посту государственного секретаря:

– То, что он сделал, было хорошо. То, что сделал я, было правильно.

Наполеон полностью доверял герцогу де Бассано, а потому был с ним откровенен, сразу сказал о том, что для большинства оставалось еще тайной (отсутствие каких бы то ни было договоренностей с великими державами):

– Я вернулся, не заключив никакого соглашения с союзными державами, но рассчитываю на разногласия, царящие между ними. Что будет решено в Вене? Когда союзники узнают, с каким единодушием я был встречен во Франции, когда они уви-

дят, что Бурбоны не сумели оказать мне ни малейшего сопротивления, они как следует поразмыслят, прежде чем принимать решение.

Урегулировать отношения с Европой было поручено Коленкуру. Это назначение было наиболее удачным из всех. Флери де Шабулон свидетельствует:

– Его порядочность и твердость, благородный и независимый характер по праву снискали ему уважение во Франции и в Европе, и назначение его было воспринято как залог честных и миролюбивых намерений Наполеона.

Император уверял свое ближайшее окружение:

– Я заинтересован в том, чтобы жить спокойно и потратить остаток жизни на то, чтобы исправить зло, причиненное Франции двадцатилетними войнами, которые закончились чужеземным вторжением.

В том, что эти намерения не политический маневр, призванный остановить меч, занесенный над Францией, и должен был убедить Европу Арман Коленкур, герцог Виченский. На континенте его знали как решительного защитника миролюбивой политики. Будучи послом в России, он добился дружбы с царем, ценившим в представителе дворянства шпаги ум, образованность, светские манеры и самостоятельность мысли.

Коленкур был одним из немногих, кто отговаривал Наполеона от похода в Россию. На этой почве между ним и императором возникли серьезные разногласия, которые привели к временной отчужденности. Но убедившись на горьком опыте в правоте герцога Виченского, Наполеон именно с ним делился своими размышлениями о постигшей его неудаче, именно с ним возвращался в одиноком возке из заснеженной и студеной России.

Признавая правоту того или иного лица, император чувствовал себя ущемленным в своем величии, и это накладывало след на его отношение к данному человеку. Так о Коленкуре, оставившем потомкам великолепные мемуары, он говорил, что тот «не умен, не владеет пером», что он всего лишь «отличный управляющий конюшней, не более того»^{*}.

* Во время похода в Россию Коленкур занимал должность шталмейстера. На его попечении находились транспорт и почта.

И вот этого «конюха» он назначил (кстати, вопреки его желания) министром иностранных дел, отлично понимая, как отнесется к данному шагу Европа, и надеясь не столько на свои уверения в миролюбии, сколько на личное обаяние и искусство дипломата Коленкура.

Объявляя о своем курсе на «мирное сосуществование» с Европой, Наполеон едва ли серьезно рассчитывал на его реальность. Поэтому уже 22 марта заказал мануфактурам 250 тысяч единиц вооружения. Поспешил он и с назначением «силовиков».

С 1801 по 1814 годы морским министром являлся граф Дени Декре. Он пытался создать во Франции мощный флот. При нем было спущено на воду 93 линейных корабля и 63 фрегата, заложены новые верфи. Во время Реставрации Декре отошел от дел. Наполеон призвал его на прежнее место.

Сложнее был вопрос о назначении военного министра. К удивлению многих им стал Даву. Преодолевая глухое недовольство маршалом, Наполеон прямо объяснил причину, которая заставила его прибегнуть к услугам Даву:

Маршал Даву

– Вы именно тот человек, который более всего подходит мне в данных обстоятельствах. Я бы сказал, вы – единственный.

Все остальные более или менее скомпрометировали себя связью с правительством Бурбонов.

Луи Николя Даву происходил из дворянского рода д'Аву, известного с конца XIII столетия. Он учился вместе с Наполеоном в Бриенском военном училище. В октябре 1806 года выиграл главное сражение в войне с Пруссией, что очень задело императора. Позднее Даву сыграл главную роль в сражениях при Экмюле и Ваграме, что тоже не слишком обрадовало главнокомандующего. Но император умел подавлять чувства, руководствуясь в своих действиях разумом. Поэтому Даву стал герцогом де Ауэрштедт и князем де Экмюль. Цена бескорыстия и личную преданность маршала, Наполеон говорил о нем:

– Это один из самых славных и чистых героев Франции.

Даву считался выдающимся стратегом и администратором. Пост военного министра полностью соответствовал его возможностям. Но зная, что император недолюбливает его, маршал колебался. Чтобы заставить Даву согласиться, Наполеон сделал ставку на искренность, откровенно сказав о безвыходности своего положения:

– На вас я могу положиться, вам я могу сказать все, – убеждал император маршала. – Я делаю вид, что состою в сговоре по крайней мере с одной из европейских держав и, прежде всего, в тайных сношениях со своим тестем, императором австрийским. На самом деле это не так. Понимаете, я один на один со всей Европой. Я жду, что она объединится и будет со мной безжалостна. Поэтому нам придется вести беспощадную борьбу, а для этого за три месяца нужно подготовить замечательную армию. Вы видите, что мы не можем идти на поводу у наших настроений, мы должны победить или умереть.

Что на это мог сказать истинный республиканец, состоявший в рядах французской армии с февраля 1788 года? Вот это:

– Сир, я могу дать вам только один ответ. Я принимаю министерство.

Итак, в идеале – мир, в реальности – подготовка за три месяца боеспособной армии, могущей противостоять Европе.

Удав и трепетная лань. Вернув себе престол, Наполеон столкнулся с множеством вопросов, которые нужно было облечь

в правовые нормы. Для этого была прекрасная кандидатура – бывший архиканцлер империи Камбасерес. Он был очень ловким юристом, настолько ловким, что любое решение мог представить как законное. У 62-летнего политика позади были голосования за казнь Людовика XVI и герцога Энгиенского, что всегда удручало его. Наполеон знал это и любил подшучивать:

– Мой бедный Камбасерес, ничего не поделаешь, дело ваше ясное. Если однажды Бурбоны вернутся, вас повесят.

Человек компетентный, но угодливый, Камбасерес отличался жеманными манерами: носил высокий парик и нелепые наряды, украшенные множеством медалей и лент. Реставрация напугала его. И все десять месяцев он тихо отсиживался в своем особняке, мечтая о том, чтобы о нем все забыли. Вызванный к Наполеону, наотрез отказался от чести возглавить министерство юстиции. Император, хорошо знавший достоинства и слабости одного из ближайших своих сотрудников, сразу перешел в наступление:

– Мерзкий трус, неужели всей армии и всей Франции недостаточно, чтобы спасти вас от страха?

И не давая старому сановнику опомниться, объявил о своем решении:

– Вы нужны мне недели на две, вы – человек с весом.

Жан Жак Режи Камбасерес, герцог Пармский, подчинился.

Ровесником Камбасереса был Лазарь Карно, принявший министерство внутренних дел. Карно являлся живым олицетворением Республики, и его назначение поразило бонапартистов. В годы революции 40-летний Карно отвечал за военные действия. Он набрал одиннадцать армий и вдохновил войска на победу при Флерюсе, ознаменовавшую поражение европейских монархий. В отчете о своей деятельности с августа 1793 по март 1795 года насчитал «27 больших побед, 120 менее значительных. У неприятеля убито 80 тысяч человек, взято в плен 81 тысяча. Взято 106 крепостей и больших городов, из которых шесть после осады. Взято 260 фортов и редутов, 3800 пушек, 70 тысяч ружей, 90 знамен». Успехи на военном поприще дали Карно громкое наименование – Организатор побед.

При Наполеоне очень короткое время Карно возглавлял военное министерство. В 1804 году он единственный высказался

против установления империи, за что был лишен всех ответственных постов. Но в период тяжелых испытаний для Франции помирился с Наполеоном. В 1814 году он мужественно оборонял от союзных войск Антверпен.

В шестьдесят с лишним лет Карно выглядел еще импозантно. Вот его портрет по описанию доктора Керте: «Карно высокого роста. Осанка его полна благородства. У него широкий, высокий лоб, хорошей формы орлиный нос. У него голубые глаза, живой и уверенный взгляд, на тонких губах выражение доброжелательного спокойствия. Говорит он быстро и страстно, охотно изливая в разговорах свои чувства. Речь его всегда ясна и пересыпана меткими замечаниями, она увлекает и очаровывает».

Переговоры с Карно Наполеон вел два дня.

– Я весьма рад видеть вас, господин Карно, – приветствовал император своего многолетнего противника и осторожно осведомился: – Надеюсь, мы более не враги?

– Мы никогда ими не были, если речь шла об интересах Франции, – спокойно возразил Карно.

При следующей встрече Наполеон сразу заявил:

– Я назначаю вас министром внутренних дел.

– В данную минуту я ни в чем не мог бы отказать Вашему Величеству, – засомневался Карно. – Но пост, который вы мне предлагаете, далек от моей прошлой карьеры. Я был бы полезнее в военном ведомстве.

– Разумеется, я думал об этом, – согласился император, – но ваше появление в военном министерстве было бы истолковано Европой как мое намерение начать большую войну. А вы знаете, что я стремлюсь к миру.

Видя, что Карно еще колеблется, император добавил:

– Когда у человека такой верный глаз, как у вас, он будет хорош повсюду.

Конечно, восторженный республиканец, каковым всегда оставался Карно, не мог отказаться служить отечеству накануне очередного нашествия чужеземцев. Позднее он так объяснял причину своего согласия служить «узурпатору»:

– Я без раздумий принял место, предложенное мне императором, потому что надеялся принести там пользу. Я верил и

верю до сих пор, что Наполеон вернулся с искренним желанием сохранить мир и править по-отечески. Я верил, что союзники не захотят сеять разрушение в стране, которая так страстно высказалась за спокойствие в Европе. Общее убеждение было таково, что император не мог покинуть остров Эльба без согласия части участников Венского конгресса, что через несколько дней мы увидим императрицу и его сына. Мы не сомневались, что союзные державы, как они столько раз обещали, позволят нам избрать то правительство, которое нам подходит, лишь бы мы оставались верны обязательствам Парижского договора. Вместо этого Наполеон оказался в положении осажденного, против которого объединились все союзники, и он вынужден был в спешке готовиться к страшной войне, тотчас же поднимать людей и пускать в ход все государственные ресурсы.

Привлекая Карно в свое правительство, Наполеон хотел сплотить вокруг себя республиканцев, ибо имя этого человека было гарантом морали и демократии. Следуя своему принципу быть благодарным за оказанные услуги, император возвел нового министра в дворянство и произвел в графы за доблестную защиту Антверпена (честь сомнительная для человека, всю жизнь боровшегося против старого сословного общества). Карно принял дарованный титул, но дворянскую грамоту взять отказался, так объяснив Камбасересу свой поступок:

– Я не хочу ни разукрашивать своего имени, ни громким отказом давать возможность врагам императора говорить, будто я отмежевываюсь от правительства.

Да, этот человек был последователен всю жизнь.

Так же последователен (но только для себя лично) был его антипод – Фуше. Скромное происхождение и испытания, выпавшие на долю этого человека, вызвали в нем яростное стремление жить и обогащаться. Жозеф Фуше проделал путь от революционера, призывавшего отбирать имущество богачей в пользу обездоленных, до сановника, имевшего титул герцога Отрантского и обладавшего миллионами. Современники отождествляли этого человека с хищными животными.

– Наружность его свидетельствует о страстях, потрясавших его жизнь. Он высокого роста, сложения тщедушного, сухощав и очень быстр в движениях. В облике его есть что-то нерви-

ческое. У него тонкие черты лица, глаза пронзительные, в красных прожилках, волосы, как у альбиноса. Жесткость и элегантность его фигуры, ловкость движений делают его похожим на пантеру (Матье Моле)*.

Внутреннюю сущность Фуше сумел раскрыть либеральный мемуарист Шарль де Ремюза:

– У Фуше, как у Талейрана, хотя и в другом роде, была репутация человека, владеющего некоей тайной. Он был из тех, в ком предполагают непознанные глубины, кого подозревают в тайных связях, в обладании секретным оружием. Говорили, что он держал в руках всех революционеров, что у него были связи в армии. Полиция подчинялась больше ему, нежели правительству. Герой наш был весьма болтлив, возводя эту свою склонность в систему. Болтая без удержу и как бы подавая пример, он порою добивался того, что и другие пробалтывались. Он пускал в оборот суждения, которые затем повторяли, или оценки, которым начинали верить. Он отваживался на столь противоречивые высказывания, что ни разу не был скомпрометирован ни одним из них. Более того, считалось, что на самом деле ему известно куда больше.

Двенадцать лет (с 1799 по 1811-й год, с небольшим перерывом) Фуше был министром полиции, которую сделал действенным и грозным оружием, поставленным на службу не только власти, но и себе. Он создал методично работавшую хорошо организованную машину, обеспеченную финансами и людьми. Великолепный психолог, Фуше хорошо разбирался в людях и окружил себя талантливыми сотрудниками, среди которых был, например, бывший каторжник Видок.

Аморальный человек и беспринципный карьерист, он последовательно служил республике, Наполеону, Бурбонам и всех предавал. Что такое мораль и нравственность, этому человеку было неведомо. Вот образец его разговора с неким префектом:

– Я только что спросил вас без всякой цели, что говорят обо мне. На самом деле, я вовсе не хочу этого знать, мне на это наплевать. Истина в том, что я вовсе не такой, как обо мне го-

* Кстати, на гербе герцога Отрантского была изображена змея.

ворят, – я роялист, приверженец Бурбонов, орлеанист, якобинец в зависимости от обстоятельств. Я служил и буду служить событиям.

А события, при истинно полицейском нюхе, Фуше умел предвидеть. Так перед вступлением Наполеона в Париж, на вопрос госпожи Кюстин, что ей делать, она услышала в ответ:

– Не думайте уезжать – военный режим, который скоро у нас воцарится, долго не продержится.

Фуше ни на минуту не сомневался в своей значимости как носителя информации. Действительно, он знал немало, для чего содержал агентов за свой счет, даже не будучи министром. Но еще большую силу давало ему умение вовремя промолчать, намекнуть на что-то, пустить слух, обвинить кого-либо, не имея к этому твердых оснований. Фуше был здесь в своей стихии. Наполеон видел насквозь этого мастера тонких маневров и говорил о нем:

– Интрига была для Фуше столь же необходима, как и пища. Он интриговал постоянно, повсюду, всяко и против всех. Какие бы дела ни раскрывались, можно было быть уверенным, что в них замешан и он. Он только и делал, что следил за всеми, стремясь ничего не упустить. Он всюду совал свой нос.

Император относился к этому хамелеону с плохо скрываемым чувством гадливости и, тем не менее, лучшей (в сложившихся обстоятельствах) кандидатуры на пост министра полиции не видел. По уверению Фуше, при первой встрече с ним Наполеон был сама предупредительность, намекая на рассказы герцога Отрантского, говорил:

– Итак, они* хотели похитить вас для того, чтобы вы не смогли сослужить службу своей стране? Время трудное, но ваше мужество (точно так же, как и мое) способно преодолеть сложности. Примите вновь должность министра полиции.

Фуше поздравил Наполеона с благополучным прибытием в Париж и, не моргнув глазом, сообщил о том беспокойстве, которое вызвало у него предприятие императора. Это по его, герцога Отрантского, инициативе был организован марш войск на столицу, который принудил короля бежать.

* Бурбоны.

– Если бы возникли какие-либо препятствия, – уверял Фуше, – в мои намерения входило отправиться навстречу Вашему Величеству.

Как всегда, он беззастенчиво лгал. Принимая пост министра полиции, Фуше только приводил в действие свой план, о котором говорил на тайной встрече с графом д'Артуа. Тогда (почти за неделю до вступления императора в Париж) он просил передать Людовику XVIII и его окружению:

– Пусть не дивятся, если через несколько дней он будет министром Наполеона. Он примет его министерство для избавления от его тиранства и для ускорения его гибели. А избавившись от этого опасного безумца, он, Фуше, быть может, сделает для Бурбонов то, что теперь сделать не может.

Трезвый прагматик, Фуше ни мгновения не сомневался в том, что монархическая Европа не потерпит самоуправства Наполеона и не примирится с его вторым водворением на престоле «законных» королей. В своих расчетах он отбрасывал все эмоции (патриотизм народа, любовь армии к императору, ненависть к Бурбонам и дворянам, страх перед возрождением феодальных порядков), руководствуясь голым фактом – соотношением сил Франции и континента. С его точки зрения, не считаться с этим мог только человек больной, психически ненормальный. Поэтому герцог Отрантский без обиняков предрекал судьбу Наполеона:

– Этот человек вернулся еще более безумным, чем был до отъезда. Он много суетится, но не протянет и трех месяцев. Все ясно как божий день: это расчеты нравственной арифметики. Он увидит, что армейский бог всегда за большие батальоны*, когда ими командуют не слишком безумно. Судьба этого человека определена и нить ее на девять десятых спрядена.

Одну десятую этой судьбы Фуше скромно оставлял на свое рассмотрение. В вероломстве и продажности министра полиции Наполеон не сомневался, но считал, что сможет использовать его какое-то время в своих целях, а потом... Вот об этом «потом» у Фуше состоялся серьезный разговор на следующий

* Намек на мысль Наполеона о преимуществе численности войск при равноценности их командующих.

день после своего назначения. Гайар, один из верных герцогу Отрантскому людей, предупредил, что император без колебаний избавится от него при первой же возможности. Министр спокойно спросил:

– Вы помните, что Робеспьер сказал якобинцам: через две недели либо голова Фуше, либо моя должны скатиться на плаху? Я поднял перчатку. И через две недели Робеспьер был мертв.

Не ограничиваясь этим весьма прозрачным намеком, Фуше заявил без обиняков:

– Через три месяца я буду могущественнее императора, если он не казнит меня, я поставлю его на колени.

Таким образом, приглашая Фуше к временному сотрудничеству, Наполеон ввел в свое правительство не просто недоброжелателя и завистника, а тайного врага, взявшего на вооружение все аморальные стороны человеческой натуры.

24 марта

На четвертый день пребывания в Париже Наполеон издал декрет об отмене цензуры. Наиболее осторожные его сторонники решительно выступали против этого опрометчивого шага. На что император заявил:

– Мне она (пресса) не опасна, про меня сказано все дурное. Бьюсь об заклад, что не напечатают ничего хуже того, что печатали против меня в продолжении целого года. Пусть поговорят теперь о Бурбонах. Это произведет сильное впечатление, потому что печать не будет направляться правительством, цензурою.

Думая о реванше над Бурбонами, Наполеон упустил из виду другие аспекты политической жизни страны, по которым мог подвергнуться жесточайшей критике (что и сделали его противники). В числе немногих, поддержавших императора в его рискованном шаге, был Фуше.

– Сир, – заявил министр полиции, – нам нужны либо победы, либо пища для свободы.

По увещаниям этого златоуста, Наполеон, отменяя цензуру, доказывал, что он изменился; что в отличие от Людовика

XVIII знает, насколько любим народом, а потому не боится позволить ему свободно высказываться по всем насущным вопросам жизни страны.

Но пресса была не у народа, а в руках средних и крупных буржуа, весьма прохладно отнесшихся к возвращению императора. Поэтому довольно скоро либеральная газета «Сансёр» поставила под сомнение законность власти Наполеона. Это было слишком. Волей-неволей пришлось конфисковать одиозный номер. На что остро отреагировал (правда, много позднее) записной демократ Лафайет:

– Провозгласив свободу прессы, Наполеон навязал каждой газете главного редактора, а владельцам типографий – прежние правила. Тем самым после отмены цензуры прессу душат куда сильнее, чем на это осмелились бы министры Людовика XVIII.

Конечно, от политического противника императора трудно ожидать объективности. Поэтому приведем оценку декрета о печати современного историка Рэя Каббери: «Свобода слова в период «Ста дней» была большей чем где-либо в Европе, за исключением лишь Англии».

Но это еще не все: во Франции этого времени чуть ли не свободно распространялась роялистская литература. «Журнал юниверсаль», обслуживавший зажиточные слои населения, запугивал нотаблей угрозой войны, террором и диктатурой Наполеона, которого выставлял явным якобинцем. А «Журнал дю Лис», который передавался из-под полы, писал и такое: «Это чудовище, которое нами правит, поддерживают одни каналы. Бонапарт вошел в столицу во главе сброда презренных негодяев. Он может вызвать только ненависть и презрение всех французов».

Словом, запретив цензуру, Наполеон не улучшил свои позиции в сознании активной части нации, а, скорее, ухудшил их. Во всяком случае, ни крупная, ни средняя буржуазия не захотела сделать шаг навстречу к тому, кого боготворила большая часть Франции – крестьянство, городские низы (промышленные рабочие, ремесленники, поденщики) и армия, которая, кстати, еще теснила королевские войска, выдавливая последние верные Людовику XVIII части, из пределов страны. Отступление шло в тяжелых погодных условиях.

– Мы останавливаемся посреди пашен, увязая в непролазной черной грязи, – жаловался генерал Резе. – Не переставая льет дождь, размокшая земля под тяжестью людей и лошадей превращается в огромное болото, идти становится все мучительнее и тяжелее. Я стараюсь подбодрить моих людей, которые начинают падать духом.

В противоположность стремительному полету Орла отход королевских войск (их жалких остатков) быстро превратился в кошмар. Артиллерийские орудия и зарядные ящики бросили. Солдаты и офицеры были измучены до предела. Дисциплина опустилась до нуля. Белая гвардия была беспомощна, но генерал Эксельманс, выполняя инструкцию императора, лишь теснил ее, сдерживая свой отряд, рвавшийся в схватку. 24-го противники встретились у Бетюна. Вооруженного столкновения удалось избежать только благодаря сдержанности офицеров с обеих сторон. Ни капли братской крови! – приказ и политическое кредо Наполеона.

...А в Вене в эти дни было затишье – двор готовился к Пасхе. 23-го отметили Великий четверг. Вот описание этой церемонии русским офицером А. Михайловским – Даниловским: «11 числа* в Великий четверток происходило во дворце умывание ног. По обеим сторонам огромной залы были поставлены два стола; за одним сидело двенадцать стариков, которым вместе было девятьсот лет, а за другим двенадцать женщин, которым девятьсот восемьдесят шесть лет.

Обеденным столом угощивал первых император, а вторых – императрица, после чего Их Величества в сопровождении эрцгерцогов омывали им ноги и в заключение раздали им серебряные медали, выбитые на сей случай. Старики и старухи были одеты в черные платья, подобные тем, каковые носили в царствовании Рудольфа Второго**.

Внешним спокойствием и повседневностью внутренней жизни двор Франца II как бы говорил подданным: в Вене все решено и оснований для прежней тревоги нет.

* По старому стилю.

** Рудольф II (1576–1612), император Священной Римской империи.

Правительство, с натугой сформированное Наполеоном, начало действовать. В его адрес пошли первые письма. Префект департамента Нижняя Сена (Руан) сообщал министру внутренних дел Л. Карно: «Я бы ввел вас в заблуждение, если бы сказал, что все общественное мнение здесь на стороне Наполеона. Народ за него, привилегированные классы против, а крупные торговцы блокируются с дворянством. Опасения торговых кругов связаны с угрозой новой войны с Англией и, как следствие этого – потери плодов недавних усилий, сделанных за последнее время. Работа на фабриках резко сократилась, хотя фабриканты по-прежнему преданы императору так же, как и рабочие, но они изменяют эти свои чувства, если промышленность не возобновит в ближайшее время свою прежнюю деятельность. Необходимо успокоить общественное мнение путем статей в газетах относительно внутреннего спокойствия и намерений иностранных держав».

В этот день Государственный совет выступил с заявлением, в котором оправдывалось возвращение императора с Эльбы и провозглашался суверенитет народа. Кроме того, были опубликованы декрет о законах и списки лиц, отвергаемых новой властью.

Декрет предписывал исполнение законов, принятых революционными ассамблеями против Бурбонов. Проскрипционный лист, составленный императором еще в Лионе, содержал тринадцать фамилий. Это были: Мармон, сдавший 31 марта 1814 года Париж союзникам; Талейран и его верные приспешники Бурьен и Алексис де Ноай; мэр Бордо Линч; Беллар, составивший декларацию Парижского совета, направленную против Наполеона; министры временного правительства Витроль, Жокур, Дальберг, Бернонвиль и Монтестью; агенты Луи де Ля Рошжаклен и Состен де Ларошфуко.

Имущество этих лиц было конфисковано, а сами они приговорены к изгнанию из Франции – мера весьма мягкая по отношению к лицам, предавшим интересы нации. Но все, кто так или иначе были связаны прочными нитями с режимом Лю-

довика XVIII, переполошились, приняв опубликованный список за начало широких репрессий. В эмигрантской печати началась кампания против «охоты на ведьм». Так, «Журнал юниверсаль» писал: «Король почти ничего не изменил во Франции, и почти все остались на своих должностях. К тому моменту, когда совершился заговор, в кассационном суде заменили всего пять или шесть судей. И весь судебный порядок оставался таким же, как при Бонапарте. Что до него, то уже комиссары, наделенные всей полнотой власти, поделили между собой Францию, с тем, чтобы присутствие его в некотором роде ощущалось повсюду и чтобы все, кто ему непригоден, были изгнаны отовсюду и заменены на его креатуры».

Без восторга отнеслись к проскрипционному листу и некоторые лица из ближайшего окружения императора. Маре подписал декрет об изгнанниках только после категорического требования Наполеона. Ла Бедуайер протестовал в коридорах Тюильри:

– Если в ход вновь пойдут проскрипции и секвестры, скоро все будет кончено.

Отказался подписать декрет и верный Бертран. Это было первое столкновение императора со своими соратниками. Первая (и весьма ранняя) трещина во взаимодействии с ближайшим окружением. Но это, как говорится, были лишь цветочки по сравнению с тем, что произошло в этот день в далекой Вене.

А там союзники подписали договор, первая статья которого гласила:

«Высокие договаривающиеся державы обязуются соединить силы своих государств для соблюдения во всей целостности условий мирного трактата, заключенного в Париже мая 18 (30) дня 1814 года, а равно и постановлений, учиненных и подписанных на конгрессе Венском в намерении предохранить их от всякого нарушения от замыслов Наполеона Бонапарте. Ради чего они обязуются устремить (если бы случай того потребовал) совокупно и с общего согласия все свои усилия против него...»

В Париже узнали об этом документе спустя неделю. И Наполеон понял: оформилась 7-я коалиция противников Франции.

26 марта

Воскресенье, католическая Пасха.

Наполеон, человек весьма свободных взглядов на религию и церковь, рассматривал эти институты лишь как подсобные учреждения государственной машины. Довольно непочтительно обращался с папой римским. Цинично говорил о Всевышнем: «Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать».

Наполеон делит Европу между родственниками

Исполнением церковных обрядов император не отягощал себя. Поэтому в праздничный день был относительно свободен и мог осмыслить итоги первой недели пребывания в Париже. Самовосстановление на престоле Франции вызвало в нем двойственные чувства: удовлетворение смешивалось с неясным пока ощущением разочарования. Но одно осознал он твердо: вернулся не в ту Францию, которую оставил год назад – страна и ее люди изменились.

По-прежнему была сильна ненависть дворян. В Фонтенбло полиция конфисковала плакат следующего содержания: «Мы, Наполеон, милостью дьявола и в силу конституции адовой, ставшие императором французов, своим декретом постановляем следующее:

Ст.1. Ежегодно мне предоставлять триста тысяч жертв.

Ст.2. В зависимости от обстоятельств я могу довести число необходимых мне жертв до трех миллионов.

Ст.3. Все эти жертвы будут доставлены на бойню почтовыми каретами».

По поводу роялистской иронии, пахнувшей кровью, император заметил:

– Ненависть священников и дворян такая же необузданная, как и в начале революции.

Крестьяне и простонародье городов отвечали тем же. И в своих первых воззваниях Наполеон поддерживал их: «Я явился, чтобы избавить Францию от эмигрантов... Я – порождение Революции... Я явился, чтобы вырвать французов из рабства, которое им хотели навязать священники и дворяне. Пусть поостерегутся! Я их всех повешу на фонарях!»

Надо ли говорить, что эти угрозы пали на благодатную почву. Прежде всего воспрянули духом наиболее радикальные элементы нации – старые якобинцы и их молодые последователи. «Журналь де л'Амбир» призывал: «Никаких проявлений слабости! Она, эта слабость, нас погубила в прошлом году. Нельзя ограничиваться лишь притеснением дворян, их нужно угнетать. Нужно конфисковывать их состояния и делить их между крестьянами и рабочими, которые тогда будут заинтересованы в проведении таких экспроприаций. Вашему величеству требуется народная дубина, чтобы раздавить всех заговорщиков».

При всех появлениях на публике народ встречал Наполеона криками «Долой священников!», «Долой дворян!» По существу, ему предлагали установить диктатуру и возглавить движение против имущих слоев населения. Это был бы логический исход «революции 20 марта», но император не пошел по пути, который считал весьма скользким.

– Я не хотел быть королем Жакерии, – говорил он позднее. – Революция – это самая страшная беда. Всем преимуществам, которые она дает, все равно не покрыть тех несчастий, которые она приносит ее же вдохновителям.

Используя народ якобы для его блага, Наполеон не был с ним. Но и противостоявший большинству нации класс – бур-

жуазия – не принял его. Нотаблям, разбогатевшим на войнах революции и империи, уютнее было с Людовиком XVIII, давшим им внешний мир (правда, унижительный для Франции) и возможность спокойно пользоваться нажитыми богатствами. И Наполеон быстро почувствовал, что его еще боятся, но уже не верят в него.

Императора возмутил факт обсуждения его приказа Бертраном, Моле и Ла Бедуайером. Адреса мэрий и суда, обычно составлявшиеся в раболепном тоне, были отмечены печатью либерализма. Не успев оформиться, Государственный совет уже поучал его: «Император призван гарантировать с помощью институтов все либеральные принципы».

Да что там Государственный совет! Даже безвестный журналист в брошюре «Адрес императору» писал: «Наполеон, ты правишь снова, и твоя судьба будет зависеть от того, какую систему ты выберешь с самого начала своего нового царствования: все будет потеряно, если ты вздумаешь подражать самому себе».

Конечно, императору было не до чтения многочисленных памфлетов, пасквилей и «поучений», сыпавшихся со страниц периодики, как из рога изобилия. Но общее настроение тех слоев населения, которые принято было называть «обществом» и на которые он жаждал опереться, он уловил правильно. Источников информации хватало и без газет. Тот же Коленкур, принявший министерство иностранных дел, был человеком прямым и ответственным, Наполеону был предан, но не юлил перед ним. Ситуацию, сложившуюся вокруг императора объяснял так:

– Все во Франции стало иным с момента его отъезда, в умах совершились перемены, о которых он и не подозревал. Конечно, недовольство королевским правительством было сильным, однако же та мера свободы, которой оно позволило насладиться, сделало бы ныне нетерпимым имперское правление в том виде, в каком осуществлял его император, особенно в последнее время.

Да, своей Хартией, гарантировавшей гражданские свободы, король-подагрик подложил Наполеону порядочную свинью – общество, конечно же не желало отступать от элементарных сво-

бод, дарованных Хартией, к жесткой имперской власти. И император понимал: раз завоеванное нацией, отобрать уже не удастся, если не желаешь конфликта и угрозы гражданской войны. А он не желал ни того, ни другого.

27 марта

В последний понедельник марта Наполеон взялся за письма «родным». Жене он сообщал: «Добрая моя Луиза, я – хозяин всей Франции. Народ и армия переполнены энтузиазмом. Так называемый король бежал в Англию. Целыми днями я устраиваю смотры 25-тысячным войскам. Я жду тебя к апрелю».

При ускоренном передвижении расстояние между Парижем и Веной преодолевалось (например, Талейраном, спешившим на конгресс) за восемь суток. Ожидание Наполеоном супруги «к апрелю» говорит о том, что он рассчитывал, что она уже выехала из Вены. Император еще ничего не знал ни об измене Марии-Луизы ему ни как мужу, ни как государю, хотя сомнения в гражданской стойкости супруги у него уже были.

Наполеон страстно желал соединиться с женой (и не только по политическим соображениям). Еще 14 апреля 1814 года он писал ей: «Я желаю, чтобы ты приехала завтра в Фонтенбло, чтобы наконец-то мы могли отправиться вместе в эту обитель покоя*, где я буду счастлив, если и ты сможешь решиться быть счастливой и позабыть о мирских почестях».

Отец, император Франц II, не отпустил Марию Луизу к мужу, категорически заявив ей, что не может быть никакого послабления врагу всей Европы. Не помогли и стенания дочери по поводу его отцовских чувств:

– Как дочери я отдам тебе все, что у меня есть, даже свою кровь и жизнь, но как государыню я тебя не желаю знать.

На Эльбу Наполеон уехал один. Не теряя надежды выманить супругу из Вены, он часто писал ей, расхваливая остров. Сообщил о приезде сестры Полины и матери, намекая на то, что те составят ей неплохую компанию: «Я часто писал тебе. Пола-

* Имеется в виду остров Эльба.

гаю, писала мне и ты. Жилье твое готово, и я жду тебя. Никто не имеет права противиться твоей поездке. Я тебе уж писал об этом. Приезжай же. Я жду тебя с нетерпением».

Но Мария Луиза, вовлеченная в водоворот придворной жизни и бесконечных праздников, устраивавшихся по случаю Венского конгресса, отвечала редко. Ее последнее письмо датировано 1 января: «Надеюсь, что наступающий год будет для тебя счастливее. По крайней мере, на острове тебе будет спокойнее, и ты будешь жить там счастливо во благо всех, кто тебя любит, кто привязан к тебе как я. Твой сын целует тебя, просит пожелать хорошего Нового года и сказать, что он любит тебя от всего сердца».

Пожелание «жить там счастливо» прозвучало для императора похоронным набатом. Разве можно быть счастливым на этом жалком клочке суши после того, как был властелином Европы? Разве в этом его судьба? Разве не знает жена, что пигмеи, заседающие на конгрессе в Вене, замышляют отослать его еще дальше, но никак не могут решить – куда?

Императору было о чем подумать. Закрались первые сомнения, но как это часто бывает, победили воспоминания о хорошем, о том, как супруга рвалась к нему сразу после его отречения.

– Мое место, – требовала Мария Луиза, – подле императора в ту минуту, когда он, должно быть, так несчастен. Я хочу соединиться с ним, и мне будет хорошо повсюду, лишь бы я была с ним.

И Наполеон верил: его «добрая Луиза» по-прежнему рвется к нему, по-прежнему верна и любит. А ее отец, император Франц II, какую позицию займет он сейчас после столь бесспорного доказательства того, за кого нация, чью власть предпочитает народ Франции? Не питая особых иллюзий, Наполеон все же попытался разжалобить тестя, взывая к его чувствам отца и деда.

В письме, отправленном одновременно с весточкой супруге, император убеждал Франца II, что все его усилия направлены на то, чтобы в один прекрасный день передать престол Франции Орленку (Жозефу Франсуа Шарлю Бонапарту), сыну его и Марии Луизы, внуку «дедушки Франца», «ребенку, которого Ваше Величество окружило поистине отцовскими заботами».

Орленок – сын Наполеона

Беззастенчиво лстя австрийскому императору, Наполеон утверждал, что «слишком хорошо знает принципы своего дорогого брата и дорогого тестя, чтобы сомневаться в его стремлении как можно скорее приблизить желанный момент воссоединения жены и сына с отцом». А чтобы окончательно разжалобить Франца II, приложил к письму специально изготовленную гравюру, на которой был изображен Римский король (Орленок), молившийся за своего отца и Францию.

Эти наивные поползновения склонить австрийского императора на свою сторону Наполеон завершил весьма трезвой мыслью о том, что все будет хорошо и для Франции, и для него лично, если удастся сохранить мир, чего он желает всей душой и сердцем.

Но вопрос о мире уже отошел в область маниловских мечтаний – союзники собирали силы. Первым о своей готовности выставить 20 тысяч солдат заявил 13 марта (!) король Вюртембергский Фридрих I, о чем тут же рапортовал Александру I, главному поставщику пушечного мяса на всеевропейскую бойню.

Сам русский царь живо отреагировал на решение союзников поставить каждому по 150 тысяч солдат. Горя желанием «блеснуть» перед Европой, Александр I заявил о своем решении

в три раза (!) превзойти установленную квоту. 27 марта граф А.К. Разумовский писал Веллингтону:

«Господин герцог.

Его величество император, наш августейший государь, уже отдал своим армиям приказ о выступлении. Он решил немедленно направить на театр военных действий силы численностью в 200 тысяч человек и вслед за ними вторую армию той же численности и имеющую точно такое же количество пехотных и кавалерийских дивизий. Кроме того, он решил держать в готовности на границах резервную армию в 150 тысяч человек для оказания поддержки названным армиям и восполнения понесенных ими потерь.

Поход русской армии благодаря ее полной укомплектованности, ее дисциплине и нахождению вблизи границы может быть осуществлен весьма легко и быстро, если учесть расстояние, которое ей предстоит покрыть. Однако он встречает препятствие, зависящее только от состояния наших финансов. Достаточно ознакомиться с подробностями, чтобы получить верное представление о том, каких жертв потребует этот поход. Его величество желал бы почерпнуть из собственных ресурсов средства для покрытия связанных с ним расходов, но вынужден с сожалением признать их недостаточными.

Обращаясь к британскому правительству за субсидиями, он вместе с тем желает, чтобы были правильно поняты мотивы, вынуждающие его на этот шаг. Последний следует рассматривать не как некое условие предстоящего участия России в общем деле, а лишь как средство, необходимое для выполнения того, чего требует обстановка»^{*}.

Примечательны оценка Александром I противника и рассуждения о случившемся, которыми заканчивалось это послание к Веллингтону: «Размышления о характере предстоящей войны и о характере полководца, с которым нам предстоит сражаться, приводят его величество к убеждению, что наибольшая вероятность успеха и наибольшая экономия средств заключается в том, чтобы к началу борьбы сосредоточить в своих руках несокруши-

^{*} За 400-тысячную армию в полном вооружении царь просил 4 млн. фунтов стерлингов, то есть по десять за каждую православную душу.

мую военную мощь. Если провидение дарует нам быструю победу, то жертвы, которых она потребует, избавят нас от гораздо больших жертв и опасностей, связанных с долгой и изнурительной войной.

Вспыхнувшее во Франции движение представляет собой мятеж армии против народа и гражданских властей. Справедливость принципов, на которых основывается политика союзников в отношении Франции, в сочетании с демонстрацией их реальной мощи, смогут почти наверное пробудить у нации интерес к собственному делу и привлечь на свою сторону умы всех, кто будет располагать свободой действий. Но такое настроение умов необходимо будет подкрепить наибольшей вероятностью успеха, которая может быть обеспечена только наличием сил, способных успокоить опасения слабых».

Таким образом, признаваясь друг другу, что случившееся во Франции – собственное дело нации, союзники без колебаний решили вмешаться в развитие событий и в зародыше подавить то, что они назвали мятежом армии против народа и гражданских властей.

28–31 марта

Обычными для этих дней были смотры Наполеоном войск, которые с неистовством приветствовали его. Парижане при каждом публичном появлении императора встречали его аплодисментами. Это укрепляло Наполеона в убеждении, что он по-прежнему пользуется широкой поддержкой нации.

Из других событий внутренней жизни Франции этих дней следует отметить четыре. Первое. 28-го в армию призвали демобилизованных унтер-офицеров. То есть ту категорию военных, на которых держатся все армии мира. Предстояли призывы молодежи и ее надо было обучать.

В тот же день был опубликован декрет об учреждении должности семи лейтенантов полиции под непосредственным и исключительным контроле министра. В последний день марта Фуше издал свой первый циркуляр, предназначенный префектам и лейтенантам полиции. В этом документе указывались основные направления деятельности министерства.

Страна со страхом ждала, что Фуше будет наводить жесткий порядок. Но тот вдруг показал себя приверженцем справедливости в сочетании с законностью и к немалому удивлению подчиненных вдруг заявил, что прошло время «полиции нападающей, вечно мучимой подозрениями, вечно озабоченной и неугомонной, которая угрожает, не давая гарантий, и терзает, не защищая». Перед своим ближайшим окружением Фуше выдвинул задачу:

– Поставить полиции определенные рамки. Она должна быть либеральной и приносящей пользу, должна наблюдать и действовать спокойно, быть сдержанной в своих поисках и активной в своих преследованиях. Это должна быть полиция, постоянно присутствующая и защищающая, полиция, которая постоянно печется о благе народа, о работе промышленности, о всеобщем покое.

Укрепление мощного полицейского аппарата, к всеобщему удивлению, не сопровождалось широкими репрессиями. В течение тех ста дней, в которые Фуше вновь был министром Наполеона, во Франции было арестовано всего 112 человек, причем ни один из них не был осужден на смертную казнь.

29 марта с большой помпой была провозглашена отмена работорговли. Практического смысла для Наполеона это не имело, но политический резонанс был вполне положительный (особенно в Англии), так как на аналогичный шаг в феврале пошли восемь европейских держав: Россия, Австрия, Великобритания, Пруссия, Швеция, Испания, Португалия и королевская Франция.

В этот же день произошло событие куда более значимое для внутренней жизни страны – герцог Ангулемский занял Монтелимар. Мнения современников о нем было невысоко:

– Этот принц был человеком робким, слегка неуклюжим и неуверенным в себе, более склонным к простодушию, нежели к любезности. Он не обладал никакими знаниями, но слушал с вниманием, стремился к истине, терпел откровенность при условии, что она была умеренна, и во всем предпочитал простоту щегольству.

И этот «робкий» и «неуклюжий» принц (старший сын графа д'Артуа) оказался единственным из Бурбонов, поднявшим знамя борьбы с Наполеоном. В первой половине марта герцог

Ангулемский собрал 10-тысячную армию добровольцев. Во главе ее он пошел на Лион, но город оказался пуст – королевские войска ушли за Наполеоном.

Маленькая армия герцога переместилась к Ниму и заняла его. Этот первый успех воодушевил роялистов. Один из участников похода писал матери: «Я вдохновлен. У меня предчувствие, что через месяц король Франции будет в столице! Нам надо схватить и расстрелять этих недостойных людишек. Плевелы должны сгореть в огне. Тогда все мы очистимся и будем достойны нашего короля».

Радость сторонника Бурбонов оказалась несколько преждевременной, хотя после Нима герцог и занял Монтелимар, а затем – Валанс. Гораздо большее значение для судьбы Наполеона сыграли события, развернувшиеся в эти дни в Италии. Там без согласования с императором и вопреки его воли активные действия развернул неаполитанский король Иоахим Мюрат.

«Ведите себя прилично», – зывал император к своему шурину, понимая под приличием благоразумие, осторожность и дальновидность. Но ни тем, ни другим, ни третьим Мюрат не блистал. К тому же, чаша весов в Вене клонилась явно не в его пользу и он это знал.

Состояние неопределенности толкало неаполитанского короля к поступкам, которые никак не могли упрочить доверие к нему союзных монархов. А свои мысли и действия этот отчаянный рубака скрывать не умел. Поэтому барон Ф. В. Тейль-фан-Сероскеркен, обретавшийся при дворе Мюрата, с полным основанием писал австрийскому императору: «Я нисколько не сомневаюсь, что он поддерживает опасные сношения с многочисленными недовольными в Италии, чьи взгляды постоянно устремлены на него; что он подает им надежды, лстящие их честолюбию и тому своеобразному общественному мнению, которое он сам создал; что при первом же удобном случае он постарается вызвать беспорядки и извлечь из них все возможные выгоды; что узы родства, дружбы, признательности и преданности, связывающие с Наполеоном семью короля Иоахима, рано или поздно могут увлечь последнего на такой путь, о котором он сейчас, возможно, и не помышляет.

Неуместные знаки внимания со стороны неаполитанского двора по отношению к Буонапарте, и притом в столь критических для самого этого двора обстоятельствах, поведение принцессы Боргезе*, которой не следовало бы здесь более находиться, хорошо известные настроения некоторых генералов, позволяющих себе произносить дерзкие и несдержанные речи, — все это, мне думается, свидетельствует о том, как опасно оставлять Буонапарте в месте его теперешнего пребывания. Мне кажется, было бы ошибкой считать совершенно нереальной эту опасность, которая ближе всего касается Австрии, но перед лицом которой могут когда-нибудь оказаться все державы. Если человеку экзальтированному и не в меру тщеславному дать время и возможность подготовиться, то при первой же большой войне он может отважиться на самые необычные предприятия, коль скоро первые шаги дадут ему какую-то надежду на успех. Иногда возвращались и из мест, более отдаленных, чем те, где пребывает ныне Наполеон».

Удивительная прозорливость и по отношению к Мюрату, и по отношению к его шурину! И мы еще вернемся к этому письму, а пока обратимся к фактам.

Представители почти всех держав, собравшиеся в Вене, требовали лишить Мюрата престола. Дошло до того, что при обсуждении этого вопроса Талейран нагло заявил:

— О каком неаполитанском короле вы говорите? Мы совершенно не знаем человека, о котором здесь говорят.

И это при том, что Иоахим заплатил этому лицемеру за защиту своих интересов в Вене! Алчность Талейрана не знала границ. Людовик XVIII, назначая его своим представителем на конгрессе, специально оговорил, что делает это в надежде на то, что он «удержится от коррупции и взяточничества». Не удержался.

К нападкам соотечественника присоединились англичане. Генерал Нюджент и лорд Уильям Бентини доносили, что в кампании 1814 года неаполитанский король вел себя не как искренний союзник, а как нерешительный перебежчик. Им вторил барон Тейль-фан-Сероскеркен:

* Полина Бонапарт, сестра Наполеона.

– Сейчас король говорит языком умеренности и заявляет о своем желании жить в добром согласии с папой*, уверяя, что считает такую политику необходимой, исходя из своих отношений с Австрией. Но я сильно ошибаюсь, если его не переполняет безмерное тщеславие и он не ставит перед собой тайную цель стать со временем преобладающей державой в Италии. По крайней мере, такого рода химерические планы лелеют многие из его генералов, которые даже не дают себе труда скрывать свои мысли.

Тейль-фан-Сероскеркен полагал, что следует не дожидаться выступления Мюрата против союзников, а спровоцировать его на это. Учитывая импульсивный характер этого монарха, советовал:

«Нужно потребовать, чтобы все напоминающее о господстве Буонапарте было упразднено. Сюда входят: приемное имя короля Иоахима, названия улиц и общественных зданий, орден Почетного легиона. Следует изменить порядок, когда команды войскам отдаются на французском языке.

В неаполитанской армии служит известное число русских подданных и много поляков. По-моему, можно потребовать их увольнения.

Необходимо обеспечить и гарантировать сторонникам короля Фердинанда** существование, свободное от всяких притеснений, право свободного владения своим имуществом и возвращение конфискованной собственности. Политика грабежа при нынешнем правлении зашла слишком далеко».

Конечно, о подлинном отношении к нему союзников Мюрат знал и очень опасался за свой трон, удержанный путем предательства. Поэтому возвращение Наполеона с Эльбы дало ему сильнейший импульс к решительным действиям. 14 марта он писал императору: «Сир, я никогда не переставал быть вашим другом. Я только ждал удобного случая. Теперь он представился, и я смогу доказать, что всегда был вам предан».

Не дожидаясь ответа своего великого шурина, Мюрат с 50-тысячной армией занял Рим, из которого бежали папа и кар-

* Имеется ввиду папа римский.

** Фердинанд IV – король Обеих Сицилий, изгнанный французскими войсками из Неаполя в 1799 году.

И. Мюрат

диналы. 29 марта он издал воззвание, в котором призвал народы Аппенинского полуострова к независимости и объединению:

«Итальянцы!

Пришел час, когда великие предначертания судьбы должны стать явью. Провидение вновь призывает вас к свободе. От Альп до Сицилийского пролива разносится единый крик: «Независимость Италии!»

По какому праву иностранцы смеют лишать вас этой независимости, составляющий

первое право и первое благо любого народа?

Нет! Нет! Пусть любое чужеземное господство сгинет с итальянской земли! некогда вы были хозяевами мира и искупили эту опасную славу двадцатью веками угнетения. Пусть отныне и впредь вы прославитесь тем, что над вами нет чужих повелителей. Все народы должны находиться в границах, предписанных им природой: моря, неприступные горы – вот ваши естественные границы.

Итальянцы, объединяйтесь! Пусть ваша смелость станет залогом вашей независимости. Я зову всех храбрецов прийти и сражаться рядом со мной».

В Италии тогда господствовала Австрия. Призыв к борьбе с «чужеземным владычеством» означал фактическое объявление войны этому государству. Тем самым Мюрат облегчал союзникам задачу борьбы с ним. Талейран говорил по этому поводу:

– Мюрат помог мне: он находился в постоянном возбуждении, писал одно письмо за другим, делал заявления, отправлял свои войска в походы, приказывал им совершать контрмарши и давал мне тысячу случаев обнаружить его вероломство.

Но самое трагичное в скорополительных действиях этого «родственника» Наполеона заключалось в том, что своим необдуманном выступлением он наносил сильнейший удар по самому императору, который стремясь внести раскол в ряды союз-

ников, немалые надежды возлагал именно на Австрию*. Выступление Мюрата союзники восприняли как сговор его с шурином. Меттерних деланно возмутился:

– Как мы можем договариваться с Наполеоном, когда он напускает на нас Мюрата?

В действительности все было наоборот. Наполеон так вспоминал о ситуации, связанной с действиями неаполитанского короля:

– Мюрат, хотя он любил меня, причинил мне больше вреда, чем любой другой человек на свете. Когда я покинул Эльбу, я направил к нему связного, чтобы ознакомить его с тем, что я сделал. Мюрат немедленно решил, что он должен атаковать австрийцев. Мой связной пал перед ним на колени, чтобы помешать ему сделать это, но все его усилия оказались тщетными. Он считал, что я уже являюсь властелином Франции, Бельгии и Голландии, а он должен сам добиваться заключения мира и не ограничиваться полумерами. Как сумасшедший он атаковал австрийцев вместе со всем своим сбродом и тем самым погубил меня. Ибо в это время между Австрией и мною проходили переговоры о том, что Австрия должна оставаться нейтральной. Переговорам вот-вот предстояло завершиться, и я бы тогда мог спокойно править своей страной. Но, как только Мюрат атаковал австрийцев, император Австрии решил, что Мюрат действовал в соответствии с моими указаниями. Меттерних заявил: «О, император Наполеон, как всегда, верен себе. Железный он человек. Поездка на Эльбу не изменила его. Ничто никогда не изменит его. Для него вопрос стоит только так: или все, или ничего».

Изгнанный из Италии, Мюрат с повинной головой вернулся во Францию. Наполеон не принял его, хотя и ценил как непревзойденного командующего кавалерией, о чем говорил позднее не без сожаления:

– Я не рискнул взять его под Ватерлоо, а он мог бы способствовать мне в достижении победы: в ходе боя был ряд моментов, когда для этого было достаточно опрокинуть два – три английских батальона, и Мюрат был как раз такой человек, кото-

* Мюрат, ко всему прочему, имел еще глупость подписать воззвание к народу Италии: Иоахим Наполеон.

рый для этого был необходим. В организации кавалерийской атаки не было офицера более решительного, более храброго и более блестящего.

Наполеон простил своему маршалу измену, но его авантюру, так осложнившую политическую ситуацию, он простить не смог.

...Последний день марта завершился прибытием Людовика XVIII в Гент и совещанием военных представителей союзных держав в Вене. На совещании было принято решение о создании трех союзных армий с размещением их в прибрежной полосе Рейна: на верхнем Рейне – под командованием Шварценберга, на нижнем – Блюхера, в Голландии – Веллингтона. Русская армия под командованием М.Б. Барклая-де-Толли должна была расположиться между Вюрцбургом, Нюрнбергом и Бамбергом.

Русский офицер А. Михайловский-Данилевский, состоявший при особе императора, записал в этот день анекдотичный рассказ, имеющий прямое отношение к событиям далекого марта 1815 года. Вот он.

«По выступлении нашей армии в прошлом году из Парижа оставлен там был польский полковник Янковский с тем, чтобы собрать находившихся во Франции пленных поляков и, составя из них команду, привести их в Польшу. По долговременной переписке, медленности французского правительства и больших издержек с нашей стороны, наконец, в нынешнем году Янковский образовал батальон из 595-ти человек, между коими находились и некоторые русские.

Когда же им надлежало выходить из Франции, то появился Наполеон с острова Эльбы. Батальон послал к нему просительный адрес с изъявлением желанья вступить в его службу и остался во Франции. Янковский один возвратился в Вену, где ему выдали издержанные им по представленному им счету, будто бы из собственных его денег, 10220 франков. Таким образом, на счет русского правительства сформирован один батальон для Наполеона».

Кстати, Петербург в эти дни с тревогой переживал первые известия о триумфальном походе Наполеона.

Мария Федоровна, мать царя, была в панике и бомбардировала младших сыновей письмами: «Пришлите мне “Moniteur” и текущие газеты. Напишите мне о том, каково обществен-

ное мнение в Париже, высказалось ли оно в пользу Людовика XVIII? Мы все в напряженном ожидании, все рвут друг у друга газеты. Где Наполеон и что он делает? Лишь бы он не появился вновь во главе отрядов Даву и Вандама».

Но в Вене как раз и делали все возможное, чтобы спровоцировать Францию на вооруженное сопротивление очередной коалиции монархов Европы, так как были уверены в непрочности положения Наполеона, получая письма такого содержания: «Это вторжение и столь быстрый марш на Париж произвели громадное впечатление в этой стране. Здесь у Бонапарта сохранилось несколько сторонников: люди, находящиеся под влиянием его успеха и известных чувств к его силе. Другие, гораздо большим числом, хотят его наказать и наказать также Францию».

Это писал 31 марта из столицы Франции посол Бурбонов в России граф Ноайль, человек компетентный и хорошо осведомленный, умевший наблюдать и анализировать события.

1–3 апреля

Ангел долга. В первых числах апреля Наполеон еще «разбирался» с Бурбонами. Самым роялистским городом Франции считался Бордо. Признанию императора город противился десять дней. Вдохновляла его на это герцогиня Ангулемская, дочь Людовика XVI, племянница Людовика XVIII и невестка будущего короля Карла X.

Это была волевая и властная женщина. Детство ее пришлось на годы Великой революции. Несколько лет она провела в тюрьме. В Тампле герцогиня видела смерть отца, матери и брата. Затем последовала ссылка. Все это ожесточило характер женщины, о которой Наполеон говорил:

– Она – единственный мужчина в королевской семье.

Блестящий портрет герцогини оставила госпожа Шатне: «Черты ее были красивы, но серьезны. Слезы избородили ее щеки. Роста она была среднего, но недостаточно высокого, чтобы он соответствовал достоинству ее облика. Она приобрела привычку одеваться небрежно и пренебрегала своими туалетами. Голос у нее был хриплый, говорила она короткими фразами.

Резкость, звучавшая во всех ее речах, даже в самых любезных, являлась отчасти результатом ужасного воспитания, полученного ею в башне Тампля, где неумолимые тюремщики, окружавшие ее в юности, ожесточили ее первые впечатления. Madame казалась тем, чем она должна была быть, тем, чем ее сделали время, религия и многочисленные испытания: ангелом долга, безупречной женщиной, образцом всех добродетелей. Но романтическая притягательность, стоило ей появиться, исчезала, и для тех, кто более всего лелеял придуманный ими образ, потеря их иллюзий стоила, быть может, наибольших сожалений».

Гарнизон Бордо был, конечно, за Наполеона, но от перехода на сторону императора его удерживала открытая враждебность к нему населения города. Ситуацию должна была разрешить императорская колонна, спешившая на помощь гарнизону. Командовал ею один из лучших дивизионных генералов Великой армии Бертран Клозель.

Направляясь в Бордо, герцогиня Ангулемская надеялась на помощь мэра города графа Ленша, но тот не решился противостоять гарнизону. Тогда бесстрашная женщина направилась в казармы. Но солдаты равнодушно внимали ее страстным призывам.

– Вы что же, не узнаете меня? Меня, кого вы называли своей принцессой! – удивилась герцогиня и, уязвленная молчанием аудитории, заключила: – Прощайте! После двадцати лет ссылки вновь покидать родину – жестоко. Я неустанно желала счастья моему отечеству, ибо я – француженка! А вы, вы более не французы!

Потерпев неудачу в казармах, графиня попробовала воздействовать на офицеров, которых собрала в одном из домов города. Но и от них она услышала только пустые отговорки, на что гордо заявила:

– Вы боитесь, вы мне жалки. Освобождаю вас от ваших клятв.

1 апреля Клозель подошел к Бордо. Его войска отделяла от города река Гаронна. Тотчас на многих домах столицы Жиронды появились белые королевские флаги. Солдаты Клозеля размахивали трехцветными. Герцогиня Ангулемская решила не

искушать судьбу в очередной раз и через день покинула город. Прощание со сторонниками короля было трогательным. Провожжающие опустили на колени. Офицеры ломали свои шпаги. На глазах многих выступили слезы.

Герцогиня раздала на память белые ленты из своего платья и перья из шляпы. Входя на английский корабль, воскликнула:

– О, моя бедная, бедная Франция!

Более удачливым в этот день был супруг герцогини. Разогнав несколько сотен сторонников императора, герцог Ангулемский захватил Валанс. Но на этом его «подвиги» и закончились.

«Его существование – война». Юг и Вандея сопротивлялись. Остальная Франция не испытывала никаких симпатий к Бурбонам, но и четким бонапартизмом тоже не отличалась. Страна устала за четверть века непрерывных войн и режимов: Людовик XVI, Лафайет, Дантон, Робеспьер, Баррас, Сийес, Наполеон, Людовик XVIII и опять Наполеон. Сей калейдоскоп лиц, не сознавая этого, подтачивал силу власти, саму ее законность. Не случайно генерал Рапп в первый же день пребывания Наполеона в Париже заявил ему:

– Теперь мы не строим иллюзий по поводу могущества любого монарха.

Не случайно и то, что на Венском конгрессе такую поддержку нашла мысль Талейрана о легитимизме:

– Пусть повсюду и навсегда дух революции прекратится, всякое законное право станет священным, каждая законная династия сохранена или восстановлена, любое законное право – уважаемо.

Это была философия феодально-монархических режимов Европы, готовых силой оружия подавить все новое, что стало итогом французского Просвещения, что принес с собой XIX век. Эта философия и эти режимы были глубоко чужды французскому народу, но бороться у него уже не было сил. Не было и прежней веры в гений императора. Эти нюансы в политической жизни страны в период «Ста дней» уловил современный историк Доминик де Вильпен:

«Франция долго любила в Наполеоне его молодость и пылкость, восторгалась его славой, гордилась преобразованиями, осуществленными при Консульстве и великой Империи. Она смотрела влюбленным взором Химены^{*} на отважного победителя при Маренго, миротворца времен Консульства и неутомимого создателя Гражданского кодекса.

Затем все растущий груз налогов и рекрутских наборов постепенно стал для нее невыносим, тогда как образ непобедимого героя уже потускневший в Испании, разрушился на полях России и равнинах Германии. Разумеется, у Наполеона по-прежнему есть сторонники, но теперь они в меньшинстве. Остается армия, основа наполеоновского культа».

Блистательное возвращение Наполеона на престол Франции укрепило его мысль о том, что он сумеет договориться с вчерашними врагами, которые, конечно, не могут не считаться с совершившимся.

– История подтвердит, – говорил он, – и это будет моей славой, что для свержения Бурбонов с престола мне не понадобились ни многочисленные армии, ни флот; мне не была нужна ни помощь Мюрата, ни поддержка Австрии. Революция 20 марта совершилась без заговора и предательств. Я не хотел, чтобы была пролита хоть капля крови; я запретил произвести хотя бы один ружейный выстрел! Народ и армия привели меня в Париж! Это солдаты и младшие офицеры все совершили. Народу и армии я обязан всем.

Наполеон надеялся, что государи, кичащиеся древностью своих родов, много говорящие о справедливости, долге и чести, не посмеют развязать войну против Франции; что декларация от 13 марта – пустая бумажка, призванная остеречь его. Действительно, безумие развязывать войну против человека, с триумфом прошедшего всю страну и изгнавшего Бурбонов, не сделав ни одного выстрела! Как можно возвращать на престол властителя, не сумевшего найти в свою защиту ни одного человека из десяти миллионов? И, в конце концов, кому какое дело до того, что происходит внутри другого государства?

– Франция может быть монархической, республиканской или императорской, и ни один из европейских государей не

* Героиня пьесы П. Корнеля «Сид».

имеет права находить это плохим, – говорил Наполеон графу Понтекулану.

Император решительно отметал право союзников вмешиваться во внутренние дела его страны. Отказавшись от притязаний на мировое господство и признав Парижский договор 1814 года, он рассчитывал на ответные уступки, говорил окружающим:

– Теперь, когда договор подписан, я обязуюсь точно исполнять его. Я написал в Вену супруге и тестю, чтобы предложить мир на этих условиях. Разумеется, ненависть к нам велика, но если оставить каждому то, что он взял, выгода, возможно, заставит страсти замолчать.

Но 2 апреля надежды Наполеона сильно пошатнулись – в этот день до Парижа дошли первые известия о создании 7-й коалиции, нацеленной против Франции. Вот основные статьи соглашения, подписанного четырьмя странами.

«Ст. 1. Высокие договаривающиеся державы обязуются соединить силы своих государств для соблюдения во всей целости условий мирного трактата, заключенного в Париже мая 18 (30) дня 1814 года. А равно и постановлений, учиненных и подписанных на конгрессе Венском в намерении предохранить их от всякого нарушения от замыслов Наполеона Бонапарте. Ради чего они обязуются устремить (если бы случай того требовал) совокупно и с общего согласия все свои усилия против него и всех тех, кои бы присоединились к его партии или бы впоследствии к оной пристали, дабы принудить его оставить свои умыслы и привести его в несостояние нарушать впредь спокойствие Европы и общий мир, которыми недавно были ограждены и обеспечены права, свобода и независимость народов.

Ст. 2. Хотя цель сия, столь великая и толико благотворная, не позволяет измерить определяемые способы для достижения оной, высокие договаривающиеся стороны решились пожертвовать сей цели всеми теми, которыми они по взаимному их положению могут располагать, невзирая на то, они согласились содержать постоянно в поле каждая по 150 тысяч человек комплектных, со включением в то число по крайней мере десятой части конницы и в надлежащий соразмерности артиллерии, не считая гарнизонов, и употреблять их действительно и совокупно против общего неприятеля.

Ст. 3. Высокие договаривающиеся стороны взаимно обязуются не полагать оружия, как токмо с общего согласия и не прежде, как по достижении предмета сей войны, означенного в первой статье настоящего трактата и доколе Бонапарте не будет приведен в совершенную невозможность возбуждать мятежи и возобновлять свои покушения для похищения верховной власти во Франции».

Этот документ был оформлен в виде двусторонних идентичных договоров каждой из четырех держав (Великобритания, Австрия, Пруссия и Россия) с тремя другими. Статья седьмая трактата предусматривала присоединение к союзу других государств, каковыми стали: Франция (правительство Людовика XVIII), Испания, Бавария, Вюртемберг, Португалия, Сардиния, Швейцария, Нидерланды, Саксония, Дания и ряд мелких германских княжеств.

Количество вооруженных людей, выставленных главными из этих держав перевалило миллион: Австрия – 300 тысяч, Россия – 225, Пруссия – 236, Германские государства – 150, Великобритания – 50, Нидерланды – 50.

Англия, как всегда, предпочла откупиться деньгами. Поэтому к данному трактату была приложена дополнительная статья, которая гласила: «Так как обстоятельства могут воспрепятствовать его величеству королю великобританскому и ирландскому содержать постоянно в поле означенное во 2-й статье количество войск, то последовало соглашение, чтобы его британское величество имел право или доставить свой контингент, или уплатить за все определенное в статье 2-й число войска в размере по 30 ф. ст. в год за каждого кавалериста и по 20 ф. ст. за каждого пехотинца»^{*}.

* Напоминаем читателям, что Александр I просил у правительства Великобритании по десять фунтов стерлингов и готов был перевыполнить «норму» по доставке пушечного мяса в три раза. Но правительство Англии не спешило выполнять взятые на себя обязательства. Вот свидетельство Наполеона:

– Императоры Австрии и России, а также король Пруссии, все трое говорили мне, что я глубоко заблуждался, когда верил тому, что они получали большие субсидии от Англии. Они утверждали, что на самом деле они никогда не получали больше половины той суммы, которую номинально они предполагали получить, из-за того, что удерживались деньги за перевозку грузов, за содержание скота в загоне и за ряд других предоставлявшихся услуг. Нередко большая часть субсидий выдавалась в виде товаров.

Авторы приведенного документа явно понимали всю фальшь его основной идеи – борьба с Наполеоном, а не с Францией. К тому же трактат противоречив. В его первой статье говорится о применении силы только, «если бы случай того потребовал». А в следующих статьях речь идет уже о формировании миллионной (!) армии без ожидания этого самого случая. К тому же договорившиеся стороны обязывались «не полагать оружия, как токмо с общего согласия и не прежде, как по достижении предмета сей войны».

Какой войны? Разве Наполеон напал на союзников или хотя бы угрожал им? Разве Людовика XVIII, присоединившегося к союзным державам уже 27 марта, французский народ уполномочивал воевать против себя? По существу Венский трактат не договор о союзе обороняющихся держав, а открытое объявление войны заведомо более слабому противнику, в чем и признавался российский самодержец:

– В нынешней войне мы действуем так же, как и действовали бы во времена всемогущества Бонапарта.– И холодно добавлял: – Ни мира, ни перемирия не может быть с этим человеком.

В Наполеоне монархов Европы раздражало не только то, что он «узурпировал» трон Бурбонов, но и то, что он был в какой-то степени наследником Великой революции. Русский посол в Париже Поццо ди Борго называл его «коронованным якобинцем», губителем законной власти, захватившим трон «с революционным факелом в руках». Другой современник посла говорил о Наполеоне так:

– Его существование – это объявленная всему миру война.

Ожесточение правящих кругов Европы против Наполеона, нарушившего их покой, было всеобщим. Некоторое сочувствие император нашел только у парламентской оппозиции Англии, которая заявила в палате общин, что Бонапарт был принят во Франции как освободитель. Бурбоны потеряли трон из-за собственных ошибок. Чудовищна мера – начинать войну против народа, чтобы навязать ему правительство, которого он не хочет.

«Морнинг кроникл» писала в те дни: «Какая разница, кто сидит на троне Франции – Бонапарт или Бурбон». И газета задавала «неудобные» вопросы министру иностранных дел лорду Каслри: «Был ли точно соблюден договор Фонтенбло? Разве уплатили Бонапарту и его жене хотя бы часть гарантированного им пенсионера? Разве не вынашивались планы его дальнейшей депортации? Английские патриоты считают, что могущественные державы континента ополчились не против Бонапарта, а против духа свободы».

2 апреля полного текста Венского трактата у Наполеона не было, но и из того, что дошло до него, он понял: надежды на поддержку Австрии надо оставить. А посему пора пускать в дело тайное соглашение Англии, Австрии и Франции, направленное против России и Пруссии и обнаруженное им в документах Людовика XVIII, который забыл договор, спешно ретируясь из Тюильри.

В тот же день император устроил на Марсовом поле банкет для 15 тысяч национальных гвардейцев. В конце церемонии солдаты скрестили сабли, восклицая: «Умрем за Отечество!».

4–5 апреля

«Не могли в это поверить». Узнав о подписании союзниками Венского трактата, Наполеон понял, что война неизбежна, но попытался оттянуть начало боевых действий, к которым через две недели правления был совершенно не готов. С этой целью 4 апреля император направил послания главам четырех держав с предложением мира. Прусскому королю Фридриху III он, например, писал:

«Король, брат мой, в прошлом месяце вы узнали о моем возвращении на землю Франции, о моем вступлении в Париж и бегстве семейства Бурбонов. Династия, которую силой вернули французскому народу, более ему не годится: Бурбоны не захотели разделить ни его чувства, ни его образ жизни. Франция была вынуждена расстаться с ними: она призвала на помощь

освободителя. Надежда на перемены, возлагавшиеся на возвращение Бурбонов и побудившая меня к величайшему самопожертвованию, оказалась обманута. Я вернулся, и с места моей высадки до самой столицы меня, как на крыльях, несла любовь моего народа».

Основной мыслью письма было признание Парижского договора 1814 года, по которому Франция потеряла все территории, присоединенные к ней в ходе двадцатилетних войн. Наполеон вынужден был это сделать, так как понимал, что других условий союзники не примут, а Бурбонами могут и пожертвовать. А поскольку он согласен на *status quo*, то вопрос о вооруженном вмешательстве держав во внутренние дела Франции отпадает сам собой. А потому: да воцарится мир: «Слава по очереди осеняла стяги различных государств. По воле превратностей судьбы великие поражения чередовались с великими победами. Ныне перед государями открыто обширное поле деятельности, и я первым вступил на него. Явив миру зрелище великих страстей, теперь нам не следует знать иного соперничества, кроме состязания в выгодах мира, знать иной борьбы, кроме простой борьбы за счастье людей».

Лондону Наполеон дал знать, что «готов принять от английского правительства любое предложение, обеспечивающее прочный мир». В самом Париже пытался воздействовать на послов Австрии и России. Коленкур заверял их в миролюбивых намерениях императора. Старался убедить послов в его искренности. Пытался поссорить их, передав послу России копию злосчастного договора от 3 января 1814 года.

Не довольствуясь письмами и официальными переговорами, Наполеон разослал по Европе тайных эмиссаров, задачей которых было уговорить монархов союзных держав изменить их решения. Фуше удалось переманить на сторону императора Монрона, одного из приближенных Талейрана, который попытался действовать в Вене. 5 апреля «Красавчик Монрон», как его называли, начал свою деятельность с обхождения бывшего шефа, но Талейран отказался от каких-либо переговоров:

– Прочитайте декларацию, – посоветовал он своему другу. – Я готов подписаться под каждым ее словом. Кстати, это

война не против Франции, это война против человека с острова Эльба.

Так же категоричен был Меттерних:

– Мы будем вести переговоры не с Наполеоном, но без него и против него.

Мнение Александра I уже приводилось выше:

– Ни мира, ни перемирия не может быть с этим человеком.

Словом, ни самому Наполеону, ни его внешнеполитическому ведомству, ни его курьерам и агентам не удалось переломить ситуацию, о чем император неоднократно сожалел на острове Святой Елены:

– Государи и народы боялись меня напрасно. Я вернулся новым человеком, но они не могли в это поверить. Они не могли себе представить, что человек может быть достаточно силен душой, чтобы изменить свой характер или приспособиться к вынужденным обстоятельствам. Мне не свойственны полумеры. Я был бы монархом Конституции и мира.

Между тем, у европейских монархов были серьезные основания не доверять французскому императору. Это – удушение Пруссии, доведение ее до полного истощения; аннексия великого герцогства Ольденбургского через три года после выступления гарантом его целостности и, наконец, захват престола Испании. Но главное даже не в обидах на императора и недоверии к нему, а в желании расправиться с «узурпатором» и «выскачкой», вознесшимся на вершины власти «с революционным факелом в руках».

Даже в далекой России «Московские ведомости» писали: «Всякая сволочь толпится теперь в Тюильрийском саду и вызывает к себе нередко Бонапарта к коему прежде и подступиться не осмеливались. Для улучшения успехов своих замыслов Бонапарт подружился с якобинцами. Он и ныне почитает их для себя весьма нужными, дабы не лишиться вдруг своей силы в народе. Якобинцы повсюду берут верх».

В Наполеоне по-прежнему видели коронованного якобинца, и ему не было места в элитной семье европейских монархов.

...В тот день, когда император занимался миротворческой деятельностью, был арестован лидер парижских роялистов и советник графа д'Артуа Эжен Франсуа Витроль. Пользуясь миролюбивым настроем Наполеона, Фуше попытался (в своих видах, конечно) склонить его к помилованию этого ультрароялиста. Император отказал:

– С его головы не упадет ни волоска. Но я не хочу отправлять его в Гент. Он умен и может быть опасен. Он останется в тюрьме.

4 апреля Наполеон издал декрет о возрождении института чрезвычайных комиссаров. Целью его было формирование новых полков Национальной гвардии и отрядов федератов. В числе комиссаров было немало видных деятелей революции: Родеро – в Лионе, Тибодо – в Дижоне, Мулен – в Гренобле.

Комиссары были наделены большими полномочиями: правом чистки в армии и в Национальной гвардии, правом смещения нотаблей (почетных лиц из числа привилегированной знати) и другими полномочиями. Но на практике их деятельность была дезорганизована декретом императора от 30 апреля. Им были назначены пере выборы в населенных пунктах с числом жителей менее 50 тысяч человек. Началась неразбериха: те мэры, которых комиссары уже признали лояльными к новому режиму, должны были переизбираться. Поэтому новый декрет часто саботировался на местах.

6 апреля

«Красноречие победы». Это оказался единственный день, когда император позволил себе расслабиться. Не спеша он шел по парижским бульварам. Дорога вскоре привела в мастерскую художника Давида.

Жан Луи Давид создал самый лучший портрет Наполеона. Он был автором картины «Наполеон при переходе через Сен-Бернар» и монументальной «Коронации». Император с пиететом относился к его творчеству. Сделал Давида кавалером ордена Почетного легиона, а в период «Ста дней» – командором. Для любимого художника Наполеон воскресил старинную должность первого живописца Его Величества.

Давид «Леонид при Фермопилах»

Император застал художника за работой над полотном «Леонид у Фермопил». Давид создал аллегория: столкновение гения революции с Европой – новым Персеем, жаждущим уничтожить новую Спарту (Францию).

Наполеон долго разглядывал картину. Отчаяние и предчувствие гибели во взгляде спартанского царя перекликались с его одиночеством, с его обреченностью в борьбе со старыми монархиями Европы. Подобно Леониду он вынужден сражаться с превратностями судьбы, подобно герою древности должен пасть, чтобы спасти родину, посеяв семена будущего.

Картина императору понравилась – он любил монументальность в полотнах художника. Прощаясь, сказал:

– Давид, продолжайте прославлять Францию своим творчеством. Я надеюсь, что в самом скором времени копии с этой картины украсят военные школы. Они будут напоминать юным ученикам о доблестях их ремесла.

Наполеона тянуло к людям науки и культуры, он любил встречаться с ними и многим покровительствовал. В среде художников это были: Прудом и Изабей, Гро (второй и третий из них – живописцы империи), Жерико, Энгр. Работы хватало всем.

С 1798 по 1814 год на оплату произведений художников государство израсходовало пять миллионов франков. Число выставившихся увеличилось за этот период с 282 до 550. Французская школа живописи была самой лучшей в Европе.

В области монументальной скульптуры при Наполеоне выдвинулись: Гудон, Шоде, Бозьо и Шинар. Все крупные архитектурные сооружения его времени были украшены их колоннами и фресками. Их резец изобразил первого консула в образе байроновского героя, императора – в образе Цезаря.

По требованию властелина Европы в Париже работал самый выдающийся скульптор того времени, мэтр гармонии и форм, Канова. Для фасада Дворца дождей в Венеции он создал колоссальную статую «Обнаженный Наполеон». Император умел находить незаурядных людей и говорил по этому поводу:

– Моим принципом всегда было: карьера, открытая всем талантам, без различия происхождения. Каждый раз, когда я встречал человека с заслугами и талантом, я повышал его, не спрашивая, сколько за ним колен знатности.

Любимые архитекторы Наполеона Персье и Фонтен распространили по всей Европе стиль ампир, любезный сердцу императора и характерный чувством меры, силы, равновесия, надежности. Этим стилем был возобновлен щеголеватый классицизм не только в зодчестве, но и в мебели, которая до сего дня царит во многих официальных и частных резиденциях.

Но из всех искусств первенство император признавал за музыкой. «Самое сильное воздействие на эмоции оказывает музыка, – писал он в Парижскую консерваторию. – Фрагмент высоко моральной музыки непременно растрогает слушателя и гораздо сильнее повлияет на него, нежели высоко моральное поучение, которое убеждает разум, но не затрагивает наших пристрастий».

Музыка империи энергична, воинственна и лирична, по своему содержанию близка к кантатам и гимнам. Апогеем этого направления были «Песнь 25 мессидора I года» и «Песнь I вандельера IX года». После победоносной итальянской кампании появился «Гимн возвращения к миру» Мегюля. Им же были написаны «Песнь выступления в поход» и «Марш Великой армии».

Сочинитель опер Гретри был автором композиции «Победа за нами». Ее играли в дни, когда в Париж приходили сообщения о разгроме противника.

Керубини, автор месс, опер и кантат, сочинил «Марш воспитанников гвардии». Ария из комической оперы Далейрака «Рено д'Аст» превратилась в национальный гимн, восхвалявший Империю.

Впрочем, широкая публика предпочитала «Опера комик» с ее веселым репертуаром. Да и сам император нередко напевал легкие мелодии. Благодаря Наполеону в «Итальянской опере» были поставлены «Тайный брак» Чимарозы и «Женитьба Фигаро» Моцарта.

Наполеон часто ездил в Оперу, от которой требовал все новых и новых постановок. Он всячески поощрял известных композиторов Лезюёра и Паэра, чье жалованье достигало маршальского.

Любимыми музыкантами императора были итальянцы Пазиелло и Спонтини. Но больше всего ему нравились мелодии, исполнявшиеся в армии и созданные военными. Давид Бюль, капельмейстер Консульской гвардии, и Мишель Жебоэр, капельмейстер Первого полка пеших гренадеров, сочинили «Марш раненых солдат, оставшихся в строю», «Отбой» и «К знамени».

Империя оставила неизгладимый след в военной музыке. «Марш Конной гвардии», более известный как «Марш Маренго», по сей день сопровождает военные парады. Все выступления по радио и телевидению президента Франции Валери Жискара д'Эстена, известного эстета, предварялись несколькими нотами «Песни выступления в поход» Мегюля. Словом, музыка эпохи Наполеона волнует людей и сегодня, на исходе второго столетия своего рождения.

Любил император и драму. В плеяде талантливых артистов особо выделял Тальму, о котором говорил: «Я очень благоволил к нему и очень ценил его как человека огромного таланта и одного из лучших, если не первого, в своей профессии. Иногда утром я посылал за ним, чтобы за завтраком побеседовать. Злопыхатели и клеветники писали, что Тальма обучал меня, как играть роль короля. Когда я вернулся с Эльбы, однажды у меня за завтраком в кругу ученых я сказал присутствующему Тальма:

– Прекрасно, Гальма, итак, говорят, что ты учил меня, как нужно сидеть на троне. Ну что ж, это та самая вещь, которая у меня хорошо получается».

Конечно, это было сказано на публику, ибо как раз в это время Наполеон менее всего был уверен в прочности своего положения и незыблемости трона, возвращенного столь чудесным образом.

«Я дал республике главное». Будущий властелин с самого начала своей карьеры всячески поощрял силу, мужество и стойкость. Своему любимому художнику говорил с укоризной:

– Зря вы, Давид, теряете время на портреты побежденных.

– Тогда, генерал, я хотел бы написать вас со шпагой в руке.

– Нет, Давид, битвы выигрываются не шпагой, – возразил будущий император.

Наполеон был страстным поклонником интеллекта и началом всего считал образование. В Государственном совете говорил:

– От этого зависит все – настоящее и будущее. Разум человека, его развитие, развитие наших способностей – вот ключ к обществу, секрет законодателя. Лишь тот, кто стремится обманывать народы и править только к собственной выгоде, может хотеть удерживать их в невежестве.

До провозглашения Империи только четыре француза из ста умели читать*. Наполеон кардинально изменил ситуацию. К 1815 году число лицеев возросло с 9 до 46, частных школ, контролируемых государством, – с 300 до 1200, колледжей – до 370. В стране насчитывалось 37 академий, 13 теологических факультетов, 17 юридических, 9 медицинских, 31 языка и литературы, 17 естественных наук.

В повышении грамотности населения и улучшении системы образования император видел надежнейшее средство в возвышении Франции.

– Самое благородное, равно как и самое полезное занятие, – говорил он, – есть содействовать распространению челове-

* Как в Российской империи столетием позже.

ческих знаний и идей. Истинные торжества, которые не влекут за собою никаких сожалений, суть торжества над невежеством.

Наполеон всегда сожалел, что обстоятельства не позволили ему посвятить свою жизнь науке и просвещению, созданию гармоничного европейского общества, хотя и здесь сделал немало. Достаточно вспомнить его знаменитый Гражданский кодекс. Этот грандиозный свод законов, состоявший из 2281 статьи, дал французам свободу совести, неприкосновенность собственности и личности. Ни одна страна мира не имела в то время ничего подобного, и император гордился этим:

– Запомните: мой Кодекс я ценю больше, чем все свои победы.

Это творение пережило и императора, и Империю. Кодекс Наполеона служил образцом буржуазным государствам Европы еще в начале XX столетия.

7–9 апреля

«Верный решению...» Разогнав в Лариоле несколько сотен бонапартистов, герцог Ангулемский захватил Валанс. Но именно там он узнал о разгроме части своей армии: правое ее крыло было изгнано из департамента Изер, а левое самоликвидировалось из-за массового дезертирства. Над принцем возникла угроза быть зажатым между войсками генеров Жилли и Груши*.

7 апреля герцог Ангулемский начал отступать. Отход остатков его армии быстро превратился в беспорядочное бегство. За недостатком желающих сражаться на следующий день герцог сложил оружие. По условиям капитуляции племянник Людовика XVIII прекращал военные действия и распускал свою армию. В обмен на это герцогу позволялось уехать из Франции, а его подчиненным разойтись по домам.

Герцог сдался войскам генерала Жилли. Груши подошел несколько позже и не согласился с условиями капитуляции противника. Чтобы решить вопрос, послали телеграмму в Париж. Наполеон ответил следующим письмом:

«Граф Груши!

* 15 апреля Груши произвели в маршалы.

Королевский ордонанс от 6 марта и декларации, подписанные представителями короля в Вене 13 марта, дают мне право обращаться с герцогом Ангулемским точно таким же образом, каким этот ордонанс и декларации предписывали обращаться со мной и с моей семьей. Но верный решению, которое стало причиной моего приказа о том, что семье Бурбонов будет разрешено свободно покинуть Францию, я предполагаю, что вы отдадите приказ об отправке герцога Ангулемского в Сет, где его посадят на борт корабля.

Примите меры для обеспечения его личной безопасности, а также распорядитесь, чтобы в отношении него не допускалось плохое обращение. Вам только следует позаботиться о том, чтобы были возвращены денежные запасы, изъятые из общественных депозитов. Также попросите герцога Ангулемского вернуть королевские драгоценности, которые являются собственностью нации. Поставьте также его в известность о законах наших национальных ассамблей, которые вновь вступили в силу и которые касаются членов семьи Бурбонов в случае их проникновения на французскую территорию.

От моего имени поблагодарите национальную гвардию за проявленный ею патриотизм и за преданность мне, которые она продемонстрировала во время этих важных событий».

«Пока мы оба живы». Не менее важное событие произошло в этот день в Вене – Александр I принял посланца Наполеона П. С. Бутягина, поверенного в делах в Париже. Именно с ним император переслал царю заверенную копию договора от 3 января 1815 года, направленного против России. Наполеон очень надеялся, что самолюбие Александра будет задето предательством союзников, и это повлияет на отношения России с Англией, Австрией и Францией.

Не повлияло. И причина здесь оказалась в том, что царь уже знал об этом договоре от прусского барона Генриха Штейна, который сообщил о нем царю вскоре после появления секретного документа. Эффекта неожиданности не получилось. На возмущение Бутягина коварством союзников царь с иронией обронил несколько фраз о «слабости, легкомыслии и честолюбии, господствующих в собрании государей».

Александра задел не сам факт существования этого договора, так как в новых условиях он потерял для «заговорщиков» свой смысл, а то, что содержание тайного соглашения стало достоянием гласности. Проведя беспокойную ночь, утром 9 апреля царь вызвал Меттерниха и Штейна. В присутствии последнего он показал договор австрийскому министру иностранных дел и спросил, известен ли ему этот документ. Взглянув на текст, Меттерних, по-видимому, впервые в жизни не нашелся, что сказать. Тогда Александр заявил ему:

– Меттерних, пока мы оба живы, об этом предмете никогда не должно быть разговора между нами. Нам предстоят теперь другие дела. Наполеон возвратился. Наш союз должен быть теперь крепче, нежели когда-либо.

Увы! История показала, что надежды царя на понимание Европы были тщетны.

10–12 апреля

Будни императора. Вставал Наполеон около часа ночи. Первым, кого он видел, был камердинер Маршан, служивший при нем с 1811 года, а позже последовавший за развенчанным властелином на остров Святой Елены. О повседневности своей службы Маршан говорил:

– Я обычно присутствовал при нем только тогда, когда он просыпался и когда ложился спать, но в течение нескольких дней я продолжал спать, расположившись у дверей его спальни, как делал это во время нашего похода от бухты Жуан до Парижа.

Наполеон спал не более трех часов подряд. Проснувшись, шел в свой кабинет и работал часов до пяти утра: диктовал секретарям указы, распоряжения, письма (до 150 в день). О своей способности работать ночью говорил:

– Мой организм не знает каких-либо ограничений, препятствующих работе. Мой интеллект настроен таким образом, что после полуночи я могу мгновенно проснуться. Когда я встаю после сна, никто не может догадаться, судя по моим глазам, что я только что спал. Когда я диктую, то демонстрирую свежесть

мысли в любую минуту в течение дня. У меня в голове для каждой проблемы как бы существует отдельный ящичек. Когда я завершаю решение одной проблемы, я открываю другой ящичек, и все они никогда друг другу не мешают.

Отпустив секретарей император принимал ванну, вода в которой постоянно поддерживалась горячей.

В шесть часов открывали ставни в спальне и приносили почту. В одном халате Наполеон усаживался перед камином. Час уходил у него на просмотр писем и газет. Письма, представлявшие интерес, император откладывал в сторону, чтобы вернуться к ним позднее. Остальные бросал на ковер, характеризуя их как «получившие ответ». Среди последних оказались, например, обращения барона де Лабульери и маршала Ожеро.

Барон, бывший казначей, просил разрешения дать объяснения своих действий за передачу государственной казны противникам императора. Наполеон не осуждал его за это, но...

– Император считал, что если он примет его, то господин де Лабульери легко убедит его в том, что его поведение было результатом обстоятельств, а не трусости. И поскольку император намеревался оставить господина Пейрюса, его казначея на Эльбе, в этой должности, то он отказался принять господина де Лабульери.

В письме Ожеро были заверения в его искренней преданности и отрицание факта предательства. Трудно сказать на что рассчитывал маршал, сдавший 31 марта 1814 года союзным войскам Лион, а 16 апреля перешедший на сторону Бурбонов. По поводу первого прегрешения Ожеро Наполеон говорил:

– Имя победителя при Кастильоне может остаться дорогим для Франции, но она отвергла память лионского изменника.

Маршан стал невольным свидетелем безмолвного диалога Наполеона с маршалами:

– Прочитав письмо, император бросил его в камин, несомненно вспомнив невежливость маршала во время их встречи на пути Его Величества на Эльбу, а также постыдное воззвание, в котором маршал оскорбил императора, переживавшего трудные дни. Тот же маршал направил в 14-й военный округ, которым он командовал, находясь на службе у короля, письмо, столь же непристойное по отношению к Бурбонам.

Наполеону претила беззастенчивость этого перевертыша, с такой легкостью пакостившего своим вчерашним хозяевам, и 10 апреля он исключил Ожеро из списка маршалов Франции.

Тогда же высшего воинского звания империи были лишены Виктор, Мармон и Периньона. Первые два бежали с Людовиком XVIII в Гент. Последний хоть и остался во Франции, но на службу к Наполеону не перешел.

...После ознакомления с почтой император одевался. В это время к нему приходили гофмаршал Бертран, врач Фуру, архитектор Фонтен и библиотекарь Барбье. Последний обычно получал список книг, необходимых Наполеону на данный момент и информировал его о библиотечных новинках. Врач по мере возможности следил за состоянием здоровья императора и давал необходимые рекомендации. Фонтен докладывал о ходе подготовки к войне оборонительных сооружений страны, о строительстве примечательных зданий. Гофмаршал держал императора в курсе жизни его двора и выполнял отдельные поручения Наполеона, иногда довольно щекотливого характера.

Так в казармах на площади Карусель располагался Эльбанский батальон. На дверях их вдруг появилась надпись, сделанная большими буквами: «Жилище храбрецов». Наполеон счел это выделение батальона из всей гвардии неуместным и распорядился, чтобы гофмаршал принял меры по удалению ее:

– Император пояснил, что поскольку в этих казармах нельзя было разместить всю гвардию, то было бы несправедливо заявлять подобное только об одном батальоне. Он добавил, что Эльбанский батальон был только частью гвардии, депутацией от нее, и всем гвардейцам хотелось бы войти в состав подобной депутации. Поэтому в том, чтобы оставить эту надпись, которая могла внести раздор, не видно каких-либо положительных моментов, но только одни недостатки (Маршан).

...В семь часов был первый завтрак, в девять – второй. Иногда Наполеон позволял себе расслабиться и принимал в это время артистов, художников, и ученых, многим из которых покровительствовал, беседы с которыми доставляли ему видимое удовольствие. На одном из таких завтраков император заявил Тальме, к которому испытывал особое расположение:

Франсуа Тальма

– Итак, Тальма, на Эльбе мне сообщили, что ты преподавал мне урок, как надо вести себя на троне!

– Сир, – смеясь ответил великий трагик, – мне, как учителю, приписывается слишком много чести, ибо, вне всякого сомнения, Ваше Величество ведет себя на этом месте очень хорошо. Люди забывают, что это я прихожу сюда, чтобы с пользой для себя выслушивать высказывания Вашего Величества.

Бывал в эти часы у императора Жан Исабей, выдающийся мастер художественной миниатюры. У Наполеона была целая коллекция его работ, в том числе несколько картин в рамках с изображениями Римского короля в разные годы его младенчества.

В первой половине дня император проводил смотр той или иной воинской части. Делалось это почти ежедневно. Во второй половине проходили встречи с министрами и другими официальными лицами.

Вечерами Наполеон обычно приходил на мессу в Тюильри*, после чего принимал просителей или не спеша знакомился с «наследием» Людовика XVIII – его портфелем с письмами и документами. Среди последних была подборка из 500 секретных донесений и важных петиций. Император приказал сохранить все государственные докладные записки и меморандумы, изданные за последние десять месяцев. Что касается писем, просматривал их для развлечения, отдыха.

– Император просмотрел письма и узнал из них, что многие из тех лиц, кто ранее проявлял большое усердие на службе у него, с таким же усердием служили и Бурбонам. Этот факт не представил для императора особого интереса, чтобы использовать его в каких-то целях. Но то обстоятельство, что он не предал огласке ни один из этих документов и продолжал считать искренними те чувства, которые выражались теми людьми по отношению к нему, дает идеальное представление о доброте императора. Это было проявлением той мудрости императора и знания им людей, которые позволяли ему не судить их слишком строго и принимать во внимание непостоянство их мнений и чувств (Маршан).

Перед сном Наполеон любил поговорить с мировым судьей Эльбы Поджи де Талаво, заслужившего его полное доверие. Судья обычно рассказывал о нуждах островитян и о тех приятных воспоминаниях, которое оставило пребывание императора на острове. И Наполеон всегда удовлетворял просьбы своих недавних подданных.

Спать император ложился в десять часов вечера. Последним кого он видел перед своим коротким отдыхом был камердинер Маршан. От него Наполеон узнавал о нуждах обслуживающего персонала своего двора, о обращениях случайных людей и забытых знакомых. Так актриса «Театра Франсез» мадемуазель Жорж сообщала о том, что у нее на руках имеются документы, компрометирующие Фуше, и что она обеспокоена тем, что этот министр пользуется доверием Его Величества.

– Я не спускаю с него глаз! – рассмеялся Наполеон и спросил: – Она не сказала тебе, что у нее возникли денежные затруднения?

* После переезда в Елисейский дворец.

– Нет, сир, она только упомянула о своем желании лично вручить эти документы Вашему Величеству.

– Я знаю, в чем дело, Коленкур упомянул мне об этих документах и добавил, что она испытывает определенные денежные затруднения: передай ей 20 000 франков из моего личного кошелька.

Наполеон видел привязанность к себе Маршана и иногда не только давал ему поручения, но и рассказывал о своих планах и задумках. Так однажды заговорил с ним о картинах, которые хотел бы заказать. В них должны быть отражены последние события.

– Он упомянул тот момент, когда он вышел навстречу пятому линейному полку. Когда эльбанский гренадер представил ему своего 90-летнего слепого отца и своего младшего брата, последовавшего за императором. Когда полковник Ла Бедуайер вручил ему знамя своего полка, которое император крепко сжал в руках и поцеловал.

Наполеон полностью доверял своему камердинеру и позволял ему иногда быть посредником между собой и любимыми когда-то женщинами.[†] Маршан вспоминал:

– Во время пребывания в Елисейском дворце император обычно приходил на мессу в Тюильри, после которой он принимал людей, а затем возвращался в свою резиденцию. Как раз во время одного из этих возвращений я рассказал ему что госпожа Пеллапра известила меня о своем приезде в Париж. Графиня Валевская также была в Париже. Она приехала из Неаполя. Император не видел ее после ее визита на Эльбу. Он послал меня к ней, чтобы выяснить, как она себя чувствует, и пригласить ее во дворец вместе с сыном в течение дня.

По-видимому, здесь уместно сказать, что свой последний привет любимым женщинами Наполеон тоже послал через камердинера. Случилось это 11 июня перед отъездом императора в армию:

– Император передал мне два толстых пакета, скрепленных его гербовой печатью. Он сказал мне, чтобы я вручил один пакет графине Валевской, а другой – госпоже Пеллапра.

[†] Одной из них, кстати, была мадемуазель Жорж.

В отношениях с женщинами Наполеон был благодарным и рыцарственным человеком, но свое время ценит превыше всего и зря его не транжирил. Его «Сто дней» – это целая эпоха, ставшая символом для последующих поколений.

13–16 апреля

«Энтузиазм достиг апогея». Ни одна из великих держав не ответила ни на официальное предложение мира, ни на частные письма Наполеона. И через месяц после принятия союзниками декларации, направленной против Франции, после безуспешных попыток расколоть новый союз (7-ю коалицию) император вынужден был поставить нацию в известность об угрозе войны. В «Монитор» появился большой доклад министра иностранных дел Коленкура.

Настойчиво подчеркивая миролюбивые намерения Наполеона, глава французской дипломатии писал: «Я не должен скрывать, что, хотя по сей день никакие определенные действия со стороны союзных держав не свидетельствуют о принятом ими решении и не предвещают нам близкую войну, внешние признаки позволяют проявлять законное беспокойство: тревожные симптомы отмечаются разом и со всех сторон».

В парижской прессе были опубликованы декларация союзников от 13 марта и Венский трактат от 25-го. То же сделала «Франкфуртская газета» 15 апреля. Ситуация, сложившаяся вокруг Франции и ее главы стала достоянием общественности. Конечно, в Париже и в Европе на это реагировали по-разному.

Имперская пресса заговорила о том, что великие державы покушаются не только на Наполеона, но и на великую французскую нацию. При активном и гнусном пособничестве роялистов союзники хотят раздробить территорию Франции. И это в то время, когда страна жаждет мира. «Она помышляет только об одном – заставить уважать свою независимость. И если она и стремится занять свое место среди великих держав, то лишь благодаря своим успехам в науках, литературе и искусстве» («Журналь де л'Ампир»).

Англичане и пруссаки развернули разнузданную пропаганду проведения в жизнь постановлений Венского конгресса.

Особенно неистовствовали последние. «Франкфуртская газета» призывала: «Никакого договора с французами! Проскрипция Конгресса, поставившая их главу вне закона, должна быть распространена на всю нацию. Их нужно уничтожать, убивать как бешеных псов. Надо истребить эту банду в пятьсот тысяч разбойников. Поставить вне закона этот никчемный народ, для которого война – потребность»^{*}.

Газета услужливо предлагала союзным властям «рецепт» обезвреживания ненавистной ей нации: «Либо мы расчленим Францию, либо она наденет на нас цепи – такая перед нами альтернатива. Если у нас есть все основания хотеть, чтобы Наполеон как государь навсегда исчез с политической сцены, то их не меньше, для того чтобы уничтожить французов как нацию. При этом нет нужды убивать их, достаточно вместо одного императора дать им множество правителей. Мир не сможет жить мирно пока существуют французы. Их надо заменить бургундцами, невстрийцами, аквитанцами и так далее. Пусть они грызутся между собой, но мир обретет покой на века».

Но были в Европе и страны, народы которых весьма сочувствовали Наполеону: поляки, чье государство великие державы поделили между собой; бельгийцы, без их ведома и желания включенные в состав нового политического образования – Нидерланды; Саксония и ряд мелких германских государств, территории которых были урезаны. Поэтому император с полным основанием говорил на одном из заседаний Совета министров:

– Разве Бельгия и провинции по эту сторону Рейна не за меня? Обратившись к ним с воззванием и призвав их под трехцветные знамена, я подниму их за сутки.

Не обратился и не поднял, чтобы не давать союзным державам лишнего повода для развязывания войны.

Официальная пресса между тем всячески раздувала колеблющееся пламя патриотизма. Так, информация, опубликованная 16 апреля, имела целью разжечь националистические чувства

^{*} В наши дни это выступление газеты квалифицировалось бы как фашизм и призыв к геноциду. В чем, как показала история, и преуспела Германия в 30-е и 40-е годы XX столетия.

французов: «Из Лиона сообщают, что энтузиазм жителей Дофине и Бургундии достиг своего апогея. Маршал герцог д'Альбюфера был вынужден отослать по домам двадцать две тысячи национальных гвардейцев. Поблагодарив их за проявленное рвение, он сказал им, что если отечество окажется в опасности, он поспешит призвать их вновь. Они воскликнули, что явятся при первых звуках барабана, дабы защитить родину от любых внутренних и внешних врагов».

Действительность была значительно прозаичнее, ибо в коллективном сознании нации господствовал страх войны, подавляя все остальные чувства. Поэтому подлинных сторонников у Наполеона было немного: солдаты и офицеры, рабочие и врачи, владельцы национальных имуществ. Эмигранты, дворянство и священники являлись безусловными сторонниками короля. Очень сочувственно относились к Людовику XVIII женщины, торговцы, юноши, боявшиеся призыва на военную службу, и генералы, уставшие воевать. Словом, радости в жизни французов весной 1815 года было мало и современник утверждал:

– Никогда еще со времен революционных сатурналий столица не имела столь печального и угрюмого вида.

Единственным местом в Париже, где постоянно звучали патриотические песни, а веселье било через край являлось кафе «Монтансье», располагавшееся рядом с Пале-Роялем. Здесь был центр истового бонапартизма. Перед бюстом императора, увенчанного лаврами, распевались песни о любви к человеку в серой шинели, о страстном желании сразиться с врагами Франции. Наряду с «Марсельезой» или «Прощальной песней» исполнялись куплеты, сочинявшиеся тут же, в кафе:

*Страна смыла свой позор,
И наши лавры зеленеют.
И гордо мы провозгласили:
Отчизна, честь, Наполеон.*

Хорошему настроению сторонников императора способствовали успехи, которые еще сопутствовали Наполеону. 15 апреля войска Груши вошли в Марсель, предупредив его захват англичанами. 16 апреля из страны был выпровожден герцог Ангулемский, последняя опора Бурбонов.

Наполеон некоторое время колебался, что делать с этим отпрыском королевской фамилии – велик был соблазн обменять герцога на супругу, Марию Луизу. Но, поразмыслив, император решил, что с политической точки зрения лучше пожертвовать личными интересами:

– Мне важно дать понять этим коронованным бандитам, которые так долго пресмыкались передо мной, а теперь ставят меня вне закона наций, что права, которые мне дает несчастье, для меня священны, и что я мщу таким врагам, как они, великодушно предавая их публичному проклятию.

Мирному «выдавливанию» Бурбонов из пределов Франции Наполеон придавал большое значение. По случаю избавления от герцога Ангулемского устроил смотр национальной гвардии.

– Воины-федераты!– взывал император к гвардейцам.– Я возвратился один, потому что надеялся на городских жителей, на поселян и на солдат армии, преданность коих к народной чести я знал. Все вы оправдали мое доверие. Дам вам оружие, дам опытных офицеров, покрытых честными ранами, для руководства вами. Они привыкли видеть бегущего от них неприятеля.

Воины-федераты! Если в высших классах общества нашлись люди, обесчестившие имя француза – любовь к отечеству и чувство народной чести сохранились в жителях городов, земледельцах и солдатах армии. Радуюсь, что видел вас. Доверяю вам. Да здравствует народ французский!»

Национальные гвардейцы, встретившие Наполеона мертвым молчанием, разразились приветствиями в честь императора. Ледок недоверия представителей средней буржуазии был растоплен. Император был доволен, что сумел переломить настроение гвардейцев, но еще раз убедился в том, что зажиточные слои населения, из которых в основном комплектовалась национальная гвардия, отнюдь, не рвутся в бой с внешними врагами Франции, что угроза войны не воодушевляет ни их, ни большую часть нации.

В противостоянии Бурбонам император сделал ставку на то, что роялистское движение угаснет само по себе, и оказался прав: роялизм рухнул. Удаление герцога Ангулемского означало конец этого явления. По сему случаю во всех городах страны прозвучал залп из ста орудий. Над Францией развевалось трех-

цветное знамя. И это позволило заняться очередным важным вопросом.

«Народ хочет только меня». Выполняя свое обещание дать нации Конституцию, Наполеон решил поднести ей сюрприз, призвав для разработки основного закона империи крайнего либерала Бенжамена Констан, получившего известность своей широко разрекламированной «независимостью». За пять дней до вступления императора в Париж он писал: «Я не стану, подобно жалкому перебежчику, пресмыкаться то перед одной, то перед другой властью, прикрывая низость софизмами и лепеча пошлости, дабы искупить постыдную жизнь».

Накануне триумфального появления Наполеона в Тюильри Констан выступил с хлесткой статьей против него, выступил и... испугался. В своем «Интимном дневнике» записал: «Статья моя вышла не по времени. Полный крах. Никто даже не собирается сопротивляться. Если он восторжествует и меня схватят, я пропал. Если корсиканца побьют, то мое положение значительно улучшится. Да! Двадцать против одного!».

Случилось прямо обратное – Наполеон победил, а положение прыткого журналиста улучшилось. Правда, чтобы это сделать, императору пришлось приложить некоторые усилия по розыску Констан, с трепетом ожидавшего повестки в полицию. Но вместо этого получил приглашение в Тюильри. Император, объясняя свой интерес к этому человеку, говорил в своем окружении:

– Он уже не двадцатилетний любовник. Его подруга, госпожа де Сталь, более не имеет на него влияния, которое заставляло меня враждебно относиться к ним обоим из-за их пристрастия постоянно находиться в оппозиции ко мне.

Вызов к Наполеону, разговор с ним и, наконец, задание, полученное от него; – все это были для писателя события неординарные, и, конечно, Констан записал рассуждения императора. Вот они:

– Нация отдыхала в продолжение двенадцати лет от всех политических волнений, и вот уже год, как отдыхает от войны; двойной отдых заставляет ее нуждаться в деятельности. Она хочет, или думает, что хочет, речей и собраний, но не всегда хотела

их. Она бросилась к моим ногам, когда я принял бразды правления: вы должны об этом помнить, потому что вы пробовали составить оппозицию.

Кажется, возвращается охота к конституциям, прениям, речам... Однако, не ошибитесь, и знайте, что этого хочет меньшая часть граждан. Народ, или, пожалуй, большинство хочет только меня. Видели ли вы, как толпа спешила по моим следам, бежала с гор, звала, искала, приветствовала меня? Со времени моего возвращения я ничего не завоевал, я только управлял.

Говорили, что я император солдат, но я также император земледельцев, плебеев Франции. За то, несмотря на прошедшее, народ возвращается ко мне: между нами есть симпатия. Я подам знак или только отверну голову, и аристократы будут избиты во всех провинциях, но я не хочу быть королем одной партии. Если есть средства управлять с новыми политическими учреждениями, я готов.

Я хотел завоевать мир, и мне для этого нужна была беспредельная власть. Для управления одной Францией, может быть, ваши новые постановления лучше. Скажите же, что кажется вам возможным. Передайте мне ваши идеи. Свободные выборы? Публичные прения? Ответственные министры? На все это я согласен. Я сын народа: и всего хочу, чего он хочет; готов слушать его волю, исполнять даже его капризы. Я никогда не хотел угнетать его для моего удовольствия; я имел великие намерения; рок решил иначе: я уж не завоеватель; не могу быть завоевателем.

Знаю, что возможно и что недостижимо; у меня теперь одно дело: поднять Францию и дать ей правление, какого она достойна. Пятнадцатилетний труд разрушен; нельзя начать его снова. Для этого нужно двадцать лет и два миллиона людей в жертву. Притом же я хочу мира и добуду его только победами.

Не хочу обольщать вас ложными надеждами: я позволяю говорить, что идут переговоры, но их нет. Предвижу долгую войну, трудную борьбу. Могу выдержать ее, если нация даст мне помощь; и за то я на все соглашусь. Положение ново; я прошу советов. Я состарился; в сорок пять лет человек не тот, каким был в тридцать. Спокойствие конституционного короля будет мне прилично и еще приличнее моему сыну».

Констан ушел после первого свидания с Наполеоном вдохновленным и очарованным необычайным обаянием гения. Вечером он записал в своем дневнике: «Встреча с императором. Долгий разговор. Это удивительный человек. Завтра несу ему проект конституции».

Констан ликовал, а император колебался. Позднее он раскаивался в своей уступке либералам. Осуждали его за это и многие историки. Д.С. Мережковский писал: «Только в летаргическом сне можно было в такую минуту, перед миллионным нашептом, спешиться с коня, чтобы пересесть на парламентскую телегу, превратиться из революционного диктатора в конституционного монарха».

ЛЕВ В КЛЕТКЕ

17 апреля

Будто, как прежде. В одно из ежедневных посещений императора доктор Фуру посоветовал ему поменьше работать, а больше уделять времени прогулкам и зарядке. Наполеон рассмеялся:

– Вот те раз, доктор: вы думаете, что я, как вы, болтаюсь без дела, засунув руки в карманы. Где, по вашему мнению, я найду время для прогулок.

– Но, сир, – возразил врач, – Елисейский дворец предоставляет Вашему Величеству возможность и для работы, и для прогулки в саду!

За первый месяц пребывания в Париже император только дважды выходил за пределы Тюильри. В первый раз он отправился в предместье Сент-Антуан. Там его вскоре узнали. Толпа, окружившая Наполеона, быстро разрасталась. Свита императора оказалась отрезанной от него, что вызвало немалое беспокойство. Но вокруг слышались только приветственные крики и все успокоилось, а восторженные почитатели недавнего кумира всей Франции сопровождали его до Тюильри.

Вторая прогулка императора проходила в сопровождении одного гофмаршала. На Наполеоне были плащ зеленого цвета и круглая шляпа. Неузнаваемые никем, император и его спутник гуляли по парижским бульварам. Вспомнив рекомендацию доктора Фуру, Наполеон вдруг распорядился готовиться для переезда в Елисейский дворец, в садах которого он может гулять после кабинетной работы и решать некоторые вопросы в буквальном смысле слова на ходу. Переезд состоялся 17 апреля.

Елисейский дворец уютен, а главное, не так официален и помпезен как Тюильри. С этим дворцом Наполеона связывали теплые воспоминания о встречах с Элеонорой Денюэль, от которой у него в 1806 году родился сын Леон*, произведенный

* Ребенок носил вторую половину имени императора.

императором в графы. Сходство Леона с отцом было необычайным и поражало современников.

В 1810 – 12 годах дворец принадлежал Жозефине, самой бурной и продолжительной страсти Наполеона, осиявшей годы его молодости. Да и в дальнейшем император относился к ней с пиететом. По уверениям мемуаристов, последними словами, произнесенными им при кончине, были: «Франция, армия, Жозефина!».

Наполеон разместился на первом этаже дворца, рядом с садом, где совершал прогулки. Тюильри покинули дипломаты и придворные. Первые разъехались по своим странам. Вторые, в ожидании близких перемен, затаились в своих владениях, другие подались в Гент. Некоторые из современников императора расценили его перемещение из одного дворца в другой как политическое действие. Барон Тьебо рассуждал так:

– Наполеон покинул Тюильри, наполнить который у него больше не было возможностей, хотя имя его вновь заполняло мир. Действительно, в этом замке пустота, образовавшаяся вокруг императора, была особенно заметна. Мертвая тишина царил в апартаментах Марии Луизы и Римского короля. Помимо того, что малейший шаг в Тюильри вызывал мучительные воспоминания, связь между этой резиденцией и тем, кто ее занимал, была ничтожно мала, потому что размеры замка были колоссальны, а для действительно уменьшившейся роли его владельца требовалось и меньшее пространство. В этой ситуации, равно двусмысленной и тревожной, Елисейский дворец становится убежищем. Наполеон появлялся в Тюильри, над которым по-прежнему реял национальный и имперский флаг, только для того, чтобы присутствовать на воскресных вечерних мессах и на публичных аудиенциях, во время которых все старались делать вид, будто все идет, как прежде.

К свидетельству барона следует, по-видимому, добавить, что относительный покой в эти дни был нужен императору для работы над важнейшим документом «Ста дней» – новой конституцией империи, построенной отнюдь не на имперских началах.

«На каждый день – своя забота». Понимая, что обещанного стране мира скорее всего не будет, и это угнетает нацию, Наполеон решительно взялся за претворение в жизнь своего второго обещания – предоставления Франции конституции. Опыт законотворчества у императора был и немалый. Достаточно вспомнить его Гражданский кодекс, переживший не только самого создателя, но и десяток следующих правителей. Такую же жизнестойчивость Наполеон хотел придать основному закону империи. Император работал на века.

Был и еще один стимул для законотворческой деятельности – Конституционная хартия Людовика XVIII от 4 июня 1814 года, которая представляла собой компромисс между требованиями дворянства и интересами крупной буржуазии. Хартия гарантировала соблюдение интересов новых собственников и подтверждала основные завоевания Учредительного собрания: национальное имущество объявлялось неотчуждаемым; гражданское равенство понималось как право каждого занимать любую должность и как свобода слова и вероисповедания.

Отнять, данное королем, было уже немислимо. Оставалось одно – дать нации конституцию еще более либеральную. Над ее текстом император и работал с 14 по 20 апреля, уединившись в садах Елисейского дворца.

Для создания основного закона империи был создан Конституционный комитет. В него вошли: Камбасерес, Карно, Маре, Реньо де Сен-Жан д’Анжели, Буле де Ла Мёрт и Марлен де Дуэ. Наполнен был неудовлетворен его деятельностью и поручил написание конституции Констану, которого постоянно направлял, а статьи рождавшегося документа подправлял. Констан вяло сопротивлялся. Встретившись как-то с Лафайетом, предупредил его:

– Я вижу, что император порою возвращается к старым привычкам, которые удручают меня. Следите за ним, и, если вдруг вам покажется, что он склоняется к деспотизму, не верьте тому, что я скажу вам впоследствии, не доверяйте мне больше ничего, действуйте без меня и против меня.

Недавнему носителю абсолютной власти и одному из главных теоретиков буржуазного либерализма, конечно, трудно было найти общий язык. Императору приходилось порой и покрикивать, напоминая строптивцу, кто есть кто. Да и основания к инцидентам были. Так, Констан ухитрился в своем варианте конституции умолчать об империи, на что Наполеон резонно заметил:

– Это не то, что я хотел от вас! Вы меня лишили прошлого, а я хочу его сохранить. Что вы делаете с одиннадцатью годами моего правления? Я полагаю, у меня есть кое-какие права, и Европа это знает. Новая конституция должна быть связана со старой. Тогда за ней будут стоять многие годы славы и успехов.

Этот спор нашел отражение в самом названии документа – Дополнительный акт к конституциям Империи, которое император навязал Констану.

Ожесточенно спорили по вопросу о плебисците. Констан был противником всенародных референдумов, полагая, что нация еще не созрела для них. Наполеон, получивший признание на плебисцитах VIII, X и XII годов*, не желал вычеркивать эту политическую процедуру из своей биографии, ибо в таком случае (без одобрения народа) он становился просто узурпатором, каковым и считали его роялисты и либералы. Опираясь на суверенитет народа, император стоял выше любого законодательного собрания, избираемого ограниченным числом населения.

Настоящая баталия разгорелась при обсуждении вопроса о собственности. В многочисленные статьи о гражданских свободах был включен пункт о запрете властям конфисковать имущество кого бы то ни было. Наполеон категорически воспротивился этому, так как лишался возможности давления на эмигрантов. Но Констан и министры стояли на своем. Тогда император взорвался:

– Меня толкают по пути, который мне чужд. Меня пытаются ослабить и закабалить. Франция ищет меня и не находит. Мнение обо мне было превосходным, теперь оно ужасно. Франция задается вопросом, что стало со стариком императором, где та железная рука, которая так нужна ей, чтобы обуздать Европу.

* По календарю Великой французской революции.

Пусть не говорят мне о доброте, об абстрактной справедливости, о естественных законах. Главный закон – это необходимость, главная забота – это общественное спасение. От меня хотят, чтобы я позволил людям, которых я осыпал благами, воспользоваться ими и строить против меня заговоры за границей. Такого быть не может, такого не будет. Каждый француз, каждый солдат, каждый патриот вправе потребовать у меня отчета за богатства, оставленные его врагам. Когда мир будет заключен, тогда посмотрим. На каждый день – своя забота, в каждом случае – свой закон, у каждого – своя натура. Быть ангелом – не в моем характере. Господа, я повторяю, необходимо, чтобы французы вновь обрели, вновь увидели императора, почувствовали его прежнюю хватку.

Описав эту вспышку Наполеона, Констан меланхолично заключает: «Все были с ним не согласны, но все промолчали, и статья была изъята».

Но император умел и уступать, так случилось с вопросом о пэрстве. Наполеон хотел сделать членство в верховной палате Законодательного собрания пожизненным, Констан настаивал на наследственном, полагая, что наследование лучше гарантирует свободы. Почему? Очень просто, отвечал оппонент императора: состав верхней палаты во втором поколении становится независимым от государя. Наполеон согласился с этим доводом, но предупредил Констана, что он несколько забегаает вперед, так как у сегодняшних французов передача власти по наследству ассоциируется с контрреволюцией.

– Пэрство, – говорил император, – не гармонирует с нынешним состоянием умов, оно задевает гордость армии, обманет ожидания сторонников равенства, настроит против меня тысячи людей по личным соображениям. Где вы хотите, чтобы я нашел аристократов, которые нужны отечеству? Прежние – мои враги, многие нынешние – позорны. Пяти-шести прославленных имен недостаточно. Без корней, без исторического блеска, без крупной собственности на чем будет основано мое пэрство? Свободу Англии дали дворяне. Хартия – это дело их рук. Они выросли вместе с Конституцией и составляют с ней единое целое. Но мои пэры не вырастут как грибы, и через тридцать лет они останутся всего лишь солдатами или камергерами.

Основной закон государства рождался нелегко, но это не значит, что его авторы находились в постоянном конфликте и напряжении. Наполеон не терпел конфликтов и трений с соратниками или временными попутчиками. Обсуждение написанных текстов проходило более-менее ровно, в деловой обстановке. Иногда император даже отвлекался, вспоминая о других острых проблемах, волновавших его. Так, в самом начале работы с Константином он вдруг заявил ему:

– Я думаю о герцоге Ангулемском. Я уже отдал приказание, чтобы ему не угрожала никакая опасность. Но я опасаясь ярости крестьян и солдат. Они не приемлют заключенного нами договора. Нынче ночью я снова пошлю гонца. Ненависти у меня к нему нет, и я ничуть не испытываю потребности в отмщении. Все изменилось, надо, чтобы Европа это знала и видела.

...Неделя напряженного труда, и 20 апреля в Дополнительном акте к конституциям Империи была поставлена последняя точка. На что у других уходили годы, Наполеон вершил за считанные дни. В делах гражданских и законотворческих он действовал так же стремительно, как и на поле боя, руководствуясь одним и тем же принципом: «Если дошло до битвы – подавай победу».

Император был доволен проделанной работой и позволил себе вечером 21-го небольшой отдых – присутствовал в Комеди Франсез на представлении «Смерти Гектора», одной из своих любимых пьес. При словах «Это был Ахилл! Наконец-то он явился вновь!» партер устроил ему овацию. Наполеон холодно принял свое сопоставление зрителями с героем античности и сразу уехал после окончания спектакля – дел у него не убавилось.

Спешили и союзники. Но как раз в эти дни среди них вновь возникли разногласия, тормозившие подготовку к боевым действиям. А. Михайловский-Данилевский писал в дневнике 17 апреля: «Ежедневно собирается учрежденный по согласию главных держав совет в комнатах князя Волконского, в котором рассуждают об устройении продовольствия для союзных войск во время прохода их через Германию к Рейну. Действия сей комиссии, составленной из русских, австрийских, английских и прусских чиновников, затрудняются от весьма высоких цен, требуемых различными немецкими правительствами с русских за продовольствие.

Мало осталось германских королей и князей, не прибегших к Государю с просьбами избавить владения их от прохода русских войск к Рейну; спрашивается: где же нам идти? Саксонцы прислали сюда нарочную депутацию по сему предмету, настаивая в особенности, чтобы русские не шли через некоторые города, как, например, через Лейпциг. Баварцы, которые, кажется, более всех немецких кабинетов сожалеют о прошлогоднем падении Наполеона, делают более всех затруднений в снабжении русских провиантом и фуражем».

Словом, каждый из невольных союзников старался соблюсти свой интерес. За высокими словами о борьбе за тишину и спокойствие в Европе, стояли корысть и хищнические устремления урвать кусок побольше и пожирнее (участь Польши, Бельгии, Саксонии и других государств).

Наполеон понимал, что это союз поневоле и старался внести раскол в среде враждебных ему монархов. 4 апреля он зывал к Александру I: «Голос нации призвал освободителя. Восстановление императорского трона было бы необходимым для блага Франции».

Надеялся Наполеон и на помощь тестя – австрийского императора. Не получив ответа ни от одного, ни от другого, перешел к активным действиям. 18 и 19 апреля в «*Moniteur*» появились большие статьи о разногласиях между царем и Бурбонами, которых Александр I якобы не желал видеть на троне Франции.

Но дипломатические демарши не увенчались успехом. Письма Наполеона не дошли до адресатов (их перехватили на границе), а обвинения в отношении Бурбонов Александр I отвел в личном письме Людовику XVIII, назвав их «инсинуациями Буонапарте».

22 апреля

«Подобные гарантии никогда не существовали». Дополнительный акт к конституциям Империи, опубликованный на следующий день после его утверждения, состоял из 67 статей. В преамбуле к ним говорилось: «С тех пор как пятнадцать

лет назад мы были призваны Францией к управлению Империей, мы старались в разное время улучшить конституционные формы, следуя потребностям и пожеланиям нации, пользуясь накопленным опытом». Тем самым все новации предлагаемого документа преподносились как естественное развитие имперского законотворчества. Изменения в нем фиксировались первой статьей акта:

«Учреждения империи, а именно: дополнительный акт 23 фримера VIII года, сенатские приговоры 14 и 16 термидора X года и 28 февраля XII года, изменяются нижеследующими распоряжениями; все прочие их статьи остаются в полной силе».

Далее следовал перечень этих изменений, то есть статьи Дополнительного акта. Вот три из них:

«Статья 2. Законодательная власть принадлежит императору и двум палатам.

Статья 3. Первая палата, называемая палатой пэров, есть наследственная.

Статья 4. Император назначает ее членов, кои не могут быть переменяемы. Достоинство сие переходит к старшему сыну по прямой линии. Число пэров не ограничено».

Исполнительная власть принадлежала императору, законодательная (как это видно из приведенных статей) – ему и двум палатам. То есть прежний абсолютизм Наполеона заменялся конституционной монархией.

Вторая палата (депутатов) должна была состоять из 629 человек. Они подлежали избранию коллегиями департаментов и округов, представителями промышленности и торговли. Число последних было невелико (23), но сам факт их присутствия в Законодательном собрании свидетельствовал о том, что во внимание было принято наступление новой экономической эпохи – эпохи промышленной революции.

Количество избирателей возросло с 15 до 100 тысяч человек. Это, конечно, был большой шаг вперед, но подавляющая часть населения по-прежнему оставалась в этом отношении бесправной. В идеале депутатом мог стать выходец из любого общественного класса. Избрание делало его наемным работником народа. Статья 11 Акта гласила: «Члены Палаты представителей

получают в течение сессии денежное вознаграждение, установленное Учредительным собранием»^{*}.

Законодательная инициатива принадлежала императору и правительству:

«Статья 23. Правительство предлагает законы. Палаты могут вносить поправки. Если эти поправки не одобрены правительством, палаты голосуют закон в предложенном виде.

Статья 24. Палаты имеют возможность призвать правительство предложить закон об определенном предмете и изложить то, что им представляется подходящим для внесения в закон. Это предложение может быть сделано любой из двух палат». 26-й статьей Акта запрещалось выступление в Законодательном собрании с написанными заранее речами: "Никакой письменный текст, за исключением докладов комиссий, докладов министров о предлагаемых законах и представленных отчетов, не может быть прочитан ни в одной из палат"».

Император мог продлить или отложить срок заседания Палаты представителей, мог и распустить ее. Последнее средство не было знаком его абсолютной власти. Роспуск палаты – это обращение к арбитражу нации. Швейцарский историк Сисмонди по этому поводу говорил:

– Роспуск палаты – это обращение к суверенной нации, когда она должна сделать выбор между своим наследным представителем и своими выборными представителями. Это одна из самых прекрасных привилегий народа.

Наполеон сознательно пошел на этот шаг, чтобы получить моральный выигрыш перед Людовиком XVIII.

– Я взял меньше власти, чем мне предлагали взять, – говорил он Констану.

В Палату представителей должны были избираться лица не моложе 25 лет. Председатель палаты избирается ее членами и утверждается императором. Срок полномочий палаты – пять лет.

Впервые в закон были внесены пункты не только о полномочиях правительства, но и о его ответственности, правда, не политической, а уголовной: «Статья 39. Министры ответственны за

^{*} Учредительное собрание (1789–91) связано с первым этапом Великой французской революции.

распоряжения правительства, ими подписанные, а так же исполнение законов. Они могут быть обвинены Палатой представителей и подвергнуты суду Палаты пэров».

Акт предоставлял многочисленные гарантии правосудию: несменяемость судей, суд присяжных, отмена чрезвычайных трибуналов, право подачи жалоб. Провозглашались свобода слова, вероисповедания* и печати. Совокупность всех уступок, сделанных либералам, привела к созданию текста лучшего из всех с 1791 года, времени Великой революции. Наполеон добился желаемого – Дополнительный акт во многом превосходил конституцию бежавшего короля. «Подобные гарантии, – ликовал Сисмонди, – никогда не существовали ни в одной из республик современной Европы».

Последняя (67-я) статья Дополнительного акта была как бы итоговой, отрицавшей все, что было связано с недавним прошлым, с Бурбонами: «Категорически запрещено восстанавливать старое феодальное дворянство, феодальные и помещичьи права, десятину, какой бы то ни было господствующий религиозный культ, возможность посягать на неприкосновенность проданного национального имущества».

Народ решительно запрещает правительству, палатам и гражданам выступать с любым предложением на сей счет. Французский народ отказывается от права восстановления Бурбонов или какого-либо принца из этой семьи, даже в случае лишения престола Императорской династии».

Иными словами, все, что угодно – только не феодализм и не Бурбоны! Эту статью даже записные либералы называли слишком категоричной, слишком якобинской. Разглагольствуя о свободе, они понимали ее отвлеченно, вне конкретного времени и конкретных обстоятельств.

23–25 апреля

«Кровь Европы пролита зря». На следующий день после опубликования Дополнительного акта генерал Тьебо

* По Хартии Людовика XVIII католицизм был объявлен государственной религией, то есть свобода вероисповедания ограничивалась.

был свидетелем того какое разочарование охватило императорский двор:

– Утром 23-го я отправился в Елисейский дворец. Те, кто там уже находился, были, разумеется, людьми преданными, или же не хотели ничего иного, как только пожертвовать собой. Так вот, на всех лицах читалась подавленность. В салонах царила мертвая тишина. Люди подходили друг к другу, но не заговаривали. Если же кому-то случалось обменяться несколькими фразами, то лишь для того, чтобы тихо спросить: «У вас есть дополнительные статьи?» Единственным ответом на этот вопрос было «да», сопровождавшееся многозначительным взглядом.

Такова была реакция на основной закон страны окружения весьма близкого к императору. Это вызвало у Наполеона неудовольствие. Не порадовала его и народная инициатива, проявленная жителями старинной Бретани. 24 апреля представители этого департамента сошлись в Ренне и подписали акт, которым обязывались поддерживать национальное дело, вооружиться для защиты Франции от Европы, а еще вероятнее – внутренних врагов народа, которые непременно поднимут голову в случае войны. Делегаты собрания говорили:

– Рассчитывая на возможность войны с заграницей и на отсутствие нашей непобедимой армии, дворяне и их рабы похваляются тем, что вновь наденут на нас ярмо, они снова мечтают нас унижить!

Инициатива бретонцев насторожила императора, который увидел за ней первые признаки революции. И хотя Наполеон именно революции был обязан своей короной, он никогда не любил ее.

– Революция, – говорил Наполеон, – одно из величайших зол, которое небо может послать на землю. Это бич для поколения, ее совершившего. Даваемые ею преимущества не могут сравниться с тем смятением, которым она наполняет жизнь ее творцов. Она обогащает бедных, которые этим не удовлетворены. Она разоряет богатых, которые не смогут этого забыть. Она переворачивает все. В первое время она приносит несчастье всем, никого не делая счастливым.

Народ Наполеон воспринимал в образе верного и доброго крестьянина или храброго и дисциплинированного солдата, готового умереть за него. Он не терпел дискуссий и инициатив снизу,

видя в них поползновения на свою власть. Отсюда его раздражение начинаниям бретонцев. Но Карно и Фуше сумели убедить императора, что движение федератов можно и должно использовать для борьбы с 7-й коалицией. Наполеон согласился, правда, неохотно, опасаясь, что федераты могут попасть в зависимость от буржуазной верхушки, настроенной к нему враждебно (это и случилось в ряде департаментов).

Не обрадовал императора и следующий день – 25 апреля правительство Англии выступило с меморандумом, которым уточняло, что целью войны с Наполеоном является сам Наполеон, а не желание Великобритании вмешиваться во внутренние дела Франции с целью насильственной реставрации власти Бурбонов. Заявление это было сделано с целью утихомирить оппозицию в парламенте, где по-прежнему кипели страсти. Увещевая вигов, сэр Макинтош говорил:

– Двадцать пять лет война свирепствовала в Европе. Кровь и слезы лились от Кадиса до Москвы, от Неаполя до Копенгагена, высохли источники человеческих радостей, задушены стремления к мирным преобразованиям. Хозяевами положения становились буйные солдаты и свирепые грабители. Наконец, усилиями ведущих держав, война счастливо завершилась без новых тяжких потрясений, с восстановлением независимости народов, при общем согласии уважать старинные обычаи, без оскорбительного торжества над побежденными, без мести каким-либо народам или партиям. Европа, казалось, могла отдохнуть от страданий. В это время Наполеон бежит с Эльбы. Три небольших судна достигают берегов Прованса и в миг хоронят все родившиеся надежды. Наши труды, наша храбрость оказались напрасными, кровь Европы пролита зря.

И единственный способ восполнить понесенные потери союзники видели в том, чтобы увеличить их, навязав народам континента очередную войну.

«В нее не верили». Вспоминая день публикации Дополнительного акта, Маршан, всю жизнь остававшийся верным памяти Наполеона, говорил:

– Этот документ оказал парализующее действие на восторженный народный порыв. В этот день я встречался с людьми,

искренне преданными императору, которые с горечью отзывались об этом документе.

О почти единодушном отрицании Акта говорят многие современники императора. Почему? Первое и самое серьезное возражение против новой конституции состояло в том, что она (как и Хартия Людовика XVIII) – не договор между народом и государем, по которому последний призывается на престол, а дарование государем некоторых прав народу. Согласно указу Наполеона о Майском поле, изданном в Лионе, конституцию должно было обсудить общее собрание представителей народа. Теперь на его долю оставалось только право принять или отвергнуть ее. То есть недовольство вызывал не сам Акт, а то, что он исходил не от народа.

Второй причиной недовольства было само название конституции – Дополнительный акт. Это наталкивало на мысль, что основы новой конституции являются как бы простым приложением к огромному количеству ранее изданных законов, многие из которых ни по смыслу, ни по духу не соответствовали Дополнительному акту.

Новая Конституция получила в народе презрительное название «бенжаменки». Ее основной автор подвергся всеобщему остракизму. В одном из писем к Сисмонди Констан жаловался, что бывшие друзья выказывают ему отвращение, осыпают его оскорблениями и заваливают анонимными письмами.

Особые нарекания (как и предупреждал Наполеон Констан) вызвали статьи о пэрстве. Постоянная и упорная противница императора госпожа де Сталь говорила:

– Крупной ошибкой, которую Наполеона заставили допустить, было учреждение Палаты пэров. Подражание английской конституции, к которому столь часто советовали прибегнуть, наконец-то овладело французскими умами, и, как всегда, они довели эту идею до крайности. Ибо пэрство, как и династию, нельзя создать в одночасье. Для того, чтобы иметь наследственное право в будущем, оно должно существовать в прошлом.

Недовольны были все – и либералы, и республиканцы, и роялисты. Лафайет отказывался верить чудодейственному переРождению императора. Скрепя сердце, он принял Дополнительный акт, но остался в твердом убеждении, что при первой же возможности Наполеон захватит абсолютную власть.

– Его правление, имея в виду его таланты и владеющие им страсти, менее всех других дает возможность для установления подлинной свободы, – говорил он Констану.

Старый республиканец Карно публично ратовал за Конституцию, но в душе отрицал ее, предупреждал Наполеона:

– Ваш Дополнительный акт причинит вашему делу больше вреда, чем проигранное сражение, а те, кто его подпишет, вместе с вами умолят свою популярность.

– Вы, что же, не подпишете его? – спросил император.

– Я подпишу, ибо для меня интересы Франции превыше всего.

Не стеснялась в критике Акта и пресса, которую Наполеон сделал свободной. Газета «Сансёра» писала: «Появилась новая Конституция. И общественное мнение сразу же восстало против акта, который признавая внешне некоторые права, коими французы особенно дорожат, оставляет нации лишь незначительные средства, дабы она могла этими правами воспользоваться».

Газета бесстыдно умалчивала о том, что в это время не было в Европе ни одного государства, которое обеспечивало бы гражданам возможность пользоваться данными им правами. Так, например, по Акту каждый француз мог стать депутатом нижней палаты, но для этого надо было все же иметь некоторые средства. Как мы уже упоминали, по новому законодательству количество избирателей возросло в семь раз. И далеко не случайно Дополнительный акт с восторгом принял Сисмонди, один из последователей Констана:

– Я не знаю никакого другого опыта конституции, который был бы предпринят за последние двадцать лет в сотрясаемой судорогами Европе, где привилегии, относительно которых все публицисты единодушны, были бы так соблюдены, где было лучше установлено равновесие властей и достигнута их гармония, без которых нельзя надеяться обрести ни свободу, ни покой, ни стабильность. Подобные гарантии никогда не существовали ни в одной из республик* современной Европы.

Либеральные критики Дополнительного акта исходили из некоего идеала, а не от реалий конкретного времени. Республи-

* Обратите внимание, читатель, историк и экономист сравнивает новый режим, установившийся во Франции, не с монархиями, а с республиками.

канцы жаждали возвращения к дням Великой революции, закончившейся террором. Ну а роялисты жаждали одного – возврата к старому, когда страна служила кормушкой их благородным родам; при этом не скрывали, что их устраивает в первую очередь слабость королевской власти.

– Стоило ли вам, – пеняли они своим противникам, – нарушать ваши клятвы и изгонять вашего короля, чтобы вам указом, наподобие султанского фирмана, были предписаны те же или почти те самые законы, которые уже действовали по королевской Хартии. И для этого вы сменили миролюбивого монарха, сама слабость которого была гарантий ваших прав, на честолюбивого воина, подавляющего вас своей силой?

Конечно, эти доброхоты от Бурбонов умалчивали о существенной разнице, которая была в «тех же или почти тех же законах». Так по Хартии Людовика был установлен следующий ценз: за право быть избранным – 1000 франков, за право избирать – 300. А по статье 11 Дополнительного акта ценз не только отменялся, но депутаты еще получали денежное вознаграждение во время работы палаты. Как говорится, Федот да не тот.

Свобода слова и печати, данные Наполеоном Франции, послужили на руку его врагам. При этом внутренние недруги императора рассуждали точно так же, как и внешние. Вот, например, наставление К. В. Нессельроде российскому посланнику в Стокгольме П.К. Сухтелину: «Прежде всего важно упрочить общность взглядов и принципов между монархами и странами, которые первыми воспользовались плодами восстановления справедливого порядка в Европе. Преступный замысел Буонапарте явно направлен на ниспровержение основ этого порядка. Он воспользовался сначала фанатизмом своей армии, чтобы сбить с истинного пути французский народ. Теперь он стремится, используя обманчивый механизм конституционных форм, закрепить результаты своего вероломства и нарушения договоров. Он пытается увлечь за собой большинство французского народа, для которого интересы узурпатора еще не стали его собственными интересами и которого не может не тревожить грозная перспектива войны со всеми союзными державами».

Словом, все только ругали новую Конституцию, выискивали в ней недостатки, а если не находили их, то с апломбом ут-

верждали, что верить Наполеону нельзя, что уступки его временны и он непременно утвердит свою диктатуру. Договариваясь до этого, «критики» совершенно игнорировали тот факт, что крестьяне и рабочие требовали диктатуры императора, а он отказался. О чем и жалел позднее:

– Мне следовало сделать это сразу по возвращении с острова Эльба. Мне не достало характера или, точнее, веры во французов, ибо многие не верили мне, а для меня это было большим оскорблением. Если люди ограниченные и низменные видели в моих усилиях только заботу о собственной власти, то разве люди широко мыслящие не должны были бы понимать, что в тех обстоятельствах, в которых мы находились, моя власть и интересы отечества составляли единое целое? Неужели нужны были великие и непоправимые несчастья, чтобы меня поняли?

...25 апреля, через три дня после опубликования Дополнительного акта, Наполеон встретился с Констаном.

– Ну что же, Конституция не удалась, – констатировал он.

– Сир, дело в том, что в нее не верят. Заставьте в нее поверить, исполняя ее.

– При том, что ее не принимают? Они скажут мне, что я издеваюсь над народом!

– Когда народ увидит, что он свободен, что у него есть представители, что вы отказываетесь от диктатуры, он поймет, что над ним не издеваются.

– В сущности, – заключил император, – во всем этом есть одно преимущество: когда все увидят, что я действую подобным образом, они подумают, что я уверен в своих силах.

А вот этого (уверенности в своих силах) как раз и не было. Но об этом ниже.

26–29 апреля

«Мне наплевать на них». Не объявляя войны Наполеону, союзники считали, что она уже идет, и писали о ней как о факте свершившемся. Вот инструкция К.В. Нессельроде российскому генеральному консулу в Патрасе (Вена, 26 апреля):

«Вам, милостивый государь, надлежит позаботиться о том, чтобы сообщить мне результаты Ваших наблюдений, в особен-

ности относительно впечатления, которое произведет декларация от 13 марта и известие о войне, ведущейся лично против Наполеона Буонапарте. События, последовавшие за вышеуказанной декларацией, ни в чем не изменили решений, принятых участвующими в конгрессе великими державами. Раз и навсегда положив не терпеть господства во Франции человека нарушившего все права и все договоры, они недавно образовали коалицию, к которой спешат примкнуть все европейские государства.

Россия является главной участницей этого великого союза. Его императорское величество уже приказал своим многочисленным армиям выступить в поход, дабы содействовать восстановлению общего мира и помочь Франции отделить свои интересы от интересов ее угнетателя. Такова единственная цель нынешней войны.

Французам нечего опасаться за свое будущее как независимой и свободной нации. Европа подняла оружие лишь против возмутителя и заклятого врага ее спокойствия. Она изгоняет его из своей среды и не потерпит, чтобы он оставался главой нации».

Союзники упорно утешали себя мыслью, что народ Франции заблуждается, что единственная опора Наполеона – армия. Веллингтон говорил:

– Поскольку власть Бонапарта не имеет иной опоры, кроме армии, армию эту надо победить.

Веллингтон и Блюхер выступали за немедленное вторжение во Францию. Но Александр I, не желавший терять своей главенствующей роли в союзе, решительно возражал, так как русским армиям предстояло еще пройти огромные расстояния. Решили начать военные действия 27 июня.

Это известие привез в Париж некий Баллуей. Наполеон с нетерпением ожидал его. В Бельфор было послано распоряжение, чтобы оттуда немедленно телеграфировали в Париж о прибытии этого господина. Затем император подсчитывал каждый день возможного перемещения Баллуея. И, наконец, отдал приказ в отношении желанного вестника:

– Как только появится у себя дома, немедленно доставить в Елисейский дворец, независимо от времени суток и внешнего вида одежды.

28 апреля бывший управляющий обслуживающим персоналом императрицы Жозефины завершил свое путешествие из Вены. Наполеон в тот же день принял его. Беседа продолжалась два часа. О ее содержании мы знаем из воспоминаний Маршана:

«Император получил обширнейшую информацию о том, что происходит в Вене, а также ту, которую принц Евгений передал императору по вопросу, представлявшему для Его Величества исключительный интерес.

Император узнал о причастности Талейрана к подготовке и публикации декларации 13 марта и об обязательствах, которые он взял на себя перед коалицией. Ему вновь было сказано, что если бы он задержался с отъездом с острова Эльба на несколько дней, то монархов, уже отбывших в свои государства, не было бы в Вене, Талейран не добился бы подписания декларации, а высадка Его Величества на берегу Франции оказалась бы максимально эффективной».

Ни предательство Талейрана, ни сентенции по поводу преждевременного оставления Эльбы не были для Наполеона откровением. Но следующее сообщение Баллуея порадовало его: пасынок Евгений Богарне просил передать отчиму, что вооруженные силы 7-й коалиции не смогут вторгнуться на территорию Франции до июля.

– В этом случае, мне наплевать на них, к этому времени я решу все мои дела, – воскликнул император.

Евгений советовал придать будущей войне общенациональный характер, сообщал, что императору следует остерегаться Фуше. Принц передал отчиму фамилии нескольких генералов и полковников, которым не следует доверять, а также сведения о вооруженных силах союзников, городах и крепостях Франции, которые скорее всего станут объектами вражеского нападения.

Евгений Богарне в эти дни обретался в Вене, всячески заискивая перед монархами великих держав, с войсками которых успешно сражался в 1813–1814 годах. А. Михайловский-Данилевский записывал 22 апреля в своем дневнике: «Когда бывают у императора большие обеды, то каждому из нас, военных, находящихся при Его Величестве, назначается пригласить на оный двух или трех принцев. Мне довелось однажды звать

Е. Богарне, пасынок Наполеона

его в сношениях с отчимом. Но ему удалось добиться благосклонности Александра I, очень почитавшего его мать, покойную императрицу Жозефину. Благодаря этому бывший король имел возможность вращаться среди тех, кто решал в Вене судьбы народов Европы.

«Ждали исхода борьбы». Впрочем, принадлежность к высшей знати облегчала шпионаж как одной, так и другой стороне. Вот, например, что мы узнаем из донесения российского консула во Франкфурте-на-Майне. М. Бетмана о французском генерале Раппе. Бетман направил Александру I подлинник письма Раппа и копию своего ответа ему. Он писал царю, что придает

бывшего вице-короля неаполитанского Евгения и принца Нассау-Вейльбургского.

Коль скоро доложили обо мне у первого из них, то он вышел ко мне навстречу за несколько комнат, пригласил к себе в гостиную, поблагодарил за сделанную честь и сказал мне следующие слова, которые мне всегда останутся памятны как новый довод превратности счастья:

– Подвергните меня к стопам Его Императорского Величества.

Давно ли, думал я, он предводительствовал против нас в Малом Ярославце и левым неприятельским крылом в Бородине?»

В Вене к Евгению относились настороженно, но без основания подозревая

большое значение переписке с Раппом, считая ее средством «информации о событиях во Франции и косвенного проникновения в кабинет Тюильри».

В письме Бетману от 8 апреля Рапп сообщал, что он со своими войсками прикрывал отъезд Людовика XVIII из Парижа, но после отказа солдат повиноваться вернулся в столицу. Вступив в Париж, Наполеон вызвал его к себе*. Рапп явился в Тюильри с белой кокардой. Однако, Наполеон принял его любезно и заявил, что отныне его цель – «сделать Францию счастливой и больше не воевать, если только на него не нападут». Рапп сообщил Бетману также о своем назначении в Эльзас командующим наблюдательным корпусом.

В своем ответе Бетман расценил поведение Раппа «как честного и лояльного военного». Касаясь приведенных слов Наполеона, Бетман писал Раппу, «что за рубежами не в той мере, как во Франции, верят в изменение его принципов, и поскольку его пребывание на французском престоле несовместимо с миром и спокойствием Европы, то не видно другого решения, кроме жестокой войны».

Итак, «честный и лояльный военный» накануне «жестокой войны» ведет переписку с противником и сообщает ему сведения (кроме приведенных выше), которые Александр I, оценил как «важные сообщения» и полностью одобрил действия Бетмана. Одобрение царя передал ему К.В. Нессельроде: «Его императорское величество благосклонно полагается на Ваши опыт и усердие, а также на Ваши широкие связи. Он полагается на Вашу осторожность и предусмотрительность в выборах средств».

Но если генерал Рапп, доказавший своей дальнейшей службой верность Наполеону, проговаривался и давал союзникам сведения, которые те считали важными, делал это из-за своеобразного понимания чести, то один из ближайших сотрудников Наполеона гадил ему вполне целенаправленно. Министр полиции Фуше развернул беспрецедентную по своей активности деятельность. Он тайно переписывался с австрийским канцлером Меттернихом и английским фельдмаршалом Веллингтоном. Заверял в своей преданности Людовика XVIII, укрывшегося в Генте, и

* Смотрите об этом в рассказе о событиях 21 марта.

установил контакт с ловкачем Талейраном. С каждым он находил общие интересы, каждого ублажал и обманывал.

С Меттернихом Фуше обсуждал возможность установления регенства Марии-Луизы при ее малолетнем сыне, Римском короле. «Гентское правительство» он извещал о том, как он срывает выполнение замыслов «узурпатора», а в частных беседах утверждал:

– Я не против возвращения Бурбонов. Нужно только, чтобы оно было обставлено не так глупо, как это сделал в прошлом году Талейран. Нельзя, чтобы все мы зависели от их прихоти. Нужны продуманные действия, надежные гарантии.

Боясь разоблачения своей закулисной деятельности, Фуше запросил гарантии безопасности у союзников. С просьбой обеспечить ему, в случае необходимости, убежище в Англии он обратился к герцогу Веллингтону.

Наполеон знал о предательстве своего министра, но конкретных данных у него не было. К тому же Фуше нужен был для установления внутреннего порядка в стране (с чем он вполне справлялся). Поэтому расправу с ним император откладывал на «потом», которое должно наступить после победы над союзниками.

Наполеон выжидал. То же самое происходило в Вене и Генте. И повсюду кипели страсти, рождались и рушились надежды. Франсуа Гизо вспоминал об этих днях:

– В Генте обсуждался вопрос, как будут править Францией, когда старик-король без государства и армии будет призван во второй раз выступить посредником между ней и Европой. И мы, находясь вдали от Франции, не зная на что употребить наше время и нашу душу, ждали исхода борьбы между Наполеоном и Европой.

Теоретически Людовик XVIII ни на один день не расстался со своей короной, но у союзников все еще были сомнения: возвращать ли ее ему? Характерна в этом плане беседа Александра I с английским представителем в Вене лордом Кланкарти.

– Если мы не уверены в прочности королевского правительства, – говорил царь, – то, восстанавливая его, мы приготовим для Франции и для Европы новые катастрофы. В случае нового переворота будем ли мы в соединении, как теперь? Будет ли

у нас миллион солдат? Какая вероятность, что с теми же элементами правительство Людовика XVIII будет более прочно? Восстановление короля, которого мы все желаем, и я особенно, может встретить препятствия неодолимые: надобно их сообразить, приготовить.

Распинаясь в любви к Людовику XVIII, Александр опасался только одного: как бы его не поняли буквально. В Вене продолжался торг: судьбу Наполеона там определили, теперь суетились вокруг правителя, показавшего свою полную несостоятельность, что, конечно, устраивало союзников. Правда, каждого по своему.

Вольно или невольно*, целый месяц внимание союзников было приковано к Мюрату. Выступив неожиданно для них, неаполитанский король захватил Рим, Модену и Флоренцию. Папа бежал в Геную. Здесь 26 апреля российский дипломат Ф. В. Тейлль-фан-Сероскеркен представлялся Пию VII:

– Святейший отец. Как вы увидите из письма его императорского величества, которое я имею честь вручить Вам, император, мой государь, направляя меня с чрезвычайной миссией к Вашему святейшеству, желал заверить Вас в искреннем уважении и привязанности, которые он к Вам питает, а также подчеркнуть, какое значение он придает упрочению светской власти святого престола. Мой августейший государь счел своевременным именно сейчас дать Вашему святейшеству это новое свидетельство своей заинтересованности в сохранении порядка, установленного в Италии под покровительством церкви.

Выступление Мюрата тревожило союзников. Заняв Ломбардию, он мог (по их домыслам) объединиться с Наполеоном, к которому присоединились ветераны вице-короля Евгения Богарне. Чтобы не допустить этого, Австрия предложила Мюрату заключить мир и обещала ему свои гарантии бесспорного владения им Неаполитанским королевством, с присоединением к нему всех территорий до Римской области. Зарвавшийся маршал, не способный мыслить стратегически, отверг предложение Австрии.

* По утверждению одних, Мюрат был в сговоре с Наполеоном, по уверениям других – действовал самостоятельно, а мы бы сказали – самовольно, чем навредил императору.

– Теперь уже поздно, – самонадеянно заявил он. – Италия достойна свободы, и она будет свободна.

Но скоро Мюрату пришлось пожалеть о потерянной возможности укрепиться на неаполитанском престоле. Встретив упорное сопротивление австрийцев при попытке форсировать По, он в растерянности остановился. В последних числах апреля отступил по всему фронту, оставив Парму, Реджио, Модену, Флоренцию и всю Тоскану.

По иронии судьбы решающую роль в поражении непрошеного союзника Наполеона сыграл фельдмаршал-лейтенант Адам Нейперг, командовавший авангардом австрийской армии. Император Франц II был так напуган выступлением Мюрата, что оторвал Нейперга от не менее важного поручения – задурить голову своей дочери Марии-Луизе, в чем тот и преуспел. С полей сражений фельдмаршал писал коронованной любовнице:

«Я дрожу при мысли, что с Вашим величеством может произойти нечто нехорошее, с Вами, чья беспредельная доброта и ангельский характер не заслуживают ничего иного, кроме счастья, и ежедневно, даже в разгар битвы, молю Бога, послать Вашему величеству благоденствие».

Опасаясь, что с Марией-Луизой может случиться что-нибудь плохое, Нейперг, конечно, считал, что то, что произошло у него с женой Наполеона, безусловно хорошее и заслуживает всяческого афиширования. «О времена! О нравы!», как говаривал великий римлянин.

30 апреля

«Льшу себя надеждой». Первый план военных действий против Наполеона составил австрийский фельдмаршал князь Шварценберг. 30 апреля с ним были ознакомлены все союзники. Согласно этому плану войска 7-й коалиции должны были в несколько раз превосходить армию Наполеона. Австрии (вместе с германскими государствами) надлежало выставить 344 тысячи солдат, Англии и Пруссии – 250 тысяч, России – 200.

Левый фланг австрийской армии намечалось расположить в Пьемонте, правый – продолжить до Майнца, а центр разместить

в Швейцарии. Левый фланг прусской армии доходил до Майнца, правый прикрывался английской армией, которая должна была базироваться в Голландии и Бельгии.

Русской армии отводились позиции в интервале между австрийскими и прусскими армиями. На нее возлагалось оказание помощи соседним армиям на левом или правом флангах (в зависимости от обстановки). Военные действия планировалось начать, как только русская армия прибудет в Кобленц и соединится с прусской армией. Основную часть русской армии предполагалось расположить между Кобленцем и Майнцем. Общее наступление намечалось на 16 июня.

Военный план в тот же день был подкреплён солидной финансовой поддержкой Англии – дополнительной конвенцией к трактату от 25 марта:

«Его великобританское величество обязуется заплатить своим высоким союзникам пять миллионов фунтов стерлингов в виде субсидий на настоящий год, который закончится первого апреля будущего 1816 года. Оная сумма будет разделена на равные части тремя союзными державами, именно его величеством императором всероссийским, его величеством императором австрийским и его величеством королем прусским. Означенная субсидия будет выплачиваться в Лондоне ежемесячно равными долями уполномоченным к принятию оных министрам союзных держав. Первым сроком долженствует быть почитаемо 1-е число мая сего года.

Сия дополнительная конвенция долженствует иметь такую же силу и действие, как если б оная была внесена от слова до слова в трактат, заключенный 13 (25) марта сего года».

Этим документом была поставлена последняя точка в подготовке коалиции великих держав к развязыванию военных действий: армии приведены в боевую готовность, деньги есть, желания расправиться с неугомонным противником не занимать. Теперь все зависело от того, как скоро смогут союзники подтянуть свои армады к границам государства независимого и ничем им не угрожавшего, а напротив просившего мира.

Впрочем, было еще одно небольшое затруднение у 7-й коалиции – Мюрат. Но здесь существовала твердая уверенность, что дело близится к развязке. К. В. Нессельроде писал 1 мая в Лон-

дон: «Дела в Италии идут прекрасно. Я льщу себя надеждой, что Мюрат будет сброшен в море до начала активных операций против Франции».

«Лучше принять жертву». Население Франции со страхом ожидало вторжения союзных армий. Страна была истощена и истерзана многочисленными войнами. Желания сражаться ни за Наполеона, ни за Людовика ни у кого не было. Все с беспокойством ждали развязки. Прекрасная Франция замерла в мучительной неопределенности.

Единственной опорой Наполеона, испытывавшей патристические чувства, оставалась армия, и он всячески холил и лелеял ее. Почти ежедневно устраивались парады или проводились смотры той или иной части. Желая приободрить и мобилизовать солдат перед будущими сражениями, император общался со всеми чинами, просил советов, доброжелательно выслушивал жалобы и с добродушным видом дергал солдат за уши. Англичанин Хобхаус, свидетель одного из парадов, с волнением вспоминал о неказистом солдате, которого сначала арестовали, а затем по приказу Наполеона освободили, позволив поговорить с императором:

– Я и сейчас еще вижу Наполеона в ту минуту: его невозмутимое спокойствие при первом движении солдата, постепенно сменившееся внимательным и добрым взглядом, не забудется мне никогда.

Император вникал в малейшие детали быта своих «детей»: проверял качество сапог и крепость обмундирования, пробовал их пищу, справлялся о заботах и нуждах, всячески ободрял:

– Все наши армии состоят из храбрецов, отличавшихся во многих сражениях. Они возведут перед захватчиками непреодолимые заслоны на границах. Невзгоды закалили характер французского народа: он вновь обрел ту молодость и мощь, которые поражали Европу двадцать лет тому назад.

Однажды, при очередном инспектировании воинских частей, Наполеон увидел капитана Дюпена, ветерана 4-го линейного пехотного полка. Когда полк маршировал перед ним, император заметил, что в нем нет командира. Тогда он подозвал самого старого капитана.

– Боже! Да это же капитан Дюпен, – обрадовался Наполеон ветерану, которого знал по Булони и Ваграму.– Я назначаю вас командиром батальона.

Адъютант императора граф Лобо, повернувшись к Наполеону, воскликнул:

– Сир, как приятно, должно быть, Вам повышать в звании офицера вполне этого заслужившего!

– Конечно. Сколько лет я его уже знаю! Он один из лучших моих солдат!

Когда Лобо записывал имя и фамилию Дюпена, тот сказал:

– Пишите поточнее, чтоб не вышло ошибки, мне ведь давно обещали это повышение.

– Ничего, – засмеялся Наполеон, – к концу кампании будете полковником.

Здесь подошел к императору капитан гренадеров Десольо:

– Сир, прошу у вас офицерский крест.

– А чем вы заслужили такое отличие?

– Сир, я – итальянец и всегда служил вам с честью и готов умереть под вашими знаменами с орлами.

– Лобо, – обратился Наполеон к графу, – дайте ему крест!

Когда инспектирование подходило к концу, к императору приблизился чей-то адъютант и попросил оказать ему милость.

– Какую же? – осведомился император.

– Сир, позвольте поцеловать вам руку.

Наполеон раскрыл объятия и сказал:

– Иди, мой друг, я прижму тебя к сердцу так, как мне хотелось бы прижать к нему всех моих храбрецов.

Когда адъютант бросился в объятия императора, к нему кинулись все свидетели этой сцены. Солдаты и офицеры пытались поцеловать Наполеону руки, одежду, эфес сабли. А тот лишь кричал:

– Поосторожнее, храбрецы мои, не задушите меня!

Назначая Даву военным министром, Наполеон дал ему срок на приведение вооруженных сил Франции в боевую готовность – сорок дней. Маршал с честью справился с этой задачей – к 30 апреля в распоряжении императора было четыре армии и три

резервных корпуса. Их общая численность составляла 375 тысяч человек. Украшение армии, императорская гвардия, достигала 40 тысяч.

Путем чрезвычайных усилий удалось восполнить потери, понесенные артиллерией в периоды поражений 1812, 1813 и 1814 годов. Были сделаны крупные запасы оружия, боеприпасов и снаряжения. Восстановлена сильнейшая в мире кавалерия. В запасе числилась национальная гвардия. Правда, она не блистала особой боеспособностью и использовалась только для наблюдения за общественным порядком внутри страны. Во многих департаментах были отряды федератов.

Из этого конгломерата рядовых и офицеров Наполеон создал Великую армию. В нее были отобраны самые боеспособные части, получившие новое обмундирование и снабженные всем необходимым. Численность Великой армии составляла 150 тысяч человек.

Были проведены большие оборонительные работы. К северу от Парижа под руководством генерала Гаксо возвели две линии укреплений. Хорошо укрепили район Монмартра.

Оборонные работы проводились и на границе. В пяти главных городах Вогезских гор соорудили укрепления. В теснинах Лотарингии выставили сторожевые отряды. Тщательно укрепили приграничные крепости и города второй линии обороны. Много трудов и средств было затрачено на создание прекрасной военной позиции под стенами Лиона. Суассон, Шато-Тьери, Лангр и другие города, пригодные к обороне, были окружены различными системами укреплений.

Во все 23 военных округа Франции Наполеон разослал своих уполномоченных представителей, чтобы проинспектировать форты и принять меры по их укреплению. Их же задачей было поднять дух нации. Парижские оружейники работали днем и ночью. Одних ружей было изготовлено 300 тысяч.

Для будущей войны использовали все ресурсы страны, и все же уверенности в победе не было даже в верхах. Характерна в этом плане беседа маршала Массена с Киприани.

— Все должно быть начато заново, — говорил Массена. — Чтобы избежать этого, я вижу только один выход: так как монархи совершенно не признают императора, то пусть он расстанется

со своей короной в Шан де Май; грядущая война станет национальной войной. Император достаточно молод для того, чтобы добиться успеха в этом великом предприятии и заставить королей пожалеть о том, что они отказались признать, что он один может стать посредником между старыми и новыми идеями.

– Но это будет означать возрождение республики, – возразил Киприани. – Это, несомненно, заставит дрожать королей, но разве тогда эта революционная гидра, однажды уже обезглавленная императором, не сможет вновь всплыть на поверхность? Мощная рука императора может тогда ослабеть, дав возможность вернуться якобинцам 93-го года, которых по-прежнему все хорошо помнят. Для нас лучше принять жертву, которую император сотворил из собственной персоны, и разделить его Голгофу.

Как уже не раз упоминалось на страницах этой книги, на национальную войну Наполеон не решился. Что же касается Голгофы, то он действительно примет ее. Но до этого оставалось еще чуть более пятидесяти дней.

Батюшка из Гента. Карно пытался привлечь на сторону Наполеона широкие народные массы, прежде всего крестьянство и горожан провинции. По его инициативе 30 апреля император подписал декрет о создании ополчения федератов.

В тот же день был издан декрет, по которому коммуна с населением меньше 50 тысяч человек было предоставлено право самим выбирать городские власти. В выборах участвовали только так называемые «активные» граждане, которые избирали выборщиков, а те – мэра и его заместителей.

Жизнь французского города подлежала компетенции Карно. Исходя из своего понимания свободы, он пустил выборы городских властей на самотек. В итоге инициатива оказалась в руках роялистов. Под их давлением большинство мэров было переизбрано.

Наблюдая за деятельностью распоясавшихся сторонников короля, многие горожане саботировали выборы, в процессе которых появилась насмешливая песенка с призывом: «Верните нам нашего батюшку из Гента».

И это либеральное начинание обернулось против его автора.

Либо-либо. Поколебавшись неделю, Наполеон вновь уступил либералам – декретом от 1 мая был объявлен созыв избирательных коллегий для выборов Палаты представителей Законодательного собрания. Безоговорочные сторонники императора решительно возражали против выборов до одобрения народом новой Конституции (Дополнительного акта). Они резонно говорили, что надвигается война. В отсутствие императора Палата представителей будет олицетворять национальный суверенитет; и не известно, как поведут себя 629 депутатов в случае неудач на театре военных действий.

Чтобы смягчить незаконность созыва Палаты представителей, в преамбуле к декрету дали следующее пояснение: «Мы стояли перед альтернативой – либо продлить полномочия диктатора, которыми нас облекли обстоятельства и доверие народа, либо облегчить избранные нами формы правления для написания Конституционного акта. Интересы Франции предписывают нам избрать этот «второй путь».

Созыв палат (депутатов и пэров) до одобрения Конституции давал Наполеону одно преимущество, которое он, конечно, учитывал: с Палатой депутатов, избранной незаконно, можно будет расправиться по закону. Императору важно было поставить все на свое место до начала военных действий. Если его противники (а они, конечно, будут) попытаются интриговать – это хороший повод для разгона палаты. Если они будут держать себя в рамках – это будет свидетельствовать (хотя бы внешне) о их солидарности с главой государства, что в условиях надвигающейся войны совсем неплохо.

Встав на скользкий (для него) путь либеральных реформ, Наполеон решил идти по нему до конца. Своему другу Буле де Ла Мёрту он говорил:

– Такой человек, как я, никогда не поворачивает назад.

Что это так показал министр внутренних дел Карно. 4 мая он с отчаянием умолял императора исправить неблагоприятное впечатление, произведенное Дополнительным актом. Для чего предлагал отменить названия «подданный» и «монсеньор», и пообещать переработать новую Конституцию, представив все изме-

нения на всенародное одобрение. Наполеон отмахнулся от министра как от надоедливой мухи:

– Это все ваши республиканские идеи!

Над всеми. 1 мая начал выпускать собственную газету министр полиции Фуше. Ее название «Эндепандан» недвусмысленно говорило о желании министра витать над всеми политическими течениями, заняв позицию спасителя нации. Фуше одинаково не устраивали ни Наполеон, ни Бурбоны. Но первого он боялся, а главное, не видел за ним будущего. Своему агенту в Вандее Полю Бюве Фуше писал: «Европа вооружается против императора, его падение неизбежно, от него уже несет трупом».

Министр полиции всю жизнь мечтал о первой роли в политике. В будущем переустройстве Франции он отводил себе место главной опоры страны. Как это произойдет в деталях, он не прогнозировал, считая, что сначала надо устранить со своего пути главное препятствие – Наполеона.

– Что касается будущего, – говорил Фуше, – то оно пока неясно, но это не останавливает людей благородных. Надо избавиться от всего, что мешает, а там посмотрим.

К Бурбонам, как уже говорилось, министр полиции тоже не благоволил, но полагал, что с тем, что удалось сделать Наполеону, он сможет держать Людовика и его братьев в руках.

– Неужто с хорошими палатами, хорошими министрами и хорошей армией, – говорил герцог Отрантский префекту Тибодо, – мы не справимся с безногим королем, принцами-кретинами и дряхлыми глупцами-эмигрантами?

Чтобы показать Генту, что без Фуше не обойтись, он наводнил Париж карикатурами, на которых Людовик XVIII изображался, уносящим мешки с золотом Банка Франции и бриллиантами короны или командующим армией инвалидов, сидя на носилках. Герцог Отрантский весьма благожелательно относился ко всем публикациям, порочившим королевскую династию, покровительствуя в этом как республиканцам, так и бонапартистам. Словом, этот виртуоз интриг ковал сразу на двух наковальнях.

«Вот какова нация». 3 мая Наполеон встретился с швейцарским экономистом Жаном Сисмонди, единственным, кто вы-

соко оценил Дополнительный акт. С сожаления о непонимании значительности этого документа он начал беседу с императором:

– Мне так больно видеть, что эта поистине либеральная конституция была принята со столь несправедливым осуждением.

– Вот какова нация, – отвечал император. – Они не созрели для подобных идей. Они оспаривают мое право распускать ассамблею, но если потом я разгоню их с помощью штыков, они сочтут это нормальным.

– Меня огорчает то, – продолжал Сисмонди, – что они не видят, что система Вашего Величества по необходимости изменилась. Отныне вы – представитель Революции и сторонник либеральных идей. В прошлом году вы на столь жестоком опыте познали недействительность королевских альянсов, вероломство и тайную ненависть тех, кого приблизили к себе и защищали, что теперь у вас не должно остаться сомнений, что и здесь, и в Европе партия свободы – ваш единственный верный союзник.

– Несомненно, – согласился Наполеон, – я это прекрасно чувствую и никогда от этого не откажусь. Народ очень хорошо все это почувствовал, именно поэтому он и настроен ко мне доброжелательно, ибо, действительно, в управлении страной я никогда не удалялся от революционной системы, от принципов, как вы их понимаете. В ту пору у меня были иные взгляды, великие проекты, которые мне были дороги. Равенство перед законом, одинаковые для всех налоги, равный для всех доступ к должностям – всем этим крестьяне продолжали пользоваться. Поэтому я популярен в их среде. Но когда речь заходит о принципах, французы ни в чем не знают меры, они судят обо всем с французской страстностью, они недоверчивы и подозрительны. Тем не менее, французская нация прекрасна, она благородна, чувствительна, великодушна, всегда готова на великие и славные дела. Например, что может быть прекраснее моего нынешнего возвращения.

– Управление страной, – продолжал император, – это мореплавание. Чтобы плавать, нужно иметь два элемента; чтобы управлять государственным кораблем, их тоже должно быть два. Управлять воздушным шаром невозможно, ибо у него нет никакой точки опоры. Точно так же невозможно управлять при чистой демократии, но, соединив ее с элементами аристократии,

противопоставив одно другому, можно направлять корабль с помощью противоположных страстей.

– Но, – возразил Сисмонди, – старая знать вам, несомненно, враждебна. Я не думаю, что Ваше Величество должно сейчас дать ей доступ в свою администрацию, и я не понимаю, как новая знать сможет удержаться, находясь в противостоянии со старой знатью.

И Сисмонди высказался в пользу выборного пэрства. Наполеон не согласился с ним:

– Ах, нет! Это невозможно. Для этого понадобится время. В течение первых лет мне будет жаль пэров, ибо они встретят большое сопротивление и много зависти, но через несколько лет к ним привыкнут, старая знать тоже войдет в палату, и это, наконец, покажется естественным порядком вещей.

Из последних фраз Наполеона ясно, что через полтора месяца после вторичного утверждения на престоле, он был уверен в долговременности своего правления. Страстная убежденность императора вдохновила Сисмонди на подлинный гимн Франции и ее властителю: «Мне кажется, что дело Франции стало делом всех свободных людей. С их победой связана надежда на политические права, надежда на просвещение для всех людей и народов Европы. Во Франции есть еще мощь, которая не угасла. Есть еще мужество, чувство независимости и чести, которых достаточно, чтобы сразиться с безумной лигой королей. Есть еще храбрая армия с героем во главе. Есть свободная нация, защищенная Конституцией. Есть, наконец, Франция, и она восторжествует».

Навредивший дважды. В первых числах мая окончательно определилась судьба И. Мюрата. После поражения при Окью-Белло началось его быстрое отступление, столь же быстрое как до этого движение вперед. С севера Мюрата теснили австрийцы, с моря блокировали англичане. 2 и 3 мая в сражении при Толентино незадачливый «объединитель» Италии был разбит наголову.

Поражение неаполитанского короля имело для Наполеона самые негативные последствия. Оно лишило его Италии и не позволило открыть второй фронт против союзников. Оно дало 7-й коалиции дополнительный аргумент для политической изоляции императора.

– Как мы можем договориваться с Наполеоном, когда он напускает на нас Мюрата? – резонно спрашивал Меттерних.

То есть независимо от того, было выступление Мюрата согласовано с бывшим сюзереном или нет, союзники обратили его против Наполеона. Это настолько раздосадовало императора, что он отказался принять своего родственника после его бегства из Италии. Не допустил он Мюрата и в ряды Великой армии, хотя потребность в военачальниках была достаточно острой. Роль маршала в своей судьбе Наполеон определил так:

– Мюрату суждено было вредить мне, сначала, выступив против меня, а затем, несвоевременно встав на мою сторону.

5–8 мая

«Франция не находит меня». Курс на либеральные реформы не прибавил императору новых сторонников, а вот многие из старых были явно разочарованы. В преддверии неизбежной войны с армадами Европы Карно предлагал принять чрезвычайные меры: вооружить ремесленников, вообще все беднейшие слои общества, и создать из них многотысячные отряды Национальной гвардии. Наполеон отказался, боясь возврата к периоду Террора.

В поисках решения, гарантирующего успех, император (по наблюдению бывшего сенатора Понтекулана) проводил много времени с политическими дельцами. Бесплодные разговоры истощали его силы, выматывали и физически, и духовно. Наполеон слабел. И это, конечно, заметили. Даже преданный и любящий Коленкур говорил:

– Он призвал людей Революции, а сам боится их больше всего. С другой стороны, он не осмеливается более довериться людям самым уважаемым, которыми он окружил себя в последние годы. Действия его стали ложны, неуверенны, нелогичны. Он совершенно не в своей тарелке. Наконец, неужели он не видит, что чувство, которое он внушает большинству, – это страх и что страх этот может легко подтолкнуть умы к Людовику XVIII, если возникнут какие-то обстоятельства, благоприятные для этого принца?

Попытка сплотить нацию перед лицом внешней угрозы, примирить непримиримых отнимала массу времени и сил, а главное – претила волевой натуре императора, не привыкшего манев-

рировать и считаться с кем-либо в государственных проблемах. Клод Меневаль после годичного отсутствия вернулся в Париж и не узнал Наполеона:

– Я не находил в нем прежней уверенности в своих силах и в успехе, которая делала его непобедимым. Казалось, что вера в удачу, позволившая ему пуститься в столь дерзкое предприятие, как возвращение с острова Эльба, и поддерживавшая императора во время похожего на чудо марша на Париж, оставила его у ворот столицы. Он чувствовал, что ему больше не помогают с той пламенной страстью и преданностью, к которым он привык, и что цепи, которыми он позволил себя опутать, отнимают у него былую свободу.

С бывшим секретарем императора солидарен управляющий казначейством Мольен:

– Его суждения, прежде столь уверенные, столь быстрые и часто столь верные, стали отличаться нерешительностью. Планы его казались менее категоричными и менее энергичными. Вместо того, чтобы попросту объявлять о своих решениях, отдавая приказы, он колебался, задавался вопросами, проводил время в обсуждениях, с тем чтобы принятое решение казалось результатом общих усилий.

Безусловно, после Эльбы Наполеон изменился: стал мягче, спокойнее и рассудительнее, исчезли прежние порывистость и резкость, бескомпромиссность как суждений, так и решений. Отказ от прежней диктаторской формы правления (когда это как раз было необходимо) резко контрастировал с прежним обликом императора. Это раздражало его поклонников, вызывало чувство недоумения. Какой либерализм? Какая конституция? Какие свободы, когда у порога Отечества враг? Эти недоумения и недовольство, конечно, отразились в воспоминаниях людей, близко соприкасавшихся с императором. Некоторые в своих «откровениях» договаривались до абсурда:

– Наполеон прежде обладал способностью обходиться без сна почти так долго, как он того хотел, и засыпать по желанию тогда, когда он чувствовал себя на свободе. Но усталость духа, а также двух-трехчасовые ежедневные ванны, прописанные ему врачом, и ослабившие его жилы, или же, наконец, по другому мнению, любовь к женщинам, которой он предавался с тем большим пылом,

что начал заниматься этим довольно поздно, сообщили ему предрасположенность ко сну, против которой он более не мог бороться. Он спал по двенадцать – пятнадцать часов в день. Обычно он запирался у себя в кабинете, и всякий раз, когда знали, что он там один, положение его было весьма трудным, поскольку никто не сомневался в том, что он работает. Но когда дела заставляли входить к нему, его почти всегда заставляли спать с книгой в руке.

И это утверждал Сисмонди, восславивший Дополнительный акт Наполеона. Что же говорить о недоброжелателях императора, имя которым – легион? За жизнью Тюильри внимательно следили сотни глаз и часто отнюдь не с любовью или сочувствием. Пересуды окружения императора быстро становились достоянием не только столиц европейских монархий, но и далекой полуазиатской России. «Московские ведомости» с чувством удовлетворения писали о том, кто стал невольной причиной сожжения великого города: «Во всех поступках его приметна нерешительность и совершенная зависимость. Он отменяет сегодня то, что вчера предпринял, и не знает более сам, чего хочет».

И это говорилось о человеке за сорок дней (!) воссоздавшего вооруженные силы Франции, за неделю (!) подготовившего новую конституцию и диктовавшего в день (!) до 150 писем, приказов и распоряжений*. А кроме этого: заседания правительства, встречи и беседы с представителями разных политических течений, почти ежедневные смотры воинских частей, инспектирование казарм, заводов и фабрик по производству оружия, складских помещений. Когда же здесь спать по двенадцать – пятнадцать часов в сутки или развлекаться с женщинами. Камердинер Маршан, больше всех соприкасавшийся с Наполеоном, полностью отметал всякие домыслы по поводу его несостоятельности:

– Жизнь императора в период Ста дней отличалась предельной активностью. Он не впадал, как утверждали некоторые люди, в состояние дремоты из-за своей тучности. Но в обществе произошли изменения: для императора не составило труда заметить, что люди стали менее послушными, чем раньше.

С Маршаном солидарен и англичанин Хобхауз. В его письмах о «Ста днях» читаем: «С момента своего прибытия На-

* Смотрите: Napoleon I. Correspondance de Napoleon I. Paris, 1869. Т. 28.

полеон никогда не работал менее четырнадцати часов в день. Только такой железный темперамент, как у него, в состоянии был переносить постоянное напряжение духа и тела».

Пессимизм ближайшего окружения императора связан, по-видимому, с тем, что оно помнило его в расцвете сил. Но император периодов Аустерлица и «Ста дней» это уже разные люди. Наполеон и сам понимал это:

– В сорок пять человек уже не тот, что в тридцать, – сетовал он.

Император, конечно, сильно сдал. Сказывались не только возраст, но и фантастическое напряжение всех сил по подготовке страны к отпору 7-й коалиции. Много сил и времени отнимали тщетные попытки консолидировать нацию: республиканцы тянули в одну сторону, либералы – в другую. Наполеон должен был лавировать между ними, и это выводило его из себя.

– Меня толкают по пути, который мне чужд. Меня пытаются ослабить и закабалить. Франция ищет и не находит меня, – кричал недавний диктатор.

Нечеловеческое напряжение полутора месяцев после прибытия в Париж заметно отразилось на внешности императора. Лицо его по-прежнему сохраняло бесстрастное выражение, но сильно похудело и челюсти начали выдаваться вперед. Наполеон похудел всюду за исключением талии. Поэтому живот, оставшийся до этого почти незаметным, сделался как бы отвислым. Это сильно бросалось в глаза, когда Наполеон стоял, сложив на нем руки. Но он, впрочем, сохранил привычку складывать руки за спиной, меняя эту позу, чтобы понюхать табак или почесать себе нос.

Иногда у императора вырывался произвольный вздох, который свидетельствовал о подавленном внутреннем состоянии. К этому времени появилась у него привычка щуриться и глядеть сквозь полуоткрытые веки, как если бы у него начала проявляться дальновзоркость. С большей чем ранее силой стало произвольное мигание левым глазом и подергивание уха.

По мере накопления трудностей и неприятностей общее состояние здоровья Наполеона заметно ухудшилось: начались сильные боли в желудке и мочевых путях, к ним присоединился упорный сухой кашель. Чтобы ослабить нервное расстройство,

связанное с болезненным состоянием императора, врач прописал ему продолжительные теплые ванны. Но болезнь плохо поддавалась лечению, еще более изнуряя ослабленный организм. И к решающий в своей жизни схватке Наполеон подходил, конечно, не в лучшей форме.

«Все очень спокойно, о войне никто не говорит», – писал барон Марбо. А между тем, народы Европы с содроганием ждали схватки гигантов (Наполеона и объединенных сил 7-й коалиции). Вот записи того же Марбо, стоявшего со своим полком в Сент-Амане.

«5 мая. В иностранных войсках часто дезертируют солдаты. Люди, прибывающие оттуда, утверждают, что все бельгийцы, саксонцы и голландцы дезертируют и придут к нам. Мой полк с каждым днем становится все больше. У меня 700 человек. Новобранцы сыплются на нас градом, не знаешь, куда их приткнуть.

8 мая. За последнюю неделю дезертирство в неприятельских частях достигло высшей степени. Бельгийские, саксонские, ганноверские солдаты приходят группами по 15–20 человек. Они утверждают, что русские и австрийцы не придут, и люди думают, что войны не будет. Здесь это выглядит почти уверенностью».

Ни русские, ни австрийцы не пришли, но это, как известно, не помогло императору.

9–12 мая

Опальный принц. У Наполеона было четыре брата – Жозеф, Люсьен, Луи и Жером. Первые два весьма благосклонно восприняли его головокружительное возвышение, что вознесло и их на королевские троны (Испании и Вестфалии). А вот Люсьен не захотел смириться с императорской короной брата и отправился в добровольное изгнание, продолжавшееся десять лет. Конечно, все, кому были дороги идеи Великой революции, с пиететом восприняли принципиальность и бескомпромиссность Люсьена Бонапарта.

Но после того, как блестящий полководец превратился в отщепенца Европы, бросившей претенденту на мировое господ-

Люсьен Бонапарт

ство «владычество» над жалким островком, отношение Люсьен к брату в корне изменилось. Триумфальное возвращение с Эльбы окончательно вернуло Наполеону его симпатии. 9 мая Люсьен явился в Париж.

– Приезд принца, – вспоминал Маршан, – принес большую радость друзьям императора и патриотам. Время разлуки с родиной подействовало смягчающим образом на присущую его характеру принципиальность: он приехал в Париж, чтобы по достоинству оценить великую личность и огромную руководящую роль человека, которого он оставил, когда тот был главой Французской республики. И он окончательно убедился в том, что, поднявшись на императорский трон, его брат ни на мгновение не переставал оставаться патриотом.

Братья были внешне похожи. Правда, Люсьен был выше ростом и имел более мягкие черты лица. Подкупала его приятная улыбка.

Встреча была трогательной. На ней присутствовал и Жозеф, приехавший в Париж первым – 23 марта. После часа воспоминаний император вызвал Маршана, велел принести большую орденскую ленту Почетного легиона и сам повесил ее на шею Люсьену. Мир в семье был восстановлен.

Парижане восприняли возвращение Люсьена, как сигнал того, что Наполеон помнит идеи Великой революции и вполне возможен переход к республиканской монархии. Тибодо говорил о восприятии Люсьена простыми людьми Франции:

– У него была репутация друга свободы, который покинул императорский двор, чтобы не быть сообщником брата. Чернь была в восторге оттого, что великий гражданин, не захотев воспользоваться величием и богатством Империи, теперь явился, чтобы разделить с императором опасности переменчивой фортуны.

Люсьен обосновался во дворце Пале Ройаль, который вскоре превратился в место встреч литераторов, артистов и людей, сочувствовавших делу борьбы за независимость Франции, за ее право самой решать свои внутренние дела. Со всеми Люсьен находил общий язык, а наиболее пылким из своих старых друзей, напоминал, чем была якобинская демократия и какой урон нанесла она идеям свободы.

Император был доволен возвращением блудного брата в лоно семьи, а Люсьен старался оправдать возлагавшиеся на него надежды.

«Безумная лига королей». Между тем на запад (Вандея) и восток (Вена) от Парижа разворачивались события, о которых Наполеон еще не знал, но которые, конечно, свели бы на нет радость встречи с братом. 14 мая в Ла Шапель-Бас-Мер собрались руководители вандейцев: генералы Ла Рошжаклен, д’Отишан, Сапино и Сюзане, которые наметили на середину месяца всеобщее восстание. Первый из них разразился зажигательной речью:

– вспомните, сколько раз мой брат водил вас к победе! Стараясь пойти по его стопам, я только повторю вам его слова: если я иду вперед, следуйте за мной; если я отступлю, убейте меня; если я умру, отомстите за меня.

Тех, кто испытывал потребность мстить, в Вандее было немало. За долгие годы борьбы с центральными властями Франции эта территория не раз подвергалась опустошению, и тысячи ее сынов взывали о возмездии.

12 мая с очередным заявлением выступила Вена. Без тени смущения французскому народу объявлялось: «Сегодня речь идет не о соблюдении Парижского договора, а о том, чтобы переделать его. Союзные державы находятся по отношению к Франции в том же положении, что и 31 марта 1814 года». То есть в тот день, когда войска коалиции стояли на подступах к Парижу и диктовали ему условия капитуляции. Они оказались более-менее приемлемыми (страну вернули к границам 1792 года). Но теперь союзники говорили о том, что следующий договор будет более жестким.

Руководители коалиции, конечно, не могли отрицать того очевидного факта, что без желания нации Наполеон не смог бы вернуть себе потерянный трон. Но именно это волеизъявление Франции и объявлялось преступным и незаконным. «Воля французского народа, – надменно провозглашалось в манифесте, – хотя и была со всей очевидностью установлена, ничего не значит и не имеет силы».

Это было уже слишком даже по меркам начала XIX столетия. Это был плевок в лицо одной из самых просвещенных и развитых наций. Столь грубое игнорирование суверенитета государства и воли народа требовало объяснения перед лицом тех, о спокойствии которых пеклись союзные доброхоты.

Смелость назвать белое черным взяла на себя «Венская газета», опубликовавшая доклад восьми государств – России, Австрии, Великобритании, Испании, Португалии, Пруссии, Швеции и Франции (представленной бежавшим правительством Людовика XVIII). Вот его текст:

«Государяи знают очень хорошо правила, которыми должны руководствоваться в отношениях своих к стране независимой, и не станут вмешиваться в ее внутренние дела, назначать ей форму правления, давать ей государей согласно с интересами или со страстями ее соседей. Но они знают также, что свобода нации – переменять свою систему правления – должна иметь пределы, и если иностранные государства не имеют права предписывать употребление, какое она может сделать из этой свободы, то они

имеют право протестовать против злоупотребления, какое она может позволить себе на их счет.

Государства не считают себя вправе навязать Франции правительство, но они никогда не откажутся от права препятствовать тому, чтоб под видом правительства во Франции образовался источник беспорядка и разрушения для других государств. Уничтожение правительства, которое хотят теперь восстановить, было основным условием мира с Францией. Вступая в Париж, объявили, что никогда не вступят в мирные переговоры с Бонапартом. Это объявление, с восторгом принятое Францией и Европой, повело к отречению Наполеона и конвенции 11 апреля.

Человек, который пожертвовал миллионами людей и счастьем целого поколения системе завоеваний, причем кратковременные перемирия делали систему еще тягостнее и ненавистнее; который, утомивши счастье безрассудными предприятиями, вооруживши против себя целую Европу и истощивши все средства Франции, был принужден наконец оставить свои проекты и отречься от власти; который в то время, когда европейские народы предавались надежде продолжительного спокойствия, замышлял новые перевороты и овладел покинутым тронem, овладел посредством двойного воровства в отношении к государствам, слишком великодушно его пощадившем, и в отношении к правительству, низвергнутому самую черную изменою, — такой человек не представляет Европе другого ручательства, кроме своего слова.

После пятнадцатилетнего жестокого опыта, кто будет иметь смелость принять это ручательство? Мир с правительством, находящимся в таких руках, будет состоянием неизвестности, беспокойства и опасности. Государства должны будут постоянно держать войска свои наготове. Народы не воспользуются никакою выгодою настоящего мира, они будут подавлены налогами всякого рода. Доверенность не установится нигде; промышленность и торговля будут находиться в самом печальном положении. Не будет ничего постоянного в отношениях политических: чувство недовольства овладеет всеми, и каждый день Европа в тревоге будет ждать взрыва. Открытая война, разумеется, предпочтительнее такого положения».

Союзники априори отвергали какую-либо возможность переговоров с Наполеоном. Тупо замкнувшись в своих догмах,

они не хотели видеть, что изменились обстоятельства (Наполеон просил мира и признавал Парижский договор, навязанный союзниками Франции в 1814 году), изменилась ситуация – нация приняла императора в противовес королю.

Конечно, у народов Европы были основания ненавидеть Наполеона, и это чувство всячески поддерживалось и разжигалось. Девять десятых (если не больше) населения не интересовалось и не разбиралось в вопросах международного права, поэтому его можно было легко запутать и сбить с толку.

Сложнее было с элитной частью общества (с английскими парламентариями, например). Поэтому руководство союзных держав заботливо упреждало возможные вопросы высших чиновников и дипломатических представительств. Так (с одобрения царя) К.В. Нессельроде писал 12 мая инженер-генералу П.К. Сухтелену, состоявшему при шведском королевском дворе:

«Буонапарте, будучи виновником нового преступного покушения, пытается убедить французов, что все они являются его сообщниками. Мы боремся с этим обманом. Разоблачить его – значит доказать законный характер войны, начатой лишь для того, чтобы устранить единственную причину ее возникновения и возвратить французскому народу свободу волеизъявления и его права. Как только эта причина будет устранена, Франция вновь обретет полную независимость и выйдет из состояния войны с Европой, которая только и мечтает о возможности проститься с оружием, не опасаясь новых посягательств на свое спокойствие».

Повторяем: на послании Нессельроде стоит пометка Александра I: «Аргоуве»*. То есть царь вполне солидарен с мыслями, внушаемыми посланнику – это по существу его мысли. Царь тщится доказать законность действий коалиции, хотя любому здравомыслящему человеку ясно: агрессия всегда незаконна, а вооружение более миллиона солдат для нападения на суверенное государство и многократные заявления об этом (13 и 25 марта, 12 мая) трудно считать, чем-либо иным. Царь благосклонно гарантировал французскому народу возвращение того, от чего он с небывалой легкостью отказался – власть Людовика XVIII.

* Одобрено.

Российский самодержец говорил об устранении «единственной причины» к миру в Европе, игнорируя тот факт, что человек, бывший этой «единственной причиной», дошел от Канн до Парижа, не произведя ни одного выстрела, даже холостого. И, наконец, Александр гарантировал невмешательство во внутренние дела Франции, нагло вмешиваясь в них.

Что ни слово в послании Нессельроде, то ложь. В этом документе, одобренном царем, российский властелин выглядит лицемером и ханжой, который ради короны, трусливо попустительствовал удушению отца. Блестящий портрет Александра оставил его современник, наш гениальный Пушкин. Его бессмертными строками мы и заканчиваем эту главу.

К бюсту завоевателя*

Напрасно видишь тут ошибку:

Рука искусства навела

На мрамор этих уст улыбку,

А гнев на холодный лоск чела.

Недаром лик сей двуязычен.

Таков и был сей властелин,

К противочувствиям привычен,

В лице и в жизни арлекин.

13–15 мая

«Передайте ей». Наполеон говорил, что он человек благодарный. Это не были пустые слова. Вернувшись из изгнания, император вспомнил о Жермене де Сталь, раскрывшей имя одного из подсылавшихся к нему убийц. Этот поступок писательницы удивил императора и по-человечески задел, ведь их отношения отнюдь не были дружественными. На заре карьеры Наполеона де Сталь попыталась создать ему оппозицию. Первый консул сразу присек это поползновение:

* Обратите внимание: Пушкин считал заграничные походы русской армии не освободительными, а завоевательными. Противником этих походов был и М.И.Кутузов.

– Предупредите эту женщину, что я не Людовик XVI, не Ла Ревейер-Лепо, не Баррас*. Передайте ей, чтобы она не вздумала вставать мне поперек дороги, куда бы мне ни захотелось пойти, не то я сломаю и уничтожу ее. Пусть она сидит тихо, это будет самое благоразумное с ее стороны.

До 1810 года де Сталь тщетно пыталась добиться благосклонности императора. Затем оставила эту затею. И вот Наполеон сам сделал попытку примириться с писательницей, привлечь ее на свою сторону (это, кстати, отвечало и взятому им курсу на либерализм). Для начала де Сталь предложили возместить два миллиона ливров, которые ее отец одолжил королевской казне до революции (!). Для Наполеона, остро нуждавшегося в деньгах, это был широкий жест. Начались переговоры.

У писательницы на выданье была дочь, деньги были желательны. Но долгие годы противостояния с императором ожесточили ее. К тому же на сторону Наполеона перешел Констан, ее бывший любовник. Чтобы насолить обоим, 13 мая де Сталь прервала переговоры. Но позднее объясняла свой поступок чисто политическими мотивами – неверием в прочность власти Наполеона:

– Было глупо пытаться превратить этого человека в конституционного монарха. Когда Бонапарта заставляли говорить совсем не тем языком, какой был присущ ему в течение пятнадцати лет, это неизбежно подрывало уважение к нему. Было ясно, что он провозглашал принципы, столь отличные от тех, каких придерживался ранее, когда был всемогущ, лишь потому, что к этому его принуждали обстоятельства. Что же происходит с таким человеком, когда его к чему-либо принуждают? Ужас, который он внушал, власть, которую давал этот ужас, отошли в прошлое. Он стал похож на медведя, на которого надели намордник. Он еще порывивал, но поводыри заставляли его плясать под их дудку.

С «дудкой» Жермена, конечно, переборщила и оставим ее на совести писательницы. Но вот в отношении денег она поступила весьма благоразумно: было рискованно брать их у человека, в успех которого она не верила.

* Ла Ревейер-Лепо – член Директории, свергнутой Наполеоном. Баррас – глава Директории.

«Как только он уедет...». 14 мая прошли выборы в Законодательное собрание. В них участвовало 70 тысяч человек. Колоссальную активность развил при этом герцог Отрантский (Фуше). Он не жалел денег (казенных, конечно), чтобы провести в будущую Палату депутатов нужных ему людей. На подкуп избирателей Фуше истратил 800 тысяч франков, взятых из секретных фондов Министерства полиции. Тратя государственные деньги на личные цели, герцог Отрантский еще нагло заявлял:

– В то время как император рыщет по своим опустевшим арсеналам, бьет сбор и меняет номера полков, ему готовят Палату представителей, где кого только не будет, клянусь честью! Я не избавлю его ни от Барера и Камбона*, ни даже от Лафайета! Это закаляет характер!

Действительность превзошла все ожидания Фуше. Из 629 избранных депутатов лишь около 50 были бонапартистами. Около сотни набралось якобинцев, все остальные были либералами. Конечно, избранными оказались и сам герцог Отрантский и его креатуры: личный секретарь Фабри, воспитатель его детей Антуан Жей, адвокат Манюэль. Последний быстро добился признания как один из лучших ораторов Палаты депутатов, став в ней глазом своего хозяина, его глазами и ушами. Барон Амабль Барант говорил по поводу итогов борьбы за парламентские места сторонников Людовика XVIII:

– Выборы прошли лучше, чем можно было ожидать. Хотя роялисты, кстати, совершенно напрасно, уклонились от участия в них, предоставив якобинцам полную свободу действий. Эта Палата представителей, наполовину революционная, наполовину либеральная, есть машина, действия которой пока трудно предугадать.

Если будущий историк и публицист затруднялся в определении будущей роли Палаты представителей, то Фуше уже знал ее и, довольно потирая руки, откровенничал в своем окружении:

– Он (Наполеон) будет вынужден уехать в армию до конца месяца. Как только он уедет, мы останемся хозяевами положения. Я хочу, чтобы он выиграл одно или два сражения. Третье он проиграет, и тогда мы вступим в дело. Поверьте, мы доведем его до хорошей развязки.

* Барер и Камбон – известные члены Конвента периода Великой французской революции.

Уступая либеральным веяниям, Наполеон надеялся консолидировать все силы нации на борьбу с внешней угрозой. Но вместо того, чтобы поддержать императора, от него требовали сразу и безоговорочно новых реформ общественных институтов.

– Я перестал быть самим собой, – сетовал позднее император. – Либералы докучали мне своим конституционализмом. Ничто не могло заставить их понять, что, учитывая заявления Венского конгресса и военную угрозу, нависшую над нашим отечеством, я прежде всего должен был бы одержать новую победу при Маренго, которая отправила бы Бурбонов в Хартвел и напомнила бы королям Европы, что Франция – великая нация, которая ни за кем не признает права вмешиваться в ее внутренние дела.

К сожалению, адепты французского либерализма за теорией о гражданской и политической свободе не захотели увидеть внешнюю угрозу своей стране или сочли ее менее тяжелой, чем власть (пусть и урезанная) сильной личности.

Амбициозность либералов, получивших подавляющее большинство в будущей Палате депутатов, вела к конфронтации с властью. И это, конечно, радовало врагов Франции, врагов установленного в ней режима. Луи Филипп так характеризовал ситуацию, сложившуюся в покинутой им стране.

«Я бы хотел, – писал он 30 мая Чарльзу Стюарту, – привлечь внимание ваше и герцога Веллингтона к тому, что происходит во Франции, это замечательно интересно. Я имею в виду формирование ассамблеи, существование которой в дальнейшем представляется мне несовместимым с Бонапартом. Если в начинающейся борьбе победит он, то он ее уничтожит, и депутаты понимают это так же хорошо, как и мы. Но если потерпит поражение или союзники подойдут к Парижу, то эта ассамблея сбросит его, и вам тогда придется иметь дело с ней».

Как в воду глядел, будущий король Франции.

«Я дам вам оружие». В тот же день, когда в стране проходили выборы, Наполеон принимал в столице федератов. В федералистском движении участвовали бывшие военные, рабочие, ремесленники и служащие. В Париже центром его возникновения были предместья Сент-Антуан и Сен-Марсо.

По своему духу это движение было близко к якобинству и, конечно, всячески третирировалось буржуазией. В пику ей император 14 мая провел смотр народных представителей, рвавшихся защищать Париж. Перед ним прошли около двенадцати тысяч патриотов. Никто из них, конечно, не оставил воспоминаний об этом марше (простые труженики не пишут мемуаров). Детали его мы знаем из недоброжелательных уст.

Студент Ла Бретоньер отметил забавный контраст между грузчиками центрального рынка с обсыпными мукой лицами в белесой одежде и вымазанными в черное угольщиками, шедшими следом. Рабочие размахивали картузами. Каstellан, будущий маршал, называл федератов настоящими санкюлотами и говорил:

– От них чертовски пахло республикой.

Наполеон тепло приветствовал демонстрантов. В обращении к ним говорил:

– Воины-федераты!

Я возвратился один, потому что надеялся на городских жителей, на поселян и на солдат армии, преданность коих к народной чести я знал. Все вы оправдали мое доверие. Принимаю предложение ваше. Дам вам оружие, дам и опытных офицеров, покрытых честными ранами, для руководства вами; они привыкли видеть бегущего от них неприятеля.

– Воины-федераты! Если в высших классах общества нашлись люди, обесчестившие имя француза – любовь к отечеству и чувство народной чести в целости сохранились в жителях городов, земледельцах и солдатах армии. Радуюсь, что видел вас. Доверяю вам. Да здравствует народ французский!

К сожалению, император не собирался вооружать народ. Демонстрацией федератов он хотел лишь напугать буржуазию (чтобы была сговорчивее) и достиг этого. Военный комиссар Белло де Кергор признавался позднее, что ему стало страшно:

– 1793 год воскрес перед нашими глазами, и если бы у руки, лежавшей на рычаге, не достало сил справиться с ним, каков был бы результат?

Комиссару вторит либеральный публицист Тибодо:

– На них смотрели как на революционную армию. По окончании смотра Его Императорское Величество и придворные, с облегчением вздохнув после исполнения тяжелой обязанности,

устроили окуривание, чтобы очиститься от соприкосновения с этим сбродом.

Все чувство брезгливости к народным низам вылил знаменитый писатель Шатобриан в брошюре «О Бонапарте и Бурбонах»: «Мы призвали чернь на парижские улицы высказаться по важнейшим темам, которые римляне обсуждали только на форуме, только сложив оружие и омыв себя в водах Тибра. Тогда-то из своих логовищ вылезли все эти полуголые короли, оскверненные и отупленные нуждой, обезображенные и искалеченные своим трудом, всей добродетелью которых были дерзость нищеты и гордыня рубищ».

Роялисты по поводу марша федератов сложили песенку «Император предместий»:

*Император Сен-Марсо,
И король Сент-Антуана.
Маркграф отцветшего бурьяна
И свинопасов Божество.*

Нет, не сложились у Наполеона отношения с простонародьем Франции. Император всегда держал дистанцию между собой и людьми, жаждавшими помочь стране. Наполеон не решился опереться на подставленные ему плечи, относясь довольно пренебрежительно к тем, ради кого вроде бы дерзнул на отчаянейший шаг в своей жизни.

«Наградил ее всеми качествами». На 56-й день своего пребывания в Париже император получил наконец достоверные сведения о жене и сыне. 15 мая он встретился со своим бывшим секретарем Меневалем, находившимся с весны 1814 года при Марии-Луизе. Доклад Меневалю (с репликами императора) продолжался шесть часов.

Конечно, ничего нового Наполеон не услышал, но бывший секретарь авторитетно подтвердил: Европа настроена предельно враждебно к Франции и к ее главе; союзники полны решимости любыми путями устранить императора с арены политической жизни; императрица находится в связи с Нейпергом, а сын его в фактическом заключении. От развода Мария Луиза отказалась, предложив отвергнутому супругу отдельное проживание.

Мария Луиза с Римским королем

Измена жены больше всего затронула Наполеона – и как мужчину, и как человека незаурядного, избалованного всеобщим преклонением и вниманием женщин. По свидетельству Маршана, близко наблюдавшего супругов:

– Император был очень влюблен в Марию Луизу. Единственный упрек, который он позволял себе делать в адрес императрицы, заключался в том, что она недостаточно прилагала усилий, чтобы быть любезной с дамами императорского двора. Император награждал ее всеми качествами, которые способствовали тому, чтобы она стала любимой. Он говорил, что она была доброй, нежной, приветливой и даже игривой.

До слез тронул Наполеона рассказ Меневаля о прощании с Римским королем. Секретарь спросил четырехлетнего ребенка, не хочет ли он что-нибудь передать отцу.

– Господин Мева, – ответил малыш, – скажите ему, что я люблю его по-прежнему.

Император был очень привязан к сыну. Как-то, расхваливая его, признался:

– Я отношусь к нему с нежностью, почти материнской нежностью, и не стыжусь этого. Я не мог бы рассчитывать на преданность человека, который не любит своих детей.

Удержание Римского короля в Вене возмущало Наполеона. Он воспринимал это как оскорбление своему сану:

– Сына у меня отняли, как это когда-то делали с детьми побежденных, дабы закрепить победу. В нынешние времена невозможно привести пример подобного варварства.

...Информацию, полную внутреннего драматизма, император принял внешне спокойно. Отпуская секретаря заключил:

– Впрочем, Бог велик и милостив.

Комментируя свой разговор с Наполеоном, Меневаль писал позднее: «Слова его были проникнуты спокойной грустью и смирением, произведшими на меня сильное впечатление».

16–20 мая

«Всегда и во всем». Не раз и не два в апреле – мае агенты императора чуть ли не ловили Фуше, терпеливо и методично плетшего заговор против своего повелителя. Маршан вспоминал, например, о предупреждении, услышанном им 28 апреля:

– Покидая императора, господин Баллуей вновь высказал свои опасения относительно герцога Отрантского. Император ответил, что он уже поручил тайно держать герцога под наблюдением и что он бы уже арестовал его и конфисковал его бумаги, но пока откладывает все это до возвращения одного агента, посланного в Базель, поскольку неожиданная опала министра полиции могла бы нанести ущерб миссии агента.

Об этой попытке схватить Фуше за руку Наполеон рассказал позднее в своих «Разговорах на острове Святой Елены». Князь Меттерних направил в Париж специального агента для установления связи с герцогом Отрантским. Этот агент вызвал подозрения некоторыми банковскими операциями и был арестован личной полицией императора. Задержанного доставили к Наполеону. Под угрозой расстрела он сознался, что Меттерних хотел

через него просить Фуше послать верного человека в Базель для встречи с представителем австрийского правительства, которого он узнает по особому знаку.

– Исполнил ли ты поручение? – спросил Наполеон.

– Исполнил.

– А послал ли он кого в Базель?

– Этого я не знаю, – ответил агент.

Посланца Меттерниха упрятали в секретную тюрьму, а в Базель направили доверенное лицо императора, барона Флери де Шабуллона. Но Фуше довольно скоро узнал об исчезновении связного и легко догадался где тот, и что с ним. Не мешкая, хитрец попросил императора о встрече. Обсудив ряд вопросов, министр сделал вид, что за массой текущих дел забыл нечто важное и доложил:

– Австрийское правительство прислало ко мне агента с предложением направить в Базель верного человека для переговоров с представителем Меттерниха. Я прошу Ваше Величество разрешить использовать этот случай, чтобы узнать тайные замыслы противника.

Пока Фуше беззастенчиво лгал, Наполеон внимательно наблюдал за выражением его лица и видел плохо скрываемое замешательство министра. Поэтому, выслушав герцога Отрантского, он спокойно ответил:

– Господин Фуше, поостерегитесь меня дурачить, этот агент задержан, и я в курсе ваших дел. Отправили ли вы человека в Базель?

– Нет, государь.

– Счастье ваше, если бы вы это сделали, вам бы пришлось умереть.

На этот раз Фуше был искренен, как может быть таковым закоренелый интриган и потенциальный преступник: в Базель никого не отправил, так как послал своего человека прямо в Вену. А Наполеон тем временем напутствовал своего контрагента, ехавшего в Базель:

– Я почти уверен, что Фуше интригует с Гентом и Лондоном. Теперь я сожалению, что не избавился от него прежде, чем он начал переговоры с Меттернихом. Сейчас шанс упущен: он поднимет крик о том, что я – мнительный тиран и что я приношу его в жертву без каких-либо на это оснований.

Посланцем императора был Флери де Шабулон. В Базеле он встретился с неким Вернером. В задачу посланца Меттерниха входило узнать, что предлагает Фуше. Флери от имени министра полиции высказал пожелание организовать покушение на Наполеона. На этом расстались, договорившись о новой встрече. Но она не состоялась, так как к назначенному сроку Меттерних был уже предупрежден Фуше.

Прирожденный интриган, Фуше как угорь, выскальзывал из сетей, расставлявшихся людьми императора. В конце концов терпение Наполеона лопнуло и на одном из заседаний Совета министром он публично обвинил изменника:

– Вы предаете меня, герцог Отрантский, у меня есть доказательства. Возьмите лучше нож и вонзите мне его в грудь, это будет честнее, чем то, что вы делаете. От меня одного зависит, расстрелять вас или нет. Все бы аплодировали этому акту правосудия. Возможно, вы спросите меня, почему я этого не делаю? Да потому, что я презираю вас, и на моих весах вы не весите ни грамма.

– Ах, сир, как вы могли поверить! Меня оклеветали перед вами, – изобразив на своем лице крайнее удивление лепетал Фуше.

Как и предвидел император, в кулуарах министр полиции все свалил на него:

– Только он один мог вбить себе подобное в голову и хоть на мгновение заподозрить меня в том, что я мог бы предать его ради Бурбонов.

На защиту министра полиции, а вернее – законности (как он понимал ее) выступил Карно.

– Вы можете сегодня же расстрелять Фуше, – заявил старый якобинец императору, – но завтра вы лишитесь трона. Сторонники революции позволили вам занять его лишь при условии соблюдения их прав. Они считают присутствие Фуше в правительстве основной гарантией этого. Если он виноват, то его следует судить по закону*.

* Идеалист Карно очень скоро поймет, кого он защищал. Но будет уже поздно и для Наполеона, и для самого Карно.

Фуше

Конечно, никакие революционеры не ставили Наполеону никаких условий. Это была чистой воды риторика. И не это остановило императора. Просто Фуше был гениален в области сыска, что в данный момент было нужно как никогда.

В середине мая поднялась роялистская Вандея, и никто лучше Фуше не знал, что и как нужно делать с мятежниками. Министр полиции более-менее держал в рамках приличия обезумевшую от свободы прессу. И, на-

конец, агенты герцога Отрантского были почти единственным источником информации из заграницы. Конечно, с внешней разведкой (как и со всем, к чему прикасалась рука Фуше) не все было чисто, но за неимением лучшего приходилось мириться с этим.

– Таким образом, – полагал Флери де Шабулон, – герцог Отрантский, по всей видимости, одной рукой передавал врагам секреты Франции, а другой – секреты заграницы и Бурбонов Наполеону.

Фуше был настолько искусен в своем деле, что оказался нужен всем: сегодня – императору, завтра – Временному правительству, а затем – королю. Однообразие этого человека криком кричала о себе и тем не менее он торжествовал, цинично попирая все нормы морали и нравственность. Стефан Цвейг, одну из своих работ посвятивший Фуше, писал: «Он предавал не однажды, а множество раз. Он прирожденный предатель – предатель всегда и во всем. Он был совершенным, а не случайным предателем, для которого предательство являлось не столько политикой и тактикой, сколько основной особенностью его существа».

Наполеон, итожа прожитые годы, свое мнение о министре полиции выразил следующим афоризмом:

– Я знал только одного действительно совершенного предателя. То был Фуше.

«Я сделал все возможное». Мать Наполеона и его сестры жили в Неаполе. Поэтому как только до Парижа дошли первые известия о разгроме Мюрата при Толентино, император послал на выручку семьи военный корабль.

18 мая, ближе к вечеру, Мюрат прискакал в столицу своего королевства в сопровождении эскорта из четырех польских улан. Наступившая ночь была последней, которую он провел в своем дворце. Озадаченной супруге (сестре Наполеона) с напускным стоицизмом заявил:

– Мадам, не удивляйтесь, что видите меня живым. Я сделал все возможное, чтобы быть убитым.

На следующий день этот отчаянный кавалерист и храбрец на поле битвы тайно бежал из Неаполя, зашив за подкладку мундира бриллианты королевства. А Каролина, его жена, поставила в известность о случившемся гостивших у нее родственников: дядю Феша, брата Жерома, сестру Жюли и мать Летицию. Те, не мешкая, пустились в дорогу. По местности, кишевшей бандитами, они добрались до крепости Гаэты, где благополучно взошли на борт корабля «Дриада».

Сама Каролина задержалась в Неаполе. Покидала она полюбившийся ей город уже на английском судне «Тремендес». Нейперг, удачливый соперник Наполеона и победитель ее мужа, восторженно докладывал в Вену о том, что австрийское правительство заполучило в свои руки в качестве заложницы «королеву, которая для своей страны в большей степени король, нежели ее идиот-супруг».

21–25 мая

«Ужасно созерцать». Как и во времена Конвента, в 1815 году на северо-западе и юге Франции поднялась мутная волна роялистского движения. Всеобщее восстание в Вандее началось 15 мая. В тот же день Наполеон приказал Фуше издать прокламацию, обращенную к жителям западных департаментов и выдер-

жанную в примирительном духе. Там были такие слова: «Переговорите также с вожаками, все они вам известны».

Руководителем восставших был 38-летний Ла Рашжаклен. В его распоряжении оказалось 25 тысяч человек, которые были разделены на четыре армии. Но при всех усилиях шуанам ни разу не удалось собрать в одном месте более десяти тысяч бойцов. К тому же среди вождей восстания постоянно шли споры о старшинстве и полномочиях.

Внезапность выступления принесла первые успехи. 17 мая правительственные войска попали в засаду у Сен-Пьер-дез-Эшоброна. 24-го восставшие взяли Шоле и Брескоир, 25-го – Сент-Анн-д'Орэ. Но уже 20 мая генерал Траво разбил восьмитысячную колонну вандейцев при Эзене.

18 мая Наполеон вновь обратился к Фуше и потребовал арестовать в Тулузе, Монпелье, Монтобане и других местах лиц, которые подозревались в стремлении восстановить власть Людовика XVIII и развязать в стране гражданскую войну. На этот раз министр полиции начал действовать. О том как ему удалось несколько присмирить роялистских «генералов» Фуше рассказал в своих мемуарах:

– Я легко убедил кое-каких идиотов из роялистской партии, что эта война нескольких фанатиков несвоевременна. Что великий вопрос (государственного устройства Франции) может быть решен не внутри страны, а на ее границах. Я немедленно направил трех эмиссаров: Маларти, Флавињи и Лаберодьера, снабженных инструкциями и распоряжениями, переговорить с вожаками общественного недовольства. Вскоре все было устроено. После нескольких стычек, в решающий момент, Вандея была приведена к повиновению и успокоена.

Эмиссары Фуше, возможно, способствовали росту противоречий в стане восставших, но ни о каком усмирении Вандеи сладкоречивым министром говорить не приходится, ибо это противоречит фактам – восстание было подавлено вооруженной силой только в конце июня. А пока...

21 мая была создана специальная армия Луары для подавления вандейского восстания. Ее возглавил генерал Ламарк. Истый бонапартист, он ненавидел Реставрацию, которую называл «остановкой в гряди».

Сразу по прибытии на место Ламарк опубликовал воззвание, в котором попытался противопоставить интересы вандейских крестьян и их бывших господ. Генерал утверждал, что возврат белых – это восстановление десятины, феодальных порядков и незаконных поборов, гнет дворянства и церкви. В другом обращении к инсургентам Ламарк писал: «Ужасно созерцать поле битвы, где среди победителей и побежденных – одни французы».

Так или иначе, но в среде шуанов действительно начался разброд. Подчиненные не выполняли распоряжений Ла Рошжаклена, а 31 мая «генералы» Сапино, Сюзана и д'Отишан официально (по совместно принятому решению) отказались подчиняться одному из приказов вожака. Ла Рошжаклен тут же сместил ослушников с должностей. Но это не помогло – 4 июня в сражении при Мате он был убит, и движение шуанов пошло на убыль.

Послание регента. В дни, когда внимание Наполеона было поглощено проблемой Вандеи, в Лондоне усиленно занимались им самим. За недееспособностью короля в Англии тогда правил его сын Георг, которого объявили регентом.

22 мая граф Ливерпуль, глава кабинета министров, и маркиз Каспри, уполномоченный Великобритании на Венском конгрессе, представили парламенту послание принца-регента. В нем Георг извещал палаты о новых союзных обязательствах Англии «против общего врага, с тем чтобы предотвратить возрождение системы, которая на опыте доказала свою несовместимость с миром и безопасностью Европы». Речь шла о союзном договоре, заключенном в Вене 25 марта, и дополнительной конвенции к нему от 30 апреля. Разъясняя суть послания, Ливерпуль заявил в палате лордов, что его надо рассматривать как шаг к началу военных действий.

То есть была дана санкция на развязывание войны. В последующие дни она была подкреплена солидной финансовой поддержкой союзников. Кредиты им были одобрены парламентом после дебатов 23 и 25 мая в палатах.

Как всегда, англичане предпочитали откупиться, не слишком полагаясь на свою армию. Выступая в палате общин министр иностранных дел особенно высоко оценил действия (в прошлом) русских войск, в частности армии М.Б. Барклая-де-Толли. Каспри называл ее «самой прекрасной из армий, какие когда-либо были

собраны для службы какой-либо державы». Министр призывал парламентариев на скаредничать, ибо «никакая сумма денег, которую была бы способна предоставить Англия, не может создать подобную армию». И эту армию гнали на убой по первому свисту предателей-союзников. Какое же уважение могло быть у западных правителей к ее верховному руководителю, молча снесшего пощечину январского договора?

26–28 мая

«Пусть он отречется!» К исходу мая стала окончательно ясна неизбежность войны с 7-й коалиций. И те, кто в какой-то мере (якобинцы, либералы, роялисты) влияли на умы простых людей Франции получили мощнейший стимул в разжигании антибонапартистского настроения нации.

Крестьяне, составлявшие подавляющую часть населения, довольно сочувственно прислушивались к голосам, враждебным Наполеону. Впрочем, они и без «голосов» знали, чем им грозит очередная военная кампания – в стране не было почти ни одной семьи, которая не потеряла бы кого-либо из кормильцев за долгие войны начала столетия. Именно призывы в армию вызвали восстания на юге Франции и в Вандее.

Немало ошибок, усиливших недовольство всех слоев населения, сделали и ближайшие помощники императора. Так некий Бонане писал Л.Карно: «Гражданская администрация поражена заразой. Ничего не удастся сделать, если не заменить префектов, генеральных секретарей, супрефектов, мэров, их помощников, государственных служащих, чиновников всех мастей».

Из 87 префектов только четверть сохранили свои должности. Но руководители городов в своем подавляющем большинстве остались прежние – «из числа самых старых дворянских кланов», то есть приверженцы Людовика XVIII. В мае были проведены их перевыборы. В итоге две трети мэров остались на своих местах – до провинции руки у Парижа не доходили.

Расклад руководящих сил в стране был явно не в пользу Наполеона: подавляющее число маршалов, многие генералы, четверть префектов и три четверти мэров сохранили верность коро-

лю. Эта «пятая колонна» засыпала малый двор Людовика в Генте тысячами писем, в которых были перемешаны заверения в преданности и ценные сведения о состоянии умов и о военных приготовлениях.

Наполеон был не только блестящим полководцем, но и хорошим математиком – считать он умел, а потому понимал, что одной армии для борьбы с коалицией недостаточно. Победить можно, только консолидировав всю нацию. С этого он и начал, создавая правительство. Включение в него старого республиканца Карно и возвращение Фуше были восприняты многими как шаг в сторону якобинцев. Так же поняли в обществе чистку, проведенную среди префектов, посылку на места чрезвычайных комиссаров и поощрение федералистского движения.

В декларации Государственного совета от 25 марта во всеуслышание было заявлено, что верховная власть народа является «единственным законным источником власти». О таком не слышали со времен Робеспьера, и это вызвало протест со стороны некоторых членов правительства. Министр юстиции Моле говорил Наполеону:

– Благодаря этому принципу народ может менять правительства и монархов каждый день. Он по своей воле дает и забирает корону. Он может отказать в ней вашему сыну.

– В настоящий момент, – возразил император, – надо воспользоваться якобинцами, чтобы победить более опасное зло. Однако, будьте покойны, я остановлю их, когда надо. Они не заставят меня пойти дальше, чем я хочу.

С либералами, как уже говорилось выше, у Наполеона вышла осечка – на сближение с ним (при весьма существенных уступках императора) пошли немногие. Даже Дополнительный акт, весьма прогрессивное творение эпохи, не удовлетворил их – императору не поверили. А народ был прямо-таки отторгнут новой конституцией, увидя в ней возврат к наследственному дворянству (статьи о пэрах).

И все эти силы объединил страх перед войной. В коллективном сознании нации страх войны подавлял все другие чувства.

Возвращение Орла приветствовалось народом как торжество над насилием союзников. Как обещание мира. Как надежда на

национальное возрождение. Когда же стало ясно, что за все это придется воевать, патриотический порыв тихо угас, и «Журнал универсель» констатировал в конце мая: «Скажем в нескольких словах, каково нынешнее отношение всей Франции к Бонапарту: роялисты никогда его не захотят; республиканцы больше его не хотят; армия сожалеет о том, что хотела его; бонапартисты больше не осмеливаются признаться, что хотят его».

Вольность прессы в конце концов вывела Наполеона из терпения. 29 мая он потребовал, чтобы Фуше арестовал несколько журналистов:

– Полиции давно пора не оставлять безнаказанными подстрекательства к гражданской войне. С этим должно быть покончено.

Наряду с буйством легальной печати широкое хождение получила роялистская литература, которая, конечно, не щадила императора, без обиняков предлагая ему вторично покинуть трон: «Вот подарок, который принесли нам с острова Эльба! Нас хотят втянуть в кровопролитную войну – и не ради спасения отечества, а ради сохранения короны на голове кровавого деспота, опустошившего все страны континента. Ради того, чтобы продолжала жить в распутстве и роскоши семья авантюристов и авантюристок, в течение десяти лет оскверняющих величие европейских тронов. Ради того, чтобы свой постыдный сан сохранили несколько бесчестных людей, принимавших участие в этих преступлениях или обогатившихся за счет щедрот тирана».

Пусть он отречется, пока не поздно! – требовал автор пасквиля и продолжал: «Француз сделал бы это не колеблясь, но Бонапарт – корсиканец. Что ему пролитая кровь, лишь бы удалось спасти свою голову, хотя бы и пришлось ради этого вновь скрывать свой стыд и свою ярость на пустынном острове» (Ламартельер «Заговор Бонапарта против Людовика XVIII»).

Тема отречения охотно эксплуатировалась враждебными Наполеону журналами. Так «Цензор» недоумевал: «Если Наполеон отрекся в 1814 году для предотвращения междоусобной войны и прекращения войны внешней, то зачем он не отрывается в 1815 году, когда Франции грозит нашествие народов Европы? Разве отечество менее дорого ему в нынешнем году, чем в

прошлом, и неужели отречение в пользу Бурбонов предпочитает он отречению в пользу собственного сына?».

Да что там либералы и роялисты! Ближайшее окружение императора было полно сомнений. И Наполеон видел это. Видел как его министры и администрация министерств со страхом смотрят вперед, сомневаются, озираются по сторонам и приглядывают себе другую опору, разочаровавшись во вчерашнем кумире. Это было невыносимо тяжело для человека властного и честолюбивого. Сомнения окружающих вызывали чувство слабости – тяжелейшее чувство для человека волевого и решительного.

Тысячи раз взвешивая все «за» и «против», Наполеон понимал маловероятность победы над объединенной и выученной им воевать Европой. Но герой 60 битв не мог уйти в политическое небытие, не испытавши еще раз военного счастья.

– Так вы хотите австрийку регентшею?– отвечал он предлагавшим отречение.– Я не соглашусь на это никогда ни как отец, ни как муж, ни как гражданин. По мне лучше Бурбоны. Моя жена будет игрушкой всех партий, мой сын будет несчастен. Франция будет унижена под иностранным влиянием.

Как солдат, как воин Наполеон не мог не ответить на вызов, брошенный ему Европой, тем более, что воспринял его как насилие над волей французского народа, убедительно выраженной по отношению к нему и Бурбонам.

– Мне важно дать понять этим коронованным бандитам, которые так долго пресмыкались передо мной, а теперь ставят меня вне закона наций, что права, которые мне дает несчастье, для меня священны, и что я мщу таким врагам, как они, великодушно предавая их публичному проклятию, – говорил император маршалу Груши.

К сожалению, монархи настолько привычны к проклятиям, что редко реагируют на них. Единственный путь к победе был в обращении к простому народу Франции – Наполеон отверг его. Люсьен Бонапарт, неисправимый республиканец, сетовал позднее по этому поводу:

– Если бы мой брат после своего чудесного возвращения возродил Консульство, если бы из его мощной груди, подобно крику Ахилла после похорон Патрокла, прозвучала на-

водящая на королей ужас «Марсельеза», если бы, после того как собравшиеся на конгресс короли прокляли его он сказал бы им: «Я надеялся, сев рядов с вами, преобразовать потрясенную Европу, я хотел примирить трон и народ. Вас больше нет! Речь не идет уже о войне между династиями, а о смертельном сражении между передающейся по наследству властью старого мира и республиканской властью мира нового. Горе вам!» Если бы таким был ответ Наполеона, во Франции было бы только две партии: огромная партия Революции и ничтожная партия старого режима.

Но, как уже говорилось выше, Наполеон говорил нечто прямо противоположное:

– Я не хотел быть вождем Жакерии.

«ФОРТУНА СТАЛА СТРОГОЙ»

29–31 мая

«Бонапартизм не существует». В конце мая были подведены итоги плебисцита по принятию Дополнительного акта. При формальной победе Наполеона это было сокрушительное поражение, predetermined как плохой работой его администрации, так и рядом объективных причин.

В первые десятилетия XIX столетия едва ли один француз из десяти читал газеты и брошюры. И на это полуграмотное население пала задача одобрить или отвергнуть документ, который оно не читало, но много слышало о нем от ... мелких чиновников на местах, своих бывших господ и священников, которые почти все были роялистами.

Мэры большинства городов и коммун всячески саботировали проведение плебисцита. Население открыто запугивали. Роялисты не стесняясь утверждали, что списки голосовавших «запятнанные» ответами «да» послужат проскрипциями для Людовика XVIII после победы союзников. Многие считали такую перспективу вполне реальной и делали соответствующие выводы. Голосование было открытым. Поэтому мало кто решился сказать «нет». Большинство просто уклонилось от своей гражданской обязанности. Итоги плебисцита были таковы: «за» – 1 532 527 голосов, «против» – 4810.

Три с половиной миллиона (!) французов предпочли воздержаться от использования своего права. Конечно, здесь не всегда действовал сознательный выбор – сказывалось вековое недоверие к власти, уверенность в том, что людей просто дурачат, поскольку все уже решено заранее без их участия. О predeterminedности плебисцита распевали такую песенку:

*Но это, граждане, не всё.
Мы слепим Основной закон,
Чтобы народ, желая или нет,
Меня воззвал на трон.
Затем спокойно сделаю
Все тоже, что и ранее.
Но будут все мои слова*

*Похожи на Евангелие.
Поверив им, народ возведет
Меня опять на трон.
Немного времени пройдет
Я снова буду Божеством.*

Противниками Наполеона были Юг и Запад Франции – традиционно роялистские территории. Не приняла его и так называемая «морская Франция» – города от Кале до Бордо, Ницца, Марсель и Тулон, так как они сильно пострадали от проводившейся императором континентальной блокады.

Проигнорировали плебисцит и насельники самых крупных городов страны – Парижа, Лиона и Марселя. Их население больше всего пострадало от ужасов Террора, возвращение к которому оно увидело в назначении Карно министром внутренних дел и активности федералистского движения. Горожанам все еще мерещились революционные клубы и возврат к якобинским проконсулам, которых узрели в эмиссарах Фуше.

Словом, меньше трети Франции поддержала Наполеона. И плебисцит, который мыслился как призыв к национальному подъему, гражданской мобилизации и объединению, обернулся фактическим поражением, что подрывало основу законности власти императора, покоившейся на суверенности народа. Более того, по авторитетному мнению Доминика де Вильпена, плебисцит показал, «что бонапартизм не существует. Иными словами, Наполеону не удастся облечь свою легитимность в форму некоей теории, которая существовала бы независимо от его личности. Тогда как монархия опирается на традицию и права, данные милостью Божьей, а республика – на суверенность народа и равенство, империя живет изо дня в день, держась только на харизме своего вождя. Империя – это император, харизма одного человека, гений одного полководца, это эфемерная легитимность, ни в коем случае не режим, не принцип, не институты».

Словом, к Майскому полю Наполеон подошел, опираясь на малую часть народа и армию. И это знали союзники.

«Исчезли все надежды на мир». Фактическое поражение внутри страны лишило Наполеона последних иллюзий в отношении действий союзников. Но император давно был готов к этому:

апрель и май были месяцами интенсивных поисков лучшего варианта борьбы с 7-й коалицией. После мучительных раздумий Наполеон выработал два плана предстоявшей военной кампании. Вот первый из них: «Оставаться в оборонительном положении и предоставить союзникам взять на себя всю ответственность за агрессию, втянуться в пространство между нашими крепостями и проникнуть в район Парижа и Лиона, после чего начать быстрые и решительные действия, опираясь на эти две базы»^{*}.

Этот план имел определенные преимущества перед более привычной для императора стратегией наступления. Вот они: «Союзники не могли ранее 15 июля открыть военных действий, ранее 15 августа прибыть к Лиону и Парижу. 15 августа закончились бы все работы по укреплению и усовершенствованию обороны Парижа и Лиона. К тому времени были бы также завершены организация и вооружение войск, предназначенных для обороны Парижа и Лиона, а численность национальной гвардии Парижа доведена до 60 000 человек. Численность армии, предназначенной для обороны укрепленного лагеря под Парижем, достигла бы 100 000 человек.

Неприятельские армии, которые проникли бы к Парижу с севера и с востока, были бы принуждены оставить 150 000 человек под стенами 42 крепостей, находящихся на этих границах. Если определить силу союзников в 600 000 человек, то они прибыли бы к Парижу всего с 450 000. Армии,двигающиеся к Лиону, должны были бы наблюдать за десятью крепостями, расположенными на границах Юры и Альп. Если силу этой армии считать в 160 000 человек, то она достигла бы Лиона едва с 100 000».

Надежно прикрыв границы и укрепив основные центры страны, император полагал возможным успешно противостоять войскам 7-й коалиции: «240 000 человек, которые действовали бы под начальством Наполеона на обоих берегах Сены и Марны, вышли бы без всякого сомнения, победителями из боев с 450 000 человек неприятеля».

Успеху французов должна была сопутствовать партизанская война, которая неминуемо развернулась бы на территориях, занятых противником. То есть, по мысли Наполеона, 7-я коали-

^{*} Наполен. Избранные произведения. М.: Воениздат, 1956, с. 739.

ция получила бы во Франции то, от чего страдали его войска в Испании и России. Император очень надеялся на энтузиазм и самоотверженность народа. Референдум похоронил эти надежды и перечеркнул первый план военной кампании.

Не горели энтузиазмом и ближайšie соратники Наполеона. В конце мая в Париже появился маршал Ней, отсиживавшийся в своем поместье Кудро. Император шутливо спросил его:

– Я думал, что вы сделались эмигрантом.

– Мне следовало бы им стать, – ответил Ней, – но сейчас это – слишком поздно.

1 июня, Майское поле

По примеру Карла Великого. Наполеон почитал основателя династии Каролингов. У него позаимствовал титул императора. Его примеру следовал в короновании себя папой. Часто поминал Карла Великого в своей обширной переписке и вдохновлялся его методами правления как во внутренней, так и во внешней политике.

Задуманное Наполеоном мероприятие – Майское поле – тоже шло от Каролингов. При них так назывались ежегодные собрания свободных людей, на которых решались спорные вопросы. Принятые решения громогласно объявлялись перед вооруженным народом. Наполеон решил провести церемонию Майского поля как символ военного и народного торжественного собрания.

Проходило оно на Марсовом поле. Празднество было организовано художником Давидом и архитектором Фонтеном. Руководил им главный церемониймейстер граф Сегюр.

В четверг столица была разбужена на рассвете залпом ста пушек. Несмотря на неустойчивую погоду толпы парижан устремились к Военной школе и на Марсово поле.

Наполеон из Елисейского дворца направился в Тюильри, где проходило его одевание к торжеству. Граф де Монтескью, руководивший этой процедурой, повесил вокруг шеи императора цепь ордена Почетного Легиона и пристегнул к поясу мундира шапагу. Под грохот артиллерийских залпов Наполеон покинул Тюильри и последовал к Военной школе.

Погода улучшилась. Император ехал в позолоченной колеснице с зеркальными вставками. Всю ее крышу занимала огромная позолоченная корона. Спереди колесницы стояло четыре пажа, сзади – шесть. Два маршала ехали по сторонам кареты. Ее везли восемь белых лошадей в богатой упряжи. Лошадей, по замечанию Хобхауса, вели столько конюхов что им всем с трудом удавалось ухватиться за поводья.

За колесницей следовало два десятка экипажей элиты империи. Их эскортировали конные егеря, гусары, драгуны и кирасиры, которым предшествовали герольды в синих камзолах, расшитых золотыми пчелами.

До Марсова поля добирались два часа. Громада народа, собравшаяся там, уже устала от ожидания многообещающего действия. И тут появился император. За семьдесят два дня нахождения Наполеона в Париже его мало кто видел из простых смертных. Поэтому многие ожидали появление «маленького капрала» в его знаменитой треуголке и серой шинели. Какого же было удивление парижан, когда их кумир предстал перед ними в одеянии опереточного короля: плащ в стиле Генриха III, прическа под Ренессанс и в туфлях придворного времен Людовика XIII. Один из свидетелей церемонии вспоминал:

– На Наполеоне была черная шляпа, украшенная белыми перьями и бриллиантом. Поверх алой туники на нем был застегнутый у шеи плащ того же цвета, подбитый горностаем и отороченный золотом, спускавшийся до самого пола. Белые короткие атласные штаны, белые шелковые чулки «в розетках» довершали его наряд.

Подобным же образом были наряжены братья императора, что перед самым началом церемонии вызвало его ссору с Люсьеном.

– Я не хочу появляться в белом, – протестовал тот, – я надену мундир национальной гвардии.

– Да, конечно, чтобы в форме гвардейца произвести большее впечатление, чем я в одеянии императора, не так ли? – зло спросил Наполеон.

В подобном одеянии император был на коронации 1804 года. Тогда это казалось уместным – Наполеон находился в зените славы и могущества. В день Майского поля, когда нацию

раздирали противоречия, когда у нее не было прежней уверенности в своем вожде (это показал плебисцит), а к границам Франции двигались армии союзников, нарочитая пышность одежды Наполеона и его окружения вызвала всеобщее осуждение.

— Роялисты насмеялись, художники критиковали. Сопратники императора страдали, видя, как он делает из себя пошлость. Представители народа заявляли во всеуслышание, насколько подобный наряд кажется им непристойным, — вспоминал современник.

Конечно, не все были настроены так критически. Большинство же просто не могли видеть деталей наряда императора, а в общем его одеяние производило внушительное впечатление, что и преследовалось художником. И вообще эти стенания по поводу одежды (та — не та) — отнюдь не глас народа.

«Я всем пожертвовал». При появлении Наполеона крики «Да здравствует Франция!» и «Да здравствует нация!» сразу сменились одним – «Да здравствует император!» А тот, зная цену этим приветствиям, был замкнут и равнодушен. Лицо его казалось суровым*. Выглядел он заметно постаревшим и вялым.

Праздник Майского поля сначала проходил у Военной школы. Перед зданием на помосте находился трон. Перед ним (на отдалении) соорудили полукруглую стену. Получился огромный зал под открытым небом. В нем были расставлены ряды скамеек, на спинках которых указывались названия департаментов. Эти места предназначались для делегаций провинций. Особо были выделены места для Палаты депутатов и высочайших особ. За рядами имперской знати находились скамьи для рядовой публики, среди которой было много женщин в ярких нарядах.

Церемония Майского поля началась с церковной службы. При всеобщем равнодушии архиепископ Турский монсеньор де Барраль отслужил мессу. По наблюдению очевидца, Наполеон не столько увлекался молитвой, сколько разглядывал через лорнетку присутствовавших.

После службы императора приветствовал представитель избирателей Дюбуа д'Анже.

– Сир, – сказал он, – французский народ пожаловал вам корону: вы сложили ее с себя, не спросив его мнения. Теперь его одобрение накладывает на вас обязательство вновь возложить ее на себя.

– Мы не хотим, – продолжал оратор, – руководителя, которого хотят наши враги, мы хотим того, кого они не хотят. Как только осмеливаются они ставить вас, сир, вне закона, вас, который не раз завоевывал их столицы, но милосердно удерживал их на шатающихся тронах! Ненависть к вам ваших врагов только усиливает нашу любовь к вам. Если нам не оставляют иного выбора, кроме как выбора между войной и стыдом, то вся Франция выступит за войну. Мы сплотимся вокруг трона, на котором вос-

* Впрочем, мнения современников о настроении Наполеона в тот день противоречивы – оно менялось. Маршан: «Император был в отличном настроении».

седает правитель, отец народа и армии. Любой француз – это солдат. Виктория устремится за вашими орлами!

После приветствия представителя избирателей последовала утомительная процедура оглашения итогов плебисцита. Конечно, собравшимся на Марсовом поле объявили только число голосов, одобвивших конституцию (1 532 527) и проголосовавших против (4 810), умолчав о том, что две трети французов игнорировали плебисцит.

Великий камергер поставил перед императором золоченый столик, на котором лежал Дополнительный акт. Наполеон тут же подписал его и конституция вступила в силу. После чего, взволнованный и немного смущенный, он обратился к депутации избирателей:

– Господа! Будучи императором, консулом, солдатом, я всем обязан народу. В благоденствии, в бедствиях, на полях сражений, в совете, на престоле, в изгнании Франция была единственным и постоянным предметом моих мыслей и действий. Как и царь Афин, я всем пожертвовал ради моего народа в надежде увидеть, как исполнится данное мною обещание сохранить Франции ее целостность, ее почести и права. Негодование, от того что ее священные права, завоеванные за двадцать пять лет, попираются и потеряны навсегда, вопль о поруганной чести, желание нации – все это привело меня на сей престол, который дорог мне, ибо он есть залог независимости, чести и счастья французского народа.

Возвратившись в департаменты, скажите своим согражданам, что обстоятельства значительны! С помощью согласия, энергии и постоянства мы выйдем победителями из борьбы великого народа с чужеземцами. Будущие поколения строго разберут наше поведение. Нация всего лишится, если потеряет независимость.

Скажите, что чужие короли, которых я возвел на трон или которым оставил корону, которые во времена моего счастья искали моего союза и покровительства французского народа, теперь направляют удары на меня: если бы я не знал, что они действуют против моего отечества, я отдал бы им жизнь, на которую они посягают. Скажите также согражданам, что враги наши будут бессильны, пока французы сохраняют ко мне чувства любви, которые они мне сколько раз доказали.

Французы! Воля моя – воля народа; права мои – его права; моя честь, слава, мое счастье – не что иное, как честь, слава и счастье Франции.»

Человек, потерявший семью, государь, утративший поддержку большей части нации, политик, взявший новый для себя курс и не нашедший понимания партий, Наполеон был искренен в обращении к 200-тысячной аудитории. Но французы чувствовали себя обманутыми. Где обещанная императрица Мария-Луиза? Где Римский король? Где поддержка Австрии и нейтралитет Англии?

Императору не поверили. В сложившихся обстоятельствах многие ожидали от него повторного самоустранения, как гарантию мирного разрешения притязаний союзников. Чтобы спасти страну от иностранного вторжения, испытывать бремя которого не хотел никто, от Наполеона ждали жертвы. Много в этом направлении сделал министр полиции. Именно в день Майского поля он говорил королеве Гортензии:

– Император упустил прекрасную возможность. Я советовал ему отречься сегодня. Если бы он это сделал, стал бы царствовать его сын* и войны бы не было.

«Глаза их сверкали мрачным огнем». Вторая часть праздника была посвящена вручению орлов новым частям и подразделениям армии. Для этого Наполеону надо было пройти от Военной школы на Марсово поле, одной стороной на которое было обращено это здание. Императору пришлось двигаться через плотные ряды любопытных, расталкивая их.

В центре Марсова поля возвышалась платформа с множеством ступеней. На ней стояли алтарь и второй трон, которые были хорошо видны со всех сторон. Архиепископ Буржа, первый священник двора, опустившись перед Наполеоном на колени, протянул ему Евангелие, на котором император поклялся точно исполнять конституцию.

Затем неожиданно для присутствовавших Наполеон проворно соскочил с трона, сбросил с себя императорскую мантию и вскоре оказался среди своих товарищей по оружию. Началась

* Римскому королю в это время было четыре года. Что думал Наполеон о возможности его «царствования», надеемся, читатель помнит.

раздача орлов новым воинским формированиям. Этот волнующий момент описал Тьер в «Истории Консульства и Империи»:

«Зрелище было великолепное, ибо величие нравственных чувств соответствовало значительности места. Министр внутренних дел со знаменем национальной парижской гвардии, военный министр со знаменем первого армейского полка, морской министр со знаменем первого морского корпуса стояли рядом с императором. На многочисленных ступенях, которыми здание сообщалось с Марсовым полем, с одной стороны стояли офицеры, державшие знамена армии и национальной гвардии, с другой — депутаты, которым поручено было их принять. Напротив многочисленными рядами были выстроены пятьдесят тысяч человек и сто пушек. Наконец, на обширном пространстве Марсова поля находился почти весь народ Парижа».

В среде своих товарищей по оружию Наполеон заметно оживился. Они приветствовали его как безумные. В их восторженных криках он слышал прежний энтузиазм, в их глазах читались верность и преданность, в них горел прежний огонь самопожертвования. Здесь не произносили лживых речей, но каждый дышал верой в своего вождя, каждый готов был выполнить любое указание полководца. Здесь все было исполнено уверенностью и силой. Армия по-прежнему боготворила своего «маленького капрала».

Одна за другой воинские части проходили перед императором; к каждой из них он обращался с кратким приветствием. Последними шли гвардейские полки. Герцог де Брой вспоминал:

— Я видел, как шагал императорский взвод в изысканных церемониальных костюмах: раскачивающиеся перья, мягкие шляпы, короткие испанские плащи, белые атласные панталоны, ботинки с розетками и все такое прочее. Когда они проходили маршем перед императором, глаза их сверкали мрачным огнем. Казалось, что с губ их вот-вот слетит «*Morituri te salutant*»^{*}.

Наполеон спросил их:

— А вы, солдаты императорской гвардии, клянетесь ли вы превзойти самих себя в предстоящей кампании и скорее умереть, нежели допустить, чтобы чужеземцы диктовали вашей родине свои законы?

^{*} Идущие на смерть приветствуют тебя (лат.).

– Клянемся! – вырвался восторженный крик из рядов проходивших.

Парад войск и церемония раздачи орлов были волнующим величественным зрелищем, так как все знали, куда скоро пойдет эта блестящая армада, осененная знаменами и вдохновляемая гением войны.

Там, за горами. А армии 7-й коалиции уже шли к границам Франции. Монархи – австрийский, прусский и русский – спешили следом. Вот дневниковые записи адъютанта Александра I за 31 мая и 1 июня:

«19-го* числа отправились мы через Аугсбург и Ульм в Стутгард. Особы, к свите Государя принадлежащие: генералы Чернышев, Толь и полковник Бразин уехали вперед, князь Волконский и я – мы остались только двое при его Величестве.

По прибытии Государя в Эслинген мы сели в богатые придворные коляски и отправились в Стутгард, лежащий вдоль берега реки Некара посреди богатых селений, за которыми видна была цепь гор» (А. Михайловский-Данилевский).

2–5 июня

«Время уловок прошло». В дни, последовавшие за Майским полем парижане и многочисленные гости столицы жили впечатлениями о нем. Они были крайне противоречивы. Официальный «Монитор», конечно, предавался восторгам: «Никогда еще пораженным взорам французского народа не представало празднество более внушительное и одновременно более трогательное, нежели собрание на Марсовом поле». Это мнение разделял и англичанин Хобхаус, случайно оказавшийся в Париже:

– Мы увидели зрелище, великолепие которого не поддается описанию. Монарх, увенчанный белым плюмажем, восседал на троне, казавшемся сверкающей пирамидой из орлов, оружия и военных мундиров. Огромное пространство было заполнено солдатами, окруженными столь многочисленной толпой, что склоны с двух сторон являли собой ковер из челове-

* По старому стилю.

ских голов. Сам император, обстановка праздника – все способствовало тому, чтобы вызвать у нас невыразимое восхищение открывшемся нашему глазу зрелищем. Впечатление еще усиливалось тем, что сверкавшие так далеко, насколько хватало взора, штыки, каски и кирасы, развевавшиеся знамена улан, звучащая музыка извещали о том, что все это, вблизи и вдали, собиралось прийти в движение.

Прямо противоположного мнения о проведенном праздновании были роялисты. Один из них (герцог де Брой) брюзжал:

– Я увидел имперскую братию в парадных одеждах, с развевающимися плюмажами, в шляпах с загнутыми полями, в коротких плащах на испанский манер, в белых атласных панталонах, туфлях с бантами и всем прочим. Этот маскарад в минуту надвигающегося кризиса, когда Франции угрожало иностранное вторжение, этот маскарад, устроенный ради прекрасных глаз этих прекрасных господ, вызвал у меня негодование и презрение.

В своем праведном гневе герцог не потрудился вникнуть в суть того, что видел. Главным для него было то, что на политической арене Франции действовали не те, кого он желал бы лицезреть.

Газета «Сансёр» вынесла аналогичный вердикт, но уже от лица нации: «Выставленные напоказ кареты, роскошь, эскорты могут вызвать уважение у народа несмышленного, но никогда не произведут должного впечатления на взрослый народ, умеющий судить о людях и событиях. Мирабо уже в 1789 году говорил, что время уловок прошло. Сопrotивляться течению общественного мнения невозможно: вы либо плывете по течению, либо оно поглотит вас».

Упирая исключительно на внешнюю сторону праздника, противники императора сознательно замалчивали его суть – еще одну попытку Наполеона объединить нацию перед решительной схваткой с Европой. Республиканцы ждали от него призыва к революционной войне со старыми монархиями континента; либералы, закусив удила, рвались к власти, а народ... Народ пока безмолвствовал.

Словом, пресса лишний раз продемонстрировала, что она не только свободна, но еще и неблагодарна. Впрочем, инсинуации газетчиков мало трогали императора. К тому же в этот день

Брат Каролины Жером

(2 июня) у него было два приятных события. Первое: в Париж прибыла Летиция Бонапарт. Узнав об этом, Наполеон тотчас отправился в ее дом. Там были уже все его братья. Второе: вечером Совет министров утвердил список палаты пэров, назначенных императором.

В состав палаты вошли 117 человек. Среди них: четыре брата Наполеона (Жозеф, Люсьен, Луи и Жером), его дядя кардинал Феш и пасынок Евгений Богарне, находившийся в Вене. Среди остальных было немало людей известных и даже прославленных:

Груши, Даву, Камбасерес, Камбронн, Карно, Келлерман, Коленкур, Маре, Массена, Мортье, Ней, Рапп, Сульт, Тибодо и, конечно, вездесущий Фуше.

Правда, мало кто из них мог похвастаться знатностью происхождения или древностью рода. Но император на это говорил, что через несколько поколений у их потомков будет и то, и другое.

«Хотели оскорбить». 3 июня состоялось первое заседание Палаты представителей. Но еще за неделю до этого началась борьба между императором и депутатами за место ее председателя. Наполеон хотел, чтобы им стал Люсьен, так выручивший брата 18 брюмера. Но столкнувшись с крайне враждебным отношением депутатов, император снял кандидатуру Люсьена.

Не прошел и второй его претендент – Мерлен де Дуэ. На первом туре выборов он получил всего три голоса, а его противник умеренный либерал Ланжюине – 189. На следующий день (4 июня) прошел второй тур выборов и Ланжюине выиграл его.

Жан-Дени Ланжюине являлся самым старым и постоянным противником императора. Наполеон сделал его сенатором и графом, а он выступал против его пожизненного консульства и Империи. В 1814 году активно добивался отречения Наполеона. Как мог отнестись император к такой личности?

– Меня хотели оскорбить! – вскипел Наполеон, узнав о выборе депутатов. – Меня хотели ослабить в этот критический момент. Если дело обстоит таким образом я распущу эту ассамблею, я обращаюсь к Франции, которая признает только меня, которая только мне доверяет свою защиту и нисколько не принимает в расчет этих незнакомец, которые ничего не могут для нее сделать. Защищать революцию можно только пушками, а кто из них способен произвести хотя бы один выстрел?

Наполеон негодовал, а депутаты, подговариваемые Фуше, бездумно настаивали на своем. Им не терпелось узнать о решении императора относительно выбранного председателя Палаты. Тот в раздражении ответил, что сообщит его через дежурного камергера. Депутаты восприняли это как «оскорбление национального представительства». На что Наполеон резонно заметил, что они неизвестны народу и не могут представлять собой нацию, будучи избраны всего лишь 70 тысячами человек.

Были и другие конфликты. Так, депутат Феликс Лепелье предложил присвоить императору титул «спасителя отечества», но депутаты резко одернули его. Дошло до того, что один из депутатов выступил против обязательной присяги императору.

Наполеон угрожал, негодовал и вразумлял оппозицию, которую получил в лице депутатов нижней Палаты. Все было тщетно. Сторонники императора с трепетом ждали, когда же он приструнит парламент, но тот отступил. Он не только утвердил в качестве председателя Ланжюине, но и четырех вице-председателей (тоже либералов): Лафайета, Фложерга, Дюпона де л'Эра и генерала Гренье.

За прошедшие два с половиной месяца Наполеон заметно сдал и физически, и духовно. Барон Тьебо, наблюдавший императора в начале июня, оставил следующее впечатление о нем:

– Его взгляд, некогда столь грозный и испытующий, потерял свою силу и стал рассеянным. Лицо его, которое прежде столь часто светилось обаянием или казалось отлитым из бронзы, теперь потеряло всякое выражение и силу. Кривившийся рот утратил былое очарование. Сама посадка головы, отличавшая властелина мира, изменилась. Походка его стала скованной, а в манере держаться и жестах сквозила неуверенность. Все в нем казалось искаженным и разложившимся. Обычная бледность кожи приобрела явно выраженный зеленоватый оттенок, поразивший меня.

«Каждый думает о славе». Союзные войска между тем неуклонно приближались к границам Франции. 2 июня главная квартира русской армии находилась в Лудвигсбурге. Здесь же пребывал австрийский император.

В этот день Людовик XVIII обратился с официальной просьбой к Александру I о содействии в восстановлении королевской власти во Франции. Он писал о своем намерении возродить в стране конституционные законы и о движении роялистов. Последнее, кстати, пошло на спад после гибели 4 июня руководителя восстания в Вандее Луи де Ла Рошжаклена.

5 июня императоры Александр I и Франц были в шести милях друг от друга. А. Михайловский-Данилевский писал в своем походном дневнике: «Вчера около полудня я приехал в Гейльброн, небольшой городок, лежащий в прекрасной долине. Здесь наша главная квартира. Ежеминутно приезжают сюда генералы, офицеры, курьеры. Встречаются множество знакомых, товарищей и приятелей. Нет более ни придворных, ни вельмож, ни балов. Все приняло военный вид, каждый думает о славе, и все жалеют, что наши войска еще далеко от Рейна. Австрийская главная квартира в Гейдельберге».

Характерна в записи русского офицера цель похода – слава. Дворяне искали лавры и вели на убой десятки тысяч простых русских мужиков (вчерашних крепостных), не понимавших зачем их занесло в такую даль. Война со стороны 7-й коалиции приобрела захватнический характер, а их единение вырождалось в реакционный Священный союз, ставший вскоре жандармом Европы.

«Я стремлюсь к тому...». Создав парламент, Наполеон оказался в положении колдуна, вызвавшего злых духов – волей-неволей ему приходилось обращаться к тем, кто заносчиво именвал себя народными представителями. 7 июня император выступил перед палатами с тронной речью. Она была твердой и взвешенной. Прежде всего он заявил об отказе на единоличную власть:

– Прошло три месяца, как обстоятельства и доверие народа облекли меня неограниченной властью. Сегодня осуществляется самое настоятельное желание моего сердца. Я начал эпоху конституционной монархии.

Наполеон еще раз подтвердил свою готовность преобразовать все институты Франции в рамках принятой конституции, но все же указал на пределы допустимого.

– Я стремлюсь к тому, – говорил он, – чтобы Франция пользовалась всей возможной свободой. Я говорю – возможной, ибо анархия всегда ведет к неограниченной власти.

В качестве примера бесконтрольного использования свободы император указал на разнузданность прессы:

– Свобода прессы – неотъемлемая часть настоящей Конституции, в которой ничего нельзя изменить без того, чтобы не разрушить всю нашу политическую систему. Но репрессивные законы нужны, особенно в нынешнем состоянии нации. Я советую вам поразмышлять на эту важную тему.

Наполеон потребовал от депутатов утверждения финансовых мер правительства и призвал их быть примером доверия, силы и любви к родине в борьбе с внутренними и внешними опасностями:

– Наши враги рассчитывают на наши внутренние разногласия... Возможно, что первейший долг государя вскоре призовет меня встать во главе сынов нации, дабы сражаться за родину. Мы, армия и я, выполним свой долг.

Последней фразой император недвусмысленно призывал депутатов выполнить и их долг. Но как показали ближайшие же дни, парламент и Наполеон толковали понятие «долг» с весьма существенными расхождениями.

«Австрийцы сообщили нам предположения свои насчет военных действий, сочиненные генералами Дукою и Лангенау. План сей сочинен в таком предложении, как будто бы у Наполеона были несметные силы; страх, который он посеял в австрийцах столь силен, что даже и самые победы, одержанные ими в 1813 и 1814 годах, не могут их успокоить. Князь Шварценберг поднес предложения сии императору Францу, который отвечал ему письменно, что он согласен с мнениями в оном изложенными».

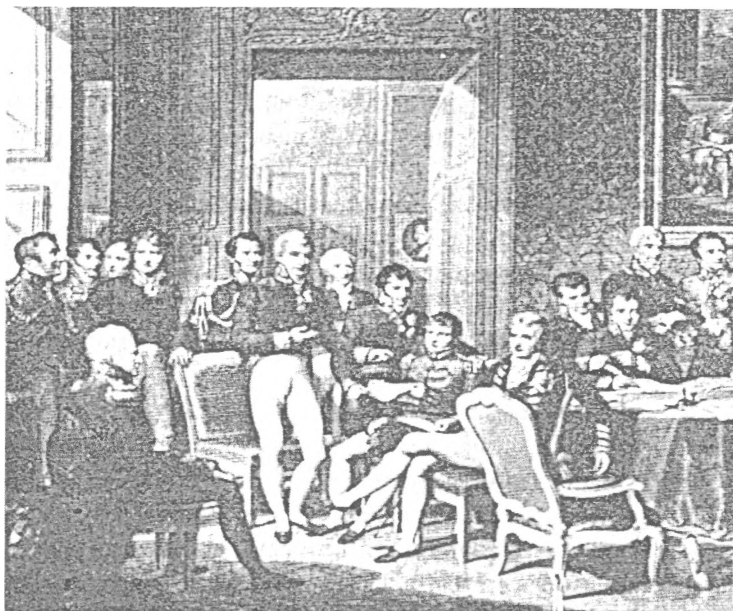
9–10 июня

Неслыханное беззаконие. В эти дни Наполеон завершал подготовку вновь созданной армии к походу на Восток – на страны 7-й коалиции. Выражаясь образно, последний французский солдат пришивал последнюю пуговицу к своему мундиру. А союзники в это время оформляли генеральный акт по разделу его бывшей империи.

9 июня завершилась работа Венского конгресса. В заключительном акте, принятом Австрией, Великобританией, Португалией, Пруссией, Россией, Швецией и Францией (в лице Талейрана), формулировались результаты передела Европы и колоний между победителями. Заключительный акт состоял из 121 статьи. Кроме того, в него входило семнадцать приложений: декларация об отмене работорговли, положение о свободе речных путей, положение о старшинстве дипломатических агентов и другие договоры и соглашения, заключенные во время работы конгресса.

Европу победители (в войнах 1813–1814 годов) поделили следующим образом. Бельгию подарили новому голландскому королю; за Данией утвердили, помимо Шлезвига, и немецкую Голштинию. Австрии отдали чисто итальянское население Ломбардии и Венеции. Германия оставалась раздробленной на 38 самостоятельных государств.

Польша снова была поделена на три части, причем из земель бывшего герцогства Варшавского создавалось новое «королевство Польское», которое должно было, по решению конгресса, находиться «в неразрывной связи с Россией». Оно управлялось на

Участники Венского конгресса. С картины худ. Ж.Б.Изабе

основании дарованной царем конституции. Познань, Гданьск (Данциг) и Торунь оставались за Пруссией, а Западная Украина (Галиция) – за Австрией.

Город Краков «с принадлежащею к оному областью» объявлялся «на вечные времена вольным, независимым и совершенно нейтральным городом» под покровительством России, Австрии и Пруссии». Пруссия в компенсацию за утраченные ею польские территории получила кроме северной части Саксонии, также остров Рюген и шведскую Померанию, а на западе – Рейнско-Вестфальскую область.

Австрия также значительно усилилась, получив Тираль, Вальтелину, Триест, Далмацию и Иллирию. В Модене, Тоскане и Парме были посажены на престол ближайшие родственники императора Франца I, связавшие себя тесными союзными договорами с Австрией. Такие же договоры объединяли с Австрией Королевство обеих Сицилий, где была восстановлена власть Бурбонов, и с Папской областью. Таким образом, власть Гасбургов распространялась почти на всю территорию Италии.

На речь императора палаты должны были ответить адресами. При составлении адреса в Палате депутатов Лафайет потребовал называть Наполеона героем, а не великим человеком.

– Звание великого человека предполагает высокие нравственные качества, без которых герой может легко обойтись, – комментировал это требование председатель палаты.

Император говорил о незыблемости Основного закона страны, а депутаты заявили о необходимости значительного изменения Дополнительного акта. Возлагая ответственность за развязывание войны на союзников, депутаты остерегали Наполеона от перенесении военных действий за границы Франции: «Даже воля победоносного государя была бы бессильна увлечь нацию за пределы необходимой для нее обороны».

Адрес первой палаты соответствовал духу обращения императора к парламенту, но в вопросе о войне пэры поддержали нижнюю палату: «Наши институты дают Европе гарантию, что никогда французское правительство не даст увлечь себя соблазном победы».

Строптивость депутатов выводила императора из себя, он негодовал:

– Я не Людовик XVI. Я не позволю предписывать себе законы адвокатам или отрубить себе голову бунтовщикам! За все уступки меня оскорбляют*.

Флери де Шабулону Наполеон с горечью говорил:

– Я с болью замечаю, что депутаты отнюдь не расположены сплотиться вокруг меня и что они не упускают не единой возможности, чтобы затеять со мной ссору. На что они жалуются? Что я им сделал? Я дал им много свободы, быть может, даже слишком много, ибо ныне короли более, чем нации, нуждаются в гарантиях. Я сделаю все, что в моих силах. Но если они думают, что им удастся сделать из меня «царя-чурбана», они ошибаются.

Непонимание Законодательного собрания и отчужденность большей части нации отнимали у императора силы и самым пагубным образом сказывались на его здоровье. Лафайет, наблюдавший за Наполеоном без всякого снисхождения отмечал в его

* Эта резкая фраза императора напоминает другую – времен Консульства: «Я солдат, сын Революции, и я не позволю, чтобы меня оскорбляли, словно короля».

облике и интонациях речи судорожную напряженность. Император уделил ему несколько минут личной беседы, и Лафайет писал своему другу: «Он показался мне старым деспотом, раздраженным той ролью, которую его положение вынуждало его играть».

Наполеон начал разговор с комплимента:

– Я нахожу, что вы помолодели. Деревенский воздух вам на пользу.

– Да, он мне очень помог, – ответил Лафайет. Приятелю же сообщил то, о чем умолчал в беседе с императором: «Я не мог сделать ему тот же комплимент, ибо нашел, что он очень переменялся и был до чрезвычайности напряжен. Поскольку ни один из нас не хотел отвести глаза, каждый прочел в них мысли другого».

«Страх столь силен...». 6 июня австрийским штабом был составлен конкретный план военных действий и изложен в записке главнокомандующего союзными войсками князя Шварценберга. По этому плану передовые соединения русской армии должны были подойти к Рейну 21 июня в районе между Майнцем и Мангеймом, после чего баварская армия под командованием баварского фельдмаршала Вреде начала бы боевые действия.

Австрия выставила против Наполеона две армии, одна находилась на Верхнем Рейне, другая в Северной Италии. Фельдмаршал Шварценберг считал, что «итальянскую» армию необходимо довести до 100 тысяч человек, а союзные войска расположить широким фронтом от Италии до Бельгии, что обеспечит свободу маневрирования во время военных действий.

Армия, ставшая на Верхнем Рейне, должна была перейти его у Базеля 25 июня и установить связь с «итальянской» армией. Английской и прусской армиям надлежало начать наступление 27 июня в направлении Лиона, Лангра и Нанси. Шварценберг полагал, что если даже Веллингтон и Блюхер потерпят поражение, русская и австрийские армии несомненно добьются успеха.

7 июня Александр I одобрил этот план, а его адъютант А.Михайловский-Данилевский язвительно пометил в дневнике:

Россия вышла из войн с наполеоновской Францией значительно расширившейся за счет земель бывшего герцогства Варшавского, Финляндии и Бессарабии*.

Это был прямой грабеж слабых государств, наглое попрание прав их народов. Поэтому Карл Маркс называл заключительный акт Венского конгресса одной из самых чудовищных фикций международного права, когда-либо известных в летописи истории человечества. С этим выводом согласен и более близкий нам по времени историк Луи Мадлен, который назвал заключительный акт документом «неслыханного в мире коллективного угнетения и беззакония».

Но это выводы общего порядка, а вот как связывает французский историк Доминик де Вильпен заключительный акт Венского конгресса с нашим героем: «Финальный документ официально подписан 9 июня 1815 года. Новая Европа констатирует кончину великой наполеоновской Империи в то самое время, когда Наполеон возвращается в Париж! Иными словами, она хоронит его заживо».

Союзное командование и монархи находились в эти дни в районе Гейдельберга. 10 июня там состоялось совещание представителей их армий. Итогом этого собрания стал протокол, в котором были определены характер и направление военных действий русской, австрийской и баварской армий.

11 июня

Не пожалеть бы о Эльбе! В последний день своего присутствия в Париже Наполеон побывал на мессе, принял депутатов парламента и провел совещание министров.

Делегация Палаты представителей поблагодарила императора за его отказ от чрезвычайных полномочий и провозглашение начала конституционной монархии. Депутаты заверили Наполеона в своей готовности сотрудничать с ним в деле защиты независимости Франции и обещали активно поддерживать конституцию.

* История дипломатии. М., 1965, т. 1, с.499–500.

Но император хорошо помнил, сколько у них претензий к Дополнительному акту. Помнил он и о пассивной позиции обеих палат по вопросу ведения боевых действий (только на территории страны). Он бежал от тошнотворной клоаки парламентских комбинаций, чтобы решить споры с депутатами своими победами. Поэтому Наполеон отвечал «этим адвокатам» холодно и презрительно:

«Господин президент и депутаты палаты, с удовлетворением я обнаружил мои собственные чувства в тех, что вы только что выразили. В этой суровой обстановке я полностью погружен в мысли о неминуемой войне, от успеха в которой зависят независимость и честь Франции. Сегодня вечером я уезжаю, чтобы возглавить мои армии: передвижения различных иностранных вражеских корпусов делают обязательным мое присутствие там, где находятся мои армии.

Во время моего отсутствия я был бы рад узнать об учреждении комиссии, назначенной каждой палатой, которой следует подумать о нашей конституции. В ней заложена наша вдохновляющая идея. Она должна стать нашей путеводной Полярной звездой в эти бурные времена. Любая политическая дискуссия, которая прямо или косвенно была бы направлена на то, чтобы приуменьшить доверие к принятым ею мерам, будет несчастьем для государства; мы бы оказались плавающими среди мелей без компаса и без руля. Наш нынешний кризис является крупнейшим; так давайте же не будем следовать примеру Византии, которая, осажденная со всех сторон варварами, выставила себя на посмешище католиков, занимаясь обсуждением абстрактных концепций в тот самый момент, когда стенобитные орудия разрушали городские ворота.

Будучи независимыми от законодательных мер, которых требует внутривластная обстановка, вы, возможно, считаете полезным заняться законами, служащими средством для защиты конституции. Эти законы могут стать предметом общественной деятельности, не причиняющей каких-либо хлопот.

Господин президент и депутаты палаты, чувства, выраженные в ваших речах, убедительно свидетельствуют о преданности палаты моей персоне и всем том патриотизме, который побуждает эту преданность. Во всех предпринимаемых делах

мой шаг всегда будет прямым и твердым. Помогите мне спасти родину. Являясь чрезвычайным представителем народа, я принял на себя обязательство, которое я теперь принимаю вновь: использовать в более спокойные времена все прерогативы короны и тот небольшой опыт, полученный мною, для того, чтобы помогать вам совершенствовать наши общественные и государственные учреждения».

Говоря о преданности депутатов его персоне, Наполеон выдавал желаемое за действительное, поскольку речь его была рассчитана на публику. В действительности он ни минуты не сомневался в негативном отношении к себе Палаты депутатов и очень мало надеялся на верхнюю палату – пэров. Поэтому перед отъездом в армию ввел в Государственный совет братьев Люсьена и Жозефа. Последнему поручалось председательствование в Совете во время отсутствия главы государства. Этой мерой император думал в какой-то степени ограничить амбиции Фуше и власть палат, хотя иллюзий не испытывал.

– Если вскоре я не выиграю ни одного сражения, – говорил он министром, – они (палаты) сожрут вас всех, сколь бы сильны вы ни были. Пока что нам надо выкручиваться как можно. Министры с портфелем будут управлять, государственные министры скажут все, что могут, а я пойду воевать. Если я сумею победить, мы заставим всех оставаться в рамках своих полномочий, и у нас будет время привыкнуть к этому новому положению вещей. Если победят меня, одному Богу известно, что случится с вами и со мной! Дней через двадцать – тридцать все будет решено. Пока будем делать, что возможно, а там посмотрим. Но пусть друзья свободы хорошенько подумают: если из-за своей неуклюжести они проиграют партию, выиграю ее не я, а Бурбоны.

Вечер Наполеон провел в кругу семьи и близких ему людей. Говорили о литературе и писателях, вспоминали смешные истории, избегая всяких намеков на настоящее. Император посадил себе на колени Да-да^{*}. Случайно его взгляд встретился с взглядом Фанни Бертран.

^{*} Сын Гортензии Луи, будущий император Наполеон III.

Наполеон с племянниками и племянницами

– Да, мадам Бертран, – вздохнул император, – главное, чтобы мы с сожалением не вспоминали потом остров Эльба!

Невольное признание императора поразило женщину: сомнения не были свойственны этому человеку с железной волей и твердой верой в свою звезду.

В десять вечера Наполеон, оставив гостей, удалился в свои апартаменты. За ним последовал Жозеф, который вручил брату бриллианты на 800 тысяч франков. Император передал их Маршану, велел упаковать в свой походный саквояж. Кроме того, он дал камердинеру два толстых пакета, скрепленных гербовой печатью. Один предназначался графине Валевской, его самой сильной страсти, другой – госпоже Пеллапра, его последнему увлечению.

Это было прощание с женщинами, которые сумели дать радость человеку, мешавшему всем. А он умел быть благодарным.

Другая война. Вопреки своему первому плану, вопреки мнению палат Наполеон решил вести наступательную войну, но по своему характеру она должна была резко отличаться от всех предыдущих кампаний.

– Речь идет не о том, чтобы возобновить старую войну, – говорил император. – Я знаю, чего следует избегать, а к чему стремиться. Когда-то я мечтал о великолепном будущем для Франции. Я отказался от этой мечты. Я хочу мира.

Но путь к желаемому миру лежал через войну, план которой состоял в следующем: «Упредить союзников и открыть военные действия прежде, чем они изготовятся. Они не могли начать военных действий ранее 15 июля. Следовательно, нужно было открыть кампанию 15 июня и разбить англо-голландскую и прусско-саксонские армии, расположенные в Бельгии, до прибытия на Рейн русских, австрийских, баварских, вюртембергских и прочих войск».

Превентивный удар по 7-й коалиции давал определенные преимущества. «Если нам удалось бы разбить английскую и прусскую армии, – полагал Наполеон, – то Бельгия восстала бы и войска ее пополнили бы французскую армию. Поражение английской армии повлекло бы за собой падение английского министерства, на место которого стала бы оппозиция, покровительница свободы и независимости народов. Одно это обстоятельство закончило бы войну. Если бы дело обернулось иначе*, победоносная армия пошла бы из Бельгии на соединение с 5-м корпусом, остававшимся в Эльзасе, и вместе с ним направилась бы к Вогезам – против русской и австрийской армий».

Конечно, этот план больше отвечал стремительности действий полководца, не говоря уж о том, что им обеспечивалась безопасность территорий Франции, обрекавшихся на разорение первым планом: Фландрии, Пикардии, Артуа, Эльзаса, Лотарингии, Шампани, Бургундии, Франшконтэ и Дофинэ. «Но можно ли было, – спрашивал Наполеон, – с армией в 140 000 человек разбить две неприятельские армии: англо-голландскую в 100 000 и прусско-саксонскую в 120 000 человек? Впрочем, – тут же оговаривался он, – не следовало сравнивать силы воюющих армий, основываясь на их численности потому, что союзные армии со-

* То есть Англия не вышла бы из войны.

стояли из более или менее хороших войск, но принадлежали народам, коих интересы и образ мыслей были различны»^{*}.

К сожалению, как показали ближайшие события, последнее обстоятельство не помешало этим армиям выдержать сокрушительные атаки противника, о котором французский дезертир говорил: «Это одержимые!» А генерал Фой писал о своих подчиненных: «Чувство, которое испытывают войска, не патриотизм, не энтузиазм, а остервененье на врага за императора». Шпион 7-й коалиции доносил командующему английской армией: «Чтобы дать понятие об энтузиазме французской армии, стоит только провести параллель между 92-м годом и нынешним, да и то сейчас перевес в сторону Бонапарта».

Как же выглядел командующий этой армией? Вот портрет Наполеона, оставленный его камердинером: «Очень высокий и чистый лоб. Темно-коричневые тонкие волосы, особенно на висках, но очень красивые и мягкие. Темно-синие глаза, выражающие самым потрясающим образом самые различные чувства. Очень красивый рот с губами, очерченными прямой линией, но довольно крепко сжатыми в момент раздражения. Белые и крепкие, хотя и не совсем ровные, зубы. Греческий профиль и красивой формы нос.

Его голова была довольно крупной, слегка продолговатой. Уши у него были маленькими, превосходной формы и прекрасно посажены. Рост его равнялся пяти футам двум дюймам трем линиям во французском измерении и пяти футам шести дюймам в английском»^{**}.

Его отличали довольно короткая шея, покатые плечи, широкая, почти безволосая грудь, стройные ноги, приятной формы бедра, маленькие ступни и правильной формы пальцы без каких-либо утолщений, наростов или ссадин. Руки его были прекрасно развиты и красиво свисали вдоль тела. Кисти рук были просто прекрасными».

Императору шел сорок шестой год, и он все еще вызывал интерес у женщин. Характерен в этом плане эпизод, о котором Наполеон рассказывал доктору О'Мира на Святой Елене:

^{*} Наполеон. Избранные произведения. М.:Воениздат, 1956, с. 740-741.

^{**} 167,64 сантиметра.

– Вечером, накануне моего отъезда из Парижа в Ватерлоо, во дворец пришла красивая англичанка и попросила разрешения повидаться со мной. Ее встретил Маршан, сообщивший, что это невозможно. В ответ она сказала, что она – английская дама и подруга мадемуазель Г., которую я хорошо знаю, и что она убеждена, я должен увидаться с ней. Она заявила, что я не могу отказаться от встречи с молодой девушкой, которая любит меня и восхищена моей личностью. Маршан объяснил ей, что я собираюсь на следующее утро покинуть Париж, и поэтому меня нельзя беспокоить. Услыхав это, она была явно огорчена и с большой неохотой ушла из дворца*.

12–14 июня

«Поехали, да побыстрее!» Наполеон оставил Париж в четыре часа утра. Его сопровождали брат Жером, министр финансов Годен, министр юстиции Камбасерес, адъютанты, военные помощники и два пажа. Садясь в карету, император заявил:

– Я еду помериться силами с Веллингтоном.

Но внешняя уверенность полководца далеко не соответствовала его внутреннему состоянию.

– Я уже не чувствовал, – признавался он позднее, – той полной уверенности в окончательном успехе, которая была неразрывно связана с моими прежними походами и битвами, потому что я уже достиг того возраста, когда люди перестают слепо верить в свою судьбу, а, может быть, потому что в моих собственных глазах и в воображении путь мой приближался к концу. Во всяком случае я ощущал некоторый упадок духа. Обычно сопутствующая мне Фортуна вдруг стала строгой, суровой богиней, от которой мне с большим трудом удавалось добиться немногих милостей, платя за них дорогой ценой – едва одерживал я какую-нибудь победу, как за ней сейчас же следовало поражение.

В столице остался регентский совет в составе братьев Наполеона Жозефа (председатель) и Люсьена, восьми министров с портфелями и четырех государственных министров.

* Маршан тоже рассказывал об этом случае. Его повествование более подробно, но суть происшедшего та же.

В дороге император дремал. Где-то к полудню очнулся у постоянного двора какого-то городка. Этот момент запечатлел в своих воспоминаниях А. Дюма: «Я видел, как стремительно, словно ураган, подкатили три экипажа, из-под колес которых летели искры из мостовой, запряженные мокрыми от пота лошадьми, с форейторами в праздничных ливреях, с лентами, напудренными париками.

– Где мы? – послышалось из кареты.

– В Вилле-Коттере, сир, – подсказали из толпы.

– Сколько лье до Парижа?

– Двадцать, сир.

– А до Суассона?

– Шесть лье, сир.

– Поехали, да побыстрее!»

В Суассоне император осмотрел фортификационные сооружения. Ночь провел в Лане, проделав за день около ста пятидесяти верст. 13 июня прибыл в Авен, где были сконцентрированы французские войска.

«Какое нам дело до...». За два с половиной месяца Наполеон поставил под ружье 500 тысяч человек, союзники – около миллиона. Большая часть французских вооруженных сил состояла из национальных гвардейцев, призванных защищать внутренние районы страны. Много людей находились в обсервационных корпусах, стоявших на границах. Десятки тысяч насчитывали части, боровшиеся с мятежами роялистов на юге и западе страны.

Численность армии, находившейся в распоряжении Наполеона превышала 125 тысяч человек при 350 орудиях. Она называлась Северной и состояла из пяти армейских корпусов, кавалерийского резерва и гвардии.

Армейскими корпусами командовали: 1-м – генерал Друэ д'Эрмон, 2-м – генерал Рей, 3-м – генерал Вандам, 4-м – генерал Жерар, 6-м – генерал Мутон. Кавалерийский резерв находился в подчинении маршала Груши. В него входили корпуса генералов Пажоля, Эксельманса, Келлермана и Мийо.

Гвардией командовал генерал Друо. Гвардейская пехота состояла из Старой, Средней и Молодой гвардии. В первую из них входили пешие гренадеры генерала Фриана и пешие егеря

генерала Морана. Молодая гвардия находилась в подчинении генерала Дюзма. Легкой кавалерийской дивизией Старой гвардии командовал генерал Лефевр-Денует, тяжелой – генерал Гийо.

В состав гвардии входила отборная жандармерия (106 человек) генерала Дотанкура, саперы Старой гвардии (112 человек), моряки гвардейского экипажа (107 человек) и артиллерия. Пешей артиллерией Старой гвардии командовал генерал Доминик Дальман, конной – полковник Дюшан.

Северной армии противостояли войска Англии и Пруссии, дислоцированные в Бельгии. Их общая численность превышала армию Наполеона на 103 тысячи человек. Но это не смущало храбрых французов.

– Какое нам дело до численности неприятеля? – рассуждал поручик Мартен. – В наших рядах состарившиеся, одержавшие одну победу за другой солдаты, судьба которых сделала их на несколько лет пленниками, но от этого они не стали менее грозными. За сколько причиненных им несчастий они собирались отомстить, их гнев только усиливала природная их храбрость. Эти опаленные испанским солнцем лица, задубевшие на морозе в России, освещались радостью при мысли о предстоящей баталии.

Северная армия была самой лучшей из всех, которыми командовал Наполеон. В ней не было иностранцев – немцев, которые предают, или неаполитанцев, которые сражаются, когда им это заблагорассудится. Северная армия – сплошь французская (в ней не было новичков, ставших героями романа Эркмана – Шатриана «Новобранец»).

Армия Наполеона состояла в основном из ветеранов: оставших офицеров, получавших половинный оклад при Людовике и жаждавших отомстить за свое унижение; бывших военнопленных, изведавших все превратности судьбы; старых солдат, перенесших эпидемии, осады городов и крепостей, холод и голод российских просторов. Словом это была элита элит, отчаянные храбрецы и профессионалы, благоговевшие перед императором. Современники утверждали:

– Он был монархом, но вышедшем из Революции, и они любили солдата, который возвысился сам и возвышал других. В нем все возбуждало. Упрекнуть его было не в чем (генерал Сегюр).

– Войска охвачены не просто чувством патриотизма, а настоящей страстью к императору и яростью к противнику (генерал М. Фуа).

– Никогда еще энтузиазм и вера в будущее у офицеров и солдат не были столь велики (полковник Трефкон).

Существенным недостатком Северной армии была нехватка способных офицеров высшего ранга, возвращенных войнами Наполеона. Бертье погиб 1 июня (упал или был сброшен с балкона собственного дома). Мармон, Гувьон Сен-Сир, Периньон, Виктор и Макдональд остались с королем Людовиком XVIII. Массена и Мортье были больны. Даву остался в Париже. Мюрат рвался к императору, но после предательства 1814 года войска не воспринимали его. Оставались маршалы Ней и Сульт. Впрочем, и их репутация была сильно подорвана угодничеством перед Бурбонами.

По существу выбор у императора был невелик. Вот как определял его американский историк В. Слоон: «Рейль, Эрлон и Фуа приобрели себе боевой опыт в войнах на Пиренейском полуострове. Известно, что двадцать два года под знаменами значительно цивилизовали «Дикого гунна», как прозвали маршала Вандама. Келлерман покрыл себя славой под Маренго, Лобау был известен своей неустрашимостью, а Жерар отличился в кампании двенадцатого года. Воинские заслуги Груши казались довольно сомнительного свойства, но, тем не менее, он отличился под командой Журдана и Моро, а затем в продолжении долголетней службы, не сделал ничего такого, что могло бы запятнать его репутацию».

Испытывая недостаток в офицерских кадрах, Наполеон уволил из армии всего около сотни роялистских офицеров, большинство продолжало служить. Это порождало недоверие солдат к командному составу, создавало психологическую напряженность. Капитан Модюи говорил о чувствах, испытывавшихся армией:

– Только младшие офицеры и солдаты, за редчайшим исключением, сохранили благородную страсть, военное чутье, жажду боя! Многие генералы были недостойны командовать такими войсками: одни, предатели в душе, желали поражения нашей армии. Другие, слабодушные, нерешительные и вялые, шли в бой против воли.

Был еще один минус у французской армии – в техническом плане она немного уступала союзникам. По мнению военных историков, Наполеон, мягко говоря, довольно сдержанно относился к техническим новинкам и не пошел дальше новшеств, введенных в армии еще при Людовике XVI.

Французская армия была вооружена винтовками образца 1777 года. Скорость стрельбы из них составляла четыре пули в три минуты. После пятидесяти метров ее эффективность сильно подала. Скорость стрельбы пушек – два выстрела в минуту, дальность – 600 метров. Артиллерия стреляла ядрами и картечью, английская шрапнель ей была неизвестна.

Небольшое техническое преимущество союзных армий и огромное в артиллерии и людях в конечном счете сыграли свою роль. Поэтому после Ватерлоо говорили:

– Таким образом, секреты военного искусства Наполеона смогли восполнить отсутствие 100 000 человек, которых ему не достало.

Вода и пламень. Нидерландская армия (Веллингтон) располагалась в Бельгии, развернувшись фронтом шириной в 170 километров от побережья Северного моря до Франа и Жемаппа. Штаб Веллингтона размещался в Брюсселе.

По своему составу Нидерландская армия была разношерстна: 35 тысяч англичан, 6 тысяч из немецкого королевского легиона, 34 тысячи ганноверцев, 7 тысяч брауншвейгцев, 32 тысячи голландцев, бельгийцев и прочих. В этой мешанине выделялись английские и германские части. Их кавалерия, имея очень хороших лошадей, могла производить смелые и стремительные атаки, а пехота славилась стойкостью и превосходно стреляла.

Командующий Нидерландской армией английский фельдмаршал Артур Колли Уэлсли Веллингтон был ровесником Наполеона. Происходил из аристократического рода, известного с XVI столетия. Окончил Итон и французскую военную школу в Анжере. Службу начал весной 1787 года. Десять лет воевал и губернаторствовал в Индии, пять – в Португалии и Испании.

Герцог Веллингтон

В войнах на Иберийском полуострове Веллингтон прославился своим умением изматывать врага и выжидать подходящий момент, чтобы перейти в сокрушительную контратаку. Сенатор Луи Понтекулан так определял его тактику:

– Она состояла в том, чтобы занять удобную позицию, выгодно используя местный ландшафт, измотать противника, заставляя того тратить силы на бесполезные атаки, а затем, когда противник будет утомлен и слаб, ввести в бой свежие силы, которые сохранялись в резерве вне досягаемости пуль и ядер. Он всегда применял одни и те же приемы. Для подобной стратегии требовались только стойкость и терпение, и два эти качества, составлявших всю гениальность английского генерала, как нельзя лучше соответствовали характеру армии, которой он командовал.

Да, эта тактика не блистала особыми находками и оригинальностью, но она всегда обеспечивала Веллингтону успех. Ему приходилось и отступить с занятой позиции (правда, редко), но поражений он никогда не испытывал, о чем не любят говорить историки.

Прусская армия (Верхнерейнская) кардинально изменилась с 1806 года, после позора Йены и Ауэрштедта. Проведенные реформы приблизили эту армию к ее победительнице. Аморфное образование, державшееся на железной дисциплине и жесточайших телесных наказаниях, превратилось в национальную армию, которая болезненно воспринимала прошлые неудачи и офранцуживание прирейнских территорий.

Воплощением крайнего национализма этой армии был ее главнокомандующий Гебхард Леберехт Блюхер, который ненавидел французов и все французское. Перед своими войсками он поклялся поймать и повесить Наполеона.

Несмотря на весьма солидный возраст (73 года), Блюхер сохранял поразительную физическую бодрость. Отличное физическое состояние и отвага были хорошими импульсами для всегдашней устремленности полководца вперед. Солдаты так и называли его – «маршал Вперед».

Веллингтон и Блюхер прекрасно дополняли друг друга. Один – расчетливый флегматик, другой – грубый, необузданный и неистовый. Вода и пламень! Их союз оказался решающим в молниеносной кампании 1815 года.

Английская (Нидерландская) армия имела в своих рядах 110 500 человек при 222 орудиях, прусская – 117 600 при 296 орудиях. Перевес над французской подавляющей! Поэтому их главнокомандующие были уверены в своей неуязвимости. Веллингтон говорил:

– Буонапарте нас не атакует.

– Мы слишком сильны, чтобы нас атаковать, – соглашался с ним Блюхер, и сообщал жене: «Скоро будем во Франции. Можем запросто проторчать здесь еще год: Бонапарт не осмелится нас атаковать».

«Победить или умереть». Наполеон оказался перед выбором: начинать военные действия самому или ждать нападения противника. Последнего, кстати, требовали обе палаты Законода-

тельного собрания. Кроме того, ведение войны на своей территории наглядно показывало ее виновника и давало возможность свободнее маневрировать своими войсками, действовать на коммуникации противника.

Но были и отрицательные моменты в такой войне: потеря части территории страны, что, конечно, вызвало бы недовольство департаментов, которые подверглись бы нашествию, и несовместимость такой стратегии с характером полководца, привыкшего к наступательным действиям.

В наступательной стратегии был ряд преимуществ. Прежде всего, время наступления определял нападавший. Он же намечал и место вторжения. Его внезапность давала надежду навязать первые сражения в условиях неблагоприятных для противника. Ну, а если дошло до битвы, полагал Наполеон, – подавай победу!

– Во всех сражениях, – говорил император, – наступает момент, когда самые бесстрашные воины после совершенных ими тяжких усилий готовы обратиться в бегство. Искусство ведения битвы состоит в том, чтобы создать для этого благоприятный момент и изобрести подходящий предлог.

Армии союзников, развернувшись широким фронтом от Северного до Терентского моря, готовились к одновременному вторжению во Францию в конце июня. Значит, надо было опередить их. Но где лучше всего вступить в неравную схватку? По существу выбора тут не было: австрийцы и русские еще шагали по землям Германии и Северной Италии, а англичане и пруссаки уже стояли в Бельгии близ французских границ. Равнинная страна была удобна в двух отношениях: в топографическом плане и в политическом. Наполеон очень надеялся на благожелательное отношение населения этой страны, насильно присоединенной союзными монархами к Нидерландам.

Бельгия устраивала его больше и потому, что давала возможность разгромить английскую и прусскую армии поодиночке, так как они стояли на довольно значительном расстоянии (в 56 километрах) друг от друга. А победа над этими противниками, могла бы приостановить дальнейшее кровопролитие.

Эти соображения и побудили Наполеона, сторонника решительных действий, предпочесть стратегии обороны стратегию наступления, стратегию быстрых и решительных действий.

Северная армия тремя колоннами скрытно подтягивалась к границе с 5 июня. 14-го она вся сосредоточилась позади леса за Бомоном. Утром этого дня Наполеон находился в Авене и писал брату Жозефу в Париж: «Я перенесу штаб-квартиру в Бомон. Завтра я пойду на Шарлеруа, где находится прусская армия. Либо там произойдет сражение, либо противник отступит. Моя армия превосходна, погода хорошая».

Решение императора нанести первый удар по прусской армии объяснялось чисто психологическими причинами: горячий Блюхер, постоянно рвущийся в бой, не отступит, а осторожный Веллингтон может и отказаться от сражения.

Днем Наполеон провел последний смотр войск и выступил перед ними с краткой речью:

«Солдаты! Сегодня годовщина побед при Маренго и Фридланде*, которые дважды решали судьбы Европы. Тогда, как и после Аустерлица, как после Ваграма, мы были слишком великодушны, – мы поверили словам принцев, которых оставили на троне. Теперь, соединясь вместе, они посягают на независимость и священные права Франции. Они начали несправедливейшее нападение. Пойдем навстречу им, и мы, и они – теперь другие люди.

Солдаты, при Йене против тех же пруссаков, сегодня столь надменных, вы сражались числом один против троих, при Монмирайе – один против шести. Безумцы! Временное благополучие ослепило их. Если они вторгнутся во Францию, они найдут там свою могилу.

Солдаты, нам предстоит идти форсированным маршем, вступать в сражения, подвергаться опасности, но если мы будем стойки, победа будет за нами. Права, честь и отечество будут отвоеваны. Для всякого француза с душой настала минута – победить или умереть».

Войска восторженно встретили своего «маленького капрала». По доносам английских лазутчиков, они не могли прийти в себя от удивления и доносили в штаб Веллингтона, что обожание Наполеона в армии дошло до умопомешательства.

* Сражение при Маренго произошло 14 июня 1800 года, при Фридланде – 14 июня 1807 года.

Вечером император перебрался в Бомон. Здесь он отдал приказ о форсировании утром пограничной реки Самбры. Жребий был брошен.

...Между тем, за несколько дней до этого приказа Наполеона в Гейдельберге, где находились русский и французский императоры, объявился пророк Мюллер. В 1807 году он предсказал прусскому королю освобождение его государства от французского владычества. Теперь он утверждал, что военные действия с армией Наполеона начнутся 14 июня. Что вскоре после этого произойдет жестокая битва, в которой центр союзных армий будет опрокинут. Но битва закончится удачно для союзников, которые ударят по неприятелю с флангов и уничтожат его.

Высокие персоны с сомнением внимали народному вещуну. Да и как было поверить какому-то крестьянину, если сам Веллингтон писал 14 июня Александру I, что планирует атаковать французов в конце месяца. Какая же битва может быть в его середине? О том, что первым может атаковать Наполеон, союзники не допускали и мысли.

15–16 июня

«Некоторые генералы что-то потеряли». В три часа утра Северная армия тремя колоннами выступила к Шарлеруа, у которого соприкасались английская и прусская армии. Целью Наполеона было вклинуться между ними и разгромить поодиночке. Для этого французская армия должна была действовать стремительно и четко, но этого не получилось.

Левое крыло Северной армии под начальством Рейля выбило передовые прусские части из Тюена и в десятом часу утра достигло правого берега Самбры. Здесь французы остановились и почти два часа готовились к штурму селения Маршьенн. Лишь незадолго до полудня они овладели мостом через реку, и генерал Рей начал переводить войска II-го корпуса на левый берег. Мост был очень узкий и переправа отняла много времени. I-й корпус, шедший следом, вступил на мост только в 16.30.

В центре Северной армии, где находился сам Наполеон, были сосредоточены главные силы: войска Пажоля, Вандама,

Лобау, Эксельмана, Келлермана, Мало и гвардия. В их движении произошло серьезное замедление. III-й корпус Вандама еще спал, когда VI-й корпус Мутона, который должен был следовать за ним, «налетел» на его лагерь. Оказалось, генерал Вандам не получил приказа о движении (!) и выступил к Шарлеруа с четырехчасовым опозданием.

Инцидент этот был вызван неосмотрительностью начальника штаба Сульта, который поручил доставку приказов в корпуса всего лишь одному адъютанту, который встретился с неприятельским разездом и был убит. Похожая ошибка была допущена с кавалерией Груши, о которой забыли на многие часы. Корпус Друэ д'Эрлона также отправился в путь с многочасовым опозданием.

Сульт получил выговор императора. Наполеон объявил промедление генералов, вызванное неосмотрительностью начальника штаба, «прискорбным несчастьем».

Действительно, срыв графика движения колонн, разработанного главнокомандующим, привел к тому, что между девятью и десятью часами у моста к Шарлеруа оказался только Пажоль с кавалерией. Без поддержки пехоты захватить переправу он, конечно, не мог.

Около одиннадцати часов туда прибыл император с Молодой гвардией генерала Дюзма. Гвардейские саперы и моряки из дивизии Дюзма разобрали и сбросили в реку баррикаду, загромождавшую мост к Шарлеруа. Получив свободный проход, французы переправились через реку, пересекли Шарлеруа с юга на север и продолжали преследование противника. Прусские войска отступали по трем разным направлениям: на Флерюс, Жийи и Госсли.

Правое крыло Северной армии под начальством Жерара выступило из лагеря в пять утра, но вскоре остановилось из-за происшествия еще более серьезного, чем нарушение графика движения: генерал Бурмон, командир 14-й пехотной дивизии IV-го корпуса, дезертировал со своим штабом. В свое время генерал-лейтенант Луи-Огюст-Виктор де Гэн де Бурмон был помощником Нея, командовавшего королевскими войсками, посланными против Наполеона. Благодаря ходатайству маршала он получил должность командира дивизии, которую покинул перед схваткой с врагами Франции.

Вместе с пятью посвященными в его план офицерами штаба Бурмон переметнулся к противнику. Проехав французские аванпосты, он отпустил конвой из пяти егерей, передав с ними письмо генералу Жерару, в котором пытался оправдать свои действия: «Я не хочу способствовать установлению во Франции кровавого деспотизма, который погубил бы мою страну. Я подал бы в отставку и отправился домой, если бы мог поверить, что буду сам себе хозяином. Мне это показалось маловероятным, и я вынужден был обеспечить свою свободу другими путями. Меня не увидят в рядах чужеземцев. Они не получают от меня никаких сведений, способных нанести урон французской армии, состоящей из людей, которых я люблю и к которым продолжаю быть горячо привязан».

Этот «патриот» оказался еще и лжецом. Достигнув передовых постов прусской армии, он тут же предупредил полковника фон Шуттера о предстоящей атаке на Шарлеруа и передал копию оперативного приказа Наполеона. Немного позже Бурмон сообщил пруссакам о общей численности Северной армии. Около трех часов дня перебежчик встретился с Блюхером, который принял его весьма холодно. Штабному офицеру, советовавшему полюбезнее отнестись к французскому генерал-лейтенанту, старый фельдмаршал заявил:

– Собачьи отбросы всегда останутся собачьими отбросами!

Жерару пришлось потратить много времени на то, чтобы успокоить войска, преступно брошенные их командиром. При сложившихся обстоятельствах он лишь к наступлению ночи дошел до Шатле, верстах в семи ниже Шарлеруа, где овладел мостом на Самбре и переправил половину IV-го корпуса на левый берег реки.

Известие о предательстве Бурмона произвело самое пагубное впечатление на всю Северную армию, на моральное состояние войск. Все восприняли измену командира 14-й дивизии, как удар ножом в спину. В армии сразу стали распространяться слухи о возможном предательстве других генералов. Не очень надеялись на маршалов Нея и Сульта. Недоверие к высшим командиром вспыхнуло с той же силой, как и в годы Великой революции.

Между тем, Наполеон, не слезавший с лошади с четырех часов утра, в 14.30 оказался на перекрестке дорог Шарлеруа – Брюссель и Шарлеруа – Флерюс. Здесь он спешился у кабачка «Бельвю» и ... заснул. Сон был настолько крепким, что императору не смогли помешать громовые приветствия прибывавших войск. Крепким, но коротким. В 15 часов Наполеон принимал маршала Нея, прибывшего из Парижа. Тот уже знал о предательстве Бурмона. Поэтому император спросил:

– Вот, маршал, что скажете о человеке, которому вы покровительствовали?

– Ваше величество, – отвечал «храбрый из храбрых», – я надеялся на Бурмона, как на самого себя.

– Верьте, – прервал Наполеон Нея, – что синие всегда останутся синими, а белые – белыми.

Император назначил маршала командующим левым флангом Северной армии, подчинив ему I и II корпуса, кирасир Келлермана и легкую кавалерию гвардии – дивизию генерала Лефевра-Денуэтта, состоявшую из конных егерей и шиволежеров-улан. Задачей Нея являлось овладение селением Госсли.

В момент получения этого приказа маршал имел в своем распоряжении часть II-го корпуса и гвардейскую легкую кавалерию. После короткой схватки французы взяли Госсли. Дальше на север находилось селение Фран. В 17.30 к нему подошел полк шеволежеров-улан гвардии, который был встречен пушечными выстрелами.

Дождаясь подхода пехоты, генерал Лефевр-Денуэтт послал часть своих улан в обход Франа. Они дошли до фермы Катр-Бра, еще не занятой противником, и ... вернулись назад. Тем самым была упущена возможность овладеть важнейшим стратегическим пунктом, от которого шли дороги на Брюссель и Самбрефф. По первой из них двигались войска Веллингтона, по второй располагались основные силы прусской армии. Владея Катр-Бра, Наполеон имел реальный шанс разъединить союзные армии и разгромить их поодиночке.

Но здесь требовалась быстрота действий. Нея упустил свой шанс. Пока он колебался Катр-Бра заняли англичане. Сделав несколько вялых попыток выбить их, маршал около 20 часов отошел к Франу. Это было совершенно необычно для Нея, все-

гда отличавшегося в сражениях необыкновенной дерзостью. По-видимому, на него сильно повлиял инцидент с Бурмоном, лишив обычной активности. Полковник Эйме, адъютант маршала, защищая его, говорил о том, что Ней вступил в командование уже в ходе боевых операций и не мог сразу правильно сориентироваться:

– Войска были измучены двадцатичасовым переходом. Маршал не знал имен ни генералов, ни полковников. Он не знал, насколько сильны полки, он вовсе не знал, какое количество солдат смогло последовать за авангардом, не отстав от него за время столь долгого пути.

Словом, ждал, когда последний солдат пришьет последнюю пуговицу к своему мундиру. Поэтому капитан Модюи, один из тех, кто напрасно ждал приказов маршала, возражал его адъютанту:

– Сколько драгоценного времени было потеряно и сколько крови пришлось пролить, чтобы исправить допущенную ошибку! Прождать с оружием наготове и в седле почти десять часов в виду пяти – десяти батальонов и одной – двух батарей, когда одной решительной атакой можно было опрокинуть все. Именно в этом и состоит одна из серьезнейших ошибок, допущенных во время кампании 1815 года.

Одновременно с левым крылом Северной армии развивали наступление войска правого фланга, начальство над которыми принял Груши. Опередив Молодую гвардию, которая переправлялась у Шарлеруа через Самбру, маршал помчался в сторону Жийи, чтобы присоединиться к 1-му кавалерийскому корпусу Пажоля, преследовавшего пруссаков.

Около 15 часов вслед за гвардейцами Дюзма мост перешли драгуны Эксельманса и тоже направились к Жийи. За ними показалась головная дивизия III-го корпуса Вандама. Подгоняя его (корпус), Наполеон сам поехал по дороге Жийи-Флерюс, которую прикрывал прусский генерал Пирх 2-й. Прибыв к Жийи, император осмотрел позицию, занятую противником, и велел Груши и Вандаму атаковать ее с тем, чтобы отбросить пруссаков до Самбреффа.

Уверенный в успехе операции, Наполеон уехал в Бельвю, чтобы узнать, как идут дела у Нея. В отсутствие императора ме-

жду маршалом и генералом произошла стычка. Под тем предлогом, что у него нет письменного приказа, Вандам отказывался подчиняться Груши.

– Сударь, не в моих привычках получать приказы от генерала кавалерии, – сухо заявил он Груши.

Затем никак не могли согласовать общие действия. Потом ждали подхода отставших частей III-го корпуса. Так в бездействии прошло два часа. В 17.30 Наполеон, удивленный и раздраженный тем, что со стороны Жийи не слышно пушечных выстрелов, вернулся туда и категорически приказал Вандаму атаковать вражеские позиции.

После короткой канонады французская пехота тремя колоннами устремилась на пруссаков, которые сразу начали отступать. Наполеон, не желавший видеть, как неприятель уходит от него без потерь, приказал генералу Летору, своему адъютанту, атаковать прусскую пехоту эскадронами императорского конвоя.

Летор, не ожидая полного сбора конвоя, устремился вперед с одним эскадронам гвардейских драгун (остальные три эскадрона вступали в бой по мере своей готовности). Он догнал и атаковал противника, но два прусских батальона все же успели укрыться в Солейлемонском лесу. Два других встретили французов, построившись в каре. Драгуны смяли и рассеяли их. Уцелевшие пехотинцы бежали к лесу. Преследуя их, Летор был смертельно ранен. Гвардейские драгуны, обожавшие своего командира*, мстя за него, беспощадно убивали всех пруссаков, которых удавалось догнать.

Груши, выполняя приказ императора, хотел овладеть Флерюсом и оттеснить противника до Сомбреффа, но Вандам опять отказался повиноваться маршалу. Ссылаясь на крайнюю усталость своих войск, он не пожелал преследовать врага и разбил биваки III-го корпуса около Солейлемонского леса, а Груши не решился атаковать Флерюс без поддержки пехоты и остановился на расстоянии двух пушечных выстрелов от него.

* Будучи адъютантом императора, Летор одновременно являлся и командиром драгунского полка гвардии.

Итог дня в целом был положительным. Северная армия переправилась через Самбру. Ее левый фланг сдерживал англичан, а правый теснил пруссаков. Наполеон, находясь в центре, мог маневрировать. У него еще оставалась надежда разбить армии Блюхера и Веллингтона поодиночке.

Но вместе с тем, начало военных действий обнаружило слабость работы штаба, что привело к серьезным нарушениям графика движения войск. Впервые за два десятилетия своей военной карьеры император столкнулся с прямым игнорированием его приказа. И, наконец, армия в буквальном смысле слова была травмирована предательством одного из ее высших командиров. Но, особенно насторожила Наполеона нерешительность, проявленная Неем и Груши.

– Некоторые генералы что-то потеряли в своей отваге, решительности и уверенности, с помощью которых они приобрели себе славу и удачу в прошлых кампаниях.

«Дать сражение здесь». Первые сообщения о движении французов Веллингтон, находившийся в Брюсселе, получил через принца Оранского вскоре после полудня. Он тут же приказал войскам приготовиться к выступлению. В 17.00 Веллингтон двинул их с таким расчетом, чтобы сосредоточить всю армию под Нивелем, самым восточным пунктом, который имелось в виду занять.

В десять вечера английский главнокомандующий уехал на бал к герцогине Ричмондской. Удивленному прусскому офицеру для связи Мюфлингу он так объяснил свое «пристрастие» к танцам:

– Мои войска поведут сражение на марше. Но здесь сторонники Наполеона начинают поднимать голову. Нужно ободрить наших друзей. Садимся на лошадей в три утра.

Через двадцать минут на бал прибыл принц Оранский. У него были новые сведения о развитии событий на Самбре. Это внесло коррективы в план Веллингтона – принц был послан в Катр-Бра. Затем в особую комнату был приглашен герцог Ричмондский, которому предстояло командовать резервными войсками. Заперев за ним дверь, фельдмаршал разразился крепким словом. Немного успокоившись, пояснил причину своей досады:

– Наполеон меня надул!

После чего, взяв карту, сказал хозяину дома, что приказал армии сосредоточиваться уже не в Нивеле, а в Катр-Бра и прибавил:

– Впрочем, там не удастся его остановить. Должно быть, придется дать ему сражение здесь.

При этом ногтем большого пальца Веллингтон указал на карте Ватерлоо.

16 июня, Линьи и Катр-Бра

«Храбрость превратилась в ярость и жестокость». Ночь с 15 на 16-е Наполеон провел в Шарлеруа, в доме кузнечно-го мастера Тюиссана. Прибыв туда, смертельно уставший император, сразу бросился в кровать, но долго спать ему не пришлось. В полночь явился Ней, прибывший с отчетом. Затем последовали рапорты других командиров.

Опасаясь, что Веллингтон предпримет наступление, Наполеон в 3 часа 48 минут был уже на ногах. На рассвете он послал Нею записку, в которой требовал захватить позиции в Катр-Бра: «Быстрый неожиданный маневр отсечет английскую армию от Монса, Остенде, и я требую разработать вашу диспозицию как можно лучше, чтобы ваши восемь дивизий быстро, без всяких препон двинулись на Брюссель».

После шести утра Наполеон решил направить войска Груши на Самбрефф и Жамблу. Свой резерв он планировал сосредоточить при Флёрюсе, чтобы иметь возможность вовремя присоединиться с ним к левому крылу армии у Катр-Бра. После взятия последнего император собирался ночным переходом достичь Брюсселя, что несомненно «произведет значительный моральный эффект».

Около восьми утра Наполеон получил записку от Груши, который сообщал о движении по дороге из Намюра сильных неприятельских колонн к Бри и Сент-Аману. Это означало, что Блюхер маневрирует в расчете взаимодействовать с армией Веллингтона. Тактическая обстановка кардинально менялась, но император не стал отменять своих приказов о двойном движении – на Самбрефф и Катр-Бра.

Около 10.00, когда Наполеон выезжал к Флерюсу, от Нея прискакал уланский офицер с сообщением о том, что со стороны Катр-Бра показалась масса неприятеля. Император, полагая, что маршал справится с этим пополнением противника, передал ему через Сульта подтверждение прежнего приказа: «Блюхер был вчера в Намюре. Невероятно, чтобы он смог направить войска к Катр-Бра. Таким образом, вы имеете дело лишь с тем противником, который пришел из Брюсселя. Объедините корпуса графов Рейя и д'Эрлона и корпус графа де Вальми. С этими силами вы должны сражаться и разбить все вражеские корпуса, которые могут появиться перед вами!»

Через час Наполеон прибыл в селение Флерюс, на рассвете оставленное пруссаками. Своим наблюдательным пунктом он избрал кирпичную мельницу, имевшую форму башни. Саперы, пробив брешь в ее кровле, устроили для императора подобие «лоджии», с которой хорошо просматривалась равнина, лежавшая перед ним.

Местность, занятая прусской армией, представляла собой линию покатых возвышенностей, на которых находились деревни Бри (на западе) и Тонгринн (на востоке), между ними – местечко Самбрефф. У подножия высот протекала узкая речка, берег ее (противоположный французам) представлял собой естественную траншею. Вдоль речки тянулось большое село Линьи. В нем находилось две фермы, старый замок и церковь с кладбищем, окруженным стенами. Все это представляло весьма значительное препятствие для наступающих.

У Линьи Наполеон увидел прусские посты, а чуть дальше – передвигавшиеся массы войск. Он понял, что перед ним вся армия Блюхера и был этим доволен. В распоряжении императора были III-й корпус Вандама, два кавалерийских корпуса и гвардия, но он решил ждать подхода IV-го корпуса Жерара, не зная, что Блюхер в этот момент сильно уступал французам в численности, имевшихся у него сил. То есть проявил ту же слабость, в которой упрекал своих маршалов – нерешительность. Военный историк Жомини объяснял это болезненным состоянием Наполеона:

– То, что сделал император этим утром, навсегда останется проблемой для тех, кто его очень хорошо знал. Он болел. Причина его недостаточной активности в сих решительных обстоятель-

ствах не может иметь иного объяснения, кроме плохого состояния его здоровья.

Пока Наполеон медлил, в деревне Бри встретились Веллингтон и Блюхер. О совместных действиях они договориться не сумели, но английский главнокомандующий понял главное. С мельницы деревни он наблюдал движение французских войск от Флерюса к Линьи. Это убедило Веллингтона в том, что именно здесь произойдут главные события дня. Прощаясь с Блюхером, он обещал:

– Ну, хорошо! Я буду наступать, если только меня самого не атакуют.

Жерар, которого с нетерпением ждал Наполеон, выступил из Шатле в восемь утра. Десять километров, отделявших IV-й корпус от Флерюса, он шел пять часов! Но император не ограничился его прибытием. Желая наголову разбить Блюхера, он решил взять часть войск с левого фланга Северной армии. Генералу Жерару по этому поводу он говорил:

– Может статься, что за три часа решится участь войны. Если Ней хорошо выполнит мои приказы, от этой армии не уцелеет ни одна пушка.

Наполеон хотел, чтобы Ней после захвата Катр-Бра (в чем он не сомневался) обошел правый фланг прусской армии и ударил ей в тыл. Сульт послал маршалу новый приказ: «Я написал вам час тому назад, что император должен атаковать неприятеля с позиции, которую он занял между деревнями Сент-Аман и Бри. В данный момент бой в самом разгаре. Его Величество поручает мне передать вам, что вы должны действовать немедленно, с тем, чтобы обойти противника справа и со всего размаху ударить ему в тыл. Если вы будете действовать энергично, вражеская армия будет разбита. Судьба Франции в ваших руках. Поэтому, не медля ни мгновения, совершите маневр, как это было приказано вам императором, и направляйтесь к высотам Сент-Амана и Бри, чтобы способствовать, быть может, решающей победе».

Но вскоре после того, как этот приказ был отправлен, Наполеон получил донесение, из которого следовало, что в Катр-Бра маршалу противостоят силы, значительно превосходящие его по численности (это не соответствовало действительности). Император понял, что рассчитывать на приход Нея не приходится.

Поэтому ограничил его задачу сдерживанием противника у Катр-Бра, но потребовал в помощь себе I-й корпус д'Эрлона.

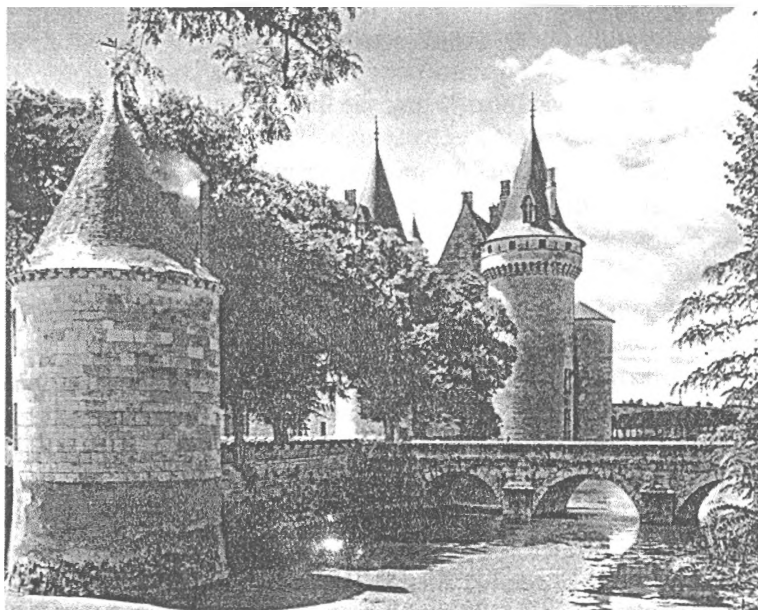
Сражение началось около 15.00. Три пушечных выстрела, сделанных с равными интервалами, послужили сигналом к атаке. Первой начала движение 8-я пехотная дивизия Лефоля, которую Вандам (левый фланг) бросил на Сент-Аман. Наступление шло по полю пшеницы, колосья которой были чуть ли не в рост атакующим, что затрудняло движение. Прусская артиллерия наносила им сильный урон – ядра вырывали из рядов французов сразу по восемь – десять человек.

В пятидесяти метрах от деревни атакующие натолкнулись на первые преграды. Прусские пехотинцы, укрывшись в домах, за земляными насыпями и живыми изгородями, встретили батальоны Лефоля ружейным огнем. Это не остановило французов. После яростной схватки, длившейся пятнадцать минут, они выбили неприятеля из садов, домов, кладбища и церкви. Пруссаки отступили, но вскоре получили подкрепление и перешли в контратаку. Все это повторилось несколько раз без особого успеха для французов.

Центром прусской позиции было селение Линьи. Его атаковали части IV-го корпуса Жерара. Здесь атакующие были встречены ружейным огнем из старого замка и крайних домов. Все же французам удалось добраться до церковной площади. Там они попали под огонь, который велся с четырех сторон.

– Когда мы дошли до церкви, – вспоминал капитан Шарль Франсуа, – наше продвижение было остановлено речкой, а противник из домов, из-за стен и с крыши наносил нам значительные потери, поливая и ружейным огнем, и картечью, и ядрами, обстреливая нас прямо в упор и с флангов. Почти тут же командующий полком майор Эрвьё и два начальника батальона, Ришар и Лафоли, были убиты. Еще один батальонный начальник, Блэн, – легко ранен, а лошадь под ним убита. Пять капитанов были убиты, трое ранены. Два старших адъютанта и девять лейтенантов и сублейтенантов убиты, семеро ранены. Рядовой же состав потерял убитыми и ранеными почти семьсот человек.

И это потери только одного полка и только в одной атаке, которые повторились еще и еще! Когда французы проби-

лись до церковной площади Линьи, слишком маленькой и тесной для такого количества людей, началась беспощадная резня. Сойдясь вплотную, противники стреляли в упор, кололи друг друга штыками, били прикладами, наносили удары пехотными саблями.

– Люди резались так, – вспоминал один прусский офицер, – как будто их обурежала личная ненависть. Казалось, что каждый видел в том, кто ему противостоял, смертельного врага, и радовался представившейся ему возможности отомстить за себя. Никто не помышлял о бегстве и не просил пощады.

Французы одолели. Пруссаки отошли за реку, где укрепились на новой позиции, обстреливая противника. Дома селения горели, и грохот стрельбы покрывали ужасные крики раненых, заживо погребенных под развалинами.

На правом фланге Северной армии действовал Груши. Атаки его частей привели к расширению фронта в восточном направлении, но успеха тоже не принесли.

Положение обострилось около 16 часов, когда французская пехота в неудержимом порыве устремилась на правый фланг противника. Пруссаки не выдержали и побежали.

Это чрезвычайно обеспокоило Блюхера, который именно с этой стороны ожидал подхода англичан. С помощью Веллингтона он надеялся нанести ощутимый удар французской армии. Старый фельдмаршал оставил свой наблюдательный пункт на мельнице Бюсси и направился к Ла-Э, чтобы лично руководить действиями своего правого крыла. Воодушевленные присутствием Блюхера, прусские пехотинцы ворвались в Ла-Э и вытеснили оттуда противника. Французы отступили к Пти-Сент-Аману и ждали, что неприятель пойдет на штурм этого выселка, но те предоставили им передышку, так как Блюхер переключил свое внимание на центр позиции.

В 17.30 Наполеон сделал все необходимые распоряжения для большого наступления, так как рассчитывал услышать в это время в тылу прусской армии гром пушек подошедшего Нея. Но не услышал.

– Выиграть сражение можно любым способом, – в утешение окружающим сказал император и начал перемещать наличные войска.

В это время ему сообщили, что к III-му корпусу генерала Вандама направляется какая-то колонна, которая находится в одном лье (4,444 километра) от левого фланга этого корпуса. Наполеон послал одного из своих адъютантов выяснить, кто это? А в III-м корпусе началась паника, которую быстро и жестко прекратил генерал Лефоль. Его племянник вспоминал:

– Генерал Лефоль, увидев опытным взглядом, что начавшаяся среди наших солдат паника может иметь тяжелейшие последствия, не колебался. Он передал со мной приказ артиллерийскому офицеру повернуть пушки против наших беглецов, которые, решив, что они попали между двух огней, то есть наших пушек и дивизии, которую они ошибочно считали неприятельской, вернулись обратно и искупили боевым задором позор, которым покрыли себя чуть ранее.

Около шести вечера III-й корпус Вандама подвергся общей атаке со стороны всего правого крыла армии Блюхера. Французы вынуждены были оставить выселок Пти-Сент-Аман и отойти на исходную позицию слева от Сент-Амана. Но вскоре на помощь Вандаму подошла Молодая гвардия и бой возобновился. Прусские части повел на Сент-Аман сам фельдмаршал.

– Мои люди истратили все свои патроны и опустошили патронные сумки убитых, они не могут больше сделать ни одного выстрела, – сообщил Блюхеру генерал Пирх 2-й.

– В штыки!– закричал фельмаршал.

Размахивая саблей, он поскакал вперед на своем знаменитом сером жеребце. Прусские солдаты сделали отчаянное усилие, чтобы опрокинуть французов, но были остановлены пешими егерями их гвардии.

Между тем, в горящем селении Линьи продолжалась отчаянная борьба. Солдаты обеих сторон падали с ног от усталости. Прусский генерал фон Крафт, чувствуя, что силы его частей на исходе, сказал начальнику штаба, что они могут быть окружены.

– Продержитесь еще полчаса, английская армия уже на подходе, – уверил его Гнейзенау.

Это был самообман. Около 18.30 в ставке Наполеона стало известно, что неведомая колонна, вызвавшая беспокойство, – это войска Друэ д'Эрлона. Император тотчас послал генералу приказ обойти правый фланг прусской армии. Но, к его немалому удивлению, д'Эрлон неожиданно повернул на Катр-Бра.

С уходом корпуса д'Эрлона Наполеон лишился надежды на полный и сокрушительный разгром Блюхера. Но у него еще оставалось время, чтобы сражение выиграть и отбросить прусскую армию подальше от английской. И в 19.30 французская артиллерия открыла огонь по холмам, доминировавшим над селением Линьи.

Когда короткая канонада закончилась, забили барабаны и вся масса пехоты и конницы под грозовым дождем двинулась на позиции прусской армии. Во время минутной остановки перед селением генерал Франсуа Роге, полковник пеших гренадеров гвардии, созвал к себе офицеров и унтер-офицеров.

– Передайте гренадерам, – сказал он, – что первый, кто приведет ко мне пленного пруссака, будет расстрелян.

Подполковник Шаррас вспоминал как выполнялся этот приказ:

– Пруссаки и французы смешались в страшной рукопашной схватке, убивая и умирая, при этом никто и не думал просить пощады. Даже офицеры взяли в руки ружья. Это был не один бой, это были сотни боев одновременно. Каждая улица, каждый

дом, каждая стена становилась объектом ожесточенной схватки. На ступеньках домов, в комнатах, в хлебах сражавшиеся расстреливали друг друга из ружей, вспарывали животы штыками, раскраивали головы прикладами. Солдаты преследовали и убивали друг друга даже в огне поминутно вспыхивавших пожаров. Храбрость превратилась в ярость и жестокость.

Грозная атака французов произвела на противника потрясающее впечатление: на всех пунктах пруссаки обратились в бегство. Спасая положение, Блюхер примчался в центр позиции своей армии. Но никаких резервов у него уже почти не было, кроме 32 эскадронов кавалерии генерала Редера, которые фельдмаршал и бросил в последнюю схватку. Французские и прусские кавалеристы периодически схватывались между собой перед неодолимыми каре Старой гвардии, неуклонно приближавшимся к мельнице Бюсси, наблюдательному пункту Блюхера.

Солнце скрылось за горизонтом в 20.00*, и финальная фаза битвы проходила во мраке ночи. Снова пошел дождь. В это время прусский главнокомандующий чудом избежал плена. Его лошадь, сраженная пулей, упала, придавив своим телом хозяина. Граф Ностиц, адъютант Блюхера, спешил, чтобы помочь ему. Оба оказались среди французских кирасир, которые проскакали мимо, не заметив их в темноте. Затем французские кавалеристы были отброшены прусскими. С их помощью граф Ностиц усадил старого фельдмаршала на лошадь и вывез из гуши сражения.

Центр Нижне-Рейнской армии был прорван и разбит. Лишь благодаря самоотверженным атакам кавалерии Редера, замедлившим наступление французов, была спасена часть артиллерии и собраны остатки трех пехотных бригад. Но на левом и правом флангах прусская армия сохранила порядок и начала отходить с боем лишь после того, как французы взяли Линьи, которое представляло собой ужасающее зрелище.

— Деревня, которую подожгли накануне, — свидетельствовал генерал Лефоль, — еще горела, и в домах заживо сгорали укрывшиеся там раненые. Горы трупов дополняли картину, которую, вероятно, нельзя было увидеть и во время самых страшных войн, ибо здесь четыре тысячи погибших солдат теснились на

* По среднеевропейскому времени.

очень маленьком пространстве. Дороги, ведущие к Линьи, были настолько забиты трупами, что без всякого преувеличения я могу засвидетельствовать, что лошадь моя пробиралась между ними с трудом. У меня до сих пор стоит в ушах звук раздавливаемых колесами черепов, мозги вперемежку с клочьями мяса разлетались по дороге.

И среди этой жути оркестр 1-го полка пеших гренадеров Старой гвардии играл будоражившую кровь мелодию «Победа за нами». Это действительно была победа Наполеона, но последняя.

С 68 тысячами человек император разбил 84-тысячную прусскую армию. Победители потеряли 11,5 тысячи солдат и офицеров, побежденные – 20,5 тысячи.

В 23 часа Наполеон вернулся во Флерюс. Здесь Груши попросил у него разрешения на преследование прусской армии. Но император, считая, что враг «раздавлен», отказал маршалу. «Тем самым, – по замечанию военного историка Анри Лашука, – он фактически спас пруссаков и дал им время оторваться от французских войск. Наполеон упустил свой шанс, а фортуна не прощает таких промахов».

Впрочем, французский историк не открыл Америку, а повторил прочно укоренившееся в историографии мнение, которое, между прочим, разделял и Наполеон:

– Какую же ошибку я допустил, когда решил заночевать во Флерюсе. Баталия при Ватерлоо произошла бы на сорок восемь часов раньше. Веллингтон с Блюхером так и не соединились бы.

Ошибся император и в другом: противник потерпел поражение, но его моральный дух не был сломлен. Блюхер с полным основанием говорил, что его армия потеряла поле сражения, но не честь. И в день поражения писал жене: «Еще одно такое сражение, и Наполеону конец».

«Необходимо сделать большое усилие». В один день с битвой при Линьи произошло сражение при Катр-Бра, которым руководил Ней. Уже до рассвета маршал был на своем посту, но действовать начал только после полудня. Это позволило Веллингтону стянуть к Катр-Бра достаточные силы, чтобы удержать этот важный пункт на пересечении четырех дорог.

В течение дня к англичанам подходили все новые и новые части. В итоге численность войск Веллингтона в полтора раза превысила силы, которыми располагал Ней. А император требовал не только разгромить англичан, но и оказать помощь войскам под Линьи.

Около 18 часов Ней получил приказ Наполеона с требованием идти в тыл прусской армии, что сделать он уже не мог. Но его явно задел за живое призыв, содержащийся в этом документе: «Судьба Франции в ваших руках!» Отвечая на этот призыв, маршал бросил в сражение 4-й кавалерийский корпус Келлермана, сказав его командиру:

– Мой дорогой генерал, теперь необходимо сделать большое усилие, надо прорвать эту массу пехоты. «Судьба Франции в ваших руках!»

Посланцу же императора Ней заявил:

– Против меня воюет вся армия Веллингтона. Я удержусь на том месте, где стою, но я не могу обещать большего.

Что касается атаки Келлермана, то она была очень эффективной, но в конечном счете, без поддержки пехоты, провалилась. К ночи французы занимали у Катр-Бра те же позиции, с которых начинали сражение. Передавая судьбу Франции «из рук в руки», Наполеон и Ней не смогли выполнить в полной мере задач, поставленных в начале сражения (уничтожение армии Блюхера и группировки английских войск). Одной из причин этого было загадочное поведение командующего I-ым корпусом генерала д'Эрлона.

«День одураченных». При всем напряжении сражений у Линьи и Катр-Бра один корпус Северной армии умудрился в нем не участвовать. Это были войска генерала Друэ д'Эрлона, насчитывавшие 20 тысяч человек.

Около полудня I-й корпус получил приказ Нея идти через Фран на Катр-Бра. Но император вскоре потребовал корпус д'Эрлона к себе. В 17.30 генерал был уже на подходе к левому флангу французской армии. И в этот ответственный момент получил два приказа – категорическое требование Нея вернуться к Катр-Бра и повторное требование Наполеона идти скорее к нему. После недолгих колебаний Друэ отделил часть сил для императора, а сам, вопреки прямому приказу главнокоман-

дующего (!), повернул назад, к Катр-Бра. В итоге I-й корпус не пришел ни к главным силам Северной армии, ни к маршалу Нею. Оправдываясь позднее в вынужденности «прогулки» между двумя полями сражений, д'Эрлон утверждал следующее:

– Мой армейский корпус сразу же выступил, а сам я, приказав генералу командующему головной частью колонны, поспешить, отправился вперед, чтобы посмотреть на происходящее при Катр-Бра. Я остановился с генералами гвардии по ту сторону Франа, где ко мне присоединился генерал Лабедуайер, показавший мне написанную карандашом записку, которую он нес маршалу Нею с предписанием этому маршалу направить мой корпус на Линьи. Генерал Лабедуайер предупредил меня, что он уже отдал приказ об этом движении, меняющем направление моей колонны, к которой мне следовало бы присоединиться. Я тотчас отправился по той дороге, отправив маршалу своего начальника штаба, чтобы предупредить его об изменении в маршруте. Имел ли генерал Лабедуайер задание сменить направление моей колонны до того, как он увиделся с маршалом? Я так не думаю.

И напрасно, скажем мы, – логика приказа Наполеона требовала одного: спешите! Отправляя Лабедуайера, император наказывал ему:

– Вы скажете Нею, что в каком бы положении он ни находился, этот приказ должен быть выполнен во что бы то ни стало. Я не придаю большого значения тому, что происходит сегодня у него, все дело решается там, где нахожусь я, ибо я хочу покончить с прусской армией. Он же должен, если не сумеет сделать ничего другого, ограничиться тем, чтобы сдерживать английскую армию.

«Ничего другого». Ней сделать этого не смог и винил во всем генерала д'Эрлона. В отчете о сражении при Катр-Бра маршал писал: «Я атаковал английские позиции с величайшей отвагой, но ошибка графа д'Эрлона лишила меня верной победы, так как в тот самый момент, когда 5-я и 9-я дивизии генерала Рейя опрокинули находящегося перед ними противника, I-й корпус ушел к Сент-Аману поддерживать левый фланг Его Величества. Но роковым обстоятельством было то, что этот корпус, совершив затем контрмарш, чтобы присоединиться к моему крылу, не оказал

никакой помощи ни на одном поле боя. Все выполнили свой долг, кроме I-го корпуса».

Французский историк Доминик де Вильпен назвал 16 июня 1815 года «днем одураченных». Действительно, по тем или иным причинам в этот день не сбылись многие ожидания. Блюхер не получил помощи, на которую очень рассчитывал, и в итоге потерпел поражение. Ней утром переоценил силу противника и медлил начинать сражение. В середине дня он переоценил свои возможности и попытался взять Катр-Бра в самый неподходящий для этого момент. Наполеон напрасно прождал подкрепление и не сумел окончательно разгромить прусскую армию, что заставило его позже отправить в погоню за Блюхером очень значительные силы и тем самым ослабить Северную армию накануне решающей битвы.

День 16 июня еще раз подтвердил опасения, появившиеся накануне: генералы и маршалы Северной армии (ее называли Великой) уже не те.

17 июня

«Вон англичане!» Ночь Наполеон провел в Флерюсе в замке барона Зауларта. Против обыкновения встал поздно, так как чувствовал себя неважно, а напряжение последних дней сильно вымотало его. Ни об одном из своих основных противников ничего определенного император не знал.

Веллингтон, между тем, был уже давно на ногах. Около восьми утра к его штабу на взмыленной лошади прискакал офицер и шепотом сообщил о поражении Блюхера при Линьи. Английский главнокомандующий воспринял это известие спокойно.

– Старика Блюхера, – объявил он, – дьявольски лихо вздули, так что он отошел верст на тридцать к Вавру. Если он отступил, то и мы должны последовать его примеру. В Англии наверное будут говорить, что и нас тоже поколотили, но я лично ничего не могу поделать. Раз пруссаки отступили, мы тоже должны отойти назад.

Веллингтон тотчас сделал надлежащие распоряжения, и к девяти утра английская армия начала отступать по Брюссельской дороге. А Наполеон в это время диктовал депешу по результатам

прошедшего дня. В этом документе говорилось о победе, одержанной при Линьи, и о сражении при Катр-Бра. Император порицал Нея за бессвязность его действий и категорически приказывал ему занять Катр-Бра. Д'Эрлону высказывалось порицание за то, что он не прибыл со своим корпусом в Сент-Аман. В депеше также утверждалось, что, если бы Ней удержал при себе д'Эрлона и Рейля, то ни один англичанин не ушел бы из Катр-Бра, а если бы, напротив, д'Эрлон выполнил бы приказ императора, то вся прусская армия была бы уничтожена.

Затем Наполеон осматривал поле битвы и долго беседовал с маршалом Груши.

– Когда я выступлю на англичан, – говорил ему император, – вы будете преследовать отступающих пруссаков.

Приказ, данный маршалу, гласил:

«Идите в Жанблу с кавалерийским корпусом генерала Пажоля, легкой кавалерией 4-го корпуса, кавалерийским корпусом генерала Эксельманса, дивизией генерала Теста, отделенной от своего корпуса, III-м и IV-м пехотными корпусами. Преследуя противника, проведите разведку в направлениях Намюра и Маастрихта. Узнайте о его перемещениях и информируйте меня о них, чтобы я мог понять, что он намерен делать.

Я переносу свой генеральный штаб в Катр-Шмэн, где еще сегодня утром были англичане. Наше сообщение следовательно, должно осуществляться по Намюрской дороге. Если противник оставил Намюр, напишите командиру II-го округа в Шарлемон, чтобы он занял Намюр несколькими батальонами национальной гвардии и несколькими батареями, которые он должен сформировать в Шарлемоне.

Очень важно понять намерения Блюхера и Веллингтона, хотят ли они объединить свои армии для прикрытия Брюсселя и Льежа, попытав счастья в сражении. В любом случае, держите свои два пехотных корпуса вместе на расстоянии одного лье, имея при этом несколько путей для отступления. Поставьте несколько промежуточных отрядов кавалерии для связи с генеральным штабом».

Груши не очень понравился данный ему приказ. Действительно, к тому времени Цитен и Пирх достигли окрестностей Вавра. Направляя Груши в Жанблу, Наполеон посылал его далеко

за пределы пути, который избрали эти генералы. Миссия его выглядела опасной, поскольку его отправляли с двумя армейскими корпусами, еще не оправившимися от ожесточенного сражения в Линьи; отправляли изолированно, несмотря на риск столкнуться с целой армией пруссаков.

Маршал Груши

А поблизости находилось около ста тысяч пруссаков, и Груши, который первым определит их приблизительное местонахождение, должен был также раскрыть их планы и уберечь основную часть армии от столкновения с ними. Маршал почувствовал, что может не справиться с этой задачей, и, как он писал позднее, попытался убедить Наполеона принять другой план. Он напомнил ему, что с того времени, как пруссаки начали свое отступление, прошло много часов, и что ему остается лишь следовать за их арьергардом. Его собственные войска рассеяны по большой территории, и, поскольку им не приказали подгото-

ся, пройдет еще некоторое время, прежде чем можно будет начать преследование противника.

Далее Груши сказал, что не считает возможным замедлить отступление Блюхера на этой стадии, а также не думает, что с тридцатью тремя тысячами солдат может нанести окончательное поражение прусской армии. «Более того, – пишет он, – я отважился указать императору на некоторые стратегические причины считать нежелательной отправку меня за пределы района проведения операции основными силами армии, которыми он собирался сражаться с англичанами».

Наполеон не любил колеблющихся и много рассуждающих подчиненных, поэтому закончил разговор с Груши хлесткой фразой:

– Вы что же, считаете, что знаете лучше меня, что мне надо делать?

Начальник штаба напутствовал Груши приказом лаконичным и ясным: «Преследуйте врага. Сообщайте мне об их движениях. Постоянно держите ваши корпуса соединенными».

Но вскоре после того, как император расстался с Груши, он встретил кавалерийские отряды, возвращавшиеся с рекогносцировки. Их командиры высказали сомнение в том, что главные силы прусской армии действительно отступили к Намюру. Наполеон тотчас продиктовал новые инструкции для Груши. Ему предписывалось ограничиться рекогносцировкой по направлению к Намюру, но двигаться прямо в Жанблу и во что бы то ни стало выяснить: не идет ли Блюхер на соединение с Веллингтоном?

После этого Наполеон отправился к Катр-Бра на помощь Нею, которому еще утром был послан приказ, подписанный начальником штаба Сультом: «Атакуйте врага при Катр-Бра. Прибывший VI-й корпус поможет вам. Император поддержит вас с гвардией и четырьмя кавалерийскими дивизиями».

Но получив депешу императора и приказ начальника штаба, Ней оставался в непонятном бездействии. Это дало возможность Веллингтону спокойно отвести основные силы своей армии из Кантр-Бра, не позволив французам взять его в клещи. Естественно, что Наполеон, прибывший туда к двум часам дня,

упрекнул Нея в пассивности. С д'Эрлоном император был более резок:

– Вы, господа, погубили Францию! – заявил он оторопевшему генералу.

Приезд императора совпал с началом ужаснейшей грозы. «Величие сцены было поразительно, – вспоминал один из участников схватки. – Вспышки молний следовали без перерыва, а удары грома были ужасны и постоянны».

Арьергард английской армии, состоявший из кавалерии графа Аксбриджа, поспешно отступал, подгоняемый своим командиром:

– Да быстрее, черт бы вас побрал! Быстрее, иначе они всех нас здесь переловят!

Переправившись через речку Диль у Жемаппа, генерал Аксбридж решил немного задержать преследователей. Следствием этого стал жаркий кавалерийский бой. Не выдержав удара английской лейб-гвардии, французы отступили в Жемапп. На тесной и извилистой улице селения произошла жаркая схватка. Англичане по-прежнему теснили противника, но ситуация изменилась, когда в Жемапп ворвались уланы полковника Сурда, который проявил в сшибке с неприятелем личное мужество и необыкновенную стойкость.

Жан-Батист-Жозеф Сурд рубясь с несколькими лейб-гвардейцами, получил шесть сабельных ударов. Ослабев от потери крови он не мог больше участвовать в рукопашной, но не сразу покинул поле боя. С каменной тумбы у края дороги полковник воодушевлял подчиненных криками и своим присутствием. Ларрей, главный хирург армии, ампутировал Сурду правую руку. Стоически выдержав операцию, полковник через час вернулся на поле боя. Раненого героя видел император. Решив, что тот выбыл из строя, Наполеон посочувствовал ему:

– Как жаль терять такого храбреца!

После окончания сражения полковник был произведен в генерал-майоры. Узнав об этом, Сурд ответил на повышение следующим письмом императору: «Сир, я вам многим обязан, но самая большая милость, какую вы можете мне сделать, это оставить меня полковником моего уланского полка, который я надеюсь и впредь вести к победе. Генерал Домон мне сказал, что я произве-

ден в генералы. Я отказываюсь от этого чина. Пусть Великий Наполеон простит меня! Чин полковника – это все, что мне нужно».

В Жемапп, где император видел Сурда, он приехал из Катр-Бра. Весь этот путь проделал на белой кобыле Дезире*, промокнув под дождем насквозь. Наполеона сопровождали эскадрон конвоя и конная батарея. Рассмотрев сквозь пелену дождя позицию, которую занимала кавалерия лорда Аксбриджа, император лично расставил орудия гвардейской батареи.

– Стреляйте! Стреляйте! Вон англичане! – кричал он канираам, указывая на неприятеля.

После прохождения через Жемапп наступление французской армии резко замедлилось – пехота увязала в полях, превратившихся в болота. В час едва одолевали около двух километров. Двигаясь такими темпами, армию Веллингтона догнать было невозможно.

В 18.30, миновав деревню Мезон дю Руа, Наполеон с кавалерией авангарда достиг высоты, где у самой дороги на Брюссель стоял кабачок «Бель-Альянс». Впереди было плато Мон-Сен-Жан.

Дождь перестал, но все вокруг было пропитано влагой. В подзорную труду император осмотрел лежавшую перед ним местность. Сквозь сырую пелену тумана виднелись лес и парк, окруженный стенами, а справа – большой лесной массив. На карте, услужливо поданной ему адъютантом, Наполеон прочитал: «Замок Угумон», «Парижский лес». Далее к северу лежали селения Мон-Сен-Жан и Ватерлоо, Суаньский лес.

Англичане, выстроившись в несколько каре, стояли ниже ферм Папелотт, Угумон и Ла-Хэ-Сент. Императору необходимо было выяснить: вся армия Веллингтона перед ним или только ее сильный авангард. Поэтому он приказал четырем батареям конной артиллерии открыть огонь по позиции неприятеля, а кирасирам генерала Мийо развернуться, как будто для атаки. В ответ раздались мощные залпы – англичане демаскировали себя. Ядра вражеских пушек плюхались в жирную грязь. Наполеон довольный улыбался. Молодому поручику Гюдену, оказавшемуся рядом, сказал:

* Дезире – имя несостоявшейся невесты молодого Наполеона.

– Дорогой мой, ты еще никогда не видел подобного фейерверка. Дебют твой, нужно сказать, получается грубоватым, ну ничего, скорее всему научишься.

Вечер и ночь император провел на ферме Гро-Кайю, находившейся на юге селения Бель-Альянс, у края дороги на Брюссель. В маленькой комнате на первом этаже слуги разложили его походную кровать. Перед огнем в очаге мамелюк Али и Новеррас раздели Наполеона, который затем поужинал в постели.

В соседней комнате разместились два дежурных офицера. Бертран, адъютанты, герцог Бассано (Маре), Фэн, Сульт и офицеры штаба устроились на охапках соломы в комнатах второго этажа. Пажи ночевали в конюшне. Армия встала биваком в вонючей, дымящейся грязи, среди затопленных домов, без укрытия и пищи.

– Это был первый бивак с начала похода, – вспоминал лейтенант 45-го линейного полка Мартен. – Мы совершенно не спали из-за воды, но зато много говорили между собой о завтрашних действиях. Каждый чувствовал себя генералом. Никто никого не слушал, что приводило к шумным перебранкам.

В лучшем положении находились английские войска. Но Веллингтон был не слишком высокого мнения о их достоинствах и писал в Лондон: «У меня гнусная, пестрая и плохо экипированная армия».

Поздно вечером в ставку Наполеона прибыл Ней. Император встретил его громогласным заявлением:

– Вы погубили Францию!

Так оценил он действия маршала у Катр-Бра.

Перед коротким ночным отдыхом Наполеон провел военный совет, на котором старался вселить в сознание соратников чувство уверенности в победе:

– У нас девяносто шансов из ста, – утверждал император.

– Веллингтон совсем не так прост, как рассчитывает Ваше величество, – возразил Ней.

Маршал был против сражения, ссылаясь на крайнюю усталость войск. Его поддержал Сульт. Только Ла Будуйер придерживался противоположного им мнения, заявив, что надо преследовать и гнать противника. Ней испепелял молодого оппонен-

та взглядом. Охваченный приступом гнева, он повторял как заведенный:

– Черт побери! Черт побери! Черт побери!

Под аккомпанемент этого проклятия все разошлись по своим углам*.

18 июня. Ватерлоо

«**Великолепный спектакль**». Ни Наполеон, ни Веллингтон, ни их подчиненные (от солдата до маршала) практически не спали в ночь с 17-го на 18-е. В два часа ночи в Кайю прибыл курьер от Груши. Император зачитал сообщение маршала: «Пруссаков нет ни в Намюре, ни в Льеже. Они отступают то ли на Вавр, то ли на Первес».

Примерно в это же время встал Веллингтон. В 2.30, побритый и одетый, герцог вышел к офицерам своего штаба. Первый приказ он отдал принцу Фридриху Нидерландскому: закрепиться в Але и держаться там любой ценой, чтобы в случае неудачи дать армии возможность отойти к Остенте. Затем Веллингтон написал своей любовнице леди Фрэйильс Уэбсти и королю Людовику XVIII, находившимся в Генте, чтобы они выехали в Антверпен по первому его сигналу. То есть в исходе предстоявшего сражения он был не уверен.

В 3.30 английский главнокомандующий наконец-то получил долгожданное известие из Вавра. Блюхер сообщал: «Я приду не только с двумя корпусами, но со всей моей армией».

Позже было получено второе письмо прусского фельдмаршала, направленное генералу фон Мюффлингу: «Я прошу вас сказать от моего имени герцогу Веллингтону, что, как бы я ни был болен, я возглавлю мои войска и нападку на правое крыло неприятеля, как только Наполеон начнет сражение. Если же день пройдет без атаки французов, я думаю, нам надо вместе атаковать их завтра».

* Наполеону в эти дни, конечно, хватало дел. Тем не менее, он успел заметить среди пленных английского капитана Эльфинстоуна, который был ранен. Император приказал своему хирургу оказать пленному помощь. Поняв, что англичанин сильно ослаб от потери крови, Наполеон послал ему серебряный кубок, наполненный до краев вином из его собственной фляги.

К этому решительному заявлению Блюхера начальник его штаба Гнейзенау сделал весьма знаменательную приписку, говорящую о том в каких отношениях находились главнокомандующие союзных армий: «Генерал фон Гнейзенау совершенно согласен с фельдмаршалом. Но он просит Ваше Превосходительство проникнуть в тайные замыслы герцога Веллингтонского и убедиться, действительно ли тот имеет твердое намерение сражаться в занимаемой им позиции, или же он рассчитывает совершить только простую демонстрацию своей силы, могущую привести нашу армию к величайшей опасности».

Весточка из Вавра взбудрила английского главнокомандующего. Собрав командующий состав армии, он объявил:

– Построиться как всегда.

Это означало, что боевой порядок Нидерландской армии будет такой, как тот, который применялся в сражениях на Пиренейском полуострове: артиллерия и застрельщики впереди; пехота позади холмов, укрытая от вражеских взглядов и выстрелов; кавалерия в резерве. Эта грозная сила будет ждать атаки, приготовив неприятелю ряд «сюрпризов».

В пять утра Веллингтон сел на своего любимого коня по кличке Копенгаген и отправился из Ватерлоо к Мон-Сен-Жану. На герцоге были синий сюртук, короткий плащ и небольшая шляпа, надетая «углом в поле».

Вошло солнце, но земля от прошедшего дождя была сырой. Биваки начали оживать. Люди, покрытые грязью и синие от холода, пытались как-то согреться. Обозы, с трудом передвигавшиеся по раскисшим дорогам, развозили боеприпасы и ром. Слышалась молитва: «Пусть Господь сжалятся над нашей несчастной плотью». Войска радостно приветствовали Веллингтона.

В полутора километрах к югу от позиций английской армии тоже наблюдалось оживление: там слышались овации и крики «Да здравствует император!» Наполеон выехал в пять утра с фермы Кайю с Сультом и Бертраном. Мимо проходили мертвенно-бледные, небритые и грязные солдаты, которые находились в каком-то лихорадочном возбуждении. Достигнув фермы Россом император внимательно осмотрел позиции противника.

Вернувшись в Кайю, Наполеон в восьмом часу позавтракал. Трапезу с ним разделили Сульт, Маре, Ней, Бертран и Друо.

Когда со стола убрали посуду, на нем развернули карту. Состоялся обмен мнениями о предстоящей битве. Ней был уверен, что Веллингтон, верный своей тактике, отступит не приняв боя. Сульт сожалел о том, что рядом нет Груши с его тридцатью тысячами бойцов. Принц Жером и генерал Рей сообщили сведения, полученные ими в Жемаппе от гарсона гостиницы, в которой накануне останавливался Веллингтон:

– Англичане договорились встретиться с пруссаками, которые должны прибыть из-под Вавра.

– Глупости!– возразил император.– После такой битвы, как при Линьи, объединение невозможно. Если мои приказы исполнят точно в срок, мы будем ночевать в Брюсселе.

С этим сражением Наполеон связывал не только свою судьбу, но будущее Франции и Европы.

– Я намерен был атаковать и уничтожить англичан, – говорил он позднее.– Это, я знал, вызвало бы немедленную смену английского кабинета министров. Негодование деятельностью английских министров, ставшей причиной гибели сорока тысяч отборных солдат английской армии, вызвало бы такое всенародное волнение в Англии, что этих министров выгнали бы прочь. Народ сказал бы: «Какое нам дело, кто там сидит на троне Франции, Луи или Наполеон. Стоит ли нам проливать свою кровь, пытаясь посадить на трон ненавистную королевскую семью? Нет, мы достаточно много страдали. Это не наше дело – пусть они там, во Франции, разбираются сами». Они бы пошли на заключение мира. А ко мне присоединились бы саксонцы, баварцы, бельгийцы, вюртембергцы. Без Англии коалиция перестала бы существовать. Русские пошли бы на мир со мной, и я бы спокойно сидел на троне. Состояние мира стало бы постоянным.

Замысел предстоявшего сражения сводился к следующему. Произвести отвлекающий удар на правом фланге противника, у замка Угумон, одновременно подвергая артиллерийскому обстрелу его центр. Когда англичане выдохнутся, будет произведена атака на вражеские позиции, которая и решит исход битвы.

– Английская армия превосходит нашу более чем на четверть, – считал Наполеон, но тем не менее полагал: – У нас не менее девяноста процентов шансов на успех, и менее десяти против.

Сульт, по собственному опыту знавший как упорен и искусен Веллингтон в обороне, предложил все-таки отозвать часть войск от Груши. Настойчивость начальника штаба императору не понравилась и он безжалостно оборвал его:

– Поскольку Веллингтон побил вас, вы считаете его хорошим генералом. А я скажу вам, что он плохой генерал, что англичане – плохие солдаты и что мы справимся с ними к обеду.

К обеду – не к обеду, а к исходу дня уж точно, полагал Наполеон, и распорядился насчет своего ужина:

– К шести часам вечера из хорошо прожаренной бараньей лопатки.

В восемь утра план сражения уже был наброшен. В девять его разослали по всем подразделениям армии. Около десяти император, измученный, но уверенный в победе, прилег отдохнуть*. Пока он спал Сульт направил Груши депешу, в которой предписывал маршалу маневрировать через Вавр, чтобы войти в связь с главными силами Северной армии.

А тот, находясь в это время в Гамбле, писал императору: «Сегодня вечером я намерен сосредоточить свои войска в Вавре, чтобы стать между Веллингтоном, который, полагаю, отступает перед Вашим Величеством, и прусской армией. Мне требуются инструкции от Вашего Величества, чтобы знать, что от меня требуется. Местность между Вавром и равниной Киз труднопроходимая, пересеченная и болотистая. Я без особого труда вступлю в Брюссель раньше любого, кто задержится в Кизе. Соизвольте, сир, передать мне Ваши приказы, я должен получить их до начала моего передвижения завтра утром».

* Позднее многие участники сражения при Ватерлоо к числу причин поражения Наполеона отнесут его неудовлетворительное физическое состояние – болел, не выспался. По поводу этого можно напомнить, что то же самое говорилось и о Бородинском сражении, хотя император по существу придерживался в обоих случаях своего обычного распорядка дня. Вот он в канун Бородина: «Где-то около полуночи Наполеон завершает свою рекогносцировку позиции правого русского фланга, желая убедиться в неизменности его расположения. В два часа ночи составляет воззвание к войскам. В три часа ночи пьет пунш и беседует с Раппом, после чего призывает к себе Бертье, с которым работает около часа. В четыре часа засыпает на короткое время. В пять часов утра от Нея явился офицер с сообщением: маршал по-прежнему видит перед собой русских и ожидает только повеления начать атаку».

То есть ничего еще не сделав в наступивший день (18 июня) и не зная, как он сложится, Груши запрашивал инструкции на следующие сутки, уже полагая себя триумфатором, победоносно въезжающим в Брюссель раньше самого императора. Но, к сожалению, амбициозность маршала, оказалась не самым пагубным его недостатком.

В одиннадцать часов Наполеон на белой кобыле Мари выехал на ферму Бель-Альянс. Армия восторженно встречала своего кумира.

– Это был великолепный спектакль, – говорил позднее поручик Мартен. – На солнце блестели штыки, каски, кирасы. Знамена, выпелы, флажки на пиках улан трепетали при порывах ветра. Развевались трехцветные знамена, громко били барабаны, звенели трубы, рожки, полковая музыка. В эту минуту Наполеон проводил последний смотр армии перед битвой. Никогда еще ему не приходилось слышать таких иступленных воплей «Да здравствует император!». Никогда еще на лицах солдат не было написано такой уверенности, это чувствовалось по их жестам, по их бодрому голосом. Это было настоящее безумие. И еще большую торжественность, взволнованность придавало этой суете то, что прямо перед нами, в тысяче шагов, отчетливо виднелась темно-красная линия мундиров английской армии.

Веллингтон тоже объезжал свои войска. Сержант Коттон оставил описание внешнего вида герцога:

«На нем были белые замшевые пантолоны, гессенские сапоги с кисточками, голубой мундир и короткое пальто того же цвета, белый галстук, простая шляпа без перьев и украшений, если не считать большой черной кокарды Великобритании и трех поменьше – Испании, Португалии и Нидерландов. В правой руке он держал уже открытую подзорную трубу».

Англичане, как и французы, готовились к сражению. Но не в пример своему противнику вспоминали об этом моменте дня без восторга, но с присущим им юмором:

– Вид у нас был умопомрачительный, когда мы встали утром после ночи, проведенной под непрекращавшимся дождем, все в соломе, мокрые от воды, в грязи по пояс.

Из этого фрагмента воспоминаний можно заключить, что не французы провели ночь в долине, затопленной дождевой во-

дой и без возможности развести огонь, а их противник, более удачно устроившийся на высотах, которые предстояло взять.

Первый сук. Войска Веллингтона занимали плато, гребень которого, протянувшийся с востока на запад, был прорезан шоссе Шарлеруа-Брюссель. Пологий склон этой возвышенности спускался на север, к Суаньскому лесу, а более крутой – на юг. Вдоль гребня тянулась проселочная дорога, окаймленная двойной живой изгородью и двойным откосом, который на пересечении с Брюссельской дорогой достигал высоты трех метров. На плато у фермы Мон-Сен-Жан пересекались дороги на Брюссель и из Нивеля. Там находился командный пункт Веллингтона.

Перед плато находились три бастиона: замок Угумон – на западе, ферма Ла-Э-Сент с ее песчаным карьером – в центре и ферма Паплотт – на востоке. Эти три пункта окаймлял широкий ров, состоявший из двух ложбин. На восток от плато тянулись леса – Оэнский, Парижский и Шапель-Сен-Ламберский. Вся местность перед возвышенностью была изрезана живыми изгородями, а кое-где покрыта перелесками и рошицами.

Позиция была выбрана Веллингтоном весьма удачно. По фронту она тянулась на 3500 метров. На плато и перед ним разместились армия в 70 тысяч человек при 157 орудиях.

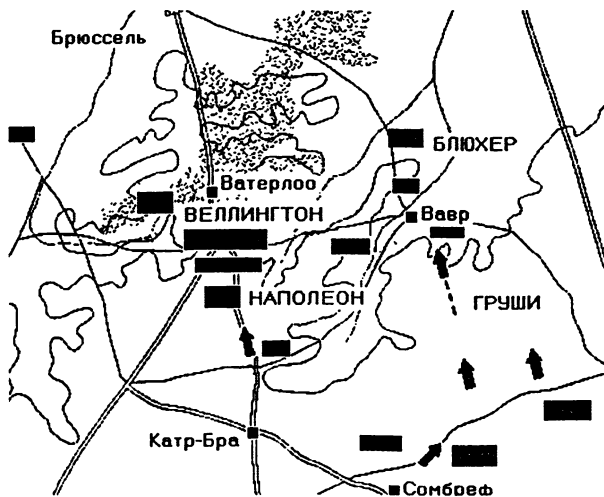

Схема сражения при Ватерлоо

Наполеон мог противопоставить Веллингтону 72 тысячи человек при 246 орудиях. Для наступательной операции по труднодоступной местности этих сил было, конечно, недостаточно.

Командный пункт императора находился в Бель-Альянсе на ферме Россомм. Наполеон провел там большую часть дня, периодически совершая поездки по полю битвы в сопровождении местного старожилы кабатчика де Костера. Проводник дрожал от страха и мечтал о том, как бы убежать, а император мягко укорял его:

– Но друг мой, не крутитесь же так! Сзади вас могут подстрелить так же легко, как и спереди, да и рана будет гадкой.

Вернувшись в 11.00 на ферму Россомм, Наполеон продиктовал приказ о наступлении, непосредственное проведение которого возлагалось на Нея. В качестве его основной цели указывалась ферма Мон-Сен-Жан. Огневая поддержка возлагалась на три роты пешей артиллерии. «Эти 24 орудия, – отмечалось в приказе, – будут вести обстрел войск, удерживающих Мон-Сен-Жан, а граф д'Эрлон начнет атаку вначале силами левой дивизии и при необходимости поддержит ее другими дивизиями I корпуса. II-й корпус будет также атаковать, держась на одной линии с I-м корпусом. Саперная рота, принадлежащая I-му корпусу, должна быть готова забаррикадировать и укрепить Мон-Сен-Жан сразу после его взятия».

Готовясь атаковать Веллингтона, император не забыл и о Блюхере. Чтобы выяснить обстановку за Парижским лесом (к востоку от правого фланга французской армии), он послал туда 7-й гусарский полк Марбо. Тогда же Сульт по его указанию направил Груши следующий приказ: «Его величество намеривается атаковать английскую армию, занявшую позиции при Ватерлоо. Его величество желает, чтобы вы двигались на Вавр, дабы приблизиться к нам. Присылайте донесения о своих действиях, пока будете теснить перед собой прусскую армию, которая может остановиться в Вавре, куда вы должны прибыть как можно скорее. Император желает получать от вас очень частые известия».

Между тем, Ней, получив приказ Наполеона, на обороте листа сделал карандашом приписку: «Граф д'Эрлон должен об-

ратить внимание на то, что атака будет начата вначале левым флангом, вместо того чтобы начинаться справа».

В 11.20 французские орудия открыли огонь по Угумону и правому крылу армии Веллингтона. Замок Угумон находился в трехстах метрах от плато Мон-Сен-Жан и представлял собой довольно сильное укрепление. В комплекс замка входили: большой жилой дом, ферма, часовня и подсобные строения. Внешние стены всех этих зданий образовывали замкнутый прямоугольник, имевший только два выхода – с южного и северного фасадов. С восточной стороны к Угумону примыкал парк, огороженный с юга и востока толстой кирпичной стеной, в которой защитники пробили бойницы. К замку и кирпичной стене парка с юга примыкал обширный лесопарк (300 на 250 метров).

В 11.30 началась атака Угумона. Руководил ею Жером Бонапарт, младший брат Наполеона, имевший незавидную военную репутацию. К полудню французы заняли лесопарк и фруктовый сад, но затем были отброшены назад. Получив подкрепление, они снова кинулись в атаку. Но у атакующих не было при себе ни лестниц, ни пороховых зарядов, чтобы преодолеть или разрушить каменные ограждения. Не помогала и артиллерия, так как французы не могли протаскать пушки через лесопарк.

Англичане с легкостью расстреливали атакующих из-за укрытий, ведя прицельный огонь, а французы стреляли наугад. Тем не менее Жером все снова и снова посылал свою дивизию в атаку. Кадет Ларреги де Сивриё так описывал сцены резни, происходившей у стен Угумона:

– Вскоре мы стояли по щиколотку в крови. Меньше чем за полчаса наши ряды поредели наполовину. Каждый стоически ждал смерти или страшных ран. Мы были забрызганы кровью, но мужество наше достигло наивысшей точки. Ни один раненый не покинул поле боя, ни один умирающий не испустил дух, не обратившись преданной мыслью к императору.

Бой шел с переменным успехом. В один из его моментов французам удалось даже через северные ворота ворваться на территорию замка. Но небольшая группа отчаянных храбрецов тут же была истреблена противником.

В бесплодных попытках овладеть замком дивизия Жерома несла большие потери. В бой втягивались все новые и новые

части. К исходу борьбы за Угумон французы сосредоточили около него 12 700 человек (против 2600 англичан). То есть вместо того, чтобы оттянуть силы противника к замку (как это задумывалось), Наполеон ослабил свой центр, но так и не взял Угумона. «Угумон, – отмечал В. Гюго, – вот то зловещее место, начало противодействия, первое сопротивление, встреченное при Ватерлоо великим лесорубом Европы, имя которого Наполеон; первый неподатливый сук под ударом его топора».

«И больше я их не видел». В 13.00 французская артиллерия открыла огонь по центру английской армии. В этот момент далеко на востоке, между Парижским лесом и Кутюр-Сен-Жермен, были замечены проблески. Наполеон и офицеры его штаба навели на них подзорные трубы. Это были штыки, сверкавшие под солнечными лучами. Генерал Бертран, посланный на разведку, доложил:

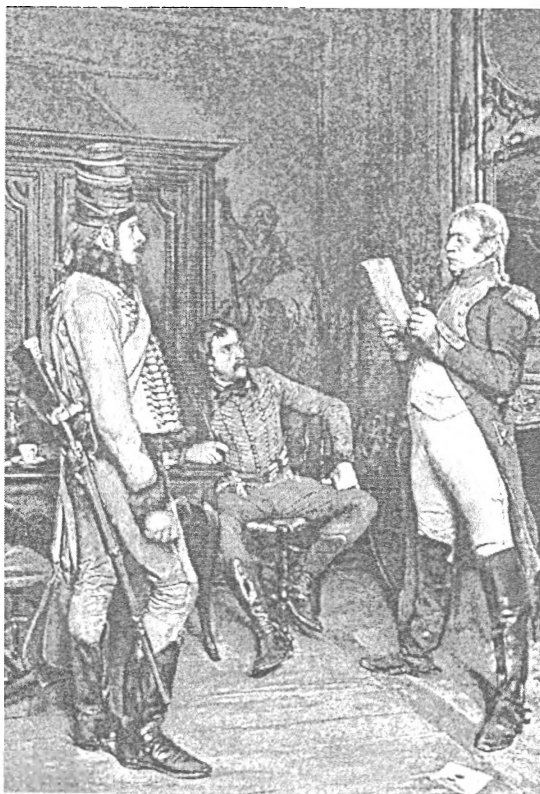
– Сир, это пруссаки.

Немного позже это подтвердил прусский кавалерист, захваченный в плен. Последние сомнения императора развеяла записка, полученная от Груши: «Все мои сведения подтверждают, что неприятель отходит на Брюссель, чтобы сконцентрироваться там или дать битву, соединившись с Веллингтоном».

Чтобы защититься от пруссаков, Наполеон приказал перебросить к Парижскому лесу две кавалерийские дивизии. Тем самым центр французской армии был ослаблен. Еще в резерве у императора остались только части пехотной гвардии. Заметно растерявшемуся Сульту Наполеон сказал:

– Сегодня утром у нас было девяносто шансов из ста на удачу. Сейчас у нас все еще 60 против 40. Если Груши исправит чудовищную ошибку, которую он допустил вчера, забавляясь в Жамблу, и быстро приведет свои части, будет одержана убедительная победа, ибо с корпусом Бюлова будет покончено.

Груши начальник штаба направил очередное распоряжение: «Император приказал мне передать вам, что вы должны по-прежнему двигаться в нашем направлении и стараться приблизиться к армии, с тем чтобы нам соединиться до того, как кто-либо сумеет вклиниться между нами.

Депеша. С картины Э. Мейссонье

Я не указываю вам направления. Вам самому надлежит определить местонахождение, дабы действовать соответственным образом и связать наши коммуникации, а также быть готовым напасть на силы неприятеля, которые могут попытаться атаковать наш правый фланг, и разбить их. В настоящий момент сражение происходит на линии Ватерлоо перед Суаньским лесом. Центр вражеских войск находится на плато Мон-Сен-Жан. Поэтому совершайте маневр, дабы присоединиться к нашему правому крылу.

P.S. Из только что перехваченного письма стало известно, что генерал Бюлов должен атаковать наш правый фланг. Поэтому не теряйте ни минуты, дабы приблизиться к нам и соединиться с нами с целью разбить Бюлова, захватив его врасплох».

Роковое письмо! Письмо, подтверждающее трагичную истину: начиная генеральную атаку на позиции англичан, Наполеон был в полном неведении о том, что к Ватерлоо подходит не корпус Бюлова, а вся армия Блюхера. Подвел императора и слишком пунктуальный Груши.

Подчиненные маршалы, генералы Вандам, Жерар и Эксельманс, слыша вдалеке гром орудий, требовали идти к месту разгоравшегося сражения.

– Черт побери! – возмущался Жерар.– События приказывают тебе идти вперед, а ты сиднем сидишь на месте.

– Господин маршал, – поддержал Жерара Эксельманс, – нет сомнений, что император сражается с англичанами, надо смело идти в огонь. Я старый солдат итальянской армии и сотни раз слышал, как генерал Бонапарт проповедовал этот принцип. Если мы возьмем влево, то через час будем на поле боя.

– Думаю, вы правы, – отвечал Груши.– Но если Блюхер уйдет из Вавра* и обойдет меня с фланга, я буду виновен в том, что не исполнил данный мне приказ преследовать Блюхера.

– Вам приказано быть на поле боя, – вновь вступил в разговор генерал Жерар.– Блюхер опередил вас на один переход, вчера он был в Вавре, а вы – в Жамблу, и кто знает, где он теперь? Если он соединился с Веллингтоном, мы встретимся с ним на поле боя, и тогда вы точно выполните ваш приказ. Если его там нет, ваше прибытие решит исход битвы. Через два часа мы сможем принять участие в сражении, и если мы уничтожим английскую армию, то что нам уже разбитый Блюхер?

К сожалению, маршал не внял логике этого совета.

В 13.30 орудия «Большой батареи» (80 стволов) прекратили огонь, и солдаты четырех дивизий I-го корпуса двинулись вперед, держа ружья «под руку». Войска, руководимые генералом д'Эрлоном, были построены плотными линиями (а не колоннами, как уже принято было в то время). Это увеличивало их огневую мощь, но не давало возможности перестроиться в каре и, конечно, служило хорошей мишенью для противника.

После опустошений, произведенных английской артиллерией, атака французов захлебнулась. Успешные действия ар-

* Уже давно ушел.

тиллерии поддержали пехота и кавалерия. Знаменитые «Серые Шотландцы» рассеяли остатки корпуса д'Эрлона. Бригада драгун численностью в 1300 человек обратила в бегство 11 000 французов, взяв при этом 2000 пленных и захватив два полковых орла.

Увлеченные успехом «Серые Шотландцы» досказали до «Большой батареи» и начали рубить канониров. Но очень скоро ситуация изменилась – 1-я кавалерийская дивизия генерала Жакино наголову разбила шотландцев.

После трех часов наступило временное затишье. Веллингтон использовал его, чтобы подготовиться к отражению новой атаки, а Наполеон – чтобы ее организовать.

Около 16.00, после интенсивной артиллерийской подготовки, французская кавалерия пошла в атаку. Лошади медленно взбирались на крутые склоны плато Мон-Сен-Жан. Шли рысью по жирной и мокрой земле, через высокую рожь, доходившую им до груди. В наступление пошли десять полков, имевшие в своем составе 4400 всадников. Атака производилась на участке в 950 метров между фермой Ла-Э-Сент и замком Угумон.

На плато, в треугольнике, образованным Брюссельской, Нивельской и Оэнской дорогами, французов поджидали 12 британских батарей (65 орудий) и 22 пехотных каре (14 000 штыков). Позади пехоты находилась кавалерия – 18 полков или 8000 сабель. То есть силы атакующих и обороняющихся были явно несоизмеримы. По-видимому, поэтому все описания происшедшего сражения носят характер нечто эпического. Вот впечатление английского артиллериста Александра Мерсера:

– Зрелище было внушительное, и, если есть подходящее слово, чтобы описать происходившее, слово «величественное» в данном случае годится как нельзя лучше. Всадники продвигались вперед плотными эскадронами друг за другом. Их было так много, что арьергард был еще скрыт за гребнем холма, а голова колонны находилась всего в 60–80 ярдах от наших пушек. Они ехали довольно медленно, но не останавливаясь. Это была не яростная кавалерийская атака, а решительное продвижение вперед людей, добывающих своего. Они двигались в полной тишине, и единственным звуком, доносившимся сквозь неумолчное рычание боя, был глухой топот множества копыт.

Атака французских кирасир

Английские батареи открыли огонь с короткой дистанции, пробивая в наступавших эскадронах большие бреши, но остановить их не смогли. Поднявшись на плато, французские кавалеристы тщетно пытались сломать неприятельские каре. Вот впечатление об этой атаке английского прапорщика Гронау:

– Ни один человек, присутствовавший при этом и выживший, не мог до конца жизни забыть ужасающее величие этой атаки. Мы видели вдали что-то казавшееся огромной двигающейся линией, которая приближаясь, сверкала как мощная морская волна, отражающая солнце. Все ближе и ближе неслась эта конница, пока сама земля не начинала сотрясаться от громкого топота. Казалось, что ничего не сможет устоять перед напором ужасной накатывающейся массы. Это были знаменитые кирасиры – в основном старые солдаты, отличившиеся почти во всех сражениях в Европе. Невероятно быстро они оказались уже в пределах двадцати ярдов от нас, оглушая криками: «Да здравствует император!».

Прозвучала команда: «К встрече кавалерии готовьсь!». Каждый солдат в передней шеренге встал на колени, и перед разъяренными французскими кирасирами возникла стена, оцетившаяся сталью штыков в крепких руках британских солдат.

Атаки кирасир были очень впечатляющими. Десять раз под палящим солнцем эта тяжелая масса лошадей и всадников с поднятыми вверх саблями в сумасшедшем галопе бросалась на англичан, ведших прицельный огонь, но всякий раз натыкалась на стену ошестинившихся штыков. Звенели боевые трубы, ржали раненые лошади, бряцали ружья. Десять раз кирасиры отступали, но перестроившись возле небольшого леска, снова шли в атаку. И всякий раз атака всадников, закованных в железные латы, захлебывались.

– Я был настолько взволнован этим зрелищем, – вспоминал полковник Трефкон, – что и представить себе трудно. Несмотря на грозившую мне опасность, я смотрел на них со слезами на глазах и восхищался ими. Больше всего меня поражали карабинеры. Я видел их золоченые кирасы, их блестящие на солнце каски. Они пронеслись мимо меня, как вихрь, и больше я их уже не видел!

Ней, осуществлявший общее руководство сражением, кричал д'Эрлону:

– Держитесь, ребята, держитесь! Если мы с вами здесь не умрем, то нас повесят наши же эмигранты!

Несмотря на отчаянную храбрость Нея атаки французской кавалерии проваливались одна за другой. «Чудовищна была картина этого боя! – напишет позднее В. Гюго. – Каре были уже не батальоны, а кратеры, кирасиры – не кавалерия, а ураган. Каждое каре превратилось в вулкан, атакованный тучей. Лава боролась с молнией. Казалось, что вся эта масса людей превратилась в сказочное диво и обрела единую душу. Эскадроны, видневшиеся сквозь разорванное местами огромное облако дыма, извивались и вздувались, как кольца полипа. Среди пушечных залпов и фанфар – хаос касок, криков, сабель, резкие движения лошадиных крупов, страшная и вместе с тем послушная воинской дисциплине сумятица. А над всем этим – кирасы, как чешуя гидры».

Наполеон с беспокойством наблюдал за действиями Нея. Тщетность усилий маршала сломить сопротивление англичан он оценил с беспощадной суровостью:

– Несчастный, вот уже второй раз за два дня он подвергает судьбу Франции угрозе.

«Самое безнадежное дело». Наступление на центр английской армии император считал преждевременным и винил в этом Нея:

– Он начал атаку на час раньше, чем нужно, но надо поддержать то, что сделано.

Около 17 часов в сражение вступило еще около пяти тысяч всадников, на плато сосредоточилась вся французская кавалерия. Ней в неистовстве водил ее в атаки. Лицо его было искажено, и он несколько раз крикнул:

Маршал Г.А. Блюхер

– Французы – ни с места! Здесь ключи к нашей свободе.

Кавалерия неоднократно занимала плато, но закрепиться на нем не могла. Наконец, в 17.30 на поддержку коннице подошла пехота – 6500 штыков. Но она уже не могла помочь кавалерии, истощившей все силы в бесплодных атаках и была отброшена в ложбину близ Угумонского леса.

Эта неудача совпала с началом активных действий Блюхера на правом фланге французской армии. Здесь, вокруг селения Плансенуа, разгоралось сражение с второй армией союзников. Соотношение сил противников резко изменилось в пользу дуумвирата*. Но Ней упрямо группировал кавалерийские соединения и вновь и вновь бросал их на англичан. В конце концов методические удары конницы и огонь артиллерии поколебали британские каре. Веллингтон успевал повсюду. Внешне он держался спокойно и старался ободрить солдат и офицеров.

– Держитесь твердо, – призывал герцог. – Что скажет Англия, если нас разобьют?

* Почти вся императорская армия сражалась тогда в пропорции один против трех (А. Лашук. Наполеон. Походы и битвы. М., 2004, с. 872).

И чуть не разбили. Днем позже Веллингтон говорил:

– Это самое безнадежное дело, в котором мне довелось участвовать. Я никогда не предпринимал столько усилий для одной битвы и никогда не был так близок к поражению.

Все пространство между высотами Мон-Сен-Жана и Бель-Альянса было покрыто мертвыми и ранеными. С обеих сторон умолкло 80 орудий: они были брошены или подбиты. 10000 человек из британской армии, не выдержав натиска французской конницы, убежали в Суаньский лес. Страшные потери понесла и английская кавалерия.

В начале седьмого вечера французы предприняли последнюю атаку на Ла-Э-Сент. В бой шли три батальона дивизии Донзело, не участвовавшие в дневных атаках. Они захватили наконец укрепленную ферму. К ней тотчас были подвезены пушки, и батарея открыла огонь по англичанам, находившимся в 200 метрах от фермы. Французская пехота устремилась вперед. Страх охватил противника.

– Пусть придет ночь или пруссаки, – молил Веллингтон.

– Дело сделано! Они у меня в руках, – радостно повторял Наполеон.

Момент был поистине трагическим: решались не только исход сражения, но и ближайшее будущее Европы. Центр английской позиции был открыт. Дороги забиты беглецами. Начала распространяться паника. Французам оставалось сделать еще одно усилие, чтобы враг побежал. И Наполеон решил ввести в бой гвардию, как всегда стоявшую в резерве. Но в этот самый момент пруссаки захватили Плансенуа, создав угрозу окружения правого крыла французской армии. Кипя яростью, император вынужден был остановить атаку на англичан.

К Плансенуа срочно перебросили два батальона Старой гвардии. Их повел в штыковую атаку отважный Пеле. 1100 солдат Старой гвардии опрокинул 16-ю пехотную бригаду пруссаков, имевшую в своих рядах 6000 человек.

Противники выдохлись. Сражение на короткое время приостановилось.

«Это только продажная девка!» Угумон пылал, но британские гвардейцы держались все так же крепко. Между семью и

половиной восьмого вечера на помощь защитникам замка прибыло пять батальонов немцев.

На других участках центра английской армии обстановка была значительно хуже. Ранены многие командующие: принц Оранский, граф фон Альтен, генералы Кемпт, Фицрой Сомерсет, Гордон и де Лэнси. Оставили свои позиции ганноверцы Кильманзегге и нассаусцы Крузе. Сэр Колин Хэлкетт отправил в тыл знамена своей бригады, опасаясь потерять их. Камберлендский гусарский полк бежал с поля битвы во главе со своим командиром. Веллингтон автоматически призывал:

– Держаться до последнего!

Глядя то на восток, то на запад, фельдмаршал бормотал про себя:

– Блюхер или ночь!

Сил противостоять отчаянному натиску противника уже не было. Это почувствовал Ней и послал полковника Эйлиеса просить у императора немного пехоты, чтобы окончательно сломить англичан. Наполеон, вынужденный вести сражение на два фронта и чувствующий себя очень неважно, взорвался:

– Где он хочет, чтобы я ее взял? Не лучше ли ему использовать собственные силы?

В резерве у императора было только девять батальонов гвардии и дежурные эскадроны конвоя. Молодая гвардия, корпус Мутона (VI-й) и батальоны Пеле сражались с армией Блюхера, остальные соединения – с английской армией.

Резервов фактически не было, но была еще вера в свою звезду, ведь «победа – это только продажная девка!» К тому же вроде бы слышны пушки Груши, это – судьба. «Операции не удаются только из-за опозданий», – полагал Наполеон, сбрасывая со счетов случай. А он был – предательство. О решении императора тут же был извещен враг. Капитан дю Барай из 2-го карабинерского полка подскочил к позиции англичан и сообщил:

– Этот проклятый Наполеон идет атаковать вас с Императорской гвардией!

Веллингтон тут же подтянул к центру своей боевой линии нидерландскую пехотную дивизию и два брауншвейгских

батальона. Приказал замолчать артиллерии и ждать приказа стрелять картечью. Солдаты гвардейской бригады были положены на землю в четыре ряда, чтобы вести по атакующим прицельный огонь.

В 19.30 французская гвардия, последний резерв Наполеона, пошла в атаку. Трещали барабаны, оркестр играл «Гренадерку» Мишеля Гебауэра. Император ехал за своими «ворчунами». В первой линии шли маршал Ней, генералы Фриан, Поре де Морван и Арле.

При виде темно-синих шинелей гвардейцев и всадника в сером сюртуке и легендарной треуголке раненые приподнялись, чтобы из последних сил крикнуть: «Да здравствует император!» Беглецы останавливались и присоединялись к гвардейцам. «Большая батарея» громила противника смертоносным огнем.

Первыми шли пять батальонов Средней гвардии, за ними – Старая гвардия (1700 штыков). Справа от гвардейцев, со стороны фермы Ла-Э-Сент, перешла в наступление 3-я пехотная дивизия Донзело (3600 человек), слева, ближе к Угумону, – 5-я пехотная дивизия Башлю (3600 бойцов). Кавалеристов было не более двух тысяч. Атакующих поджидало около 22 000 солдат Веллингтона.

Из опасения попасть по своей же пехоте «Большая батарея» постепенно прекратила обстрел английских позиций. Зато заговорила англо-нидерландская артиллерия. Не менее пятидесяти орудий низвергали на атакующих смертоносный град картечи. Неся большие потери, французы смыкали свои ряды и продолжали подниматься на гребень плато. Средняя гвардия не только расстреливалась в упор картечью, но была еще атакована нидерландской пехотой.

– Храбрый генерал Поре де Морван, – вспоминал один из участников сражения, – приказал нам построиться в каре и открыть огонь рядами. Мы довольно долго сражались в этом положении. Маршал Ней вошел внутрь каре и сказал генералу: «Нужно умереть здесь!» Мы продолжали отстреливаться отседающего врага, но ружейный огонь и картечь так захлестнули нас, что в скором времени батальон перестал существовать.

Та же участь постигла и другой батальон Средней гвардии.

Еще большее испытание выпало на долю трех батальонов егерского полка, которые вышли на позицию английских гвардейцев, лежавших на земле, а потому не замеченных атакующими.

– Теперь Мэйтленд! Теперь ваше время!– воскликнул Веллингтон, когда французы были в 25 метрах от гвардейцев.

Мгновенно поднявшись, 1400 солдат, построенные в четыре шеренги, открыли убийственный огонь. Первым же залпом были сражены генерал Мишель, полковник Мале, около 20 офицеров и до 200 рядовых. Огромные потери и выход из строя старших командиров вынудили егерей отступить. Та же участь ожидала и следовавших за ними.

Все пять батальонов Средней гвардии отошли вниз, усеяв своими телами гребень и южный склон плато Мон-Сен-Жан. Фактически это были их жалкие остатки.

Атака продолжалась 20 минут. Отход Средней гвардии вызвал трепет по всей линии французских позиций. От Ла-Э-Сент до Паплотта с быстротой молнии пронеслось: «Гвардия отступает!» Началась паника. То там, то здесь раздавались истошные крики: «Измена!», «Нас предали!».

Веллингтон вовремя уловил момент перелома в сражении и поднял вверх свою шляпу. Это был приказ к переходу к общему наступлению. Английское «Ура!» и прусское «Вперед!» смешались с французским «Спасайся кто может!»

– Это был поток, вышедший из русла и сметавший все на своем пути, – говорил позднее Наполеон.

Аналогичное сравнение бегущих с горным потоком дал майор Лемонье-Делафоссе, адъютант генерала Фуа:

– Представьте себе 40 тысяч человек, скопившихся на одной дороге и образующих толпы. Это напоминало скалу, которая сдерживает поток, но затем сдает под его напором и рассыпается на громоздящиеся друг на друга и разбивающиеся глыбы! Но поток, мчащийся с гор, вырывающий с корнем и уносящий все, что попадает у него на пути, – лишь слабое подобие скопища людей, лошадей, повозок, сталкивающихся друг с другом, вместе таранящих всевозможные препятствия, образуя массу, сметаю-

шую все на своем пути и прокладывающую себе дорогу. Горе тому, кто попадет в этот водоворот.

Скорбную картину разрушения Великой армии оставил капитан Дютильт:

– За исключением Старой гвардии, все бросились бежать через зарядные ящики, разбитые пушки и всевозможные вещи. В запале бегства, ничего не чувствуя, они ступают по мертвым и топчут раненых, не слыша их стонов и криков боли. Несчастные жертвы войны раздавлены, они испускают последний вздох под колесами артиллерийских повозок и орудий. Солдаты всех армий бегут вперемешку и без командиров, а командиры в отчаянии бегут без солдат. Последние толкают первых, а пушки, фургоны и повозки, из которых выпряжены лошади, загромаждают дороги, становясь добычей жадных мародеров, и преграждают путь.

Ней тщетно пытался вернуть беглецов на поле боя, крича как безумный:

– Смотрите, как умирает маршал Франции!

К исходу сражения английские кавалеристы и пехотинцы приблизились на расстояние в двести метров от местонахождения Наполеона. С ним были маршал Сульт, начальник артиллерии Друо, генералы Бертран и Гурго. Недалеко от них стоял французский батальон. Император приказал дать несколько залпов из пушек, а затем, вспомнив ремесло своей молодости, все порывался подойти к орудиям, повторяя:

– Надо умереть здесь, на поле боя!

Англичане начали обстреливать малочисленное прикрытие Наполеона, а он все порывался атаковать их. Только около девяти вечера испуганному штабу удалось увлечь его на дорогу к Шарлеруа. Капитан Куанье вспоминал об этих трагических минутах:

– Он направляет свою лошадь в середину каре, которым командует Камбронн, но все генералы окружают его: «Что вы делаете? – кричат они. – Разве им не довольно того, что они победили?» Он хотел, чтобы его убили. Почему они не позволили ему совершить задуманное! Они избавили бы его от стольких страданий, и мы, по крайней мере, умерли бы рядом с ним. Мы окружили его и заставили ретироваться.

Старая гвардия отступала мерным шагом, невозмутимая и мрачная. В бурлящем потоке бегущих она была подобна скале в водовороте. Англичане расстреливали гвардейцев из пушек и ружей, а они разрезали их ряды как нож сливочное масло.

Битва при Ватерлоо

Героическое отступление Императорской гвардии поразило противника и породило легенду о знаменитом ответе Камбронна на предложение англичан сдаться:

– Гвардия умирает, но не сдается!

А на правом фланге французской армии в 21.00 еще шла отчаянная борьба. В пламени Плансенуа в церкви и на кладбище противники беспощадно убивали друг друга. В Россомме барабанщики 1-го гренадерского полка выбивали «Гренадерку» и «Карабинерку», призывая пеших гренадеров и егерей в батальонные каре. Император, проезжавший мимо, со слезами на глазах приказал храбрецам отступить.

...К звукам далекого сражения с тревогой прислушивались в Генте. Шатобриан задним числом сопливился по поводу Ватерлоо:

– Я пребывал в одиночестве среди гентских полей, словно моему попечению были поручены здешние стада, и мозг мой сверлили вопросы: «Что это за сражение? Положит ли оно конец войне? Участвует ли в нем сам Наполеон? Разыгрывают ли здесь судьбу мира, как разыгрывали когда-то одежды Христа? Кто победит и что принесет эта победа народом: свободу или рабство? И чья кровь льется там? Не прерывает ли каждый выстрел, который я слышу, жизнь французского солдата? Неужели снова заклятые враги Франции празднуют победу? Если они одолеют, что станет с нашей славой? Если одолеет Наполеон, что станет с нашей свободой?» Хотя победа Наполеона осудила бы меня на вечное изгнание, в тот миг любовь к отечеству возобладала в моей душе над прочими чувствами, я желал успеха угнетателю Франции, ибо он мог спасти нашу честь и избавить нас от чужеземного владычества.

О какой «свободе» сетовал этот аристократишка пригретый императором? Свободе феодала на крестьянские земли? О свободе на тепленькие местечки при троне Бурбонов? О свободе эмигрантов, рвавшихся к своему реваншу? Хорошо сказал по этому поводу наш соотечественник А.И. Герцен:

– Я не могу равнодушно пройти мимо гравюры, представляющей встречу Веллингтона с Блюхером в минуту победы под Ватерлоо. Я долго смотрю на нее всякий раз, и всякий раз внутри груди делается холодно и страшно. Веллингтон и Блюхер приветствуют радостно друг друга. И как им не радоваться: они только что своротили историю с большой дороги по ступицу в грязь, в такую грязь, из которой ее в полвека не вытащат. Наполеон подразнил другие народы до дикого бешенства отпора, и они стали отчаянно драться за свое рабство и за своих господ.

...Французы отступали на юг, к границе. Их преследовали пруссаки. Англичане оказались уже не в силах принять в этом участие. Их союзники тоже были крайне утомлены, держались только на чувстве ненависти и жажде мщения**. Дорога была за-

* Подводя итоги своему жизненному пути, Наполеон говорил о Шатобриане:

– Он один из тех трусливых негодяев, кто плюет на тело умершего. Он то насекомое, которое питается трупом, не смея подступить к живому существу.

** На исходе суток, Блюхер сетовал: «Не могу больше писать, ибо дрожу всеми членами. Усилие было слишком велико».

бита повозками, лафетами пушек и трупами лошадей. На ней то и дело возникали заторы. Часам к одиннадцати ночи толпа достигла Генапа.

– Солдаты из всех корпусов, всех армий, – рассказывал позднее капитан Суанье, – шли без всякого строя, в полном разброде. Они сталкивались друг с другом, падали на улочках этого небольшого городка, спасаясь от прусских кавалеристов, которые следовали за ними по пятам с криками «Ура!». Предстояло перейти мост на реке Диль. Кто первый переберется на ту сторону, тому, считай, повезло! Все были ужасно расстроены. Было около полуночи. В этой громадной толпе было тихо, не слышался ни один голос. Ничто не могло их утешить. Никто никого не слушал. Кавалеристы выстрелом в голову убивали своих лошадей, пехотинцы кончали с собой, чтобы только не попасть в руки неприятеля. Все смешалось.

У Катр-Бра Наполеон остановился перед несколькими генадерами, гревшимися у костра. Несколько минут он пребывал в глубокой задумчивости, сложив руки на груди и устремив взор к Ватерлоо. Вдруг император оживился.

– Уже темно, – сказал он полковнику Бодю.– Когда подойдет неприятель и увидит по зажженным кострам, что эти позиции заняты нами, он, вероятно, прекратит преследование.

Полковник тут же поскакал к ближайшим домам Катр-Бра, но был встречен оружейными залпами. Вернувшись к костру, он доложил обстановку и потребовал, чтобы император, у которого не оставалось к тому моменту никакого прикрытия, следовал дальше. Наполеон последовал совету полковника. Когда он садился на лошадь, несколько слезинок скатились по его щекам.

Состояние императора в первые часы после поражения было ужасным. Американский историк В. Слоон утверждал: «У Наполеона обнаружился полнейший упадок сил, на него жалко было смотреть. Глаза его неподвижно уставились вдаль, голова качалась из стороны в сторону, и сам он находился почти в бесчувственном состоянии. Монтион и Бертран усадили его на лошадь и поддерживали с обеих сторон на седле».

Но постепенно силы возвращались к нему. Как мы видели, уже в Катр-Бра у императора мелькнула мысль о сопротив-

лении преследователям. Там же он отдал вполне разумный приказ Груши – отступать к Намюру. Сам он и остатки войск, сражавшихся у Ватерлоо, спешили к Шарлеруа, оставив на роковом поле около 24 000 убитых и раненых, 8000 попали в плен. Это была последняя жертва Франции честолюбию и гению своего великого сына. Это был 90-й день после вступления императора в Париж и 110-й после высадки его на солнечные берега Франции.

19 июня

Шарлеруа Наполеон достиг на рассвете, но, не останавливаясь в нем, проследовал дальше, продолжив свой скорбный путь на почтовых. Первую остановку и короткий отдых позволил себе в Филиппвиле. Там к нему присоединились герцог Бассано (Маре) и несколько офицеров штаба. Наполеон разослал ряд приказов и сообщил принцу Жозефу о итогах сражения при Ватерлоо. Требуя от брата мужества и твердости, император писал о мерах, которыми рассчитывал выправить положение:

«Не все потеряно. Я предполагаю, что, если собрать все силы, у меня останется сто пятьдесят тысяч человек. Федераты и национальная гвардия, люди благородные, дадут мне сто тысяч человек. Запасные батальоны – еще пятьдесят тысяч. Таким образом, я смогу сразу противопоставить противнику триста тысяч человек. Я использую в артиллерии дорогих выездных лошадей. Я соберу сто тысяч призывников. Я вооружу их ружьями роялистов и дурных национальных гвардейцев. Я подниму Дофине, Лионнэ, Бургундию, Лотарингию и Шампань. Я измотаю противника, но надо, чтобы мне помогали, а не мешали. Я поеду в Лан. Там я, без сомнения, найду людей.

Я не имею никаких вестей от Груши. Если он не разбит, как я того опасаясь, то через три дня у меня будет пятьдесят тысяч человек. Этого мне хватит, чтобы отвлечь противника и дать время Парижу и Франции выполнить свою задачу. Англичане идут медленно. Пруссаки боятся крестьян и не осмелятся заходить слишком глубоко. Все еще можно поправить: напишите мне, какое впечатление это ужасное сражение про-

извело на палаты. Я думаю, депутаты осознают, что их долг в данных обстоятельствах – сплотиться вокруг меня, чтобы спасти Францию. Подготовьте их к тому, чтобы они достойно помогли мне».

Судя по этому письму, Наполеон уже преодолел чувство апатии, охватившее его сразу после поражения при Ватерлоо: прошла треть суток, и он отдает приказы, строит планы дальнейшей борьбы. Самообладание исключительное!

Из Филиппвиля через Мариенбург и Ле-Санс-Корбино Наполеон проследовал в Лан. Но перед ним была короткая остановка в Дане, о которой поведал камердинер императора Маршан:

– Как только я добрался до Дана, я тут же свалился на какую-то солому, чтобы немного отдохнуть. Только я растянулся, как мне сказали, что император находится на почтовой станции города. Моя усталость мгновенно исчезла. Я помчался к почтовой станции.

А там в это время шел горячий спор: решался вопрос о том, что лучше – ехать императору в Париж или задержаться в Лане для организации отпора врагу?

– Наполеон должен тотчас же отправиться к представителям нации, – горячился Ла Бедуайер, – откровенно признаться в постигшем его несчастье и, подобно Филиппу Августу, заявить, что он готов умереть как солдат, передав корону самому достойному.

Идеализм молодого генерала выводил из себя Флери де Шабулону, который остерегал спорщиков:

– Не верьте, что так произойдет! Асссамблея, вместо того чтобы пожалеть Наполеона и великодушно прийти ему на помощь, обвинит его в гибели Франции и захочет спасти себя, принеся его в жертву.

Шабулону поддержал Флао*:

– Император погибнет, если вернется в Париж. Есть только один пусть спасти себя и Францию: вступить в переговоры с союзниками и уступить корону сыну.

Наполеон колебался. Как раз в этот напряженный момент ему доложили о прибытии пропавшего камердинера. Тот вспоминал: «Вместе с Наполеоном был граф Бертран. Оба они сохраняли хладнокровие, но выглядели абсолютно измученными. Я доложил императору о том, каким образом была захвачена моя карета на перекрестке дорог у фермы «Катр-Бра» и как мне удалось спасти только банкноты, бывшие в карете, и о том, что я был очень огорчен, узнав, что карета Его Величества со всеми хранившимися в ней ценностями была захвачена врагом.

– Да, это несчастье, – согласился со мной император и тут же стал подсчитывать ресурсы, оставленные во Франции, которыми он мог бы воспользоваться, если бы его поддерживали палаты. Потерянное снаряжение и провиант можно было легко возместить, а собрав армию в Лане, можно было сдержать наступление врага, дав стране необходимое время, чтобы вновь обрести силы».

По признанию Маршана, разговор императора с Бертраном он слышал урывками. Запомнилась ему последняя фраза Наполеона, которую он уловил, выходя из помещения:

* Ла Бедуайер и Флао – адъютанты Наполеона.

– Если я вернусь в Париж и окуну руку в кровь, то буду вынужден погрузить ее до самого локтя.

Император был согласен со своими оппонентами в том, что скрывать масштабы случившегося глупо:

– Нужно, как и после Москвы, сказать Франции всю правду.

Этим он думал вызвать всеобщий страх и добиться для себя неограниченных полномочий. Если такая власть ему не будет дана, придется повторить 18-е брюмера, но теперь переворот без крови, конечно, не обойдется. Менее чем через сутки после Ватерлоо Наполеон допускал мысль о новых трупах, но уже собственных подданных.

РАДИ ФРАНЦИИ

20 июня

Конец дня 19 июня и начало следующих суток Наполеон провел в Лане. Там он составил обстоятельный отчет, предназначенный для Государственного совета. Он был более взвешенным, чем конфиденциальное письмо, направленное накануне Жозефу.

Сражение в отчете называлось «столь славным для французской армии и меж тем столь роковым». Без всяких прикрас говорилось о серьезности создавшегося для страны положения и необходимости мобилизовать энергию всего народа для защиты рубежей Франции. Как и в письмо Жозефу, в отчете министрам указывалось на меры, которые необходимо предпринять в первую очередь, и выражалась надежда на их понимание и поддержку. В отчете не было ничего личного, и поэтому Маршан с полным основанием мог говорить:

– Император, озабоченный только мыслями о спасении страны, а не собственной персоны, думал, что незамедлительный и правдивый отчет о событиях пробудит патриотические чувства у представителей палат и что вместе с ним палаты не потеряют веру в спасение родины. Поддержанная ими, страна воспрянет, как один человек, и император вернет удачу нашему флагу. Вдохновленный этим чувством любви к стране, император не боялся потерять ни свой трон, ни свою жизнь.

Но он боялся предательства как со стороны Фуше (о чем говорил с Берtrandом и это слышал Маршан), так и со стороны палат. Здравый смысл говорил в пользу Лана. Собрав там войска, Наполеон становился господином положения: защищал страну и оставался сдерживающей угрозой палатам. Поэтому император склонялся к этому варианту своих действий, но не был тверд в данном намерении. Маршан свидетельствует:

– Если, собирая армию вокруг Лана, император намеревался задержаться здесь, то это была, несомненно, мимолетная идея, ибо он приказал мне сесть в почтовую карету и ехать в Елисейский дворец, где он планировал провести следующий день.

После недолгих колебаний Наполеон заявил своему окружению:

– Поскольку вы считаете, что это необходимо, я отправлюсь в Париж, но я по-прежнему убежден, что вы заставляете меня сделать глупость. Мое настоящее место здесь.

Подчинение (вопреки разуму) чьей-то воле! Это, конечно, был уже не прежний властелин и полудиктатор. Неудачи последних лет подорвали веру Наполеона в свою звезду.

– Я чувствовал, что фортуна оставила меня, – скажет император позднее.

21 июня

Дискуссия в ванне. В 5.30 утра Наполеон прибыл в Елисейский дворец, на лестнице которого его приветствовал герцог Виченцкий (Коленкур). Едва войдя в свой кабинет, император заговорил:

– Вся техника потеряна. Это самая большая потеря. Дело было выиграно. Армия творила чудеса. Враг был разбит повсюду; держался только центр англичан. Но на исходе дня армию охватил панический ужас. Это необъяснимо!

– Ну что за странная игра судьбы, – продолжал Наполеон. – Я трижды был свидетелем того, как гарантированный триумф Франции проскальзывает сквозь мои пальцы: если бы не дезертирство предателя, я бы уничтожил врага в начале кампании; я бы разгромил его при Линьи, если бы левый фланг выполнил свой долг и разгромил бы его при Ватерлоо, если бы правый фланг выполнил положенный ему долг. Ну что ж, не все потеряно. После великих подвигов армию охватила паника. Я намерен представить палатам точный отчет обо всем, что произошло, и я надеюсь, что присутствие врага на французской земле восстановит чувство долга у депутатов и что моя честность объединит их вокруг меня.

Боль от постигшего поражения, физическое и моральное напряжение последних дней выбили императора из колен; обращаясь к Маршану, он признался:

– Я больше не могу... Мне нужно отдохнуть часа два, чтобы прийти в себя... Мне тяжело дышать, теснит вот здесь, – и

указал на грудь. После чего попросил приготовить горячую ванну, «такую горячую, насколько можно терпеть».

Принимая ванну, Наполеон продолжал разговор с Коленкуром:

– Не все потеряно. Я отчитаюсь перед палатами о том, что произошло. Я опишу им несчастье, постигшее армию, я попрошу у них средств, чтобы спасти отечество. Надеюсь, присутствие врага напомнит депутатам об их обязанностях, а мое искреннее поведение привлечет их на мою сторону. После этого я уеду обратно!

В своих планах император переходил от надежды к отчаянию, особенно угнетала полководца потеря его главной опоры в стране.

– У меня нет больше армии, – сетовал император. – У меня есть только беглецы. Людей я найду, но как их вооружить? Надеюсь, депутаты мне помогут. Вы дурно судите о них, в большинстве своем – это настоящие добрые французы. Против меня только Лафайет и кое-кто еще. Я им мешаю. Они хотели бы работать на себя, но я им этого не позволяю.

Верный Коленкур с сочувствием наблюдал за своим кумиром, печальным и задумчивым. Он тоже остро переживал трагедию Ватерлоо; ему до боли в сердце не хотелось наносить лишние травмы императору, но и скрывать правду он считал преступлением.

– Новость о ваших несчастьях уже просочилась, – предупредил герцог Виченцкий Наполеона. – В умах царит большое смятение, депутаты настроены как никогда враждебно, и поскольку Ваше Величество соизволяет выслушать меня, я должен сказать, что следует опасаться того, что палаты не ответят вашим ожиданиям. Я сожалею, сир, что вы находитесь в Париже. Было бы предпочтительнее, чтобы вы не расставались с армией: в ней – ваша сила и безопасность. Ваше присутствие привлекло бы войска в Лан или, по крайней мере, в Суассон. Раз Ваше Величество покинуло армию, штабные, генералы, гвардейцы – все сбегутся в Париж.

У кабинета императора начали собираться посетители, а в ванную комнату вошел Даву, уставший ждать в приемной.

– Ну что ж, ну что ж! – воскликнул Наполеон вместо приветствия и, резко опустив руки в воду, обрызгал маршала. Поняв

это восклицание как вопрос, Даву, сторонник силовых методов, твердо заявил, что надо нанести опережающий удар, чтобы искоренить всякую оппозицию.

– Ничто не потеряно, – уверял маршал, – если предпринять энергичные меры. Прежде всего, надо отложить заседание палат, ибо неистовая враждебность Ассамблеи парализует деятельность всех преданных императору сил.

После ванны Наполеон обычно ложился в постель, но на этот раз заявил камердинеру, что намерен побриться и одеться. В этот момент в помещение вошли его братья Жозеф и Люсьен. Последний сказал императору, что как только стало известно о поражении при Ватерлоо, население Парижа пришло в волнение и что от дискуссий в Законодательном собрании можно ожидать самого худшего из-за враждебности некоторых депутатов.

– Среди них вы не должны сбрасывать со счетов Лафайета, – заметил Наполеон. – Он не упустит случая, чтобы восстановить народ против меня. Они воображают, что союзникам нужна только моя голова, и не понимают, что, расставаясь со мной, они потеряют Францию.

У дверей своего кабинета первым император увидел Лавалетта.

– Едва заметив меня, – вспоминал граф, – он подошел ко мне с пугающим, припадочным смехом. «Ах, Боже мой», – произнес он, подняв глаза к небу, и сделал два – три небольших круга по комнате.

Но быстро взяв себя в руки, Наполеон начал расспрашивать графа о настроениях депутатов. Лавалетт честно признался, что вопрос о его отречении у всех на устах.

– Я их так приучил к великим победам, что они не знают, как пережить один день неудачи, – вздохнул император и продолжал: – Что станет с бедною Францией? Я делал для нее все, что мог.

После первого неприятного откровения последовали другие. От Карно Наполеон потребовал денег и объявления трехсоттысячного набора. Министр внутренних дел ответил решительным отказом. Тогда император обратился к герцогу Бассано (Маре), но когда тот начал говорить об организации обороны страны, услышал в ответ:

– Ах, моя Старая гвардия, если бы хоть она смогла защищаться!

По образному выражению В. Скотта, Наполеон «признал, что самый драгоценный для него символ власти – воинский жезл, выпал из его рук».

«Это совершенно законно». Около десяти утра собрался Совет министров, на заседании которого присутствовали братья Наполеона Жозеф и Люсьен. Прежде чем дать слово министрам, император уточнил свои намерения во вступительной речи:

– Если нация подымится, враг будет разбит. Если же, вместо того чтобы поднять народное ополчение и принять чрезвычайные меры, мы будем ссориться, все погибло. Враг во Франции. Для спасения отечества мне нужны неограниченная власть и временная диктатура. В интересах родины я мог бы установить ее сам, но было бы полезнее и патриотичнее, если бы такой властью меня облекли палаты.

Упоминание о диктатуре насторожило министров, каждый видел в этом инструменте власти нечто свое. Мнения сразу разделились. Люсьен и Карно стояли за немедленное применение силы: роспуск палат и установление абсолютной власти Наполеона. Карно требовал объявить (как в 1793 году) отечество в опасности и нанести быстрый и сильный удар по оппозиции пока она не организовалась. Того же мнения был и военный министр.

– В подобные моменты двоевластие ни к чему, – заявил Даву. – Нужна одна, достаточно сильная власть, чтобы пустить в ход все средства к сопротивлению и обуздать обуянные слепыми страстями, преступные группы мятежников, чьи происки всему препятствуют. Нужно немедля отложить заседание палат согласно конституционному праву. Это совершенно законно. Но чтобы смягчить эффект, который эта мера произведет на людей педантичных, можно объявить о созыве палат через две – три недели в одном из городов внутри страны, который будет выбран позже, или же, если того вновь потребуют обстоятельства, снова отложить заседание палат.

К немалому удивлению всех министров, к мнению Даву и Карно присоединился невозмутимый Фуше, который торжест-

вовал про себя: разговоры о диктатуре были ему на руку, так как давали весомый козырь для запугивания депутатов Законодательного собрания.

Три других министра – Камбасерес, Коленкур и Маре – держали себя примиренчески, выступая за переговоры с палатами депутатов и пэров. Но ситуация изменилась коренным образом, когда в дискуссию вступили те, кто считал дело Наполеона уже проигранным. Реньо де Сен-Жан д’Анжели, преодолевая себя, заявил:

– Сомневаюсь, что народные представители согласятся одобрить идеи, изложенные императором. Судя по всему, они склоняются к мысли, что спасти отечество придется не ему. Полагаю, необходима великая жертва.

– Говорите яснее, Реньо, – приказал в наступившей тишине Наполеон. – Вы хотите моего отречения?

– Боюсь, что да, сир, и, как бы это ни было тяжело для меня, мой долг просветить в этом ваше величество. Могу еще добавить, что, если император по доброй воле не согласится отречься, палаты должны осмелиться и решительно потребовать от него сделать это.

Возмущенный Люсьен вскочил со своего места:

– Если палаты не хотят помочь императору, мы обойдемся без них. Надо, чтобы Наполеон объявил о своей диктатуре, чтобы на всей территории было введено чрезвычайное положение, чтобы он призвал на защиту отечества всех истинных французов.

Император, ведший до этого заседание кабинета весьма сдержанно, вдруг преобразился, глаза его засверкали, а голос загремел. На какие-то минуты перед министрами вновь предстал бог войны и победы:

– Присутствие неприятеля на территории отечества, как я полагаю, должно пробудить у депутатов чувство долга. Их избрала вся нация, но не для того, чтобы меня свергать, а чтобы поддержать. Я их не боюсь. Что бы они ни предпринимали, меня всегда поддержат народ, армия. Стоит мне произнести только одно слово, и всем им конец! Можно, конечно, было меня оттолкнуть, когда я высадился в Канне, и я бы это понял, но сейчас я причастен к тому, что враг нас атакует, причастен к тому, что

Францию нужно защищать. Предавая меня, вы предаете Францию, она будет вынуждена признать себя побежденной. И не свобода меня устраняет, а ваш страх.

Бросив в лицо своим недавним соратникам эту суровую правду, Наполеон стал излагать план сопротивления. Непострадавшие воинские формирования отходят к Лиону. Восточная часть Франции остается под защитой крепостей, которые должны продержаться три месяца (Париж обороняет Даву). Сам император в это время поднимает 160 тысяч человек, объявив набор 1815 года, и использует 200 тысяч, уже находящихся на призывных пунктах. Правительство на время переезжает в Тур.

Направляя своих представителей (Карно, Фуше, Коленкура и Даву) в палату представителей, император напутствовал их:

– Идите, скажите об интересах Франции, которые должны быть дороги всем представителям палаты. Когда вы вернетесь, я сделаю свой выбор, который мне диктует мой долг.

Речь Наполеона была убедительной и эмоциональной, но министры молчали. Фуше вытирал пот со лба. Вечером он говорил одному из своих клеветов:

– Что за дьявол! Сегодня утром он испугал меня. Послушав его, я уже было подумал, что он начнет все заново. К счастью, заново не начинают!

«Нет! Никогда!» Изощренный интриган, Фуше никогда не действовал напрямую. Свои грязные планы он умело осуществлял чужими руками. На этот раз жертвой этой мрази стал Лафайет, герой революций в Северной Америке и на родине. Республиканец до мозга костей, он бредил свободой, не прилагая этого понятия к конкретным обстоятельствам и времени. Фуше говорил о нем министру юстиции Моле:

– Вы знаете кого-нибудь глупее его?

Моле не знал. Другие тоже. И Фуше сделал Лафайета орудием своей неудержимой тяги к власти*. Утром 21 июня Тибодо стал невольным свидетелем разговора между Фуше и Лафайетом:

* Наполеон называл Лафайета «политическим дураком, вечной жертвой людей и обстоятельств».

– Ну, генерал, – напоминал Фуше, – договорились. Нельзя терять ни минуты.

– Да, да, – отвечал Лафайет, – будьте покойны. Я сейчас же отправляюсь в палату.

– Стало быть ты уже решился? – спросил Тибодо Фуше.

– Куда же деваться, – ответил тот. – Все пропало, если дать ему волю. Страну поделят, а нас перережут, как баранов.

Тибодо поинтересовался состоянием императора.

– Он очень подавлен и неузнаваем, – отвечал Фуше. – Он то надеется, то отчаивается, то хочет, то не хочет. Он не в себе.

За вспышкой активности Наполеона на заседании кабинета министр полиции сумел угадать, что император до предела устал, упал духом и просто болен. А раз так – это самый подходящий момент, чтобы натравить на него палаты, предварительную работу в которых он уже провел. Теперь дело за этим дурнем Лафайетом.

В 12.15 открылась парламентская сессия. На трибуну вышел Лафайет и нанес первый удар по императору:

– Когда впервые за столько лет я возвышаю свой голос, который будет узан старыми друзьями свободы, я чувствую, что призван сказать вам об опасности, которой подвергается отечество. Спасти его можете только вы, присутствующие здесь. Распространились зловещие слухи; к сожалению, они подтвердились. Нам пришла пора объединиться вокруг старого трехцветного стяга, знамени 1789 года, знамени свободы, равенства и общественного порядка. Именно его нам надо защищать от иностранного посягательства и внутренних поползновений.

В зале стояла напряженная тишина. Наконец, Лафайет перешел от словоблудия к конкретике, предложив депутатам заявить, что: 1) родина в опасности; 2) палаты объявляются несменяемыми и нераспускаемыми; 3) армия заслужила признательность отечества; 4) проводится призыв в народную гвардию; 5) министры должны немедленно предстать перед депутатами. Второй и пятый пункты этого постановления были антиконституционны, особенно второй, который гласил: «Палата объявляет себя постоянно действующей. Всякая попытка распустить ее является государственной изменой: всякий, виновный в подобной попытке, является предателем родины и будет осужден как таковой».

Тем не менее обе палаты (депутатов и пэров) приняли этот документ, лишивший Наполеона права откладывать заседания палаты депутатов или распускать ее. По существу дела это был настоящий государственный переворот.

Пока шло это заседание Наполеон прогуливался в саду в сопровождении камердинера Констана, которому говорил о ситуации, сложившейся в стране:

– Речь идет не обо мне, а о Франции! Взвесили ли они (депутаты) последствия моего ухода? Я – центр притяжения для армии! Неужели они полагают, что своими утопиями сумеют побороть всеобщий развал? Если бы меня сбросили в море при высадке, это бы я понял. Но ныне, когда враг стоит в двадцати пяти милях от Парижа, нельзя безнаказанно свергать правительство. Сегодня я – часть того, что атакует враг, то есть часть Франции, которую необходимо защищать. Поступившись мной, она обесчестит себя.

Император не отделял себя от Франции, не допускал и мысли о такой возможности, но его противники как раз и стремились к этому. Лафайет внашал депутатам:

– Я вижу между нами и миром только одного человека. Пусть он уйдет, тогда и наступит мир.

Известие о резолюции, принятой Палатой депутатов, Наполеон встретил восклицанием, что «пошлет к этим бунтовщикам несколько гвардейских рот». Затем добавил:

– Не зря я считал, что мне следовало разогнать их до моего отъезда. Теперь все кончено, они погубят Францию.

Первым признал правомочность действий депутатов и отошел от императора Даву.

– Время упущено, – заявил военный министр. – Резолюция, принятая депутатами, антиконституционна, но она – свершившийся факт. Не следует строить иллюзий, будто в нынешних обстоятельствах можно повторить 18 брюмера*. Что касается меня, то я откажусь быть его исполнителем.

Обескураженный император сделал первую уступку оппозиционерам:

* 18 брюмера VIII года (9 ноября 1799 года) Наполеон произвел государственный переворот, давший ему власть над Францией.

– Я вижу, что Реньо меня не обманул. Если надо, я отрекусь.

Это опрометчивое заявление сразу же стало известно депутатам и придало им дерзости. Но император уже почувствовал, что дал промах и попытался отступить назад. С этой целью к депутатам были направлены Реньо и Карно, которым предписывалось успокоить палату и прощупать настроение ее членов.

– Вы объявите им, – наказывал Наполеон, – что я вернулся, что я созвал Совет министров, что армия после объявленной победы дала крупное сражение и все шло хорошо, что англичане были разбиты, что мы отобрали у них шесть знамен, что после этого злоумышленники посеяли страшную панику и армия последовала за ними, что я отдал приказ остановить беглецов, что я вернулся, чтобы посоветоваться с министрами и палатами и что в настоящий момент принимаю меры по общественному спасению.

Но депутаты были уже запуганы Фуше, который через своих людей распространял слух о том, что Наполеон дал войскам приказ расправиться с национальными представителями. Поэтому появление Реньо и Карно в парламенте было встречено ледяным молчанием. Только один депутат попытался образумить своих коллег. Им оказался давний соперник императора Эмманюэль Жозеф Сийес.

– Наполеон проиграл сражение, – говорил он, – мы нужны ему. Пойдем вместе с ним. Это единственный способ спасти себя. Когда опасность минует, а он захочет стать деспотом, мы объединимся, чтобы его повесить. Сегодня же спасем его, чтобы он спас нас.

Депутаты остались глухи к этому призыву. Они требовали, чтобы перед ними предстали с отчетами Даву, Коленкур и Карно. Расстроенный Реньо сообщил императору об этом во второй половине дня. Наполеон вспылил:

– Я запрещаю вам туда идти, – приказал он безропотным министром, но одумавшись согласился отпустить их в сопровождении Люсьена.

* При Линьи . В Париже торжества по этому поводу проходили 19 июня.

Чтобы прийти в себя от очередного унижения, Наполеон вышел с братом в сад. Там Люсьен еще раз попытался взбудорить императора.

– Где же ваша твердость? – спросил он. – Оставьте нерешительность. Вы знаете, как дорого стоит недостаток дерзости.

– Я слишком дерзал, – последовал ответ.

– Слишком и недостаточно. Рискните в последний раз.

– Еще одно 18 брюмера?

– Совсе нет. Декрет в духе Конституции. Конституция дает вам это право.

– Они не уважают Конституцию и воспротивятся декрету.

– Тогда они станут мятежниками, и тем больше оснований для роспуска.

– Национальная гвардия придет к ним на помощь, – упорствовал Наполеон.

– Национальная гвардия долго сопротивляться не будет. Когда придет пора действовать, лавочники не полезут на рожон и вспомнят о своих женах и своем добре.

– 18 брюмера может повлечь за собой 13 вандемьера*.

– Вы рассуждаете, тогда как надо действовать, – горячился Люсьен.

Об этом споре с братом Люсьен поведал в брошюре «Правда о Ста днях», вышедшей в 1835 году. «Выслушивая бесконечные возгласы «Да здравствует император!» и наблюдая за гордым выражением, которое запечатлелось на лице Наполеона, – писал Люсьен, – я воспользовался минутой тишины, когда кричавшая толпа взяла паузу, чтобы сказать императору:

– Ну что, ты же слышишь народ? Ведь этот же энтузиазм охватил всю Францию! Неужели ты отказываешься от нее ради фракций в палате?

Остановившись и махнув рукой толпе в ответ на ее крики, полные энтузиазма, он сказал мне:

– Разве я сверхчеловек, способный повернуть вспять депутатов к их единому союзу со мной, который только и может спасти нас? Разве я жалкий партийный лидер, который бессмыслен-

* 13 вандемьера III года (5 октября 1795 года) в Париже произошел роялистский мятеж.

но затеет гражданскую войну? Нет, никогда. Во время Брюмера мы были вынуждены вытащить шпаги из ножен ради блага Франции. Сегодня опять же ради блага Франции мы должны отбросить эти шпаги прочь. Иди и попытайся повести за собой палаты: без их поддержки я ничего не смогу достичь. В моих личных интересах я могу сделать многое и без них, но в этом случае я не смогу спасти родину. Иди, и я запрещаю тебе, когда ты выйдешь из дворца, взывать к этим людям, которые требуют оружия. Я сделаю все возможное для Франции и я ничего не буду делать ради собственной персоны».

«Я уже ни на что не надеюсь». Около шести вечера министры и брат императора прибыли в Бурбонский дворец. Люсьен говорил о национальном единении вокруг Наполеона, о сотрудничестве властей и необходимости общественного спасения. Сразу посыпались вопросы. Мало кому известный Лакост первым поставил завуалированный вопрос о сохранении престола за императором:

– Вы, министры Наполеона, говорите нам о национальной независимости, вы говорите нам о мире. Но на какой новой основе вы будете вести переговоры? Каким новым средством убеждения вы располагаете? Вы, как и мы, знаете, что Европа объявила войну одному только Наполеону! Отделяете ли вы нацию от императора?

На этот провокационный вопрос Люсьен напомнил депутатам о событиях 1814 года: и тогда союзники говорили, что борясь с Наполеоном, они спасают Францию. На деле же хотели уничтожить завоевания Великой революции и унизить страну, которой навязали Бурбонов.

– Их цель, – говорил Люсьен, – в том, чтобы, изолировать нацию от императора, разделить нас, победить и снова ввергнуть в унижение и рабство, от которых нас избавило его возвращение.

Но «народные избранники» не хотели слушать никаких доводов в защиту императора. Из зала неслись крики и оскорбления. Наконец, поднялся публицист Жей, еще один из клеветников Фуше, и предложил Люсьену:

– Возвращайтесь к брату и скажите ему, что ассамблея представителей народа ждет от него решения, которое в будущем сделает ему больше чести, чем все его победы, что отрехшись от

власти, он может спасти Францию, что судьба торопит и через день, быть может, через час будет уже поздно.— И обращаясь уже к депутатам, заключил: — Я требую создания комиссии, которая предложила бы Наполеону отречься и объявила бы ему, что в случае отказа ассамблея провозгласит его лишенным власти.

Это был уже открытый призыв и низвержению главы государства, поддерживаемого армией и большинством народа. Понимая серьезность момента, Люсьен сделал еще одну отчаянную попытку воззвать к разуму и совести депутатов:

— Подумайте, дорогие мои соотечественники, о достоинстве Франции, об уважении к ней! Что скажет о ней цивилизованный мир, что скажут потомки, если, после того как она с восторгом приняла Наполеона 20 марта, после того как она провозгласила его героем-освободителем, после того как она торжественно принесла ему новую клятву на Марсовом поле, всего через пять дней после проигранного сражения, под угрозой чужеземного вторжения она объявит его единственной причиной наших бед и сместит с трона, на который только что призвала? Не навлекете ли вы на Францию серьезный упрек в непостоянстве и легкомыслии, если в эту минуту она бросит Наполеона?*

Речь Люсьена произвела довольно сильное впечатление на депутатов, понимая это, на сцену вновь выступил Лафайет. Старый республиканец вложил в свое краткое выступление весь пыл долго сдерживаемой ненависти к «душительной революции», «деспоту» и «убийце».

— Князь!** — обратился Лафайет к Люсьену.— Вы клевете на народ. Потомство обвинит Францию не за то, что она покинула вашего брата, но за то, что слишком долго за ним следовала — в Италию, в Египет, в Испанию, в Германию, в Россию. 600 000 французов полегло на берегах Эбро и Таго. Можете вы счесть,

* Навлекли. Вот мнение русского историка С. Соловьева о событиях того дня: «Без соблюдения народного достоинства отступились от Людовика XVIII и приняли Наполеона. Без соблюдения народного достоинства отступились от побежденного Наполеона. Не чувствовали в себе сил с честью выйти из критического положения, видели впереди унижение и пошли к нему навстречу под предводительством Фуше, который был преклонным знаменем побежденной Франции, побежденной материально и нравственно».

** Люсьен Бонапарт имел титул князя Канино.

сколько лежит на Дунае, на Эльбе, Немане и Москве? Если бы Франция не была так постоянна, то она сохранила бы 2 000 000 своих сынов, избавила бы вашего брата, вашу фамилию, нас всех от той пропасти, в какую мы теперь ввергаемся.

Это была сильная речь. Железная логика и безупречность фактов заставили депутатов быстро остыть от эмоциональных призывов Люсьена. Поражение небольшой группы людей верных императору оказалось полным – «адвокаты» (так Наполеон называл деятелей парламента) переговорили их. Лафайет до того расхрабрился, что (по его позднейшим утверждениям) передал секретарю Наполеона письмо, в котором извещал императора о том, что если тот до 22 июня не отречется от престола, то он, Лафайет, явится к нему от имени избранных представителей нации и низложит его*.

Конечно, это явно позднейший вымысел генерала, сочиненный при написании мемуаров. В жизни такое случается сплошь и рядом, что дало возможность немецкому писателю Герстлетту собрать целую книгу подобных «фактов». Красноречиво ее название – «Остроумие на лестнице», то есть задним числом.

Рассказ брата о дебатах в парламенте не удивил Наполеона, но главное не подвиг его к действиям, к чему настоятельно призывал Люсьен.

– Палата, – говорил он, – высказалась слишком определенно, надежды договориться с ней нет. Власти палаты должен быть немедленно положен конец. Выбирать можно только между роспуском и отречением.

Император категорически не хотел прибегать к силе, но и идти на поводу нижней палаты тоже не желал. Время неумолимо бежало, а он все пребывал в раздвоенных чувствах и умонастроениях.

Вечер Наполеон провел в душевспасительных беседах с Б.Констаном. Еще утром писатель был против отречения императора, но к моменту встречи с ним изменил свое мнение. Это раздражало Наполеона. Он взорвался:

– Они хотят, чтобы я отрекся! А просчитали ли они неизбежные последствия этого отречения? Армия сплачивается вокруг меня, вокруг моего имени: отнять меня у армии – значит

* Memoires, correspondance et manuscrits du general Lafayette, publies par sa famille. Bruxelles, 1839. T. 10. P. 56.

распустить ее. Если я отрекусь сегодня, то через два дня у вас больше не будет армии. Она не разбирается в ваших тонкостях. Неужели вы думаете, что метафизические рассуждения, заявления о правах, речи с трибун остановят беспорядочное бегство? Отправить меня в Канны – это я еще понял бы, но бросить меня сегодня – этого я понять не в силах. Нельзя безнаказанно свергать правительство, когда враг в двадцати пяти лье.

Особенно возмущала императора трусость той мелкой сошки, которая, подогреваемая провокациями Фуше, стенала о необходимости его свержения.

– Если бы они свергли меня две недели назад, – говорил он, – это был бы мужественный поступок. Но теперь я являюсь частью того, на что нападает заграница. Стало быть, я – часть того, что Франция должна защищать. Выдав меня врагу, она выдает и себя, она признает свою слабость, она объявляет себя побежденной, она поощряет дерзость победителя. Меня низлагают не во имя свободы, причиной тому – Ватерлоо и страх, страх, которым воспользуются ваши враги.

Беседа с Констаном проходила под крики публики, собравшейся на подступах к авеню Мариньи. Писатель вспоминал:

– Толпа, состоявшая в большинстве своем из неимущего и работающего люда, охваченная энтузиазмом несколько дикого свойства, собралась на этой авеню и пыталась взобраться на стены Елисейского дворца, чтобы предложить Наполеону помощь и защиту. Крики эти, раздававшиеся некогда в минуты празднеств и во время триумфов, создавали контраст, вызвавший у меня глубокое волнение.

Наполеон, прислушиваясь к крикам «Да здравствует император!», заметил Констану:

– Видите, это не те, кого я осыпал почестями и сокровищами. Чем они мне обязаны? Я нашел их бедными, бедняками я их и оставляю. Если я захочу, если позволю, то через час мятежная палата перестанет существовать. Но я вернулся с острова Эльба не для того, чтобы Париж был залит кровью. – И заключил беседу словами, проникнутыми смирением: – Я не хочу действовать насильно. Я приехал ради того, чтобы собрать наши последние силы. От меня отворачиваются. Отворачиваются с той же легкостью, с какой принимали. Ну что ж! Да будет стерто, если возможно, это

двойное пятно слабости и легкомыслия! Пусть для родины сделают то, что не хотят сделать для меня. Я уже ни на что не надеюсь. Сегодня те, кто выдает Бонапарта врагам, говорят, что это делается ради спасения Франции. Завтра, выдав Францию, они покажут, что хотели спасти только собственные головы.

В таких размышлениях император встречал последние часы своих знаменитых «Ста дней».

22 июня. Второе отречение

Депутатам не терпится. Ночью в Тюильри, в зале Государственного совета, продолжалась работа комиссии, начатая накануне в одиннадцать вечера. В комиссию входили комиссары парламента и министры. В итоге продолжительных дискуссий было принято решение отправить к союзникам делегацию с предложением о мире. По существу это был еще один шаг по отрешению Наполеона от власти.

На заседании комиссии вновь схлестнулись Люсьен и Лафайет. Последний с упорством маньяка требовал отречения императора. Люсьен пытался вновь и вновь убедить старого республиканца в безрассудстве его поползновений:

– Если бы друзья императора верили, что его отречение необходимо для спасения Франции, они бы первыми потребовали его.

– Вы говорите как истинный француз, – иронизировал Лафайет. – Я принимаю эту идею и прошу, чтобы мы все пошли к императору и сказали, что его отречение стало необходимо в интересах отечества.

Но благодаря поддержке председателя комиссии Камбасереса требование Лафайета не прошло. Поэтому, когда комиссия в три часа утра закончила работу, Фуше сказал Тибодо:

– Со всем этим надо кончать сегодня.

– Они просто сумасшедшие, –отреагировал Наполеон на очередные происки оппозиции.– А Лафайет и его друзья – наивные политики: они жаждут моего отречения и боятся, что я откажу им в этом. Я же поступлю именно так, как они этого хотят, и сделаю их ответственными за все зло, которое будет причинено Франции. Они хотят, чтобы я отрекся в пользу моего сына, но это же просто фарс, когда враг стоит перед воротами Парижа, а за пле-

чами врага притаились Бурбоны. Объединившись, мы могли бы спастись, разделенные – мы беспомощны.

После короткой ночи в Елисейский дворец съехались последние из оставшихся соратников императора: Жозеф, Коленкур, Лавалетт, Реньо, Ровиго. Все они уговаривали императора отречься.

Депутаты начали собираться в Бурбонском дворце после девяти утра. С каждой минутой они становились все более агрессивными и непримиримыми по отношению к главе государства. Узнав что Наполеон согласен на то, чтобы направить к союзникам делегацию для мирных переговоров, Дюшен подлил масла в разгоревшееся пламя бунта:

– Я не думаю, что палата может предложить переговоры союзным державам, ибо они заявили, что никогда не пойдут на них до тех пор, пока царствует Наполеон. Поэтому есть только один выход – убедить императора отречься.

Дюшена тотчас поддержал Лафайет, обращаясь к Люсьену, он пригрозил:

– Скажите вашему брату, чтобы он прислал нам свое отречение, не то мы пошлем ему отречение его от власти.

– А я, – вскипел князь Канино, – пришлю вам Ла Бедуайера с батальоном гвардейцев.

«Я соглашаюсь на это». Заседание палаты прервали в ожидании ответа Наполеона. Неблагодарная миссия сообщить императору о новом требовании депутатов выпала на долю Реньо. Реакцию Наполеона не трудно было предугадать.

– Раз надо мной совершают насилие, – воскликнул он, – я и не подумаю отречься! Палата – всего лишь сборище якобинцев, сорвиголов и честолюбцев. Мне следовало разоблачить их перед нацией и разогнать. Потерянное время можно наверстать!

Император был крайне возбужден. Большими шагами ходил по кабинету и прерывисто что-то говорил. Реньо успокаивал его:

– Сир, заклинаю вас, не пытайтесь дальше бороться против непобедимой силы обстоятельств. Время уходит. Враг продвигается вперед. Не давайте палате и нации обвинить вас в том, что вы помешали заключить мир. В 1814 году вы пожертвовали собой ради всеобщего спасения; совершите сегодня вновь эту великую, благородную жертву.

Гнев Наполеона прошел так же быстро, как и вспыхнул.

– Посмотрим, – отвечал он. – Отказ от отречения никогда не входил в мои намерения. Я был солдатом; я стану им вновь. Но я хочу, чтобы мне дали возможность подумать об этом спокойно, в интересах Франции и моего сына, скажите им, чтобы они подождали.

Затем император обратился к Люсьену:

– Они все великие безумцы, а Лафайет и его друзья – политические карлики. Они хотят моего отречения и дрожат, что я не соглашусь. Я соглашусь, сделав их ответственными за те беды, что обрушатся на Францию.

Последний раз Наполеон говорил с окружающими о требовании Палаты депутатов. Все высказались за отречение. К борьбе призывали только Люсьен и Карно. О поведении «организатора побед» вспоминал адъютант императора граф Монтолон:

– Карно с силой протестовал против подобного решения. С настойчивостью, доходившей почти до неуважения, он умолял императора прислушаться к гласу народа и, отрекаясь, не отдавать революционную Францию на поживу мести эмигрантов. Он с чувством глубокой убежденности говорил, что во время национального кризиса надеяться на спасение без сильной, а по необходимости и страшной диктатуры – нельзя.

Советуясь последний раз со своим окружением, Наполеон, конечно, имел уже твердое решение не быть источником политического раздора в стране, о чем неоднократно говорил, не делая из этого секрета. Но как человеку успешному ему трудно было решиться на последний шаг, и он всячески оттягивал роковые минуты; когда же его час пришел, заявил решительно и бесповоротно:

– Господа, один я ничего не могу. Я собрал эту ассамблею с тем, чтобы она дала мне силы. Вместо этого разногласия в ней окончательно лишили меня тех немногих средств, которыми я располагал. Она требует, чтобы я принес себя в жертву, я соглашаюсь на это, ибо я пришел во Францию не для того, чтобы разжигать внутренние распри. Время, которое всему судья, покажет истинное лицо тех, кто отнял у меня те немногие возможности, которые еще оставались.

«Приношу себя в жертву». Но и после этого заявления Люсьен все же пытался убедить брата сделать переворот. Император резко оборвал его и приказал:

– Принц Люсьен, пишите!

Расхаживая по кабинету, Наполеон диктовал акт своего отречения:

«Французы! Начав войну, чтобы отстоять национальную независимость, я рассчитывал на объединение всех усилий, всех желаний и на содействие со стороны всех национальных властей. У меня были основания надеяться на успех, и потому я пренебрег заявлениями иностранных держав, направленными против меня.

Теперь обстоятельства, видимо, изменились. Я приношу себя в жертву ненависти врагов Франции. Надеюсь, что они искренни в своих заявлениях и желают зла только мне! Объединитесь ради общественного спасения, во имя национальной независимости».

Закончив диктовать, Наполеон тяжело опустился на стул. Люсьен и Карно воскликнули в один голос: император забыл упомянуть сына.

– Мой сын, мой сын! Какая химера! – возразил Наполеон. – Да не в пользу сына я отрекаюсь, а в пользу Бурбонов! – И с горечью добавил: – Бурбоны стоят большего, чем мой сын. Они, по крайней мере, французы. Они хотя бы не пленники в Вене. – Тем не менее, с некой обреченностью продиктовал новый параграф:

«Моя политическая жизнь кончена, и я провозглашаю моего сына, под именем Наполеона II, императором французов. Принцы Жозеф и Люсьен, а также нынешние министры образуют временный совет управления. Забота о сыне заставляет меня просить палаты не откладывая издать соответствующий закон и подготовить регентство».

Сразу после подписания этого документа он был направлен в парламент. В палате пэров акт об отречении Наполеона огласил Карно, в палате депутатов – Фуше. Герцог Отрантский, поднявшись на трибуну, лицемерно воздал должное поверженному противнику:

– Полагаю, что перед ассамблеей, состоящий из французов, мне нет нужды советовать относиться к императору с почтением и напоминать о чувствах, которые он должен внушать в своем несчастье. В переговорах, которые, как ожидается, скоро начнутся, представители нации не забудут позаботиться об интересах того, кто в течение долгих лет вершил судьбами страны.

При этом Фуше обошел вопрос о передаче трона Римскому королю, сыну Наполеона. Депутат Дюпен от имени большинства палаты завершил маневр.

– Палата представителей, – заявил он, – принимает отречение Наполеона Бонапарта и объявляет трон свободным до тех пор, пока нация не изъявит свою волю.

В восторге от благополучно завершившегося переворота палаты решили выразить императору благодарность и чувство благоволения. Елисейский дворец поразил их безлюдием и тишиной. Наполеон принимал делегации стоя. От них не укрылось, что он с трудом сдерживал свое душевное волнение. На адрес Палаты представителей низвергнутый владыка ответил небольшой речью:

– Благодарю вас за выраженные вами чувства. Я хотел бы, чтобы мое отречение могло принести Франции счастье, но на это у меня мало надежды, поскольку оно оставляет государство без лидера, без какого-либо политического существования. Время, потерянное на свержение монархии, могло быть использовано для того, чтобы дать возможность Франции собраться с силами для разгрома врага. Я рекомендую, чтобы Франция безотлагательно укрепила свои армии. Тот, кто желает мира, должен быть готовым к войне. Не оставляйте эту великую нацию на милость иностранцев и внимательно следите, чтобы ваши надежды не были обмануты. В этом кроется опасность. Где бы я ни оказался, я всегда буду спокоен, если Франция будет счастливой. Я вручаю моего сына Франции и надеюсь, что она не забудет, что я отрекся от престола только ради него. Я также принес эту великую жертву ради блага нации. Только благодаря моей династии она сможет надеяться на то, чтобы быть свободной, счастливой и независимой.

С делегацией депутатов император был официален. В общении с пэрами не смог скрыть своей горечи и досады от действия палат:

– Я отрекся только в пользу сына. Если палаты не провозгласят его императором, мое отречение будет недействительным, – пригрозил Наполеон и продолжал: – Если дело пойдет так и дальше, Бурбоны вернуться и скоро вы заплачете кровавыми слезами.

На этом император распрощался с теми, кого мыслил хребтом и мозгом Франции, с теми, кто должен был положить основание назависимости поступка и мысли, стать гарантом суверенитета и свободы страны. Министры, маршалы и генералы, взлеянные им, трусливо пошли на поводу горлопанов, выбранных ничтожной частью населения страны, но надменно именовавших себя представителями народа.

Пигмеи опрокинули титана, который безглаголиво отстранился от них, предпочтя самопожертвование угрозе гражданской войны. По образному выражению историка Доминика де Вильпена «Цезарь отказался стать Нероном и похоронить Францию под руинами, чтобы спасти свой трон».

А последнее было очень реально. 21 и 22 июня в Сент-Антуанском и Сен-Марсельском предместьях, в квартале Тамплль по улицам ходили процессии с криками:

- Да здравствует император!
- Долой изменников!
- Император или смерть!
- Не нужно отречения!
- Император и оборона! Долой палату!

Весть об отречении подлила масла в огонь. Толпы рабочих ходили по улицам Парижа с революционными песнями. Все громче становились крики: «К оружию!».

Среди рабочих были и офицеры. Они грозились:

– Батальонами пойдем на палату, потребуем нашего императора, а если не получим, подожжем Париж с четырех концов!

«Никогда еще народ не выказывал большей любви к Наполеону», – писал очевидец этих событий. Но властелин остался глух к голосу масс, не решился защищать Францию силами новой революции. Император не мог стать ни Дантоном, ни Робеспьером. В истории у него была своя ниша.

«Предпочитаю сожалеть о Франции». Остаток последнего из «Ста дней» Наполеона прошел в бесплодных попытках Люсьена и Ла Бедуайера отстоять права его сына. Борьба за Римского короля проходила в Палате пэров. Люсьен, опытный оратор, пытался сыграть на лирических нотках.

– Император умер, да здравствует император! – воскликнул он. – Император отрекся! Не может быть пустоты между им-

ператором, который отрекается или умирает, и его преемником. Всякий перерыв во власти есть анархия. Я прошу, чтобы в соответствии с Дополнительным актом Палата пэров добровольно и единодушно заявила перед французским народом и за границей, что она признает Наполеона II императором французов.

Палата встретила выступление Люсьена шумом и криками протеста. Тогда в бой ринулся Ла Бедуайер, его голос гремел в притихшем зале:

– Наполеон отрекся ради сына, отречение его единое и неделимое. Если сын его не будет признан императором и коронован, я заявляю, что Наполеон не отрекся. Его отречение будет недействительно, как и поставленное им условие. Я знаю, я вижу: люди, которые пресмыкались перед ним во времена его благополучия, теперь восстанут против его сына, плененного ребенка, лишенного могущественного защитника. Но есть и те, кто останется верен им обоим. Императора, возможно, еще будут предавать. Возможно, есть еще презренные генералы, которые в эту самую минуту замышляют бросить его. Какая важность! Император принадлежит нации, с ней он может все. Для своей защиты он найдет молодые сердца, которые дают клятву лишь однажды.

Но пэры (как и депутаты), одержимые мыслью о мире, о возможности сохранить свои звания и тепленькие места, не хотели слушать никаких доводов ни о Конституции, ни о правах уже бывшего императора и его сына. Признать Орленка наследником французского престола было для них нонсенсом, о чем и сказал граф Понтекулан:

– Принять подобное решение – значит закрыть дверь всяким переговорам.

Между тем Наполеон, оставшийся почти один в опустевшем дворце, мог наблюдать как отнеслись к его отречению те, защитой которых он пренебрег. Весь этот роковой день к его резиденции шли длинными колоннами рабочие из Тампльского, Сент-Антуанского и Сент-Марсельского предместий. Среди них выделялись угольщики и грузчики с зернового рынка, которых император в шутку называл «черными и серыми мушкетерами». То и дело раздавались возгласы:

– Нет! Нет! Нет отречению! Это предательство! Как это император позволил палатам сместить его, вместо того чтобы

распустить их самому? Все министры – предатели. У нас не будет Римского короля, и нам придется столкнуться с мщением Бурбонов. Да здравствует император!

На улицах вспыхивали ссоры с теми, кого по двусмысленным выражениям подозревали в симпатиях к роялистам. На Вандамской площади люди стояли на коленях перед колонной со статуей Наполеона, клянясь умереть за императора.

Ложась спать, Наполеон спросил у камердинера, какое впечатление произвело его отречение на Париж. Сильно волнуясь, Маршан сказал:

– Сир, люди не понимают этого акта, они удивлены тем, что Ваше Величество не распускает палату и не устанавливает собственную диктатуру в такое серьезное время. Париж боится приближения вражеских сил, он не имеет веры в тех людей, которые занимаются его делами. Все те, с кем я разговаривал сегодня, заявляют, что чувствуют себя так, словно их повязали по рукам и ногам. Кабинет министров подозревают в измене. Народ настолько раздражен, что кажется, будто он выскивает жертвы. От Вашего Величества необходимо только одно слово, и народ отыщет эти жертвы и в кабинете министров, и в палате. Сир, все уверены, что народ не получит для себя Римского короля и что им придется терпеть реванш Бурбонов.

И Наполеон не счел зазорным для себя повторить слуге то, что не раз втолковывал высоким персонам, окружавшим его:

– Только мое отречение может спасти Францию, столкнувшуюся с опасностью ликвидации палат. Если бы я действовал иначе, то это означало бы гражданскую войну во Франции, и на моей совести была бы кровь народа. Этого я не хочу.

Да, простой народ не понимал действий своего кумира, протестовал против них, не принял отречения и не скоро смирился с ним. Борьба с иностранным нашествием продолжалась и после отстранения Наполеона от власти.

НАРОД НЕ СДАВАЛСЯ

«А в Париже как?» Пока в столице кипели страсти по поводу будущего страны, армии 7-й коалиции неумолимо приближались к столице Франции. 23 июня на ее улицах появились беженцы, за ними последовали другие. Вот описание этих народных волн Филиппом Эриа:

«Первые телеги перепуганных крестьян, погрузивших на возы детей, стариков родителей вместе с самыми ценными обитателями птичьего двора и домашним скарбом. Они ехали не останавливаясь, замороженные одной единственной мыслью – уйти за Луару, и долгие летние дни благоприятствовали этому переселению. Горожане бежали за возами, спрашивали:

– Вы откуда?

– Из Марли, из Версаля, из Шатийона. Наши дома горят.

– А в Париже как?

– Париж окружен.

И когда беглецы отъезжали далеко, люди все еще стояли застыв на месте, томясь неизвестностью».

Народ хотел защищаться, но возглавить его было некому. Правительство Фуше предало его самым постыдным образом.

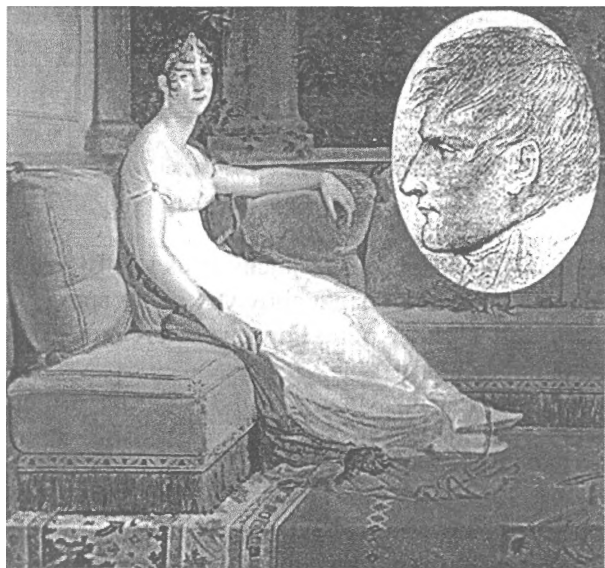
Женщины и дети. С 25 и 29 июня Наполеон находился в Мальмезоне, загородной резиденции его покойной жены Жозефины. Воспоминания о красавице креолке преследовали его там на каждом шагу. Ее дочери, королеве Гортензии, император говорил:

– Ах, эта несчастная Жозефина. Я не могу привыкнуть к этому дому без нее! Мне кажется, что вот-вот она появится на дорожке и начнет срывать цветы, которые она так любила. Бедняжка Жозефина! Да, теперь она была бы куда более несчастной! У нас всегда была только одна причина для ссор – ее долги, из-за этого я всегда ворчал. Женщины с большей, чем у нее, грацией я никогда больше не видел. Она была настоящей женщиной в полном смысле этого слова, с таким добрым сердцем.

Император был искренен, но деликатен с падчерицей, а потому не совсем откровенен. Генералу Гурго он несколько иначе рассказывал о индивидуальности Жозефины:

– Она с такой невыразимой грацией ложилась в постель, одевалась. Мне хотелось, чтобы какой-нибудь хороший художник вроде Ольбана видел ее в этот момент обнаженной, чтобы изобразить на полотне. Эту женщину я любил больше всех на свете.

Сохранились письма Наполеона к Жозефине. Вот одно из них: «Ни дня не проходит, чтобы я не любил тебя. Ни одной ночи не проходит без того, чтобы я не сжимал тебя в своих объятиях. Я не выпил ни одной чашки чая без того, чтобы не проклясть сла-

Жозефина в Мальмезоне

ву и тщеславие, которые удерживают меня вдали. От самой души моей жизни. Занимаюсь ли я делами, веду ли войска, объезжаю ли бивуаки, моя обожаемая Жозефина целиком заполняет мое сердце, мой разум, мою мысль. И если я удаляюсь от тебя с быстротой течения Роны, то это для того, чтобы как можно скорее увидеть тебя. Если посреди ночи я поднимаюсь, чтобы сесть за работу, то только для того, чтобы на несколько дней приблизить встречу с тобой.

Люби меня, как свои глаза. Как саму себя. Больше, чем саму себя, чем свою мысль, свой дух, свою жизнь».

Мальмезон

Понимая, что Гортензия рискует своим будущим, принимая его, Наполеон просил падчерицу уехать на время. Та мужественно отказалась. Присутствие Гортензии утешало, помогало набираться сил перед новыми испытаниями.

– Как прекрасен Мальмезон!– вздыхал император.– Не правда ли, Гортензия, как было бы замечательно, если бы можно было здесь остаться?

Однажды Гортензия застала отчима в саду с мальчиком лет девяти-десяти. Наполеон, отведя ее в сторону, шепнул:

– Гортензия, посмотрите повнимательнее на этого ребенка. Кого он вам напоминает?

– Это ваш сын, сир, вылитый портрет короля Рима.

– Может так оно и есть. Вот уж не думал, что у меня такое нежное сердце. Вы, кажется, узнали о его рождении? Откуда?

– Сир, об этом много судачили, и такое физическое сходство лишний раз доказывает, что они не ошиблись.

– Знаете, честно говоря, я долго сомневался, что это мой сын, но все же отправил его в парижский пансион. Тот человек, который занимался им, прислал письмо, в котором спрашивал о моих планах в отношении этого ребенка. Мне захотелось его увидеть, и вот, как и вас, меня просто поразило его сходство с моим сыном.

– Что вы намерены делать с ним? Сир, я с удовольствием позаботилась бы о нем, но не кажется ли вам, что это дало бы повод к злословию?

– Да, вы правы. Мне, конечно, было бы куда приятнее оставить его на ваше попечение, но ведь все тут же начнут говорить, что это наш с вами сын. Как только устроюсь в Америке, заберу его.

Это был сын Элеоноры Денюэль Леон, родившийся 15 декабря 1806 года. Мальчик не догадывался, куда попал. Гортензия спросила, как он и его товарищи развлекаются в пансионе. Конечно, дети играли в войну, разделившись на бонапартистов и бурбонистов. Гортензия поинтересовалась, к какой группе принадлежит Леон.

– К партии короля, – ответил мальчик и пояснил: – Я люблю короля и не люблю императора.

– Почему же вы не любите императора? – удивилась Гортензия.

– Никакой причины у меня нет, я принадлежу к партии короля.

Когда ребенка увели, император признался:

– Знаете, его внешность так взволновала меня. Как он похож на моего сына! А я и не предполагал, что он произведет на меня такое сильное впечатление.

На содержании Леона была назначена пенсия в 42 000 франков, его матери – 22 000. В конце июня 1815 года Наполеон подарил ему десять акций стоимостью в 100 000 франков и последний раз поцеловал.

В Мальмезоне императора посещали те немногие из его соратников, кто остался верен ему: граф де Лавалетт, герцог Бассано (Маре), генералы Флао, Ла Бедуайер и Каффарелли, господин Поджи, принцы Жозеф, Люсьен и Жером. Вечерами гостиная Гортензии заполнялась поклонницами Наполеона. Разделить скорбные дни императора приезжали: графини Бертран, Монтолон и Каффарелли, герцогини Валевская, Бассано (Маре), Реньо де Сен-Жан д'Анжели и Ровиго (Савари). Бывала и госпожа Пеллапра, последняя страсть Наполеона, о которой камердинер Маршан говорил:

Мария Валевская

– На скале острова Святой Елены память о ней помогала императору разгонять скуку неволи, когда он вспоминал ее замечательные душевные качества и ее красоту.

В дни пребывания Наполеона в Мальмезоне формально разрешился вопрос с наследником его престола. На одном из заседаний нижней палаты депутат Дюфермон поставил вопрос ребром:

– Будет ли у нас император французов, я вас спрашиваю? Да или нет? Мы должны при-

держиваться конституции! В таком случае Наполеон II – наш император! Когда все увидят, что мы голосуем за руководителя, определенного нашей конституцией, то никто не сможет упрекнуть нас, что мы ждем прихода Людовика XVIII!

Под крики «Да здравствует Наполеон!» единогласно приняли решение создать правительственную комиссию и выпустить серию монет от пяти сантимов до пяти франков с изображением Наполеона II. Тем самым депутаты признали нового монарха «в силу факта его существования» и каждый день провозглашали его правление.

Но Фуше, новоиспеченный председатель Временного правительства, вел свою политику. Освободив из заключения министра Людовика XVIII Витроля, он заявил ему:

– Вы отправитесь к королю, скажете, что мы работаем ради служения ему, но сейчас не можем непосредственно обратиться к нему. В настоящий момент нам нужно пройти через правление Наполеона II, но в конце концов мы явимся к королю!

Виртуоз закулисных интриг, заняв первую ступень на иерархической лестнице, понимал, что долго на ней не удержится, и сразу стал готовить себе тепленькое местечко за спиной более надежного претендента на политическое лидерство в стране, оккупируемой армиями союзных держав.

«Почему Париж не просит меня об этом?». Добившись отречения Наполеона, парламент, подстрекаемый Фуше, стал настойчиво добиваться вытеснения Наполеона из страны. Сначала (под предлогом опасения народных волнений) его выдворили из Парижа, затем начали выталкивать из Мальмезона. Покидая столицу, император обратился к армии:

«Солдаты! Когда я уступил необходимости, которая вынудила меня покинуть мужественную французскую армию, со мной осталась счастливая уверенность в том, что благодаря превосходной службе, которую родина ожидает от армии, она оправдывает те заслуги, которые даже наши враги не могут отрицать.

Солдаты! Хотя я и буду отсутствовать, но я буду следить за вашими действиями: мне знаком каждый корпус, никто из них не может добиться какого-либо голословного преимущества перед другими без моей оценки проявленного им мужества. Я и вы были оклеветаны, и люди, недостойные оценить вашу работу, увидели в том проявлении преданности по отношению ко мне признак рвения, целью которого был только я один. Пусть же ваша будущая служба научит их, что, подчиняясь мне, вы прежде всего служили родине и что если я каким-либо образом разделял вашу любовь, то я был обязан этим своей глубокой любви к нашей общей матери.

Солдаты! Еще немного усилий, и коалиция прекратит свое существование. Наполеон опознает вас по тем ударам, которые вы нанесете. Спасайте честь и независимость Франции, до самого конца оставайтесь все теми же, какими я вас знал на протяжении последних двадцати лет, и вы будете непобедимыми».

Французская пресса, получившая свободу из рук императора, обошла полным молчанием его последнее обращение к армии, тем самым наглядно продемонстрировав свою прости-туцкую сущность – служение не истине, а кошельку и силе.

Освободить Париж от своего присутствия Наполеон согласился при условии выдачи ему паспортов на свободный выезд в Америку. Но уже тогда он подумывал и о переселении за Ламанш, от чего его отговаривал Карно:

– Не надо ехать в Англию. Там вы вызвали слишком большую ненависть, вас будут оскорблять боксеры. Не колеблясь, отправляйтесь в Америку. Оттуда вы еще заставите ваших врагов трепетать. Если случится так, что Франция вновь попадет под иго Бурбонов, ваше нахождение в свободной стране послужит поддержкой общественному мнению*.

Расставаясь со старым республиканцем, император посетовал:

– Прощайте, Карно. Я узнал вас слишком поздно!

В тот же день (25 июня) Наполеона посетил Коленкур. Он тоже торопил его, даже предлагал паспорт, помеченные задним числом.

– Вам не терпится, чтобы я уехал? – спросил император.

Бывший министр иностранных дел выразил обеспокоенность продвижением союзников.

– Я отрекся, – возразил Наполеон. – Защищать меня должна Франция.

Но Франция (в лице Фуше и его правительства) не собиралась этого делать. Герцог Отрантский всячески тянул время. Только 26 июня он отдал распоряжение снарядить фрегаты, стоявшие в Рошфоре, но их отплытие поставил в зависимость от получения пропусков.

Тогда же (26 июня) Веллингтону была направлена просьба Временного правительства Франции о паспортах. В английский генеральный штаб она была доставлена 30-го, но уже 27-го первый лорд адмиралтейства Мельвиль писал адмиралу Кейту, командующему английским флотом в Ла-Манше, о намерении Наполеона бежать в Америку и требовал задержать его. Так Временное правительство выполняло обещания, данные императору.

Наполеон, чувствуя, что за его спиной идет нечестная игра, не спешил покидать Мальмезон. Это выводило «временщи-

* Наполеон уже 23 июня (!) приказал своему библиографу Барбье составить для него библиотеку и переправить ее в Америку.

ков» из себя. 28 июня Даву обрушил свой гнев на генерала Флао, представлявшего интересы императора в Париже:

– Ваш Бонапарт не хочет уезжать, но ему придется избавиться нас от своего присутствия. Оно стесняет нас, докучает нам, мешая успеху переговоров. Если он надеется, что мы призовем его обратно, то он заблуждается. Он нам не нужен. Скажите ему от меня, что он должен уехать и что если он не уедет немедленно, я велю его арестовать, я сам его арестую.

И это говорил человек, участвовавший с 1798 года во всех войнах Наполеона, получивший от него колоссальные богатства, титулы герцога де Ауэрштедт и князя де Экмюль, произведенного в маршалы Франции. Не выдержав такого наглого отступничества от императора, генерал Флао вспылил:

– Я бы никогда не поверил, господин маршал, что человек, который всего неделю назад был у ног Наполеона, может сегодня говорить подобным образом. Я слишком уважаю себя, я слишком уважаю особу императора и его несчастье, чтобы передать ему ваши слова. Ступайте к нему сами, господин маршал, вам это более приличествует нежели мне.

А Наполеон продолжал раздражать новоявленных правителей Франции. Утром 29 июня он услышал возгласы «Да здравствует император!». Это были солдаты, возвращавшиеся из Вандеи. Они остановились перед парком Мальмезона и заявили, что не двинутся с места, если не увидят императора или не возьмут его с собой. И сердце Наполеона дрогнуло. Вызвав генерала Беккера, командовавшего его охраной, император направил его в столицу, наказав:

– Скажите временному правительству, что Париж не должен быть взят, как какая-нибудь ничтожная хибарка. Я соберу армию, я воодушевлею ее, отброшу пруссаков, добьюсь лучших условий мира, а потом все же уеду. Я отрекся, и от сделанного не отступлюсь, даю слово чести, слово чести солдата.

Но в Тюильри намерения Наполеона вызвали раздражение и гнев. Фуше кричал:

– Он что, издевается над нами? Если бы ему на самом деле удалось добиться каких-то преимуществ, он немедленно захотел бы снова взойти на трон. Прекрасное было бы зрелище, если бы этот неисправимый честолюбец в падении увлек за собой ар-

мию, Париж, Францию, нас всех, вместо того, чтобы на сей раз пасть одному. Вон, вон, его из Франции!*

Вернувшись в Мальмезон, Беккер увидел императора в военном мундире. Наполеон был необычно оживлен и активен. Узнав о реакции правительства Фуше на свое предложение, не очень удивился, но был явно обескуражен.

– Эти люди опьянены своей мнимой властью, – с горечью заметил он. – Они жертвуют мной и отечеством в угоду своей гордыне, своему тщеславию. Они потеряют все.

Ждать больше было нечего, и император сказал:

– Я обещал министру, что уеду. Этой ночью тронемся в путь. Я устал от самого себя, от Франции и от Парижа. Готовьтесь к отъезду.

Флери де Шабулон, посетивший Наполеона в этот день, спросил, куда он намерен отправиться.

– Я поеду в Соединенные Штаты. Мне дадут земли или я куплю их, и мы станем их возделывать, – развивал свои планы император. – Я кончу там, где начал человек: я буду жить плодами моих полей и стад. Я отправлюсь в Каракас, а если мне там не понравится, я уеду в Буэнос-Айрес или в Калифорнию. Буду плыть от моря к морю, пока не найду, наконец, приют от людской злобы и преследований.

Флери выразил большое сомнение в реальности планов на патриархальное бытие в девственных районах Нового Света, сказав, что англичане не выпустят императора из Франции. Но Наполеон полагал, что другого пути для него нет.

– Что вы хотите, чтобы я сделал? – спросил он. – Вы хотите, чтобы я, как идиот, позволил захватить себя Веллингтону и доставил ему удовольствие водить меня, как короля Жана, по улицам Лондона? У меня только один выход, ибо в моих услугах не нуждаются, – уехать. Судьба довершит остальное. Я знаю, что мог бы сказать, как Ганнибал, «избавим их от ужаса, который им внушает мое имя». Но самоубийство – удел тех, кто слаб душой и болен рассудком. Какова бы ни была моя участь, я ни на миг не стану приближать свой конец.

* Д.С. Мережковский назвал ответ Фуше «ударом ослиного копыта в издыхающего льва».

Наполеон явно бравировал – пленения он боялся и живым в руки противников попасть не желал. Маршан рассказывал: «Император вручил мне небольшой флакон, содержащий какую-то красную жидкость, и, потребовав, чтобы никто не видел этого флакона, добавил:

– Сделай так, чтобы флакон был на мне, прикрепив его к моему кителю или к какой-нибудь другой части моей одежды, с тем чтобы я всегда мог легко достать его».

Маршан, конечно, выполнил указание Наполеона, а тот не забыл проверить это. Изучив устройство, сделанное на внутренней стороне подтяжки, остался доволен:

– Это замечательно.

А заметив подавленное состояние камердинера, прижал свою руку к его щеке и сказал, чтобы все было готово к завтрашнему отъезду. То есть происходил описанный эпизод накануне – 28 июня.

Последним с кем встречался Наполеон в Мальмезоне был математик Гаспар Монж, один из участников похода в Египет. Беседовали о новых книгах и научной работе. Император предался мечтам.

– Я остался без армии и без Империи, – говорил он Монжу. – Теперь только науки могут сильно захватить мою душу. Но узнать то, что сделали другие, мне недостаточно. Я хочу сделать новую карьеру, оставить труды и открытия, достойные меня. Мне нужен спутник, который сначала смог бы ввести меня в курс нынешнего состояния наук. Затем мы вместе обследовали бы новый континент от Канады до мыса Горн, и в этом долгом путешествии мы изучили бы все великие явления физики земного шара.

Великий ученый с удивлением смотрел на этого неугомонного человека, и Наполеон, как бы догадываясь о его мыслях, признался:

– Праздность была бы для меня худшей из пыток*.

Император всячески тянул с отъездом, а союзники не очень-то стремились захватить его. У каждой из сторон были на это веские причины. Наполеон так объяснял свои:

* Именно на это и обречут его союзные державы, заключив на острове Святой Елены.

– Я надеялся, что при виде опасности глаза откроются, что ко мне придут и я смогу спасти родину. Это заставляло меня в Мальмезоне тянуть время из всех сил.

В разговоре с Маре император был еще более откровенен:

– Лучшее, что я мог бы сделать для вас всех, для моего сына, для себя самого – это броситься в объятия моих солдат. Мое появление воодушевит армию. Она уничтожит чужеземцев. Если же, напротив, вы оставите меня здесь терзаться в бездействии, они надсмеются над вами, и вы будете вынуждены с подобострастием принять Людовика XVIII. Я не должен брать на себя ответственность за подобное развитие событий. Я должен ждать, пока меня не призовут народ, армия и палаты. Почему же Париж не просит меня об этом? Разве они не видят, что союзники не принимают моего отречения во внимание?

К очагу британского народа. Благодаря информации, тайно передаваемой Фуше, союзники не сомневались: Наполеон никуда от них не уйдет. Но что с ним делать? Расстрелять, как требует Блюхер? Но как отнесется к этому народ Франции? К тому же – это плохой пример для других народов: небезопасно пролить кровь монарха, венчанного на престол самим папой Римским.

Нельзя было и судить бывшего императора за вторжение на континент: будучи суверенным правителем острова Эльба, он мог себе это позволить, как и любой другой государь. Нарушение Парижского договора? Но союзники первыми нарушили его, не выполнив многие из принятых на себя обязательств.

Словом, скрыть захватнический характер войны против Франции было трудно, а поднимать лишний шум вокруг фигуры Наполеона не выгодно. Поэтому, отказавшись от идеи суда над бывшим императором, представители союзных держав решили поставить его в такие условия, в которых он в будущем не мог бы нарушать спокойствие в мире. Только 2 августа (!) державы-победительницы объявили Наполеона своим пленником, а пока внимательно следили за его передвижениями.

29 июня император оставил Мальмезон. 30-го был в Рамбуйе, 1 июля – в Туре и Ниоре. В последнем Наполеону передали письмо от морского префекта Рошфора, в котором сообщалось,

что рейд блокирован английской эскадрой. Император отреагировал на это известие запиской к Фуше: «Если английские корабли не дают возможности нашим фрегатам выйти в открытое море, то вы можете располагать императором в качестве простого генерала, который озабочен только одним – быть полезным своему Отечеству».

При всем своем уме и знании Фуше Наполеон не допускал мысли о том, что глава нового правительства Франции действует заодно с ее врагами. Ответ Фуше получили в Рошфоре, куда император прибыл 3 июля. Он был категоричен: «Наполеон должен незамедлительно подняться на борт. Разрешается использовать все насильственные средства для этого. Что касается предлагаемых им услуг, то наш долг перед Францией и наши обязательства перед иностранными державами не позволяют нам их принять».

Тактика вытеснения бывшего владыки из родной страны продолжалась. «Подняться на борт» означало оказаться в пределах досягаемости противника. Рейд блокировали три английских судна: большой корабль «Беллерофонт» и два малых, типа корвета или шлюпа. Наполеону предлагали несколько вариантов прорыва через эти препятствия, но он отверг их по этическим соображениям (как противоречащие его высокому сану).

Дни проходили в бесплодном ожидании пропуска на отплытие в Америку. Наконец, решили переговорить с капитаном «Беллерофонта» Метлэндом. 10 июля на борт английского судна поднялись Савари и Лас-Каз. Капитан, худой бледный человек, принял их весьма сухо. На все вопросы отвечал односложно: не знаю, не слышал, не ведаю. Он «не знал» о битве при Ватерлоо, об отречении Наполеона и о его нахождении на островке Экс, напротив кораблей противника.

Метлэнд беззастенчиво лгал, так как 8 июля получил следующую инструкцию от адмирала Готхэма: «Поскольку у лордов Адмиралтейства есть серьезные причины считать, что Наполеон Бонапарт собирается уехать со своей семьей в Америку, то на основании полученного мной от них распоряжения приказываю вам преградить ему путь и строжайше осматривать все встречающиеся вам суда. Если же вам удастся захватить его,

то вы должны, переправив его и членов его семьи на ваш корабль и устроив их под надежной охраной, немедленно следовать в ближайший английский порт».

Услышав заверения посланцев императора провести остаток своих дней в тихом уединении, Метлэнд спросил вкрадчиво:

– Если так, почему бы ему не попросить убежища в Англии?

Три следующих дня прошли в тягостных размышлениях. Не зная того, что французское правительство (8 июля Людовик XVIII вернулся в Париж) уже договорилось о выдаче его Англии, Наполеон понимал, что оказался в ловушке, что не сегодня – завтра в отношении его будут предприняты жесткие действия. И император начал склоняться к мысли искать политическое убежище у своего самого упорного противника.

– Всегда есть опасность в том, чтобы довериться врагам, – заявил он Бертрону. – Но лучше рискнуть и положиться на их честь, чем оказаться пленником в их руках по законному праву.

Узнав о колебаниях Наполеона, моряки, хорошо изучившие англичан, были встревожены. Один из них, храбрец Бессон, попытался остеречь императора:

– В Англию, сир! В Англию! О, тогда вы погибли! Вашим пристанищем станет Тауэр, и вы будете почитать себя счастливым, если с вами не случится чего-нибудь хуже.

Сомнения Наполеона разрешил случай. 13 июля у него состоялась долгая беседа с генералом Гурго, в ходе которой он признался, что его неоднократно посещала мысль подплыть к английской эскадре и крикнуть:

– Подобно Фемистоклу, не желая способствовать страданиям моей родины, я пришел просить у вас убежища.

Гурго, человек неглупый, но грубый, с сомнением воспринимал планы тайного бегства императора в Америку, но мысль о сдаче англичанам поддержал:

– Это для вас было бы лучше всего. Роль авантюриста ниже вашего достоинства. История скажет, что вы отреклись только из страха, потому что жертвуете собой не до конца.

Во время этого разговора в открытое окно влетела птица и начала биться о стены.

– Это к счастью! – воскликнул Гурго.

– В мире и так достаточно несчастных, выпустите ее на свободу, – приказал император и попросил: – Посмотрите, каковы предсказания.

– Сир, она направляется в сторону английской эскадры, – доложил генерал.

Наполеон счел этот случай знаком судьбы и решил на шаг, с точки зрения людей трезвых, нелогичный и безрассудный. Утром 14 июля Лас-Каз в сопровождении генерала Лаллемана нанес повторный визит Метлэнду. Англичанин вновь предложил свое гостеприимство, уточнив, правда, что он не может дать гарантий относительно будущей судьбы императора. Но высказал уверенность в том, что Наполеону будет оказан прием, достойный величия Англии. По воспоминаниям Лас-Каз, Метлэнд добавил, что «по его личному мнению, нет никаких сомнений в том, что Наполеон найдет в Англии все те знаки уважения и то обхождение, на которые он мог рассчитывать».

Откланиваясь, Лас-Каз намекнул на возможное прибытие императора. Вечером он еще раз посетил «Беллерофонт» и передал капитану обращение Наполеона к принцу-регенту:

«Ваше королевское высочество!

Подвергаясь постоянным нападкам фракций, раздирающих мою страну, ощущая на себе враждебность самых могущественных европейских держав, я решил завершить политическую карьеру и, подобно Фемистоклу, ищу приюта у очага британского народа. Я ставлю себя под защиту его законов, под защиту Вашего королевского высочества, которого считаю наиболее могущественным, наиболее постоянным и наиболее щедрым из всех моих врагов».

Послание было помечено 13 июля, но многие историки считают, что Наполеон не захотел поставить подлинное число по двум причинам. Первая: 14 июля – день взятия Бастилии, начало Великой французской революции. Вторая: датирование письма задним числом создавало иллюзию того, что император действует не в силу сложившихся обстоятельств, а по своей воле.

15 июля Наполеон поднялся в час ночи и надел свой легендарный зеленый мундир полковника гвардейских егерей. Ча-

сом позже он навсегда покинул землю Франции (остров Экс)*. Характерен его разговор с начальником охраны. Беккер спросил, сопровождать ли императора на английское судно.

– Не стоит, генерал, – ответил Наполеон, – иначе не преминут сказать, что вы выдали меня англичанам. Я отправляюсь на борт английской эскадры по собственному желанию. Я не хочу, чтобы над Францией висело подозрение в подобном бесчестье.

Император заботился о чести своей страны, а в это время префект Рошфора читал предписание министра юстиции графа Жукура, в котором приказывалось «передать Наполеона Бонапарта английскому командующему, как только тот его потребует».

Не оценило рыцарского порыва императора и английское правительство. Без всякого суда и согласования с союзниками оно приняло решение о депортации Наполеона на далекий остров, затерянный в безбрежных просторах Тихого океана. 31 июля на борту «Беллерофонта» императору был вручен следующий документ: «Нашему долгу по отношению к нашей стране и к союзникам мало соответствовало бы то обстоятельство, что генерал Бонапарт** сохранит средства или возможность вновь нарушить мир в Европе. Поэтому абсолютно необходимо, чтобы он был ограничен в своей личной свободе. В качестве его будущей резиденции выбран остров Святой Елены. Климат острова здоровый, а его местоположение позволит обращаться с ним с большими привилегиями, чем это было бы возможно еще где-либо, принимая во внимание обязательные меры предосторожности, которые будут приняты для обеспечения безопасности его личности».

Это решение было принято английским правительством 28 июля, но только через пять дней оно получило необходимые полномочия от держав 7-й коалиции, выработавших так называемое «Соглашение»:

* На острове Святой Елены Наполеон так объяснял английскому врачу О'Мира свое решение:

– Я считал ниже своего достоинства сдаться любому из тех, чьи страны я завоевывал и в чьи столицы входил с триумфом. И я решил довериться вам, кого я никогда не побеждал.

** Английское правительство не желало признавать того факта, что Наполеон был пять лет первым консулом Франции, а затем десять лет – императором.

«Статья 1. Наполеон Бонапарт рассматривается державами, подписавшими договор от 25 марта 1815 года, в качестве их пленника.

Статья 2. Его охрана специально поручается британскому правительству. Выбор места и мер, которые лучше всего могут обеспечить достижение целей настоящего соглашения, предоставляются Его Британскому Величеству.

Статья 5. Его Величество король Объединенного королевства Великобритании и Ирландии настоящим берет на себя выполнение обязательств, порученных ему данным соглашением».

Документ подписали князь Меттерних, граф Нессельроде, лорд Эбердин и князь Гарденберг. Его должны были утвердить правительства Австрии, России, Англии и Пруссии. Только после этого «Соглашение» вступало в силу. То есть формально арест и ссылка Наполеона оказывались незаконными. И по этому поводу хочется еще раз вспомнить оценку Марксом действий союзников как одной из самых чудовищных фикций международного права, когда-либо известных в летописи истории человечества.

«Сражающаяся Франция». Поражение при Ватерлоо нанесло смертельный удар по власти Наполеона, но оно вовсе не означало, что страна покорилась нашествию. 20 июня у Намюра Груши нанес поражение прусским корпусам Пирха и Тильмена. 26-го генерал Рапп, имея незначительное количество войск, остановил продвижение австрийцев у Ле-Суффеля на Рейне. 30-го Даву отбросил от Парижа армию Блюхера. Маршал требовал от правительства продолжения военных действий, но Фуше предательски сдал столицу.

7 июля в Париж вступили войска союзников. На следующий день в него вернулся Людовик XVIII. Газеты писали в те дни: «В Париже все спокойно. В театрах, в трактирах и в домах, открытых для публичных игр, никогда не бывало более посетителей. Войдите в Вери, загляните в аллеи Тиволи, в галереи Пале-Рояля, на бал Шомиеры* – там все дышит удовольствием. Смотря на них, скажете, что уже пятьдесят лет миновало несча-

* Вери – ресторан, Шамир – сад.

ствиям Франции. Вникая в роскошь женщин, в непостоянство моды, в разнообразности увеселений, кажется, что с 20 марта ни один вздох не нарушил спокойствия Франции и что не пролита ни одна слеза».

Но Париж – это, отнюдь, не вся Франция, и та же газета сообщала: «Везде бунты, осажденные крепости и бомбардируемые города. Раздор свирепствует во многих частях Франции».

Население восточных департаментов встречало союзные армии враждебно. 3–4 июля русский офицер А. Михайловский-Данилевский отмечал в своем походном дневнике: «Бунты, бывшие на сих днях, происходили от того, что некоторые из жителей надевали трехцветные банты, а другие – белые и орден Лилии. Партизаны и жандармы приходили из близлежащих крепостей и возбуждали народ. Часть ходила толпами по улицам, грозя ограбить дома преданных королевской стороне».

Через три дня аналогичная запись: «Французские партизаны становятся беспрестанно предприимчивее. Сегодня они показывались в виду Государя с опушки леса, лежавшего по обеим сторонам дороги на возвышениях, с которых они подают сигналы друг другу».

Роялисты, вернувшиеся (как и в 1814 году) на родину в обозе союзных армий, трусливо прятались за их штыками. Это вызывало презрение к ним. 1 августа А. Михайловский-Данилевский записывал: «Армия французская, отступившая за Луару, еще не сдалась, у ней бывают сшибки с союзными войсками. Роялисты не идут сражаться с нею и утверждают, что нам должно принудить Даву поднять белое знамя. Они нас почитают за людей, которые в обязанности истреблять приверженцев Наполеоновых. Они не могут представить себе, что нам все равно, кто бы ни царствовал во Франции, только бы было основано правление ее совместно с спокойствием Европы.»

Через месяц после Ватерлоо трехцветное знамя развевалось еще в Рошфоре, Нанте и Бордо. Некоторые крепости держались еще в конце сентября (Камбре, Валансиен и другие). Но страна сопротивлялась не только иностранному нашествию, но и новой (королевской) власти. Фуше говорил Людовику XVIII:

– Франция находится в состоянии войны сама с собой.

И приводил статистику: стойкие роялисты преобладают в девяти департаментах; в пятнадцати число сторонников и противников короля примерно равно; во всех остальных департаментах (то есть в 58) едва найдется горстка роялистов, способных противостоять остальной массе населения.

Простые люди Парижа и его предместий (рабочие, ремесленники, хозяева мелких мастерских, мелкие служащие и, конечно, военные) открыто игнорировали вернувшихся Бурбонов. Это было видно невооруженным глазом, и 13 июля А. Михайловский-Данилевский записывал: «По ночам бывают в предместье сходбища, которые начинаются в два часа за полночь. Несколько дней сряду многие отставные военные и ремесленники издеваются на улицах над солдатами королевской гвардии.

В журналах помещаются насмешки насчет нее, говоря между прочим, что она гордится походом, предпринятым ею в Гент. Противники королевской партии носят красные цветы в петлице, которых они не только не прячут, но даже нарочно их выставляют на гуляньях и в театре, показывая тем неуважение свое к законному Государю своему.»

В других районах Франции доходило до столкновений между противоборствующими сторонами. Там, где роялисты преобладали, они развернули подлинный террор. Американский историк В. Слоон писал: «Надо принять во внимание, что даже в летописях революционных неистовств не отыщется ничего, способного сравняться со злодейской свирепостью роялистского белого террора, разразившегося в Провансе и южной Франции по получении там известий о поражении под Ватерлоо. Этот мерзостный террор быстро распространился, хотя и в более слабой степени, также и по другим местностям Франции».

Словом, в стране происходило то, чего так боялся Наполеон – малая гражданская война. Но в связи с тем, что Франция была обезглавлена, реакция победила (этому, конечно, благоприятствовала и поддержка Бурбонов старыми монархиями Европы). Страна смирилась с иностранной оккупацией и не потонула в крови своих граждан. И с этой точки зрения отказ Наполеона от продолжения борьбы (что было вполне реально), отказ от самоистребления нации должен рассматриваться как его самый главный жизненный подвиг, как его самое блестящее сражение, вы-

игранное у своего непомерного честолюбия, у своих сверхъестественных амбиций. В духовном противостоянии воина и властелина победил человек.

Строгая судьба. Читателю, конечно, интересна оценка «Ста дней» самим императором. Она есть.

Находясь в заключении пять с половиной лет, Наполеон имел возможность подумать обо всем. Не обошел он своим вниманием и славную эпопею возвращения в Париж с Эльбы, напряжение трех месяцев своего правления и трагедию его последних дней. С сожалением император признавал, что в 1815 году он уже не был таким, каким помнило его ближайшее окружение:

– Чувства окончательного успеха у меня не было. То ли годы, которые обыкновенно благоприятствуют счастью, начали мне изменять. То ли в моих собственных глазах, в моем воображении чудесное в моей судьбе пошло на убыль, но я, несомненно, чувствовал, что мне чего-то не достает. Это было уже не прежнее счастье, которое шло неотступно за мной по пятам и осыпало меня своими дарами; это была строгая судьба, у которой я вырывал их как бы насильно и которая мстила мне за них тотчас. У меня не было ни одного успеха, за которым бы не следовала тотчас неудача. Инстинкт мне подсказывал, что исход будет несчастным*.

Самой драматичной страницей в «Ста днях» было 18 июня – сражение при Ватерлоо. Вину за поражение император брал на себя, но не забывал и соратников:

– Я совершил ошибку, заночевав во Флерюсе. Сражение при Ватерлоо должно было состояться на сутки раньше. Веллингтон и Блюхер не успели бы соединиться. Не будь измены, я начал бы активные действия и разбил бы врага в самом начале кампании. Я бы раздавил его у Линьи, если бы мой левый фланг выполнил свою задачу. Я раздавил бы его еще раз у Ватерлоо, если бы не подвел мой правый фланг.

Наполеон не мог без раздражения слышать имени своего победителя, отрицая за ним какие-либо достоинства, которые

* Отсюда слова Наполеона, сказанные мадам Бертран перед отъездом в действующую армию: «Главное, чтобы мы с сожалением не вспоминали остров Эльба!».

могли бы примирить с тем, что именно ему досталась победа в кровавом побоище в Ватерлоо:

– Веллингтон должен поставить толстую свечу старику Блюхеру. Без него не знаю, где сейчас была бы «Его милость», как величают Веллингтона, но я-то уже точно не был бы здесь. Его войска держались замечательно, но составленный им план битвы был жалок.

Да, талантом стратега английский главнокомандующий не отличался, но это как раз и спасло его, спутав Наполеону все карты.

– В глазах историков, – полагал император, – план сражения, составленный лордом Веллингтоном, не принесет ему каких-нибудь лавров как полководцу. Во-первых, ему не следовало давать мне бой в то время, когда его армии не составляли единое целое. Они должны были быть объединены и собраться в одном лагере. Далее, выбор места для битвы был неудачным; потому что если бы он потерпел поражение, то он не смог бы отступить, так как в его тылу была только одна дорога, ведущая в лес.

Но Веллингтон и не собирался отступить. В наиболее драматичные моменты сражения, когда казалось, что все рушится и устоять против атак противника невозможно, на панические вопросы своих подчиненных: «Что делать?» главнокомандующий отвечал: «Умирать! Умирать здесь, на занимаемом месте!» И англичане мужественно держались, поражая французов своим упорством и стойкостью.

Союзные войска численно превосходили армию Наполеона, но это не смущало императора, который был уверен в победе, правильно полагая, что по своим боевым достоинствам формирования противника весьма неравноценны:

– Из всех войск противника я считался только с англичанами. Другим я уделял мало внимания. Думаю, что тогда было от тридцати пяти до сорока тысяч английских солдат. Вот как раз их я и считал такими же мужественными и отличными солдатами, как мои.

Наполеон явно недооценил прусскую армию, не раз битую им, и их главнокомандующего, о котором позднее говорил:

– Блюхер – очень храбрый солдат, прекрасный рубака. Он подобен быку, который закрывает глаза и, не видя опасности, бросается напролом. Он упрям и неумолим, он ничего не боится и

очень предан своей стране; но в качестве генерала лишен всякого таланта.

Но этот «бесталаный» генерал сумел собрать свою армию после жестокого поражения при Линьи (16 июня) и по бездорожью в решающий момент привести ее в Ватерлоо. Наполеон явно не желал смириться с свершившимся и невольно занижал масштабы противостоявших ему фигур. Хотя очевидно, что упорство Веллингтона, и отчаянная храбрость Блюхера дали то, что компенсировало их слабости как стратегов.

Сказались на результатах сражения и необъяснимые действия подчиненных императора, о чем он не раз сетовал на Святой Елене:

– Основными причинами моего поражения при Ватерлоо были следующие: во-первых, преступная медлительность Груши и пренебрежительное отношение его солдат к выполнению его приказов. Затем то, что кавалерийские гренадеры и кавалерия, находившиеся под командованием генерала Гюйо, которых я держал в резерве и которые ни в коем случае не должны были покидать меня, вступили в бой, не имея на то приказа и безо всякого моего ведома. Поэтому после прекращения артиллерийского огня, когда мои войска были разбиты и вперед вышла английская кавалерия, у меня не было в резерве ни одного кавалерийского корпуса, чтобы оказать сопротивление английской коннице. У меня не было средств, чтобы собраться с силами. Даже самый молодой генерал никогда бы не смог совершить ошибку, оставив армию полностью без резерва, что, однако, и произошло с моей армией при Ватерлоо, вследствие измены или чего-то еще, я не могу сказать.

Ватерлоо оставило незаживающую рану в душе великого полководца, и она постоянно саднила от сознания того, что победа и слава достались человеку вполне заурядному. Имя Веллингтона подспудно жило в памяти Наполеона против его воли и разума. Даже в завещании, составленном за месяц до своей кончины, император невольно упомянул его: «Мы завещаем десять тысяч франков младшему офицеру Кантильону, пытавшемуся убить лорда Веллингтона.»

То есть и на смертном одре, когда человек расслабляется и падает духом, император оставался солдатом, взыскующим справедливости у Фортуны да и у самого Господа Бога.

Кровь и время. Что касается отказа Наполеона от продолжения борьбы после Ватерлоо, то и на острове Святой Елены он повторял, что не хотел гражданской войны.

– Я должен был погрузить в кровь мои руки вплоть до этого места, – говорил император доктору О’Мира, приложив палец одной руки к подмышке. – Если бы Законодательное собрание проявило мужество, то я мог бы добиться успеха. Если бы мне дали шанс, то я должен был прибегнуть к самым жестоким мерам.

Были, конечно, и другие факторы, приведшие к крушению Наполеона. Самый важный из них – время. Император говорил по этому поводу:

– Ни Карфаген, возмущенный вероломством Сципиона; ни Рим, желавший отвратить опасность, угрожавшую ему после Канн; ни Законодательное собрание, взволнованное манифестом герцога Брауншвейгского; ни Гора в 1793 году, не проявили большей активности и энергии, чем Наполеон в эти три месяца. Стодневное управление отличалось деятельностью, порядком, бережливостью. Но время – необходимый элемент: когда Архимед вызвался с помощью рычага и опорного пункта поднять Землю, то он требовал времени. Богу понадобилось семь дней, чтобы сотворить вселенную!*

Как видим, Наполеон не скромничал в сравнениях, но по существу был прав. Это была не только очень яркая, но и необычно сильная натура, буквально взорвавшая вековые устои старых монархий Европы. Именно поэтому эпопея «Ста дней» и личность Наполеона до сего дня привлекают внимание не только военных и политиков, но и самых широких кругов населения. По своей популярности французский император уступает только И. Христу.

* Наполеон. Избранные произведения. М.: Воениздат, 1956, с. 742.

Краткая библиография

Абрантес Л. Записки герцогини д'Абрантес, или Исторические воспоминания о Наполеоне, революции, директории, консульстве, империи и восстановлении Бурбонов, т.т. 12–14, М., 1838–1839.

Беседы императора. М., 2001.

Бешанов В. Шестьдесят сражений Наполеона. Минск, 2000.

Борисов Ю.В. Шарль Морис Талейран. М., 1989.

Вейдер Б. Наполеон. Триумф, трагедия, убийство. М., 2005.

Валлоттон А. Александр I. М., 1991.

Вернет Г. История Наполеона. М., 1997.

Вильпен Д. Сто дней, или Дух самопожертвования. М., 2003.

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия I, т. 8. М., 1972.

Гордон С. Забытые письма. СПб., 2002.

Делдерфилд Р. Братья и сестры Наполеона. М., 2001.

Делдерфилд Р. Крушение империи Наполеона. М., 2001.

Делдерфилд Р. Маршалы Наполеона. М., 2001.

Егоров А. Маршалы Наполеона. Ростов-на-Дону, 1998.

Егоров А. Фуше. М., 2001.

Залесский К. А. Наполеоновские войны. 1799–1815. Биографический энциклопедический словарь. М., 2003.

Иванов А.Ю. Двенадцать Бонапартов. М., 2006.

Иванов А.Ю. Повседневная жизнь французов при Наполеоне. М., 2006.

Кастело А. Наполеон, т. 2. М., 2004.

Кирхензейн Ф. Наполеон Первый: Его жизнь и его время. М., 1997.

Крылов А. К. Наполеон I и его отношение к науке // Крылов А.К. Мои воспоминания. М., 1945.

Лащук А. Наполеон. Походы и битвы. М., 2004.

Марбо М. Мемуары генерала барона де Марбо. М., 2005.

Людвиг Э. Наполеон. М., 1998.

Манфред А. Наполеон Бонапарт. М., 1971.

Маршан Л.-Ж. Наполеон. М., 2003.

Мережковский Д. С. Наполеон. М., 1993.

- Михайловский-Данилевский А.И. Мемуары, 1814–1815. СПб., 2004.
- Наполеон. Годы величия. В воспоминаниях секретаря Меневалея и камердинера Констана. М., 2001.
- Наполеон. Воспоминания и военно-исторические произведения. СПб., 1994.
- Наполеон. Избранные произведения. М.: Воениздат, 1956.
- Наполеон. Максимумы и мысли узника Святой Елены. СПб., 2000.
- Нечаев С.Ю. Каролина Бонапарт. М., 2005.
- Нечаев С.Ю. Подлинный Наполеон. М., 2005.
- О’Мира Б. Голос с острова Святой Елены. М., 2004.
- Сироткин В.Г. Изгнание и смерть Наполеона // Новая и новейшая история, 1974/5.
- Саундере Э. Сто дней Наполеона. М., 2002.
- Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта, т. 2. М., 1995.
- Слоон В. Новое жизнеописание Наполеона, т. 2. М., 1997.
- Соколов О.В. Аустерлиц, тт. 1-2. М., 2006.
- Соловьев С.М. Император Александр I // Сочинения в 18 книгах, кн. 17. М., 1996.
- Стендаль. Жизнь Наполеона. Воспоминания о Наполеоне. // Собрание сочинений, т. 11, М., 1959.
- Сьюард Д. Наполеон и Гитлер. Смоленск, 1995.
- Сьюард Д. Семья Наполеона. Смоленск, 1995.
- Талейран Ш.-М. Мемуары. Екатеринбург, 1997.
- Тарле Е.В. Наполеон. М., 1936.
- Троицкий Н. Александр I и Наполеон. М., 1994.
- Тюлар Ж. Мюрат, или Пробуждение нации. М., 1993.
- Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М., 1996.
- Шиканов В.Н. Под знаменами императора. Малоизвестные страницы наполеоновских войн. М., 1999.
- Шиканов В.Н. Созвездие императора. СПб., 2002.
- Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М., 1999.

О книге и ее авторе

Интервью корреспондента ежегодника «Сельский календарь» Л.И. Кругловой с автором книги «Полет Орла».

Корр. Почему вы взялись за книгу о человеке, о котором написаны тысячи различных трудов и сотни тысяч статей?

Автор. Да. Наполеон один из самых популярных исторических деятелей. Академик Е.В. Тарле еще 70 лет тому назад писал: «Человек, биографию и характеристику которого я должен дать в предлагаемой книге, представляет собой одно из удивительнейших явлений мировой истории, и немудрено, что о нем писались, пишутся и еще будут писаться многие Томы».

То есть книг о Наполеоне хватало всегда, но не в СССР. За последнее время ситуация в этом существенно изменилась. Но все равно и сегодня мало работ, посвященных отдельным периодам жизни и деятельности этого великого полководца и государственного деятеля.

Корр. Почему темой своей книги вы взяли именно «Сто дней» Наполеона?

Автор. Это самый интересный и не имеющий прецедентов в истории эпизод из жизни императора. Популярной литературы на русском языке, посвященной специально этому периоду по существу нет, и мне хотелось восполнить этот досадный пробел.

«Сто дней» стали для политиков высших рангов своеобразным эталоном, чтобы сразу показать свои потенциальные возможности или хотя бы «обозначить» их. Особенно это характерно для президентов США.

Корр. В чем особенность вашей книги? Ее отличает что-нибудь от других по этой теме?

Автор. «Полет Орла» – строго документированное издание. В книге нет ни одной строчки, выдуманной автором. «Полет Орла» написан на основе многочисленных мемуаров современников и документов того времени. Но для оживления текста, для лучшего его восприятия воспоминания даются в форме диалогов, в форме прямой речи.

Корр. Из справочника «Московеды» и 7-го выпуска энциклопедии «Лучшие люди России» я знаю, что вы занимаетесь прошлым нашей столицы. Вам принадлежат книги: «Патриарх

москвоведения», «Столица в эпизодах и лицах», «Брюсовский переулок» и другие. Почему вы вдруг изменили своей теме, переключились на Францию и Наполеона?

Автор. Я не изменял этой теме, так как занимаюсь эпохой Наполеона, можно сказать, с пеленок.

Корр. Это как понимать?

Автор. В буквальном смысле. Помню себя шестилетним ребенком. Солнечный холодный день. Слоняюсь без дела по территории детского садика и повторяю вслух:

– На поле он стоял и думал, каким путем пройти к Москве?

Кто этот «он» и что ему надо было делать в Москве, не понимал. И только много позднее в моем сознании связались воедино предлог «на», существительное «поле» и местоимение «он».

Затем были замечательные стихотворения М.Ю. Лермонтова и А.С. Пушкина на тему Наполеона, но определяющую роль в возбуждении интереса к этой личности сыграла работа академика Тарле, которая случайно попала мне в руки в четвертом классе и увлекла буквально с первой фразы «Вступления».

К окончанию исторического факультета МГУ я уже довольно хорошо знал наполеоновскую эпоху, и когда пришел работать в Музей-панораму «Бородинская битва», уверенно заявил методисту Борису Федоровичу, что с темой экскурсии справлюсь. На что старый военнослужащий резонно заметил:

– Не хвались, идя на рать, а хвались идя с рати.

Работая в этом музее, я написал брошюру о В.В. Орлове-Денисове, большие статьи о Ф.Н. и С.Н. Глинках, М.Ф. Орлове, Ф.В. Ростопчине и книгу для детей «Мифы и легенды Бородинского поля». Есть у меня и несколько больших статей о Наполеоне, а также книга «Наполеон в Москве». То есть, как видите темы «Москва» и «Наполеон» сомкнулись.

Корр. Простите, Павел Федорович, но для русского человека Наполеон довольно одиозная личность – завоеватель, погубивший миллионы человеческих жизней – как можно увлекаться такой фигурой.

Автор. Наш великий полководец А.В. Суворов вел исключительно завоевательные войны, однако, это не вызывает у

нас отрицательных эмоций. То же относится к кавказским войнам и завоеванию Средней Азии. К сожалению, как говаривал Бисмарк, историю делают железом и кровью, что сейчас наглядно демонстрируют США.

Кстати, не все войны Наполеона были захватническими. Итальянская кампания, Маренго – это продолжение войн революционной Франции против агрессии монархов Европы. Войны 1805–1807 годов (с Австрией, Россией и Пруссией) – оборонительные. Таковыми же были войны с 6-й и 7-й коалициями (1813–1814, 1815). И Наполеон имел немало оснований, чтобы утверждать о своем миролюбии:

– Я всегда рассматривал всеобщий мир в качестве первого условия возрождения Европы. В чем можно обвинить меня, чему не было бы оправдания? – спрашивал император и так отвечал на этот вопрос: – В том, что я всегда слишком любил войну? Так я всегда только защищался. В том, что пытался сделаться властелином мира? Так это произошло по чистой случайности в связи со сложившимися обстоятельствами и потому, что враги сами толкали меня на это.

Вопрос заключается не столько в том, что Наполеон воевал (в этом он не был первым), а в том ради чего он это делал. Голубой мечтой его было объединение Европы в единое целое, превращение Парижа в центр тогдашней цивилизации. Свидетелями осуществления этой идеи являемся сегодня мы с вами. Наполеон лишь несколько («всего-то» на двести лет) поспешил.

Что касается жертв, то в войнах, которые вел Наполеон, погибло меньше людей, чем за пятнадцать лет вымерло в сегодняшней России благодаря так называемым реформам «демократов». Наполеон строил великую Францию и в этом его оправдание перед историей. А наши горе-реформаторы сделали с великой державой то, что не входило даже в захватнические планы Гитлера.

С помощью западных доброхотов Россию ведут в историческое небытие. Надежды реформаторов на сочувствие и помощь Запада с треском провалились. Геополитическое положение нашей страны лишает ее возможности иметь надежных союзников. Это понимал еще царь Александр III, который говорил:

– Россия одинока в мире.

Как держава, наша страна может быть только сильной или никакой. Малейшее ослабление ее мощи ведет к растаскиванию национальных богатств и территорий. Уже полтора десятилетия идет «тихая» оккупация России с Кавказа и Дальнего Востока. Тихой сапой занимаются российские просторы, которые ждет, как минимум, объявление автономиями китайцев, кавказцев и пр. И все это делается без применения оружия и кровавых битв, «гуманно». Но эта «гуманность» пострашнее татаро-монгольского ига и войн Наполеона.

Вчерашние и сегодняшние правители России, ведомые прозападной элитой, ставшей таковой подчистую ограбив собственную страну, проводят политику скрытого геноцида коренной нации, лишения русского народа его национальных богатств и исконных территорий. В этой ситуации не мешает лишний раз показать людям, что история знает государственных деятелей, которые действительно пеклись о величии и славе своей страны. Родина не была для них пасынком и разменной монетой с гегемонами.

«Сто дней» Наполеона – это наглядная и яркая демонстрация как любви к императору простого народа, так и его к своей стране, прекрасной Франции. Даже накануне своего мучительного конца Наполеон думал о оставленной им стране. 28 апреля 1821 года (за неделю до агонии) он говорил графу Монтолону: «Сын мой, у меня более не осталось сил, я полностью физически опустошен».

Но в наступившую ночь этот железный человек работал. Его камердинер вспоминал: «Когда я пришел к нему в три часа утра, я увидел, что граф де Монтолон пишет под его диктовку, и собирался уже уйти, когда император сказал:

– Монтолон, сын мой, пойдите и отдохните, вы нуждаетесь в этом, а я продолжу с Маршаном.

Я занял место г-на де Монтолона, и император сказал мне, чтобы я озаглавил работу, которую он диктовал, как «Вторые раздумья». В течение часа и тридцати минут он подробно диктовал свои мысли на тему об организации национальной гвардии, чтобы защитить территорию Франции, о чем благополучии и величии он думал».

Замечательны последние слова Наполеона, произнесенные им при кончине: «Франция, армия, Жозефина». Страна, ее могу-

щество и ее женщины, продолжающие род нации, были для него едины. И иметь у кормила государства деятеля такого патриотического плана очень и очень желательно нашей поверженной и систематически унижаемой стране. России как воздух необходим сильный лидер, а не лжедемократия, которой потчуют ее народ вот уже почти два десятилетия.

Корр. Словом, ваша книга не только документальное повествование о далеком прошлом, но и весьма прозрачный намек на день сегодняшний

Автор. Да, история воспитывает. Еще древнеримский оратор Цицерон говорил: “Nescire, quid, antequam natus sis, accidit, id est semper esse puerum”^{*}.

История тем и интересна, что дает людям образцы для подражания и предостерегает от ошибок. К сожалению, опыт показывает, что люди плохо воспринимают ее уроки. А жаль!

^{*} Не знать, что было до того, как ты родился, значит остаться навсегда ребенком.

Содержание

От автора	4
Триста дней изгнания (3 мая 1814 – 26 февраля 1815)	6
Авантюра, ставшая эпопеей (1–20 марта)	44
Утверждение на престоле (21 марта – 16 апреля)	124
Лев в клетке (17 апреля – 28 мая)	199
«Фортуна стала строгой» (29 мая – 19 июня).....	260
Ради Франции (20–22 июня)	347
Народ не сдавался(лето – осень 1815)	370
Краткая библиография	392
О книге и ее авторе	394
Содержание	399

Документально-художественное издание

Павел Федорович Николаев

Полёт Орла

*Хроника «Ста дней»
Наполеона Бонапарта*

Ответственный за выпуск **В.В. Тяп**

Художник **Ю.А. Панов**

Редактор **Л.И. Круглова**

Корректор **В.И.Бровко**

ЛР № 063154 от 05.01.99

Подписано в печать 17.11.2008

Формат 60x86/16 Усл.печ.л. 25.00. Уч.-изд. л. 25.50

Изд. № 62. Зак. № 568. Тираж 200 экз.

Издательство ООО «Экслибрис-Пресс»

127562 Москва, Алтуфьевское шоссе, д.30, оф. 274

Тел. (095) -401-13-38 E-mail : exlibris – press @ mail. ru

ISBN 978-588161266-5

**Полиграфическая компания ООО «Астра-Полиграфия»
119019, Москва, Филипповский пер., д.13, стр. 1**